

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

**Материалы
Международной научно-практической конференции
(Донецк, 15 ноября 2018 г.)**

Донецк-2018

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ
ГОУ ВПО «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
ФГБОУ ВО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»**

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

**Материалы
Международной научно-практической конференции
(Донецк, 15 ноября 2018 г.)**

Донецк – 2018

УДК 159.9:159.98 (08)

ББК 88.3

Л666

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (г. Донецк, 15.11.2018). Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. - Донецк: ДонНУ, 2018. – 225 с.

В сборник вошли работы ученых, аспирантов и молодых ученых, принявших участие в международной научно-практической конференции «Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека», состоявшейся 15 ноября 2018 года в ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Публикации отражают результаты психологических исследований по таким направлениям: методологические и теоретические проблемы соотношения личностных и ситуационных переменных в поведении и деятельности человека, поведение человека в кризисных, экстремальных ситуациях и ситуациях неопределенности, самоопределение личности в социокультурной ситуации, влияние современных СМИ и компьютерных технологий на сознание и поведение человека, глубинно-психологические детерминанты поведения человека. Авторы раскрывают важные для современного общества психологические проблемы, анализируют феномены, процессы и категории, освещают возможности применения достижений науки в исследованиях психологических и социальных явлений.

Редакционный комитет:

Гордеева А.В., зав. каф. психологии, канд. психол. наук, доцент

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доцент

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доцент

Вилюжанина Т.А., канд. психол. наук, доцент

Яновский М.И., канд. психол. наук, доцент

Ярмыш И.А., канд. психол. наук, доцент

Рекомендовано к печати

Ученым советом филологического факультета

Донецкого национального университета

(протокол № 4 от 18 декабря 2018 г.)

*За грамотность, аутентичность цитат, достоверность фактов и ссылок
несут ответственность авторы*

© Донецкий национальный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александровская В.Н.</i> Образ как предельное обобщение живого.....	6
<i>Ангелина Э.А.</i> Песочная терапия как средство развития и коррекции эмоциональной сферы ребёнка.....	9
<i>Барышева Е.В.</i> Инклюзивное образование и социализация студентов с ОВЗ в образовательно-воспитательном пространстве современного вуза	13
<i>Барышева Е.И.</i> Переживание стресса молодыми людьми: содержательные характеристики.....	17
<i>Баряхтар О.Ф.</i> Трудные жизненные ситуации современного студенчества.....	22
<i>Безродный В.И.</i> Внутригрупповые взаимоотношения в шахтерских коллективах как фактор безопасности труда.....	25
<i>Бостанджиева Т.М., Лезина Ю.Ю.</i> Психологические трудности самоопределения подростков коренных малочисленных народов крайнего севера (подростков-ненцев).....	29
<i>Булгаков В.М.</i> Саморегуляция личности студентов как основа успешной адаптации к новым образовательным условиям.....	34
<i>Бунтовский С.Ю., Аванесова М.А., Филь Е.В.</i> Роль профессиональной этики в государственной службе и ее принципы.....	38
<i>Бунтовский С.Ю., Мкртчян Д.А.</i> Внутрикорпоративное СМИ и внутренний PR в организации.....	40
<i>Бунтовский С.Ю., Тонян М.Н.</i> Этикет в деловом общении: понятие и принципы.....	43
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Проблема одиночества и агрессивности в подростковом возрасте.....	46
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Мечта как фактор построения жизненной перспективы в ранней юности.....	52
<i>Власова Н.А., Некрасова И.Н.</i> Психологическая оптимизация состояний когнитивной диссоциации личности подростков с рекуррентной формой шизофрении.....	56
<i>Гордеева А.В.</i> Киберкоммуникативная зависимость подростков.....	60
<i>Гостев А.А., Яновский М.И.</i> «Глобальная психоманипуляция» как психологическое понятие.....	65
<i>Гулякина В.В.</i> Стратегии преодоления у студентов и людей, включенных в профессиональную деятельность.....	70
<i>Жарких Н.Г., Логвинова Т.Г.</i> Специфика стрессовых состояний педагогов.....	73
<i>Жердева Л.А.</i> Когнитивный стиль у студентов с разными уровнями личностной тревожности.....	77
<i>Жердева Л.А.</i> Психологический анализ связи когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» с тревожностью у студентов.....	81
<i>Зуева Е.Г.</i> Проблемы молодежи в современном социуме.....	86

Ильина Т.Б. Психологические барьеры выбора профессии у старшеклассников.....	90
Ключко О.И. Личностные детерминанты профессиональной деятельности Сандры Липсиц Бем.....	94
Король Н.В. Защитно-совладающее поведение как детерминанта стрессоустойчивости шахтеров, переживших аварийный стресс.....	100
Кубатина Ю.А. Личностная автономия в рамках проблемы формирования стрессоустойчивости у студентов-психологов.....	103
Куликовская Е.А. Феномен «чувство вины» как запускающий механизм саморегуляции в условиях неопределенности.....	107
Лох К.В. Проблема понимания в герменевтике и в работах А. А. Зиновьева: компаративистский подход.....	110
Максименко Е.Г. Размышления относительно основополагающего критерия психики как системы.....	113
Марусенко Е.А., Ковалева А.В. Ценностные аспекты регуляции поведения студентов.....	117
Муханова И.Ф. Проблема самоактуализации личности в истории психологии.....	120
Набатова С.В. Оценка травмирующего опыта и образ желаемого будущего как составляющие картины мира личности в условиях военной обстановки.....	125
Нагиева Вафа Гейсер Кызы Психологические особенности проявления затяжного профессионального дистресса у педагогов.....	128
Некрасова И.Н. Психологические детерминанты межличностных взаимодействий в мультикультурных социальных системах.....	132
Рогозина М.Ю., Гнутова А.О. Особенности религиозного сознания женщин.....	136
Рожков Н.Т. Мотивация как основа конфликтного поведения личности.....	140
Романов Н.А. Роль коллектива в формировании гражданско-правовых ценностей студентов.....	145
Руденко С.В. Особенности временной перспективы личности в контексте социальной идентичности.....	151
Сабирзянова И.В. Ценностная природа характерообразующих функций личности.....	156
Семенихина А.В. Особенности негативных эмоциональных переживаний студентов.....	159
Сибилева И.В. Использование игровых методик и элементов арттерапии в коррекции личностного поведения ребенка дошкольника...	163
Терехин В.А., Селиверстова А.В. Основные принципы построения корпоративной идеологии с точки зрения организационной психологии.....	167
Устинов Д.В. Применение психологических знаний сотрудниками ПДН при установлении личностного контакта с несовершеннолетними..	172

Устинова Н. В. Особенности и стратегии формирования понятий у студентов с доминированием интуитивного компонента когнитивного стиля.....	176
Устинова Н.В., Черкун О.Г. Особенности субъективной удовлетворенности качеством жизни студентов с различной нравственной направленностью.....	180
Фархутдинова Ю.Н. Музыкальная культура как средство формирования личности современных подростков.....	184
Харлампов Г.А., Черепухин Г.А. Личностно-ориентированная модель подготовки единоборцев неспортивного вуза.....	186
Ходарева Э.А. Саморегуляция эмоций и применение модели IZOF.....	190
Чуканов Е.В. Исследование стиля объяснения успехов и неудач в ситуации групповой конкуренции.....	193
Шайкина Е.А. Преимущества киберпространства в работе с массовым сознанием.....	196
Швец А.О. Психоаналитические и культурологические аспекты мифа о культурном герое.....	199
Шульга В.В. Особенности отношения молодежи ДНР к политике.....	203
Яковлева Л.Ф. Взаимодействие дошкольной образовательной организации и семьи.....	207
Яновский М.И. «РУССКИЙ МИР» И «РАХ AMERICANA»: о различиях ментальных оснований.....	209
Яновский М.И., Исаева Э.С. Возрастные особенности психологической готовности к материнству.....	212
Ярмыш И.А. Критерии проявления социальной зрелости в юношеском возрасте.....	216
Ярмыш И.А., Корниенко М.С. Особенности переживания подростками чувства одиночества.....	220

ОБРАЗ КАК ПРЕДЕЛЬНОЕ ОБОБЩЕНИЕ ЖИВОГО

*Александровская Валентина Николаевна,
доктор философских наук, доктор психологических наук,
профессор, зав. кафедрой философии и психологии
Донецкого медицинского университета им.М.Горького,
(alexandrovskaya_prof@ukr.net)*

Статья посвящена концептуально-теоретическому исследованию психологии идеального образа. Исследование представляет собой обобщение и развитие зарубежных и отечественных методологических подходов к анализу феномена идеального образа, выявление его роли в структуре личности. Определены гносеологические корни и источники идеального образа, показано его категориальное и дефинитивное оформление в истории науки. Осуществлен анализ культурно-исторической природы идеального образа, охарактеризованы его психическая культура и экзистенциальные аспекты. Сам идеальный образ представлен как функциональная система и системогенез.

Ключевые слова: идея, идеальное, идеальный образ, имагинальная система, культурный локус сознания, психическая культура, образ как информация и знак.

PSYCHOLOGY OF THE IDEAL IMAGE

*Aleksandrovskaya V.N.,
Doctor of Philosophy, Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Philosophy and Psychology of Donetsk
Medical University named after M.Gorky,
(alexandrovskaya_prof@ukr.net)*

This thesis deals with conceptual and theory-based investigation of the Ideal Self psychology, which is a follow-up to and further improvement of international and local methodological approaches to the analysis of phenomenon of the Ideal Self, along with its role in the structure of the personality. Discovered are gnoseological roots and sources of the Ideal Self in Philosophy, categorical sources and definitive basis of the Ideal Self in the history. Discovered and considered in the Thesis is the culture-based and historic nature of the Ideal Self, as per social and culture-based justification and reasoning of the Ideal Self contents and qualities; the Ideal Self is introduced as a psychological culture of the personality. The Ideal Self is also defined as a functional system and systematic genesis.

Keywords: idea, ideal matters, the Ideal Self, imaginary system, ideal matters as a culture, state of mind as a culture, the Ideal Self as information and a sign.

Актуальность. Проблема идеального образа в настоящее время занимает достойное место в мировой научной историографии, относится к фундаментальным проблемам психологии и междисциплинарных исследований. «Образ» стал базовой категорией психологии, формируя научные векторы своего исследования, одним из которых является роль образа в системе предельного обобщения живого.

«Образ как психологическое понятие, - пишет С.Смирнов, - имеет более чем двадцатипятивековую историю. Попытки исключить его из системы психологических категорий, предпринятые в начале XX столетия в ходе антименталистического бунта, закончились, по меткому выражению Р.Хольта, «возвращением образа из изгнания» и обновлением этого понятия даже в таком крайнем его выражении, как бихевиоризм. Будучи одним из наиболее фундаментальных и массовидных проявлений психического, образ все еще остается труднодоступным для конкретно-научного исследования» [5, с.3]

Возвратившись «из изгнания», идеальных образ стал «специфической формой психических репрезентаций», «механизмом функционирования психики, способом восприятия окружающего мира при его обобщении, ментальной организации и осмыслении в индивидуальном сознании» [4, с.141].

Концептуально-методологический аспект исследования. У образа как формы «объекта» - центрированная позиция как в идеальном, так и материальном мире. Образ собирает в единое целое всю живую материю. Образы участвуют в рождении объектов живой материи (как материальных, так и идеальных), в их экзистенции, а также сохраняют их облик после их ухода из жизни (например, отслужившая вещь остается в памяти в том же неизменном виде как и в те времена, когда она служила своему хозяину). А это уже говорит о том, что у идеального образа как формы – статус вечности. И само идеальное – это вечность. Поэтому все созданные человеком образы, включая вербальные, изначально «живут», то есть, уходят в «живую вечность». И, наверное, они где-то же должны храниться. Здесь вспоминаются идеи о «коллективном бессознательном», об «информационном банке данных», о «ноосфере».

В любом случае, образ формирует живую материю как единую целостность. А это уже говорит о том, что образ изначально наделен слишком сильной организующей функцией всего живого. Следовательно, надо посмотреть на роль образа на всех уровнях существования живого. Например, надо выявить: какую роль играет образ в биоорганизме вплоть до клеточного уровня и генетической глубины; какую роль образ играет в физиологических процессах; исследовать роль образа в психосоматической системе (порождении психосоматических расстройств, физиологической разбалансировки и разрушения всего биоорганизма и т.п.); какую роль играет образ в аутоиммунных (и до сих пор неизлечимых) заболеваниях; как образ обуславливает «благополучную» или «неблагополучную» судьбу личности в обществе.

Мы заинтересовались и вопросом о том, какой и в каких параметрах представлял себе психику Л.С. Выготский, когда говорил о ее культурно-исторической природе. Вслед за этим возникает ряд вопросов: не являются ли физический и психический миры следствием действия какой-то «культурной силы» - единственной животворящей силы во всей живой материи. А это значит, что действительно только «культура и спасет мир» - и это видели и понимали умные люди в истории человечества.

Следовательно, жизнь в нашем понимании – это поле битвы «животворящей всю материю» культуры и противостоящей ей субстанции – бескультурии (хаосу). И эта битва происходит в широком пространстве – на уровне индивида (человека, личности), общества, сообществ, государств и их содружеств, цивилизаций и мировых объединений и т.п.). То есть, культура в жесточайшей борьбе создает жизнь в виде своих материальной и идеальной сфер, но на «человеческом плацдарме». Это происходит потому, как утверждают биологи, что живая материя на сегодняшний день ничего лучшего в своей эволюции, чем человек, не создала и, видимо, никогда ничего лучшего уже и не создаст.

Все прогнозы философов-биологов на этом заканчиваются: они не могут предсказать: а «что же будет после сознания человека в живой материи?», «как она будет выглядеть?»

А сейчас, хотя мы тоже не знаем ответов на все эти вопросы, но мы точно уже можем сказать: на всех уровнях живой материи, пробивающей себе путь к существованию через борьбу культуры с хаосом всегда будет присутствовать образ. Образ – это форма животворящего начала всего сущего на всех уровнях его существования.

Образ сам по себе – фактор культуры. Поэтому все проявления психики – это показатель культуры личности и общества. А, следовательно, в культурной психике функционируют и культурные по своей природе образы, которые мы видим, наблюдаем и диагностируем. В этом «культурном локусе» живет и функционирует наш биоорганизм и малейшие культурные отклонения в сознании его носителя приводят к сбоям в его работе.

Проводником этих сбоев – от культуры к хаосу (дисфункциям биоорганизма) – является психофизическая система. Она осуществляет связь между «культурным идеальным» (сознанием) и «биологическим материальным» (физическим организмом).

Культура – это идеальное, психическое явление и, в зависимости от сознания своего носителя (индивидуального или общественного), может выражаться как в позитивных, так и в негативных образах, что сказывается на поведении человека в социуме со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Культура – исходный носитель идеального. Именно культура в форме образов оформляет всю живую материю, все сущее, все живое. У культуры – сквозная функция действия: она везде и во всем. И люди ее чувствуют, видят, ощущают в образах, «границах», «не видимых новообразованиях», но как «объект постоянно присутствующий в сознании («сохраняющийся», «подразумеваемый», «интенциональный», «саморепрезентирующий» и др.), но всегда цельный, универсально целостный по всей витальной силе, животворящей силе, жизненной силе и энергии, способной все создать «по образу и подобию», то есть, по «степени культурности» сознания.

Здесь можно вспомнить А.Ф. Лосева, для которого «культура – это предельное обобщение всего». Вся живая материя действует по одной схеме: выделение человека из царства природы происходило на основе овладения им культуры; воспроизводство человека происходит через культуру (вне культуры новорожденный не станет человеком); на универсальном уровне культура отвоевывает и пробивает себе путь через «смертельную схватку» с хаосом. А полигоном борьбы является сознание человека. Весь вселенский итог этой борьбы зависит от культурного уровня индивидуального сознания. Именно битва за воспитание культурного сознания личности лежит в основе победы культуры над хаосом на всех уровнях живого.

И в смысле этой борьбы культура предстает в идеальном мире как «живой и растущий объект» (в своем обобщенном виде), как такое «идеальное новообразование», размеры которого зависят от степени развитости культурного сознания субъектов жизни.

В свое время О. Шпенглер в книге «Закат Европы» описал взаимосвязь культуры и цивилизации. Он указывал на то, что цивилизация (степень окультуренности субъектов жизни) идет за культурой «как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший город за деревней и задушевным детством». В этом суть «культурной психики» и «культурного образа» или, как говорят американские психологи (Хендерсон) – «культуральной» психики и образа.

В зависимости от культуры сознания своего носителя идеальный образ способен отражать окружающий мир на огромных психических глубинах и с широкомасштабным культурным содержанием.

Напомним, что в своих ранних работах Г.С. Костюк писал о том, что личность, объединяя и выстраивая психический мир человека, создает «неповторимый рисунок», свойственный только данному индивиду [3, с. 11]. Под «неповторимым рисунком» мы понимаем «образ личности, который рождается в «психическом мире человека».

Отметим, что К. Юнг также указывал на существование некоего априорного объекта, который имеет свои формальные проявления – индивидуальные образы. Так, он писал: «Во всей человеческой деятельности существует априорный фактор, так называемая врожденная, досознательная и бессознательная индивидуальная структура души... И в тот момент, когда первые проявления психической жизни становятся доступными наблюдению, нужно быть слепым, чтоб не признать их индивидуальный характер, то есть неповторимую личность, что стоит за ними. Сложно представить, что все детали обретают реальность только в момент их возникновения» [3, с. 15].

Выводы. Таким образом, научные дискуссии по поводу «некоего объекта» продолжаются. Мы только хотим сказать следующее: чем бы в конечном счете не оказался загадочный «априорный объект» в психике человека и через какие бы

генетические линии он не прошел, он всегда при реализации своей витальной функции воплотится в «живой образ» - и на материальном, и на идеальном уровнях. Образ всегда будет экзистенциальной формой «изначального объекта» как культурно-исторического носителя всего живого.

Список литературы

1. Александровская В.Н. Идеальный образ как психическая культура личности (концептуально-методологический аспект) / В.Н. Александровская // Теоретичні і прикладні проблеми психології : зб. наук. праць Східноукраїнського національного ун-ту імені Володимира Даля МОН України. – Луганськ: Суну імені Володимира Даля, 2012. – №2 (28). – С.15–21.
2. Александровская В.Н. Идеальный образ: концептуально-психологические векторы исследования. Сумы: Университетская книга, 2015, - 338 с.
3. Максименко С.Д. Генезис существования личности. К.: Изд-во ООО «КММ», 2006, - 240 с.
4. Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. – СПб.: Питер, серия «Мастера психологии», 2011. – 688 с.
5. Смирнов С.Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 460 с.
6. Торсян А.Ц. Открытие основной функции живого. – М.: Наука, 2005. – 402 с.

УДК 159.9

ПЕСОЧНАЯ ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ И КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕБЁНКА

*Ангелина Эльвира Александровна,
к. филос.н., доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(adjon@yandex.ru)*

В статье рассматриваются вопросы практического применения метода песочной терапии, раскрывается сущность данного метода. Дана история развития метода Sandplay, описаны показания и противопоказания к применению данного метода, а также содержание стадий песочной терапии. Рассматривается специфика игр на песке как средство развития и коррекции эмоциональной сферы ребенка.

Ключевые слова: песочная терапия, игра с песком, эмоциональная сфера, стадии песочной терапии.

SAND THERAPY AS A MEANS OF DEVELOPMENT AND CORRECTION OF THE EMOTIONAL SPHERE OF A CHILD

*Angelina Elvira Aleksandrovna,
candidate of Philosophy, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(adjon@yandex.ru)*

The article discusses the practical application of the method of sand therapy, reveals the essence of this method. The history of the development of the Sandplay method is given, the indications and contraindications to the use of this method are described, as well as the content of the stages of sand therapy. The specificity of games on the sand is considered as a means of development and correction of the child's emotional sphere.

Key words: sand therapy, play with sand, emotional sphere, stages of sand therapy.

Актуальность. Игры с песком (Sandplay) или песочная терапия известны психологам и педагогам уже давно. Игра с песком – привычное занятие для ребенка, которое активизирует все его психические познавательные процессы. В силу разных обстоятельств и причин, в частности, возрастных особенностей, дети не могут вербально выразить свои актуальные эмоции, переживания, чувства. А песок и игрушки в этом смысле дают возможность ребенку выразить спектр своих эмоциональных состояний невербально. Благодаря игре с песком у детей снимаются сознательные барьеры выражения своих эмоциональных переживаний. В этот момент ребенок начинает оперировать образами и на первый план выходит работа бессознательного, освобождение от «оков» сознания. Дети переносят свои самые глубокие переживания вовне, на песок, на созданную своими руками картину мира.

История развития вопроса. Начало целенаправленной психотерапевтической работы с песком было положено в 20-е годы XX века Э. Эриксоном, А. Фрейд, Ш. Бюллер на основе работ К. Г. Юнга, в которых он говорил о значении создания художественных образов человеком, об активности воображения в процессе психотерапевтических встреч.

Идею методологии игр с песком при помощи миниатюрных игрушек описала Маргарет Ловенфельд в 1929 году. Дора Калф (аналитик из Швеции) также развивала идею о применении в психотерапевтической практике метода песочной терапии, где ребенок мог не только погрузиться в свой внутренний мир, но и вывести свои неосознаваемые эмоции и переживания в мир реальный, отреагировать их, получить опыт при проигрывании различных жизненных ситуаций. В результате полученных в игре репертуаров поведения, ребенок начинает применять их в реальной жизни. В настоящее время в Санкт-Петербурге создана ассоциация песочной терапии при Институте специальной педагогики и психологии. Авторами учебников по проблемам песочной терапии являются преподаватели Вуза – Т. М. Грабенко, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Л. А. Нисневич. В Белоруссии изучением данной проблемы занимается Н. А. Сакович.

Изложение основного материала. У метода песочной терапии имеются как показания, так и противопоказания к его применению. Показаниями к занятиям песочной терапией являются: трудности в общении, взаимоотношения детей и родителей, кризисные ситуации (развод, переезд, появление младшего ребенка), психологические травмы, страхи, тревожность, агрессия и т.п. Круг показаний к применению песочной терапии с каждым годом растет. К противопоказаниям относят повышенную возбудимость, невроз навязчивых состояний, эпилепсию, аллергию на пыль, астму, кожные заболевания.

Для применения метода песочной терапии в работе психологу необходимо соблюдение определенных требований к оборудованию и к условиям проведения занятий. Для проведения занятий с песком необходим специальный поднос, ящик определенного размера, выкрашенный в голубой цвет и на 2/3 заполненный специальным чистым, просеянным песком. Песок должен быть коричневого, желтого или нейтрального цвета. Он не должен быть слишком крупным или слишком мелким. Можно использовать песок для аквариума, для шиншилл. В идеале ящиков должно быть два – один для сухого песка, другой для работы с мокрым песком. Также необходим обязательный набор тематических игрушек высотой не более 8 см.

Ящик с песком должен быть расположен так, чтобы ребенок имел возможность подойти к нему с любой стороны. Обязательно рядом должен находиться стул, чтобы была возможность отдохнуть, не отвлекаясь от игры. Комната должна быть со звукоизоляцией, чтобы ничто не смогло отвлечь ребенка от потока творческой, бессознательной энергии. Присутствие родителей на занятии нежелательно, так как родитель является сдерживающим стимулом для ребенка, цензором его поведения. Для психолога же главной задачей является создание безопасной, спокойной среды для проявления самых сокровенных переживаний детей. Главное правило психолога – не

вмешиваться в процесс создания картины мира ребенком, не интерпретировать происходящее, не оценивать.

Часто возникает вопрос – к детям какого возраста можно применять метод песочной терапии. Большинство авторов считает, что с 3-х лет. Все же, рекомендуется начинать занятия с детьми, достигшими 4-х лет. В три года ребенку трудно выдерживать время занятия (30, 45-60 минут), трудно сосредоточиться на процессе, они быстро устают, капризничают и т.п.

Процесс песочной терапии состоит из нескольких стадий или схемы. Жизела де Доменико выделила пять фаз процесса песочной терапии, отмечая, что клиент не всегда проходит через все фазы:

1. Фаза строительства.
2. Фаза первого переживания (испытания).
3. Фаза второго переживания.
4. Фаза фотографии.
5. Фаза демонтажа [1].

Прохождение всех стадий не всегда являются обязательными. Барбара Лабовитц и Анна Гудвин предложили свой вариант стадий процесса песочной терапии:

- Стадия 1. Создание мира.
- Стадия 2. Переживание и реконструкция.
- Стадия 3. Терапия.
- Стадия 4. Документация.
- Стадия 5. Переход.
- Стадия 6. Демонтаж мира [1].

Перед началом занятия ребенка знакомят с новым для него пространством. Психолог обращает его внимание на песочницу, предлагает потрогать песок руками, пересыпать его из одной ладошки в другую, просыпать его между пальцами. Взрослый показывает возможности взаимодействия с песком: расчистив песок, показывает синее дно ящика, которое может оказаться морем, озером, рекой и т.д. Затем знакомит ребенка с игрушками, предметами, объясняя, что он может использовать любые из них. Далее ребенку дается инструкция: «Представь, что ты Волшебник (маг, чародей) и у тебя есть возможность построить свой мир, свой город, поселить в этом городе всех, кого ты захочешь».

Стадия первая. Создание мира. На данной стадии психологу нужно обратить внимание на объекты, которые дети выбирают первыми. Как правило – это предметы, символизирующие «Я» ребенка и его актуальные переживания. Также психолог отмечает особенности ландшафта (дороги, горы, реки, их направление). Нужно обратить внимание есть ли ограждения, как они расположены. Следует сказать о том, что на первом занятии многие дети стараются использовать как можно больше игрушек. Это может происходить вследствие новизны увиденных игрушек, растерянности от их обилия. Практически, все миниатюры могут быть перенесены ребенком в созданный им мир. Иногда эту первую стадию называют стадией хаоса. Ребенок в эти моменты отражает большой спектр эмоциональных состояний, как правило, мало дифференцированных на положительные или отрицательные. Такое хаотичное представление образа мира, отраженное в созданных образах на песке, может длиться несколько последующих встреч.

После того, как ребенок говорит, что стройка, создание города, мира завершены, то можно говорить о второй стадии: переживания и реконструкции. На этой стадии ребенок углубляется в свой мир. Он охотно рассказывает, что происходит в его мире, с его героями. В рассказе ребенка, как правило, отсутствует эмоциональное отношение к происходящим событиям, к героям. Но психолог и на данной стадии занимает «пассивную» позицию: лишь наблюдает и внимательно слушает. Некоторые, особенно тревожные дети, начинают вносить изменения в выстроенный ими мир, могут заменять

фигурки, засыпать водоемы, создавать горы. Останавливать их не стоит. Они должны чувствовать от психолога полное принятие того, что происходит. Эта стадия длится около пяти минут.

Далее следует третья стадия – терапия. На предыдущих стадиях ребенок проецировал на свой построенный в песочнице мир свои сокровенные мысли, эмоции, желания. Психолог, как отмечалось выше, занимал наблюдательную, принимающую позицию. На данном этапе взрослый начинает активно включаться в процесс творчества ребенка и играет роль посредника между бессознательным ребенка и реальностью. Можно начать общение такими словами: «Расскажи мне о своем мире, об этой сказочной стране. Как она называется? Кто здесь живет? Какой у характер у жителей? Чем они занимаются? Какое у них настроение? Какой характер? Какие отношения между ними?» и т.д. Ответы на вопросы зависят от индивидуальных особенностей ребенка, от возраста. Иногда более взрослые дети дают социально желательные ответы. Тогда следует задать еще несколько вопросов. Например: «Как жители твоего мира относятся друг к другу? Всем ли живущим здесь хорошо?». Часто персонажу, помещенному в вымышленный мир, необходима поддержка и помощь. Тогда мы можем спросить ребенка: «Что можно сделать для этого героя, чтобы у него улучшилось настроение? Как ему можно помочь?». Эта ситуация проявляется у детей с повышенной тревожностью, с заниженной самооценкой. В данном случае важно, чтобы ребенок не просто проговорил варианты помощи, а обязательно продемонстрировал это, внес изменения в свою картину мира на песке. Данная фаза длится около 15-20 минут. На данной стадии рекомендуется, чтобы выявленные проблемы и неурядицы перешли в позитивное разрешение ситуации, к благополучному исходу. Этот переход будет означать, что внутренние эмоции «проработаны» на символическом, бессознательном уровне и стали более осознанными в реальности. Психолог сообщает, что время занятия подошло к концу и спрашивает ребенка: «Хочешь ли ты оставить этот мир таким, какой он есть или хочешь что-то в нем изменить?». В большинстве случаев дети оставляют картину как есть.

Следующая, четвертая стадия: стадия документации. На этом этапе можно зафиксировать картину при помощи видеосъемки, но в настоящее время чаще используют фотографирование. Сравнивая фотографии созданного мира, сделанные на каждой сессии, можно наглядно увидеть динамику эмоционального состояния ребенка, изменение отношения к его актуальным проблемам и переживаниям.

Теперь рассмотрим следующую пятую стадию песочной терапии, стадию перехода. Когда символическая, бессознательная работа закончена, необходимо осуществить переход клиента в реальность. Нужно помочь связать образы сказочного мира и их значения с реальностью. Фотография зафиксировала конечный продукт процесса песочной терапии [1]. Этот процесс больше применим к взрослым клиентам песочной терапии. У детей же переход из вымышленного мира к реальности происходит гораздо быстрее и незаметнее в силу лабильности нервной системы и т.п.

Стадия 6. Демонтаж мира. Традиционно, перед уходом клиент должен разобрать свой выстроенный мир, расставить все миниатюры по местам, разровнять песок. Большинство взрослых этому правилу следуют безукоризненно в силу того, что разрушение мира означает смелость посмотреть без страха на свои проблемы, открытость новому опыту, желание исправлять ошибки. Что же касается детей, то они не хотят демонтировать свой сказочный мир. Психологу нужно объяснить, что зафиксированный мир остался на фотографии и при желании ребенок всегда сможет на него посмотреть, вспомнить героев, особенности их жизни в этой сказочной стране. Поиск аргументов для того, чтобы разобрать картину зависит от индивидуальных особенностей психолога, его профессионального опыта, опыта общения с детьми. Поэтому универсальных рекомендаций здесь быть не может.

Выводы. Таким образом, можно отметить, что песочная терапия является одним из средств, способствующим формированию у детей положительного отношения к себе, к другим, к своим чувствам, поступкам. Благодаря свободной и безопасной среде ребенок беспрепятственно открывает и познает самого себя, учится понимать себя. Благодаря занятиям песочной терапией такие негативные эмоции как тревоги, страхи, проявления агрессии могут быть преобразованы в положительные, конструктивные переживания.

Список литературы

1. Сакович Н. А. Технология игры в песок. Игры на мосту. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.

УДК 378.1

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОВЗ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

*Барышева Евгения Викторовна,
кандидат психологических наук,
СПФ Московского Университета им. С.Ю. Витте,
РФ, г. Сергиев Посад, (barisheva45@mail.ru)*

Статья содержит основные направления по вопросу организации инклюзивного обучения в условиях модернизации российского образования, также рассмотрены требования к такого рода образовательному процессу, через создание проекта «Погружение».

Ключевые слова: инклюзивное образование, адаптивная учебная программа и учебный план, интеграция, высшие психические функции.

INCLUSIVE EDUCATION AND SOCIALIZATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN EDUCATIONAL SPACE OF MODERN UNIVERSITY

*Barysheva Evgeniya Victorovna,
candidate of Psychological Sciences,
Sergievo-Posadsky Department of Moscow University by Witte S.,
RF, Sergiev Posad, (barisheva45@mail.ru)*

The article contains the main directions on the organization of inclusive education in the conditions of modernization of Russian education, also considered the requirements for this kind of educational process, through the creation of the project "Immersion".

Key words: inclusive education, adaptive curriculum and curriculum, integration, higher mental functions.

Влияние органического дефекта на развитие психики проявляется в своеобразии аномального развития, которое имеет свои специфические закономерности с детства и в студенческом возрасте также. Изучение различных отклонений в развитии студентов выявило, что для всех групп, имеющих нарушения, в той или иной мере характерны общие черты, одновременно отличающие их от нормально развивающихся сверстников. Одна из первых закономерностей особого поведения была выведена Л.С. Выготским, который сформулировал положение о том, что наличие первичного дефекта, вызванного биологическим фактором, влечет за собой появление вторичных нарушений, возникающих в ходе последующего аномального развития [1, С.69].

Таким образом, была показана причинная обусловленность изменения развития человека: наступившее в том или ином звене нарушение закономерно в силу действия общих законов психологического развития влечет за собой изменение развития

аномального ребенка, что проявляется в отклонениях, различных по своему характеру, силе и значимости у каждой категории аномальных детей. Общим для всех случаев является то, что возникшие изменения оказывают влияние на весь дальнейший ход развития личности. Это значит, что преподаватели, имеющие взаимодействие с особенной группой студентов, должны быть осведомлены о первичных нарушениях у студентов, иметь представления о возможных вторичных и третичных нарушениях, чтобы вовремя профилировать их социальный аспект.

Интеграция (объединение) разрозненных вначале психических процессов в устойчивые и гибкие функциональные системы, следовательно, ВПФ человека имеют интегративный характер. Все ВПФ опосредованы речью и формируются на основе интеграции (например, логическая память развивается на основе интеграции мышления, речи и памяти). Это происходит потому, что для этого процесса у аномального ребенка необходимо образование большего, чем в норме, количества связей, именно поэтому, студенты с нарушениями в развитии нуждаются в специально организованном обучении.

Кроме того в развитии студентов с особенностями имеются и положительные закономерности. Наличие компенсаторных возможностей психики аномального ребенка, связанных со способностью нервной системы к перестройке функциональной деятельности при поражениях, и является такой положительной закономерностью. Многочисленные отклонения в развитии аномальных детей при благоприятных условиях обучения и воспитания корригируются, исчезая совсем или приобретая иное качественное выражение. Возможности компенсации, широко реализующиеся при благоприятных условиях коррекционного воспитания и обучения, сглаживаются и в известной мере устраняют неравномерность психического развития таких студентов. Эта важнейшая закономерность аномального развития обосновывает необходимость своевременно организованной помощи студентам с выше перечисленными особенностями.

В настоящее время всей образовательной среде необходимо переходить на адаптивные образовательные программы (АОП), разрабатывать и осуществлять профессиональные программы, которые направлены на реализацию инклюзивной среды в вузе. Кроме того, данный актуальный вопрос связан с социальной необходимостью и государственным заказом инклюзивного образования (ИО).

Современное образовательное пространство вуза организует всю необходимую методическую, профессиональную, адаптивную и социально-психологическую среду для ребят с ОВЗ, способных получать высшее образование, такого рода опыт успешно осуществляется в ряде ведущих вузов страны: МГПУ, НГПУ, МГППУ, КГПА, ВГПУ и других.

Требования современного инклюзивного образования состоит в реализации планов ВПО и ФГОС по адаптивным программам через реализацию компетентного подхода у студентов с ограниченными возможностями в стенах вуза. В данном случае, при организации и интеграции студентов главная задача – включение студентов в социально-педагогическую среду, которая бы образовывала и поддерживала, снимая разные трудности, с которыми сталкиваются студенты с ОВЗ при обучении в вузах.

Кратко охарактеризуем данные трудности, так как анализ и их осознание в некоторой степени поможет профилактике основных возможных негативных последствий. Прежде всего это внешние трудности, с которыми могут столкнуться студенты: пространственные стрессоры (недостаточным образом организованная инфраструктура и техническая база учреждения), социально-психологические стрессоры (подготовка и готовность осуществлять ППС инклюзию разных видов в стенах заведения и дистантно, трудности принятия и межличностной коммуникации в студенческой среде, устоявшиеся стереотипы восприятия людей с ОВЗ в менталитете общества и т.д.), образовательные стрессоры (продумывание всех необходимых условий взаимодействия

студентов в вузе с учетом основных нормативно-законодательных положений, служб поддержки, кураторских видов помощи).

Кроме того, принято еще анализировать внешние (субъективные) трудности, с которыми сталкивается человек с ОВЗ в процессе получения образования по адаптивной (ресурсной) модели: неадекватная самооценка студентов, ослабление волевой активности и как результат снижение мотивации учения, что может быть причиной некритичного поведения с окружающими и вызывать коммуникативные трудности.

Для создания соответствующей модели образования лиц с ОВЗ в вузе необходимым условием мы считаем реализацию проекта, направленного на реализацию социальной компетенции как студентов с ОВЗ, так и с нормативными показателями развития, включение всех студентов и ППС в данный проект «Погружение» при учете всех рассмотренных выше условиях и знании возможностей среды.

Результаты: изменение представления студента с ОВЗ о себе как о личности, личностный рост; приобретение студентом знаний о своих уникальных возможностях, ресурсах; приобретение навыков по организации учебной деятельности, самоменеджменту, стрессменеджменту; профессиональное самоопределение студента с ОВЗ; приобретение навыков эффективного общения и повышение коммуникативной компетентности.

1-й этап – подготовительный: создана инициативная группа преподавателей и студентов, в том числе волонтеров для реализации проекта; оборудованы помещения с учётом требований к доступности среды; сформирована экспериментальная студенческая группа из числа студентов с ограниченными возможностями здоровья и без ограничений здоровья, состоящая из N человек; создание адаптированной образовательной программы высшего образования (АОП ВО); подготовкой индивидуального учебного плана; подготовка рабочих программ; проведение поточных и индивидуальных лекционных и практических занятий.

Подготовка рабочих программ по дисциплинам в большинстве вузов принято решение не разрабатывать программы на студента отдельно, готовить приложения к основным РП. Приложения должны включать используемые при индивидуальных занятиях образовательные технологии, адаптированные задания и контролирующие материалы: электронные тесты к текущей и промежуточной аттестации; электронные кейс-задачи, электронное эссе; устные и письменные терминологические диктанты; семинары и коллоквиумы; электронные отчеты по практикам. Разработка норм времени на различные виды занятий со студентом с ОВЗ.

Считаем, что Министерством образования РФ должны быть разработаны методические указания на нормы времени в индивидуальном обучении, т.е. нормативно закрепить количество часов, необходимых преподавателю на разработку практических и контрольных заданий, в т.ч. написание контрольных, курсовых работ, ВКР, на объяснение и проведение индивидуальной работы со студентом. Для написания курсового проекта и ВКР за студентом будет закреплен научный руководитель, который будет осуществлять консультационную помощь и обязательную техническую поддержку (помощь в наборе текста, в анализе и синтезе информации, в оформлении письменной работы по установленным вузом правилам).

2-й этап – основной: реализация проекта «Погружение», представляющий собой комплекс мероприятий, направленных на социальную адаптацию студентов с ограниченными возможностями здоровья и приобретение ими некоторых компонентов социальной компетентности, необходимых для дальнейшего успешного обучения.

Встречи в смешанной группе студентов (студенты с ограниченными возможностями здоровья и без нарушений здоровья) 2-3 раза в неделю, по 6 часов в неделю во второй половине дня в течение учебного года в специально подготовленной аудитории.

В помощь приходят компьютерные технологии: студент с ОВЗ хорошо владеет компьютерными технологиями, активно использует Интернет и социальные сети. Это во многом облегчает обучение. Расписание куратор оформляет в текстовом виде и посылает через социальные сети. На занятия он приходит с диктофоном или ноутбуком, записывает или набирает лекции. Всю информацию, предлагаемую студентам в виде рисунков, схем, таблиц, преподавателям приходится перерабатывать в текстовый формат, связно озвучивать под диктовку. Практические работы, требующие зрительного восприятия, преподаватели проводят индивидуально, в формате беседы, через опрос на заданную тему.

Контроль знаний. Для контроля знаний преподаватели знакомят студента с вопросами, высылая их в электронном виде. Экзамен проводят индивидуально по перечню вопросов в форме беседы. В рамках АОП ВО для студента предусмотрено комплексное сопровождение:

- организационно-педагогическое, направленное на контроль учебной деятельности куратором (контроль за посещаемостью, помощь в организации самостоятельной работы, консультирование преподавателей и сотрудников по психофизическим особенностям студента, коррекция трудных ситуаций);

- психолого-педагогическое сопровождение с целью социальной адаптации (Психологическая служба вуза; Управление внеучебной и воспитательной работой вуза; Отдел социальной работы и социальных программ; деканат и кафедра мультимедиа и интернет-технологий);

- волонтерское сопровождение со стороны студентов направления подготовки.

В условиях реализации инклюзивной модели высшего образования, создание и реализация проекта «Погружение» может рассматриваться как одно из средств формирования социальной компетентности у студентов с ОВЗ, позволяющее им успешно реализовываться в дальнейшей учебной и профессиональной деятельности. Исходя из цели и принципов инклюзии, требований современного общества и образования, перед вузом встает задача – компенсация неблагоприятных последствий, возникших в процессе обучения и взаимодействия с социумом человека на предыдущих этапах его жизни, а также формирование социальной компетентности, которая станет основой для успешного обучения студента с ОВЗ и профессиональной деятельности в дальнейшем.

Форма проведения текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации для студентов-инвалидов устанавливается с учетом индивидуальных психофизических особенностей (устно, письменно на бумаге, письменно на компьютере, в форме тестирования и т.п.). В случае необходимости предоставляются услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков. Продолжительность каждого аттестационного испытания для инвалидов и лиц с ОВЗ увеличивается по решению Университета, но не более чем на 1,5 часа. Также проведение мероприятия текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации для инвалидов и лиц с ОВЗ, при необходимости, могут быть проведены с применением дистанционных образовательных технологий.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. — М.: Просвещение, 1995.-527с.
2. Дети со сложными нарушениями развития психофизические исследования / Под ред. Л.П. Григорьевой. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. - 352с.
3. Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия в 2т / Под ред. В.В. Лебединского и М.К. Бардышевской. Т.1. – М.: ЧеРо: Высш. шк.: Изд-во МГУ, 2002. - 744с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ СТРЕССА МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Барышева Елена Ивановна,

*кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
(helenbar2008@rambler.ru)*

В статье поднимается проблема изучения переживания стресса, выявление содержательных характеристик в понимании стресса личностью. Выборка исследования – 75 человек (42 девушки и 33 юноши), возраст – 19-25 лет; исследование проводилось в Луганске, 2017-2018 годы. В статье представлен контент-анализ переживаний стресса молодыми людьми, отражены гендерные различия в реагировании на стрессовые и экстремальные ситуации.

Ключевые слова: стресс, переживание, когнитивные, эмоциональные, физиологические, поведенческие признаки стресса, экстремальная ситуация.

THE STRESS EXPERIENCE OF YOUTHS: INFORMATIVE CONTENT

Barysheva Elena Ivanovna,

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Lugansk National University named after Taras Shevchenko,
(helenbar2008@rambler.ru)*

The article raises the problem of studying the experience of stress, identifying meaningful characteristics in the understanding of stress by a person. An experimental group of the study – 75 people (42 girls and 33 boys), age – 19 - 25 years. The study was conducted in Lugansk, 2017-2018. The article presents a content analysis of stress experiences by young people, reflecting gender differences in responding to stressful and extreme situations.

Key words: stress, experience, cognitive, emotional, physiological, behavioral signs of stress, extreme situation.

Стресс, будучи психологическим феноменом, тем не менее, является областью пересечения интересов многих наук. Каждая из них вносит свой вклад в понимание проблематики стресса. Наиболее полно синтезируя знания различных отраслей, психологическая наука находит пути помощи личности в преодолении стрессовых, экстремальных для нее ситуаций. В этой связи очень важно понимать, что означает понятие «переживание стресса».

Проблеме переживания стресса посвящено много научных трудов. Изучением стресса занимались психологи как отечественной, так и зарубежной школы. В их число входят такие ученые, как С. Агарвал, У. Кеннон, Л. Кохен, Р. Лазарус, Г. Маршал, В.Э. Мильман, Л.А. Орбели, И.П. Павлов, Г. Селье, П.В. Симонов, Л. Ченг, Ю.С. Щербатых, Н. Эндлер и др.

Механизмы возникновения стресса довольно сложны и многогранны. С точки зрения медицинских наук, в реакциях неспецифического ответа на экстремальные для личности условия активную роль играют гормональная, нервная, сосудистая системы. Переживание стресса также тесно связано с личностными особенностями молодых людей, их физиологическими и психологическими состояниями.

Переживание стресса находит свое отражение в различных личностных сферах, таких как мотивационная, когнитивная, волевая, характерологическая, физиологическая и др. Переживание стресса является реакцией на особенности взаимодействия личности и окружающего мира с его непредсказуемыми ситуациями, новой средой и трудностями,

встречающимися на жизненном пути человека. Данное явление характеризует продукт наших когнитивных процессов, образа субъективного отражения картины мира, мыслей и отношения к каждой конкретной ситуации, понимания собственных ресурсов, степени овладения способами саморегуляции поведения, способностью применять конструктивные стратегии поведения при переживании стресса, их оптимального выбора.

Результаты эмпирического исследования. Нами было проведено исследование переживания стресса молодыми людьми, где изучались взаимосвязи переживания стресса и личностных особенностей респондентов.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие молодые люди 19-25 лет, 75 человек: 42 девушки и 33 юноши. Этот возрастной период характеризуется множеством качественных и количественных изменений в структуре личности. Данный возраст – это, как правило, студенческие годы, период зрелой юности; на этом этапе своей жизни молодые люди находятся в процессе интенсивного самоопределения и реализации жизненных планов и перспектив. В этом возрасте приходит понимание ответственности за собственную жизнь. Но при этом юноши и девушки ещё не обладают достаточным жизненным опытом в решении разнообразных «взрослых» проблем. Поэтому многие ситуации вызывают у них растерянность, постоянно присутствующую тревожность, страхи и опасения, неадекватное реагирование, то есть признаки, характеризующие ситуацию, как стрессовую для личности.

Диагностический инструментарий. Для проведения исследования нами использовались такие методики: «Шкала оценки реактивной и личностной тревожности» (Ч.Д. Спилбергер, в адаптации Ю.Л. Ханина); «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Томаса Холмса и Ричарда Райха; «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности» (И.В. Киршева, Н.В. Рябчикова); личностный опросник Кеттелла 16-PF (форма С); авторская анкета «Особенности переживания стресса».

В рамках данной статьи мы предложим некоторую часть материалов, полученных при помощи контент-анализа ответов респондентов и представляющих развернутую картину описания переживаний стресса.

Результаты анкетирования. Нами была разработана анкета «Особенности переживания стресса», содержащая 13 вопросов, которая позволяет определить, как личность переживает стресс, в чем именно выражается переживание стресса молодыми людьми. Представим некоторые материалы контент-анализа переживаний стресса молодыми людьми.

По *первому вопросу анкеты* «Что для вас является стрессом? (Какие события и ситуации?) С какими переживаниями вы связываете состояние стресса?» можем отметить следующее. Практически 100% женщин дали определение понятия «стресс», они объясняли, что в их понимании является переживанием стресса. Оформленные представления о стрессе смогли дать 15,1% мужчин. В нашем понимании, это связано с тем, что состояние стресса связано с определенными эмоциональными переживаниями, которые женщины понимают лучше, могут их описать словесно. Видимо, для мужчин отражение собственных эмоций и понимание чужих эмоций представляет определенную сложность, что и отразилось в показателях нашего исследования. Развернутые ответы женщин в анкете так же говорят о том, что женщины в большей степени эмоциональны (по крайней мере, в большинстве случаев), в то время как мужчины более склонны к сдержанным реакциям (даже в воспитании мальчиков им часто говорят, что мужчина не должен проявлять излишнюю эмоциональность: стереотипы типа «мужики не плачут», «не кисни», «будь мужчиной» и т.д.).

В качестве типичных определений в ответах респондентов выделяются несколько групп содержательных характеристик стресса.

Одна группа респондентов к пониманию стресса относит *переживания положительные и отрицательные*, они считают, что это может быть любое событие, нарушающее эмоциональное спокойствие, это может быть какая-либо «встряска организма», т.е. значимое, важное событие. Таких респондентов около 43% женщин и 3% мужчин.

Следующая группа определений стресса связана с *реакцией организма на неблагоприятные факторы*, когда респонденты определяют стресс как неожиданные, негативные ситуации – таких 23,8% женщин.

Есть группа респондентов, которые при определении стресса акцентируют свое внимание на *характеристике эмоциональных переживаний*. К стрессовым они относят: «ситуации, в которых теряется контроль над эмоциями и здравым смыслом», «любое событие, нарушающее эмоциональное спокойствие», «события, вызывающие сильные эмоции» - таких 45,2% женщин и 12% мужчин.

Интересным является указание на *содержательные характеристики стресса*, т.е. какие события и ситуации вызывают стресс. Мы подсчитали количество упоминаний ситуаций и событий в анкетах респондентов, которые они считают стрессовыми. Есть отличия в мужской и женской выборке по присвоению тому или иному событию значения стрессового. По количеству упоминаний мы выделили следующие содержательные группы.

Первую группу составили упоминания о *чрезвычайных ситуациях, экстремальных ситуациях*, непредвиденных событиях – это самая многочисленная группа: 114 упоминаний в женской выборке и 89 – в мужской. В эту же группу мы отнесли и упоминания о военных действиях, которые стали чрезвычайно травмирующей ситуацией для сознания и жизни жителей Донбасса.

Если выделить стрессы, связанные с военными действиями на территории Донбасса, в отдельную содержательную группу (обстрелы, ранения, поездки через границу, прохождение блокпостов), то в женской выборке это составило 67 упоминаний, в мужской – 41.

Вторая группа упоминаний касается *болезней* своих собственных или болезней близких, физического неблагополучия, состояния здоровья как повода для стрессовых переживаний – 42 упоминания женщин и 4 упоминания мужчин.

Третья группа по значимости в стрессовой проблематике – это *взаимоотношения и межличностное взаимодействие* между близкими и значимыми людьми. В эту группу попали события, связанные с непониманием близкого человека, разводы, предательство, ссоры или конфликты с кем-либо. Таких упоминаний в женской выборке – 40, в мужской – 7. В этой связи стоит отметить, что видимо для женщин проблемы взаимоотношений являются более значимыми, вызывающими больше стрессовых переживаний, чем для мужчин.

Следующую группу в перечне стрессовых событий составили *события, которые по своему содержанию могут вызвать стресс*, но не могут быть однозначно оценены, как негативные. Эмоциональная окраска события зависит от личностной оценки самого человека, от его отношения к данному событию, от присвоения ему определенной значимости. К таковым отнесены: свадьба, выпускной, перемены в жизни, переезд, окончание обучения в вузе и др. Упоминания подобного рода встретились в 34 ответах женщин и 3 ответах мужчин.

Пятая группа – *проблемы профессионального содержания*, т.е. стрессовые переживания, связанные со сферой профессиональной деятельности: смена работы, увольнение, проблемы на работе, тяжелая работа, большое количество задач при малом количестве времени. Эта группа переживаний является особенно стрессовой для мужчин (32 упоминания против 17 упоминаний женщин). Мы связываем это с тем, что в общественном сознании мужчина всегда определяется как добытчик, глава семьи, к

которому предъявляются требования по зарабатыванию денег, обеспечению материального благополучия и т.п., что возлагает особую ответственность на мужчину, и соответственно является зоной его переживаний. Эту мысль подтверждает и то, что в *группу* стрессовых событий, которую мы условно назвали «*материальные проблемы*», составили 15 упоминаний мужчин и ни единого упоминания женщин.

Седьмую группу составили переживания, связанные с *учебным стрессом* (экзамены, защита магистерской работы в скором времени) таких 12 упоминаний в женской выборке и 3 упоминания в мужской. Это вполне объяснимо, так как часть нашей выборки составляют магистранты и студенты университета.

Следующая группа, которая вызывает стрессовые переживания, связана с *условиями внешней среды*. Например, дальняя дорога, смена климата – встречаются в упоминаниях женщин; длительное время без сна, голод, холод, монотонная среда – встречаются в ответах мужчин. Количественное представление данной группы – 9 упоминаний в женской выборке, 4 упоминания в мужской.

Отдельную группу стрессовых переживаний вызывают *бытовые проблемы* – 25 упоминаний в женской выборке и 4 в мужской. Как видим, для женской аудитории бытовые сложности (поломка сантехники, необходимость ремонта техники, сложности в хозяйственных вопросах и пр.) являются поводом для неприятных переживаний.

Таким образом, подытожив содержательные характеристики стресса, можно сказать, что стрессовые переживания у мужчин и женщин часто вызваны разными событиями. Есть общая зона переживаний, такая как чрезвычайные ситуации, экстремальные события, военные действия. А есть события, которые в большей степени являются более стрессовыми для женщин – например, проблемы взаимоотношений, переживания, связанные с болезнями близких, лично значимые события, бытовые проблемы. Для мужской аудитории характерны такие стрессовые темы, как проблемы, связанные с профессиональной деятельностью, материальные проблемы.

По результатам анкетирования можно отметить, что респонденты определенным образом характеризуют стрессовые переживания и связывают их с определенными эмоциями, такими, как волнение, разочарование, беспокойство, страхи, агрессия, злость, подавленность, но важным замечанием является то, что в женской и мужской выборке в переживании стресса присутствуют существенные различия.

Таблица 1

**Характеристики стрессовых переживаний, связанные с эмоциями
(по «Анкете переживания стресса молодыми людьми»)**

Проявления	Женщины	Мужчины
Разочарования	11,9%	-
Страх чего-либо	35,7%	12%
Злость	-	30,3%
Агрессия	4,8%	24,2%
Подавленность	21,4%	9%
Волнение	28,6%	3%
Беспокойство	21,4%	3%
Нервозность	2,4%	3%
Физическое, умственное, моральное переутомление	2,4%	12,1%
Неловкость	-	3%
Негативные эмоции	21,4%	-

Для женской выборки более характерными являются такие эмоциональные переживания, как страх чего-либо, что составило 35,7% женской выборки, волнение –

28,6% женщин, а также такие реакции, как подавленность – 21,4%, беспокойство, негативные эмоции – по 21,4%, разочарования – 11,9%. В то время как у мужчин эти эмоциональные признаки слабо идентифицируются. В переживании стресса основная масса испытуемых мужчин испытывает такие эмоциональные переживания, как злость – 30,3% и агрессия – 24,2% мужской выборки. Мы связываем это с тем, что эмоциональность и чувственность характерна в большей степени для женщин, для мужчин более характерными являются агрессивные, стеничные реакции. Переживания мужчин имеют форму сильных, энергозатратных форм реагирования. Злость и агрессия несут в себе сильную разрушительную энергию, такое реагирование расходует колоссальное количество ресурсов и сил человека. Также хотелось бы отметить тот факт, что для выборки женщин не является характерным такое переживание, как злость и неловкость, в отличие от мужчин. Что касается мужской выборки, то нехарактерными переживаниями для мужчин являются разочарования и негативные переживания. Подобные переживания связаны с рефлексированием событий и возникших ситуаций, некоторым эмоциональным «застреванием» на переживании, что оказалось нехарактерным для большинства мужской выборки.

Пятый вопрос анкеты связан с переживаниями стресса в экстренной ситуации. Вопрос звучит таким образом, чтобы респондент описал свои действия, поведение и переживания, какие он испытывает в экстренной ситуации. В ходе исследования прослеживалась четкая связь ответов испытуемых с пережитым военным стрессом и его последствиями. Отдельно хотелось бы выделить именно эту группу реакций, связанных с военными действиями. В своих ответах респонденты часто описывали действия, производимые ими в случае экстренных ситуаций, связанных с военной средой. Основная часть выборки – люди, пережившие военные действия. Эти события настолько проникли в сознание молодых людей, что экстренная ситуация воспринимается, как ситуация боевых действий на Донбассе. Об этом свидетельствуют такие высказывания: «В случае обстрелов бегу в подвал, либо ищу надежное укрытие». «Хватаю тревожный чемодан со всем необходимым (документами, медикаментами, средствами первой необходимости)»; «Пытаюсь понять откуда «прилет» и куда дальше бежать»; «Выключаю в доме свет во время обстрелов»; «Бегу в комнату, где безопасно, подальше от окон»; «Прячусь в ванной на полу, пока всё кончится» и т.п.

Если выделить подобные проявления в отдельную группу военных стрессов, то мы получим 12 разных реакций, характерных для переживания военных действий. Всего 166 женских упоминаний и 101 упоминание мужчин. Наиболее распространенными среди женщин являются упоминания, касающиеся подготовки к экстренной, критической ситуации. Это поиск укрытия, бомбоубежища, пригодного подвала или что-то вроде этого, составляет 26 упоминаний и 61,9% женской выборки. Мужчины так же отмечают это действие – 20 упоминаний и 60,6% мужчин. Следующим значительным поведенческим признаком является сбор необходимых в экстренной ситуации вещей. Это проявляется у 23 женщин, что составляет 54,7%, у мужчин 10 упоминаний и 30,3%. Важно отметить, что состояние фрустрации отмечают лишь женщины и связывают его с моментами обстрелов, в основном забиваясь в угол ванной комнаты или другого безопасного места. Таких женщин 38%. Описывая моменты обстрелов, женщины так же отмечают у себя массу физиологических проявлений, таких как тремор, стук зубов, потливость, учащенное сердцебиение и дыхание. Для многих женщин в такие экстремальные моменты также характерны эмоциональные проявления: паника 28,6%, страх за свою жизнь 30,9%, негативизм, катастрофизация событий, слезы 40,5%, истерические проявления (крик, слезы) 28,6% и т.п. Поведенческие признаки, такие как обращение к высшим силам и чтение молитв описывают лишь женщины 16,6%. Повышенная двигательная активность характерна для 19% женщин и 12% мужчин. Чтение новостей составляет 75,7% мужчин, в то время как для женщин этот показатель

21,4%. Когнитивные признаки менее выражены в описании ситуации у женщин, нежели у мужчин. Во время обстрелов мужчины отмечают боязнь не справиться с угрозой – 30,3%, навязчивые мысли – 36,4%, попытки предпринять верное решение – 24,2%, отслеживание обстановки – 36,4%, попытки составить четкий план действий – 39,4% мужской выборки.

В других экстренных ситуациях испытуемые отмечают такие поведенческие признаки как вызов спец. служб (мужчины – 18,1%, женщины – 26,2%). Попытка действовать организованно больше свойственна мужчинам, а именно 39,4%, для женщин данный признак составляет 19%. Ступор, замирание отмечают в основном женщины 38% и мужчины 21,2%. Попытка связаться с близкими также более характерна для женской выборки 47,6%, для мужчин всего лишь – 3%. Нарушение моторики и координации движений свойственно как для мужской, так и для женской выборки в равной степени – 21,2% мужчин и 21,4% женщин. Поиск помощи других людей отмечают лишь женщины 26,2% выборки. Мужчины, напротив, отмечают попытку помочь тем, кто рядом, что составляет 39,4% выборки. Для мужчин более характерны когнитивные проявления в переживании стрессовой ситуации. Они отмечают сложность в адекватной оценке происходящего 45,4% мужчин. Так же характерным является обдумывание действий и построение плана для мужчин 48,5%, в то время как у женщин данный показатель составляет 9,5% выборки.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для респондентов нашей выборки характерными являются переживания, связанные с военными действиями. Ситуация военного противостояния оставила отпечаток на восприятии и проживании экстренной ситуации и вызывает массу ассоциаций, связанных с войной на Донбассе. В ситуации обстрелов, женщины выбирают эмоциональный способ реагирования. Для мужчин более характерны когнитивные симптомы переживания экстренной ситуации. Женщины более аффективно и эмоционально реагируют на данные события, испытывая страх, высокую тревожность и депрессивные состояния. Для женской выборки характерны активные попытки подготовиться к опасной ситуации, обеспечить наличие необходимых вещей, еды и пищи для семьи и себя. Мужчины более активны в переживании экстремальных условий, ориентированы на поиск решения и планирование действий, связанных с сохранением жизни и безопасности себя и своих близких. Когнитивные переживания мужчин связаны с минимизированием угрожающей опасности в случае экстремальной ситуации. Мы объясняем это тем, что для мужчин в большей степени характерен поиск и выбор стратегии, в то время как основной, проявляющейся чертой женщин является чрезмерная впечатлительность и эмоциональность.

На наш взгляд, изучение стресса и стрессоустойчивого поведения обладает большим исследовательским потенциалом, который до сих пор не исчерпан.

УДК 159.9

ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

*Баряхтар Оксана Федоровна, аспирант,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(Oksana-neverland@mail.ru)*

В статье представлены результаты исследования особенностей когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации в зависимости от ее содержания. Изучение субъективной репрезентации ситуации является актуальной и перспективной задачей, имеющей практическую значимость для формирования психологической устойчивости человека к объективно трудным или субъективно так понимаемым ситуациям.

Ключевые слова: личность, трудная жизненная ситуация, когнитивная оценка, юношеский возраст.

HARD SITUATIONS OF MODERN STUDENTS

*Barjahtar Oksana Fedorovna, graduate student,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(Oksana-neverland@mail.ru)*

The article presents the results of a study of the characteristics of cognitive assessment of a difficult life situation depending on its content. The study of the subjective representation of the situation is an urgent and promising task that has practical significance for the formation of the psychological stability of a person to objectively difficult or subjectively so understood situations.

Key words: personality, difficult life situation, cognitive assessment, adolescence.

Жизненные ситуации являются неотъемлемыми компонентами современной жизни человека. Одни из них являются типичными, закономерно возникающими на определенных этапах жизнедеятельности, другие неожиданны и ненормативны. В психологии жизненная ситуация рассматривается как результат взаимодействия человека с обстоятельствами, определяющими направление его дальнейшего развития (Н. Адлер, Б. Ананьев, Л. Анциферова, Р. Ахмеров, Ф. Бурлачук, Л. Выготский, Е. Головаха, И. Кон, О. Кроник, Н. Логинова, Б. Ломов, Д. Магнуссон, С. Рубинштейн). Мир представлен для субъекта чередой дискретных ситуаций, которые можно классифицировать в самом общем плане по степени возрастания требований к активности личности, в данной ситуации действующей. На этом основании выделяют повседневные, трудные и экстремальные жизненные ситуации. Трудная жизненная ситуация воспринимается человеком как препятствие для полноценного осуществления жизнедеятельности. Любая трудная ситуация приводит к нарушению деятельности, отношений, порождает отрицательные эмоции и переживания, вызывает дискомфорт, что при определенных условиях может иметь неблагоприятные последствия для развития личности [1].

Личность в юношеском возрасте, в связи с отсутствием жизненного опыта, юношеским максимализмом, является наиболее уязвимой возрастной категорией, подверженной влиянию трудных жизненных ситуаций. В период юношества происходит становление человека как субъекта собственного развития, проявляется стремление к личностной стабильности, достижению успеха, жизненному самоутверждению, поиск смысла жизни. Столкновение с неизвестными, неожиданными, трудными ситуациями может привести к непоправимому физическому и психическому ущербу, дезадаптации, вызвать неблагоприятные последствия для дальнейшего развития личности. Высокий уровень развития внутриспсихических ресурсов способствует успешному преодолению трудных жизненных ситуаций и, как следствие, способствует переходу личности на качественно новый уровень развития, к личностному росту.

Исследователи (К. Левин, Р.М. Грановская, А. Анциферова) обращают внимание на необходимость анализа ситуаций, исходя из субъективной значимости для человека. Основой для когнитивного оценивания ситуаций стали теоретические положения о концепции образа мира (А.Н. Леонтьев), принцип единства когнитивного и эмоционального аспектов оценивания (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, О.К. Тихомиров), категоризация как основа процесса восприятия и оценивания (Дж. Брунер, В.Ф. Петренко) [2].

На описание образа ситуации может влиять психологическая защита, которая запускается при столкновении личности с трудной жизненной ситуацией и в результате происходит искажение картины мира в сознании человека (Б.Д. Каварский, И.М. Никольский, Е.Т. Соколова, З.Фрейд, Н. Хаан). Е.В. Битюцкая, В.А. Петров описывают когнитивное оценивание трудной ситуации как «антизащитный механизм»: человек должен оценить ситуацию как трудную, иначе он ее не преодолеет [3].

Объект исследования – когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций.

Предмет исследования – когнитивное оценивание в ситуации реальной угрозы благополучию в юношеском возрасте.

Целью исследования является выявление особенностей когнитивного оценивания трудной ситуации в зависимости от ее содержания.

Эмпирическая база. Исследование проводилось в г. Донецке на базе Донецкого национального университета. Выборку составили студенты гуманитарных и технических факультетов 1-4 курсов в количестве 390 человек, в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 20,5 лет).

Методами сбора эмпирической информации выступили анкетный опрос для выявления отношения к ситуации, оценки ее влияния на жизнь опрашиваемых (модернизированная анкета Курганского государственного университета); методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций» Е.В. Битюцкой для выявления трудных жизненных ситуаций, изучения особенностей когнитивного оценивания ситуаций, а также ситуационных характеристик в виде содержания ситуации, частоты ее возникновения в жизни респондента. Особенностью методики является обращение к субъективному опыту респондента (личностный аспект). С испытуемыми проводилась беседа с целью уточнения содержания представленной трудной ситуации. Для определения статистической значимости использовался t-критерий Стьюдента.

Анализ полученных результатов исследования позволил сделать следующие выводы. Психологическое исследование студенческой среды было направлено на выявление трудных жизненных ситуаций, изучение когнитивного оценивания ситуаций, а также ситуационных характеристик в виде содержания ситуации, частоты ее возникновения в жизни респондента. Были выявлены группы на основе содержания трудной жизненной ситуации. Первую группу 230 человек (59 %) составили студенты, для которых актуальными и трудными являются ситуации в учебно-профессиональной сфере (неуспеваемость, угроза отчисления, экзаменационная сессия, написание диплома, проблема трудоустройства); межличностной сфере (ссора с близкими, друзьями, разочарование, предательство, разрыв отношений с партнером, проблемы в личной жизни, аморальный образ жизни родителей, чувство одиночества); материально-бытовой сфере (проблемы в общежитии, отсутствие материальных средств, отсутствие собственного жилья) и сфере здоровья (инвалидность, хронические заболевания, беременность). Во вторую группу 160 человек (41 %) вошли студенты, для которых актуально трудной является ситуация представляющая угрозу благополучию (ситуация социального кризиса, в виде локального военного конфликта в регионе). У испытуемых этой группы отмечается длительное переживание ситуации, наблюдается страх за свою жизнь и жизнь своих близких. Данная ситуация рассматривается как ситуация социальной нестабильности, неопределенности. В обеих группах высокие показатели по фактору, отражающему общие признаки наличия трудной ситуации. Испытуемые отмечают значимость ситуации, которая требует повышенных затрат ресурсов и вызывает беспокойство. Что подтверждается высоким балом по фактору «сильные эмоции».

Анализ когнитивной оценки по частным факторам трудности ситуации: «неподконтрольность ситуации», «непонятность ситуации», «трудность прогнозирования ситуации» и «перспектива будущего» позволил выявить достоверность различий на 5% уровне значимости. В группе, для которой актуальными являются трудные ситуации, направленные на достижение цели – ситуация воспринимается как контролируемая, зависящая от действий и усилий, направленных на их разрешение. Несмотря на сложность, ситуация представляется понятной и прогнозируемой. Однако наблюдаются трудности по факторам «необходимость быстрого активного реагирования» и «необходимость принятия решения». Это можно объяснить нехваткой жизненного опыта

в юношеском возрасте, необходимого для быстрого и успешного выхода из сложившейся ситуации. Группа испытуемых, в которой выявлена трудная ситуация, связанная с ситуацией реальной угрозы благополучию, воспринимает данную ситуацию как неподконтрольную, неподдающуюся влиянию, независимую от действий, направленных на ее урегулирование. Собственные ресурсы оцениваются студентами как недостаточные, отсутствует ощущение внутренней собранности, возникают трудности в прогнозировании развития ситуации и событий с ней связанных. Будущее представляется как угроза психологическому благополучию.

Таким образом, изучение субъективной репрезентации ситуаций в сознании субъекта, является актуальной и перспективной задачей, имеющей практическую значимость для формирования психологической устойчивости человека к объективно трудным или субъективно понимаемым ситуациям.

Список литературы

1. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Психологический журнал. 1994. - Т. 15. - № 1. - С. 9-12.
2. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология - 2013. - №2 – С. 40-56.
3. Битюцкая Е.В., Петровский В.А. Когнитивное оценивание, психологическая защита и тревожность в структуре субъективного образа трудной жизненной ситуации // Психология индивидуальности: Мат-лы третьей Всеросс. науч. конф. (Москва, 1-3 декабря 2010 г.): В 2 ч. / Отв. ред. А.Б. Орлов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. Ч. 1. – С.87-88.

УДК: 15. 019. + 153. 1

ВНУТРИГРУППОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ШАХТЕРСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА

Безродный Владимир Иванович,

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(bezrodnuy@rambler.ru)*

Приведены результаты исследований групп с различными уровнями профессиональной бдительности. Выявлены их отличия как по характеру взаимоотношений, так и по вероятности травмирования. Установлено, что уровень профессиональной бдительности выступает в качестве регулятора внутригрупповых взаимоотношений. Выделены и исследованы факторы, обуславливающие профессиональную бдительность, определена их иерархия.

Ключевые слова: профессиональная бдительность, внутригрупповые взаимоотношения, формальный и неформальный лидер, вероятность травмирования.

COAL-MINING TEAMS' INTRAGROUP RELATIONSHIP AS A WORK SAFETY FACTOR

Bezrodny Vladimir Ivanovich,

*Candidate of Psychology, Reader of Psychology Department,
At Donetsk National University (DPR, Donetsk), (bezrodnuy@rambler.ru)*

The article gives the investigation results of groups with different levels of professional alertness. Differences between them are shown both in the character of interaction and in the injury probability. It has been established that professional alertness level is an intragroup

relationship regulator. The factors accounting for professional alertness have been singled out, and their hierarchy has been found out.

Key words: professional alertness, intragroup relationship, formal and informal leader, injury probability.

Общеизвестно влияние социального окружения на установки личности. В наших исследованиях мы поставили задачу выяснить:

1. Как формируется профессиональная бдительность в производственном коллективе;
2. Как уровень профессиональной бдительности (УПБ) определяет взаимоотношения в рабочих звеньях;
3. Как влияют лидеры (официальные и неофициальные) на УПБ группы.

Объектом исследований послужили 24 проходческих звена, входящие в состав шести бригад участка проходческих работ шахты 13-бис. Предварительно у горнорабочих был измерен показатель УПБ, как среднее из трех прожективных ситуаций [2]. Всего в исследованиях приняли участие 140 шахтеров.

В качестве метода исследований внутригрупповых взаимоотношений была использована социометрическая анкета. Непосредственное наблюдение за рабочим процессом, нестандартизованные интервью с рядом руководителей и рабочими позволяли выявить ситуации, представляющие интерес для составления социометрической анкеты [3]. На основании этой информации было выделено 6 коммуникативных критериев: четыре вопроса для определения взаимоотношений в деловой сфере общения и выделения неофициальных производственных лидеров, два – лидеров в личной структуре взаимоотношений.

Вопрос 1 социометрической анкеты направлен на изучение интенсивности взаимоотношений в группе. Такая постановка критериев более надежна, однако возникающая при этом проблема взвешивания ответов не имеет пока достаточно убедительного решения. Весьма популярна равномерная шкала интенсивности, при которой крайним выборам присваиваются равные, но обратные по знаку баллы, а остальные выборы ранжируются так, чтобы для двух соседних граф разность баллов была одинаковой [1]. Однако, мы склонны считать, что между выборами нет такой равномерной дистанции и поэтому при взвешивании вопросов использовали веса, предложенные Д. Т. Кемпбелом [5] и преобразованные З. И. Паниотто [4]. Для первого выбора вес равен 1,0; для второго – 0,7 и для третьего – 0,6. Вес невыбранных приравнивается значению «0». Отрицательные выборы получают балл (-1).

Социометрические индексы вычислялись по методике В. И. Паниотто [71] после построения графов, причем все индексы, полученные при использовании первого вопроса, были взвешенные. Определялись численные значения следующих индексов. Индивидуальные индексы: вес, эмоциональная экспансивность, удовлетворенность. Групповые индексы: плотность, удовлетворенность, число «изолированных» в группе.

Для изучения формирования профессиональной бдительности в рабочих группах мы выделили шесть звеньев. Первые три звена включали в себя не менее половины рабочих с УПБ < 0. Это звенья с низким уровнем профессиональной бдительности. Вторая тройка характеризовалась доминированием высокого уровня профессиональной бдительности, 75-80% членов этих звеньев имели ПБ > +0,25. – вторая группа. Представляет определенный интерес сопоставление указанных полярных звеньев между собой а также с остальными звеньями участка.

Группы с низким уровнем профессиональной бдительности характеризуются большим количеством рабочих, отвергаемых в качестве партнеров по совместной работе. В числе звеньев с высоким уровнем отмечается только один случай отрицательного выбора, причем его объектом служит единственный член группы, имеющий УПБ < 0.

В звеньях 1-ой группы в числе отвергаемых содержится значительная доля с низкими показателями профессиональной бдительности (УПБ < 0): 50,0% в звене 5,1 и 66,6% - в звене 5,2.

Можно сделать предположение, что лица с низким УПБ чаще отвергаются как партнеры по совместной работе. Это подтверждается и другими данными. Среди рабочих участка доля лиц с низкими показателями (УПБ < - 0,25) составляет 17,1%, а среди лиц «отвергаемых» она возрастает до 30,4%. Долевая разница статистически достоверна ($P < 0,05$).

Звено 1.1. хотя и принадлежит к 1 группе, но не характеризуется отрицательными выборами. По всей вероятности, доминирующий низкий уровень профессиональной бдительности является внутригрупповой нормой. Довольно низкий показатель (УПБ = - 0,12) и у звеньевых. Очевидно, что сплоченность звена в деловой сфере общения возникла на стремлении больше заработать в ущерб личной безопасности. Однако настоящей сплоченности не существует. Это подтверждают результаты исследования в неофициальной структуре общения. Звено характеризуется большим числом «изолированных» членов, причем два человека (33,3%) являются двусторонне «изолированными» и в их числе сам звеньевой.

При сравнении звеньев I и II группы в сфере неофициального общения можно видеть, что звенья с низким уровнем профессиональной бдительности характеризуются меньшей сплоченностью, значительным числом изолированных членов. Нами сделано предположение, что изоляции в личных взаимоотношениях способствует низкий уровень профессиональной бдительности. Для его проверки мы исследовали доли рабочих с низкими показателями (УПБ < - 0,25) среди всех обследованных, а также в числе изолированных. Они составили соответственно 17,1% и 32%. Долевая разность достоверна при $P < 0,05$.

Тот факт, что звенья I и II группы отличаются между собой по характеру взаимоотношений, подтверждается и при сравнении групповых индексов. Располагая информацией по всем 24 звеньям, мы вычислили ранговые места звеньев по изучаемым среднегрупповым показателям. Использование рангов, вместо абсолютных значений представляются более целесообразным, так как ранг отражает положение звена относительно всех других звеньев участка по изучаемому параметру.

Звенья с низкими уровнями профессиональной бдительности характеризуются более низкими ранговыми местами по показателям плотности по симпатии (P_1^+ ; P_3^+ ; P_4^+), в то же время плотность по антипатии (P^-) в этих звеньях преимущественно выше, о чем свидетельствуют более высокие ранговые места. Кроме того, звенья 1-ой группы имеют преимущественно более высокие ранги по показателям числа изолированных членов (I_3 ; I_4), а также низкие по среднегрупповым индексам удовлетворенности взаимоотношениями (E_1 ; E_3 ; E_4).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что звенья, где половина и более членов имеют низкие показатели (УПБ < 0), характеризуются разобщенностью, как в деловой, так и в личной структуре взаимоотношений. В них, как правило, наиболее часты случаи отвергания товарищей как партнеров по работе, значительное число изолированных членов. К тому же, как выяснилось, причиной плохих взаимоотношений, в числе прочих, является низкий уровень профессиональной бдительности некоторых членов звена. Такие взаимоотношения могут повышать вероятность несчастного случая, которая и так является высокой у большинства шахтеров с низкими УПБ. Очевидно, этим можно объяснить следующий факт: в звеньях с низким уровнем профессиональной бдительности за пятилетний период было зарегистрировано 8 случаев травматизма соответственно. В звеньях с высоким уровнем отмечено всего два случая.

Еще одно различие, которое обнаружилось при сопоставлении звеньев двух групп, заключается в положении лидеров. В звеньях с низким уровнем профессиональной

бдительности звеньевые не являются неофициальными лидерами. Между тем, в деловой сфере общения есть лидеры. В структуре личных взаимоотношений звеньевые либо имеют малый вес, либо оказываются в числе изолированных. Очевидно, одной из причин такого положения в группе служат низкие показатели у звеньевых ($УПБ \leq 0$). В то же время в звеньях II группы звеньевые входят в число неофициальных лидеров и не являются изолированными в личных взаимоотношениях. Обращают на себя внимание высокие показатели у этих звеньевых ($УПБ_{2.4.3.} = +0,63$; $УПБ_{4.1.1.} = +0,67$; $УПБ_{6.1.1.} = +0,34$). Следовательно, можно сделать предположение, что уровень профессиональной бдительности звеньевым определенным образом характеризует доминирующий уровень звена. Вопрос о влиянии лидера на установку группы является чрезвычайно важным в практическом отношении. Поэтому, чтобы выяснить, как влияют официальные и неофициальные лидеры на установку шахтерского звена, нами был проведен корреляционный анализ взаимосвязи УПБ лидеров со среднегрупповыми показателями. Выяснилось, что коэффициент корреляции между УПБ звена и УПБ звеньевым составил: $r_1 = +0,52$; $P < 0,01$. А между среднезвеньевым показателем и УПБ неофициального лидера: $r_2 = +0,51$; $P < 0,01$. Следовательно, установки лидеров связаны с установками звеньев. Можно видеть, что r_1 , не отличается от существующего r_2 . Однако из этого не следует вывод о равнозначном влиянии официального и неофициального лидера на УПБ звена, так как 41,6% звеньевых являлись неофициальными лидерами, что не могло не сказаться при исследовании сопряженного варьирования корреляционных пар.

Неофициальный лидер оказывает значительное влияние на УПБ звена. Это следует из анализа положения лидеров в звеньях I и II группы. Так, в звене 5.1. звеньевой имеет относительно высокий уровень профессиональной бдительности ($УПБ = +0,34$), но в группе доминирует низкий уровень ($УПБ \leq 0$). Очевидно, в числе причин этого явления определенную роль играет низкий УПБ неофициального лидера в деловой и личной структуре взаимоотношений, звеньевой же не является лидером: большинство не выбрало бы его звеньевым.

В звене 5.2. звеньевой имеет низкий УПБ и также не входит в число лидеров. Двое шахтеров из троих лидеров в структуре деловых отношений имеют низкие УПБ (рабочие 5.2.4 и 5.2.7). Причем шахтер 5.2.4. является лидером и в личной структуре взаимоотношений. Очевидно, доминирование низкого уровня профессиональной бдительности среди горнорабочих данного звена можно объяснить влиянием установок неофициальных лидеров на установку группы. Официальный же лидер, вероятно, попал под влияние низкой общегрупповой установки.

В последнем звене с низким доминирующим уровнем профессиональной бдительности официальный лидер в деловой сфере взаимоотношений имеет относительно высокий показатель ($УПБ = +0,29$). Однако он не является лидером в личных отношениях и, очевидно, не может эффективно воздействовать на низкую среднегрупповую установку.

При рассмотрении структуры взаимоотношений в звеньях с высокой профессиональной бдительностью можно видеть, что звеньевые оказываются в числе неофициальных лидеров, причем эти лидеры имеют высокие показатели УПБ.

Обращает на себя внимание факт наибольшего совпадения величин среднегруппового УПБ с его значением у лидера в личных взаимоотношениях. Это позволяет предположить, что в передаче установки на безопасность работ отношения личной симпатии играют большую роль, чем взаимоотношения в деловой сфере общения. Данное предположение вполне оправдано ввиду того, что во всех 24 звеньях более сильными оказались отношения личной симпатии. Об этом свидетельствуют коэффициенты причинности между 1 и 3 вопросами анкеты, вычисленные по методике В. И. Паниотто [71]. С помощью указанных коэффициентов можно определить, в какой степени ответ на данный вопрос предопределяет ответ на какой-либо другой вопрос.

Результаты показали, что коэффициенты причинности ($КП_{13}$), описывающие

влияние личных симпатий на выбор партнера для работы, во всех случаях были выше, чем коэффициенты (КП₃₁), описывающие обратное отношение.

Выводы:

1. Уровень профессиональной бдительности выступает в качестве регулятора внутригрупповых взаимоотношений.
2. Группы с различными уровнями профессиональной бдительности отличаются как по характеру взаимоотношений, так и по вероятности травмирования.
3. Выделены и исследованы факторы, обуславливающие профессиональную бдительность, установлена их иерархия. На первых местах находятся системные основания социального порядка, а именно среднегрупповая норма, влияние лидера (главным образом, неофициального).

Список литературы

1. Бахарева Н.В. Шкала приемлемости как метод изучения взаимоотношений. – В кн.: Человек и общество, Вып. 7, Л., изд. ЛГУ, 1970, с. 98-103.
2. Безродный В.И. Исследование психологических факторов травматизма подземных горнорабочих: дис. канд. психол.наук; 19.00.03 – Москва, 1980. – 177с.
3. Безродный В.И. Специальный экспертный опрос как метод исследования психологических причин травматизма // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал, 2018. – № 1. – С.34-40.
4. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. – Киев.: Наукова думка, 1975. – 128 с.
5. Campbell D.tP. A rational for weighting first, second and third socioaetric choices.- Ins The Socioraotry leader. I.Y.,1960.- p.220-226.

УДК: 159.9:37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА (ПОДРОСТКОВ-НЕНЦЕВ)

Бостанджиева Татьяна Михайловна,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологи,
Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»,
(Сургут, Россия), (bost.vi@mail.ru),*

***Лезина Юлия Юрьевна,** аспирант,
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
ФГАОУВ «Тюменский государственный университет»,
(г. Тобольск, Россия), (yamal_lezina@bk.ru)*

Статья посвящена проблеме формирования самоопределения у подростков-ненцев. Изучаются особенности становления самоопределения подростков, связанных с усвоением ценностных ориентиров, смысложизненных ориентаций, представлением о себе, своих дальнейших целях и способах профессионального и личностного развития. Проводится анализ социально-культурой депривации и неопределенности дальнейшего профессионального самоопределения, подростков-ненцев, проживающих в национальных поселках.

Ключевые слова: подростки коренных малочисленных народов Севера; самоопределение; профессиональное самоопределение; личностное самоопределение.

**PSYCHOLOGICAL DIFFICULTIES OF SELF-DETERMINATION OF
ADOLESCENTS SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR NORTH
(TEENAGE NENETS)**

Bostandjiev Tatiana,
candidate of psychological Sciences, associate Professor of psychology,
Budget institution of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra
"Surgut state pedagogical University" (Surgut, Russia), (bost.vi@mail.ru)
Lesina Yuliya Yur'evna, postgraduate,
Tobolsk pedagogical Institute. D. I. Mendeleev (branch)
Tyumen state University (Tobolsk, Russia), (yamal_lesina@bk.ru)

The article is devoted to the problem of the formation of self-determination in adolescents-Nenets. We study the formation of the self-determination of adolescents related to the assimilation of values, life orientations, a picture of yourself, your future goals and ways of professional and personal development. The analysis of the socio-culture of deprivation and uncertainty of further professional self-determination, adolescents-Nenets living in national settlements.

Key words: adolescents of indigenous peoples of the North; self-determination; professional self-determination; personal self-determination.

Современная социально-политическая и экономическая ситуация в стране, интерпретируемая как один из макросоциальных факторов развития личностного и социального самоопределения подростков коренных малочисленных народов Крайнего Севера (здесь и далее — КМНС), характеризуется серьезными социальными преобразованиями и изменениями. Среди них важными являются резкое социальное расслоение, утрата идеологических ориентиров, неопределенность и разногласие в системе общественных социальных ценностей, двойные социальные стандарты, в том числе в сфере нравственно-ценностных ориентиров [8; 9]. По данным Л. Абрютиной, суицид, алкоголизм, безработица, различного рода правонарушения становятся весьма распространенными явлениями в среде коренных малочисленных народов Севера [1].

Но, кроме этого, огромное влияние на личностное и профессиональное самоопределение подростков КМНС оказывают микросоциальные факторы: специфика культурных и этнических особенностей коренных малых народов, условия социализации – подростки КМНС обучаются в специализированных школах-интернатах.

Таким образом, актуальность исследования трудностей самоопределения подростков коренных малочисленных народов Севера определяется следующими позициями:

- немногочисленностью исследований, затрагивающих самоопределение подростков коренных малочисленных народов Севера;
- своеобразием микро- и макросоциальной ситуации развития, которая обуславливает специфику самоопределения подростков-ненцев (как в динамическом, так и в содержательном плане).

Личностное развитие подростков-ненцев имеет особенности, которые будут затрагивать основное новообразование – самоопределение, содержательно включающее в себя различные компоненты, центральным из которых является этническое самоопределение. Поскольку личностное самоопределение зависит от различных факторов (усвоение национальных ценностей и их активная переработка в соответствии со своими индивидуально-личностными особенностями, принадлежность к этнической группе), то и этническое самоопределение будет оказывать значительное влияние на личностное самоопределение подростков-ненцев. В качестве основы для данного утверждения выступают исследования национального самоопределения Г. Г. Шпета [14].

Национальное самосознание является особым переживанием, в основе которого лежит «присвоение себе известных исторических и социальных событий и взаимоотношений и противопоставление их другим народам». Г. Г. Шпет доказывал, что, хотя национальная идентификация и не произвольна, определяется культурой, языком и традициями, однако не эти объективные связи, а субъективные переживания определяют процесс отнесения себя к конкретному этносу. Автор определил механизмы национального личностного самоопределения – это те переживания значимости данной культуры, которые испытывает личность.

Социальные трансформации привели к изменению образа жизненного мира коренных народов Севера, как внешнего – объективного, так и внутреннего – субъективного. Это отразилось и на психологической связи этноса со своей природной средой, поскольку изменение образа жизни было связано в том числе и с принудительным переселением народов КМНС из мест традиционного проживания (стойбищ). Исследование М. Н. Лебедевой, посвященное психологической адаптации этнической группы к иной природной среде, показало, что существует тесная эмоционально-когнитивная связь этнической группы с природной средой. При длительном проживании в иной природной среде у переселенцев наблюдается определенная психологическая переориентация (на глубоком психосемантическом уровне), медленная и охватывающая многие поколения, сочетающая в себе принятие и отчуждение как старой, так и новой природной среды [9]. Коренная трансформация, в которую были вовлечены коренные малочисленные народы Севера, привела к утрате этнических черт культуры [11].

Проживание детей и подростков в традиционных ненецких семьях в отличие от условий проживания и обучения детей-ненцев в школах-интернатах характеризуется высокой социально культурной депривацией, которая возникает вследствие двух важнейших взаимосвязанных процессов. Во-первых, это разрушение национальной традиционной культуры, а во-вторых, это ограничение полноценного доступа к достижениям европейской культуры. Второй процесс не менее важен, чем первый, поскольку современные подростки КМНС проживают в период глобальной экспансии европейской культуры с ее ценностями и мировоззрением. Процессы глобализации так или иначе оказывают влияние на их жизнь, что проявляется в социальной неуспешности, поэтому приобщение к реальности современного мира становится необходимым для подростков КМНС [5;6].

Результаты исследования Е. Л. Инденбаум подтверждаются данными, полученными в ходе анализа уровня субъективного благополучия среди подростков-ненцев. Выяснено, что проживающие в школах-интернатах подростки характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия. Это можно объяснить тем, что школа-интернат дает подросткам-ненцам больше определенности, позволяет им построить жизненную перспективу, что положительно сказывается на их самоопределении [12].

Кроме макросоциальных условий, следует учитывать воздействие микросоциальных условий на формирование самоопределения, в том числе обычаи и верования, которые так или иначе влияют на поведение и мировосприятие подростков-ненцев. Так, исследования этических особенностей суицидального поведения показывают, что важным фактором высокой суицидальной активности коренных малочисленных народов Севера выступает сохранившееся в том или ином виде традиционное верование (шаманизм), в котором отсутствует негативная оценка самоубийств, рассматриваемых как вполне допустимый вариант поведения в определенных ситуациях [10]. Помимо этого, следует учитывать особенности коллективной психологии народов, которая оказывает влияние на особенности поведения и самоопределения подростков ненцев [10].

Исследования О. В. Лишина, Т. М. Бостанджиевой, И. С. Проворовой были посвящены изучению особенностей личностного самоопределения подростков-ненцев, детей, кочующих в тундре оленеводов, воспитанников школы-интерната. Изучение экспериментальных материалов, результатов наблюдений, содержания бесед, анализ

сочинений, интервьюирование подростков-ненцев выявили существенные противоречия между формами обучения в школах-интернатах и задачами воспитания. Эти противоречия связаны, с одной стороны, с самой системой обучения подростков-ненцев в школах-интернатах, а с другой стороны, с этническими и культурными особенностями жизни подростков-ненцев из семей оленеводов. Среди таких противоречий можно выделить основные: во-первых, это неоднозначная и противоречивая позиция подростков КМНС из семей оленеводов, характеризующаяся тем, что подросток не принимает навязанные и нередко чуждые формы общественных отношений, закрепленные в школе-интернате. При этом социальная ситуация предполагает резкий отрыв подростка от национальных и семейных традиций, а с другой стороны, открытие больших возможностей, которые предоставляет образование. Во-вторых, наблюдается неприятие подростками КМНС формы общественных отношений, предлагаемой школой-интернатом. В-третьих, система обучения и воспитания в школе-интернате не учитывает этнические особенности подростков КМНС (особенно это касается детей оленеводов). Результаты исследования показали необходимость решения важнейшей задачи привлечения к работе в школах-интернатах для детей и подростков КМНС представителей малочисленных коренных народов, непосредственно знакомых с культурной спецификой подростков КМНС [8].

Таким образом, с одной стороны, современные подростки КМНС, формально принадлежат к определенной этнической группе, не чувствуют психологическую принадлежность к своему этносу, поскольку многие не владеют национальным языком и не знакомы с культурой своего народа, что ставит их в ситуацию маргинализации этнической идентичности. А с другой стороны, особенности коллективной психологии и этническая культура оказывают влияние на формирование самоопределения подростков-ненцев, воздействуя на процесс адаптации в новой среде и смысложизненные ориентации.

Сочетания маргинальной этнической позиции с неустойчивой социальной позицией подростка в современном обществе значительно затрудняет развитие идентичности у подростков КМНС. Неопределенность социальной ситуации развития, описанная выше, приводит к затруднению формирования временной перспективы, которая является важным приобретением подросткового возраста.

Таким образом, можно выделить две группы факторов, оказывающих влияние на динамику и содержание развития самоопределения подростков-ненцев – макросоциальные и микросоциальные.

Обобщенно характеризуя социальную ситуацию развития подростков КМНС, в которой происходит становление их самоопределения, можно говорить о ее неоднозначности и крайней сложности.

Макросоциальная ситуация, в которой происходит становление самоопределения подростков-ненцев, во-первых, отличается социальным, общественным неблагополучием в виде повышенной алкоголизации и безработицы (особенно это касается ненцев, занимающихся традиционными видами промыслов).

Во-вторых, подростки КМНС попадают в ситуацию, когда происходит стирание национального самосознания, что связано с потерей родного языка, традиций, национальных верований. Но, с другой стороны, подростки КМНС, проживающие в традиционных семьях, попадают в ситуацию социально-культурной депривации, связанной с недостатком и прямым ограничением доступа к различным современным ресурсам, в том числе и информационным, что делает их крайне уязвимыми в плане интеллектуального и личностного развития по сравнению с их сверстниками, проживающими в поселках. Все это в итоге приводит к низкой социальной адаптации.

Соответственно, самоопределение подростков-ненцев изначально находится под влиянием нескольких, нередко противоборствующих факторов: необходимостью приспособляться к негативным социальным условиям, потере компонентов этнической идентичности (в особенности языка), и влиянием этнических психологических особенностей

и особенностей коллективной психологии.

Теоретический анализ проблемы позволил выяснить, что самоопределение подростков-ненцев характеризуется в определенной мере маргинализацией, сложностями становления в связи с тем, что деформирован изначально важный содержательный аспект самоопределения – этническое самоопределение. Подростки-ненцы дольше других сверстников находятся в состоянии диффузной идентичности, что сопровождается негативными эмоциональными переживаниями в виде неудовлетворенности собой, своим местом в жизни, непониманием, что делать дальше. Личностное и профессиональное самоопределение подростков-ненцев, проживающих в традиционных поселениях, проходит в условиях социально-культурной депривации, что не позволяет полноценно сформировать планы на будущее, построить временную перспективу, получить профессиональное образование, позволяющее расширить границы самоопределения.

Список литературы

1. Абрютин Л. Коренные малочисленные народы Севера находятся в состоянии глубокого кризиса [Электронный ресурс] / Л. Абрютин // Северный регион: стратегия и перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции. – 2003. – Режим доступа: <http://www.kreml.org/opinions/24567180>.
2. Вайзер Г. А. Школьники о взаимосвязи смысла жизни человека и его акме / Г. А. Вайзер // Психологические проблемы смысла жизни и акме : материалы XI симпозиума. – Москва, 2006. – С. 89–91.
3. Вахромов Е. Е. Психологические концепции развития человека : теория самоактуализации [Электронный ресурс] / Е. Е. Вахромов. – Москва : Международная педагогическая академия, 2001. – Режим доступа : <http://www.studfiles.ru/preview/3994063/>.
4. Выготский Л. С. Биогенетический закон в психологии и педагогике / Л. С. Выготский // Хрестоматия по возрастной психологии : часть 1 / под ред. О. А. Карабановой, А. И. Подольского, Г. В. Бруменской. – Москва : Российское психологическое общество, 1999. – С. 32–35.
5. Инденбаум Е. Л. Социокультурные детерминанты познавательной деятельности детей малочисленных народов Севера / Е. Л. Инденбаум // Культурно-историческая психология / ред. В. П. Зинченко. – 2008. – № 3. – С. 25–32.
6. Инденбаум Е. Л. Дети Севера : опыт социопедагогического исследования / Е. Л. Инденбаум // Труды по социологии образования / [ред. В. С. Собкини др.]. – Москва : РАО Центр социологии образования, 2004. – Т. 9. – Вып. 15. – С. 209–225.
7. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию / Н. М. Лебедева. – Москва : Ключ-С, 1999. – 224 с.
8. Лишин О. В., Бостанджиева Т. М. Особенности личностного самоопределения ненецких детей в условиях школы-интерната / О. В. Лишин, Т. М. Бостанджиева, И. С. Проворова // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 70–77.
9. Максимова А. А. Коренные народы Севера в условиях перемен / А. А. Максимова // Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск, 2014.
10. Положий Б. С. Этнокультуральный аспект суицидального поведения / Б. С. Положий // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2012. – № 3 (72). – С. 76–78.
11. Сорокина С. А. Надзор или беспризорность? К проблеме государственного патернализма в отношении коренных народов Севера / С. А. Сорокина // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – № 1. – С. 79–98.
12. Удинцев В. С. Субъективное благополучие подростков Арктического Ямала / В. С. Удинцев // Экология и здоровье населения : сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых в ФГБНУ Восточно-Сибирский институт

медико-экологических исследований. – Иркутск, 2015. – С. 156–162.

13. Фельдштейн Д. И. Трудный подросток / Д. И. Фельдштейн. — Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Модэк, 2008. –208 с.

14. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. — Санкт-Петербург : П. Э. Т., Алетейя, 1996. – 160 с.

УДК 159.9.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ

Булгаков Владимир Михайлович,

*старший преподаватель кафедры социальной психологии и акмеологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, (г. Орёл),
(phoenix-80@mail.ru)*

В статье рассматривается проблема саморегуляции произвольной активности личности в юношеском возрасте. Рассматриваются основные подходы к проблеме саморегуляции в отечественной психологии.

Автор в статье подводит к мысли, что саморегуляция личности является комплексным, системообразующим конструктом при анализе формирования личности в раннем юношеском возрасте и выступает условием успешности профессионального и личностного самоопределения в ранней юности.

Ключевые слова: самосознание, самоорганизация, осознанная регуляция деятельности, саморегуляция, самоконтроль, субъектная активность.

SELF-IDENTITY OF STUDENTS AS A BASIS FOR SUCCESSFUL ADAPTATION TO NEW LEARNING ENVIRONMENTS

Bulgakov Vladimir Mikhailovich,

*senior lecturer, Department of social psychology and acmeology,
Orel state University. I. S. Turgeneva, (G. Orel), (phoenix-80@mail.ru)*

The article deals with the problem of self-regulation of arbitrary activity of the individual in adolescence. The main approaches to the problem of self-regulation in Russian psychology are considered. The author of the article leads to the idea that self-regulation of personality is a complex, system-forming construct in the analysis of personality formation in early adolescence and is a condition for the success of professional and personal self-determination in early youth.

Key words: self-consciousness, self-organization, conscious regulation of activity, self-regulation, self-control, subjective activity

Анализ возрастных особенностей студентов, их потребностей и мотивов, а также социальной ситуации развития показывает, что они находятся в кризисе профессиональной и личностной идентичности, в сложном переходном периоде. Общество требует от юношей и девушек занять активную жизненную позицию, выбрать профессию, изменить стиль взаимоотношения, стать по-настоящему взрослым. Из человека, подчиненного обстоятельствам они постепенно превращаются в руководителя, субъекта взаимодействия, который часто сам создает среду и активно ее преобразует. Большинство студентов не готовы к таким глобальным изменениям. Вследствие чего, у них наблюдается «страх будущего» и завышенные ожидания, снижается самооценка, самоуважение, повышается тревожность, проявляется пассивно-выжидательная позиция и конфликтность. Помочь юношам и девушкам преодолеть сложившийся кризис личностного и профессионального самоопределения должна, на наш взгляд, ориентация в учебно-воспитательном процессе на развитие и формирование системы осознанной

личностной саморегуляции.

Проблема саморегуляции привлекает внимание исследователей, как в плане теоретического рассмотрения, так и в плане экспериментальных исследований. Ведь понятие саморегуляции, регуляции связывает воедино внутренние и внешние проявления в психике. Единой точки зрения на определение термина осознанная саморегуляция пока не существует в научном сообществе. На сегодняшний момент среди психологических исследований регуляции в отечественной психологии можно выделить три основные направления с точки зрения предмета исследования: 1) изучение особенностей регуляции деятельности (О.А. Конопкин, А.К. Осницкий, К.А. Абульханова-Славская, А.М. Волков, А.Г. Асмолов, Г.Н. Солнцева и др.); 2) исследования личностной регуляции поведения (В.Г. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.А. Иванников, Ю.М. Миславский, В.И. Моросанова, И.И. Чеснокова, А.С. Шаров, В.А. Ядов и др.); 3) исследования социальной, нормативной регуляции поведения (М.И. Бобнева, И.Ю. Истошин, Е.А. Родионова, Е.В. Шорохова, С.Г. Якобсон и др.).

Наиболее подробно изучение регуляции деятельности представлено в исследованиях О.А. Конопкина [3]. При построении модели саморегуляции автор концентрирует свое внимание на структурных особенностях, функциональных звеньях данного процесса. Предлагаемая О.А. Конопкиным модель функциональной структуры регуляции имеет несколько основных звеньев: 1) субъективная модель значимых для реализации цели условий, 2) принятая субъектом программа преобразований, 3) система критериев оценки успешности действий, 4) информация о ходе преобразований и их результатах, 5) представление о желаемых результатах преобразований. Автором была выделена модель, отражающая, в первую очередь, информационный аспект процесса регуляции: взаимодействие представленных в сознании субъекта образований, отвечающих за передачу, прием, изменение информации, касающейся особенностей протекания деятельности. Ведущим механизмом регуляции деятельности считается механизм контроля и оценки действий по ходу их осуществления. Осознанная саморегуляция понимается О.А. Конопкиным как «системно организованный процесс внутренней активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей» [2, с.6].

Проблема соотношения регуляции деятельности и личностной регуляции представлена в работах К.А. Абульхановой-Славской [1]. Автор рассматривает два уровня, между которыми существует тесная связь. Это уровень личностной регуляции деятельности и уровень психической регуляции (психических процессов, свойств и состояний). На личностном уровне регуляция деятельности предполагает постановку цели, побуждение к деятельности, а также сохранение и поддержание соответствующего уровня активности, реализацию определенных требований личности к себе. Центральный компонент регулятивного процесса – цель деятельности, выполняющая систематизирующую и структурирующую функцию.

Интересной и проработанной является модель Ю.А. Миславского. Саморегуляцию личности он понимает как процесс поддержания общей продуктивной активности человека. Соответственно развитие личности выступает, по Ю.А. Миславскому, как процесс совершенствования системы саморегуляции личности через изменение, а точнее совершенствование ее структурных компонентов и их функциональных отношений. В целом, структурными компонентами саморегуляции личности, по Ю.А. Миславскому, являются ценности, цели, идеалы, образ «Я», притязания и самооценка. Эти функциональные составляющие формируются в процессах общения, отношений с другими людьми и детерминируют активность и развитие личности. Таким путем Ю.А. Миславский осуществил переход от деятельностной к личностной модели регуляции [4].

Личностный подход при построении структуры регуляции мы наблюдаем у

В.А. Ядова. Им разработана «диспозиционная концепция регуляции социального поведения». У автора поведение личности регулируется иерархически структурированной диспозиционной системой, а структурные компоненты личности отождествляются с уровнями диспозиции [9].

Особый интерес в рамках личностного подхода вызывает концепция А.С. Шарова. Он рассматривает регуляцию как центр, как ведущую систему психологической структуры личности. «Регуляция – это направленная на развитие целостности субъектная активность, осуществляемая посредством системы выборов» [7,с.105]. Регуляция как ведущая система структуры личности наполняется содержанием через структурные подсистемы: ценностно-смысловую сферу человека, активность и рефлексивность, которые являются необходимыми и обязательными, без них регуляция невозможна. Эти три блока соединяются в единое целое регуляцией. Именно регуляция выступает объединяющим началом и стержнем человеческой личности. В регуляции человеком собственного поведения проявляется целостность личности [8].

Другой подход к личностной регуляции представлен в теории И.И. Чесноковой. Проблема саморегуляции рассматривается ею в контексте самосознания человека. Именно через процесс саморегуляции, самоорганизации проявляются, объективируются знания человека о себе, как результат самопознания, и его эмоционально-ценностное отношение к себе. Саморегуляция, по мнению И.И. Чесноковой, проявляется в непосредственном осуществлении коррекции действий и готовности личности вносить изменения в собственное поведение [6].

Авторы (М.И. Бобнева, И.Ю. Истошин, Е.А. Родионова, Е.В. Шорохова, С.Г. Яковсон и др.) анализируют значение и функции нормативной регуляции поведения, основу которой составляют социальные нормы. Так, М.И. Бобневой и Е.В. Шороховой делается предположение о существовании, по крайней мере, трех социально-психологических уровней регуляции поведения с точки зрения участия в них ценностей. Первый уровень, генетически более ранний, характеризуется отсутствием у индивида ценностей как внутренних регуляторов активности. Второй уровень – «нормативно-ценностный» связан с сочетанием групповых норм и индивидуальных ценностей личности. На третьем уровне, «ценностном», решающим становится содержание общения, а не распределение позиций между членами группы. Внутригрупповые нормы уходят здесь на второй план. Создается атмосфера, способствующая активной включенности личности, мобилизации ресурсов всех членов группы [5].

Соотношение внешней, социальной и внутренней, личностной регуляции рассматривается в исследовании С.Г. Яковсона – этической регуляции поведения [10]. Автором выделяются две формы нормативной регуляции поведения личности, которые обеспечиваются разными психологическими механизмами. Это обычно-традиционная и морально-нравственная регуляция. С. Г. Яковсон выдвигает в своем исследовании предположение о том, что разные виды нормативной регуляции осуществляются на основании разных психологических механизмов, требующих для своего формирования особых педагогических условий. Центральным компонентом внутренней, этической регуляции поведения является система ценностей и смыслов личности, формирующаяся в процессе интериоризации внешних социальных норм. Процесс этической регуляции поведения строится как соотнесение внешних и внутренних факторов, выявление противоречия между ними и его преодоление.

Нами понимается, что саморегуляция выступает в юношеском возрасте как основание субъектности, т.е. помогает юноше реализовать целеполагание и целеосуществление, достичь высшего уровня самоорганизации, саморазвития, самоопределения.

Для выявления уровня саморегуляции могут использоваться следующие методики: методика экспертных оценок; опросник самооотношения (МИС), разработанный

В. В. Столиным, С. Р. Пантелеевым; опросник – стиль саморегуляции поведения (ССПМ), автор В. И. Моросанова; авторская методика Г. С. Прыгина – опросник «автономности и зависимости»; многофакторный личностный опросник 16PF Р. Кэттелла; контент-анализ сочинений на тему: «Автобиография» и «Я через 10 лет»; методика уровня субъективного контроля (УСК), авторами которой являются Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. После проведения процедуры диагностики необходимо организовать социально-психологический тренинг по развитию компонентов саморегуляции целенаправленной активности студентов. В тренинге важно развивать основные элементы самосознания, рефлексию, самостоятельность, инициативность, ответственность, планирование и контроль своей деятельности, а также временную перспективу личности.

Итак, осознанная саморегуляция целенаправленной активности личности выступает как наиболее общая функция целостной психики в процессе саморегуляции и реализуется единство психики во всем богатстве условно выделенных ее отдельных уровней, сторон и процессов. Саморегуляция личности является комплексным, системообразующим конструктом при анализе раннего юношеского возраста, при изучении процесса формирования личности как субъекта собственных психических преобразований и изменений, и выступает условием успешности профессионального и личностного самоопределения в ранней юности.

От степени совершенства саморегуляции зависит эффективность произвольной активности и развитие личности в данном возрасте, так как в структуру регуляции входят все основные компоненты структуры личности.

Овладение системой личностной саморегуляции является источником психологического благополучия, снижения внутренней тревожности и конфликтности, и выступает в целом как фактор психологического здоровья и гармонизации самосознания в раннем юношеском возрасте.

Развитие саморегуляции студентов повышает у них самостоятельность при принятии решений и уверенность в себе, своих силах и возможностях, что обязательно отражается при планировании и реализации планов на будущее, своего жизненного пути и адаптации к новым образовательным условиям.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности. // Проблемы психологии личности. – М.: Наука, 1982. – С.92-102.
2. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995. - № 1. – С. 5-12.
3. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. –М.: Наука, –1980. – 255с.
4. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. –М.: Педагогика, 1991. –151с.
5. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. –М.: Наука, 1979. –368 с.
6. Чеснокова И.И. Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности. –М., 1982. –С.120-135.
7. Шаров А.С. Психология познания человека. –Омск: Изд-во ОмГПУ, 1994. –130 с.
8. Шаров А.С. Ограниченный человек: Значимость, активность, рефлексия. –Омск: ОмГПУ, 2000. –358с.
9. Ядов В.А. Регуляция и саморегуляция социального поведения личности: постановка проблемы // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. –Л.: Наука, 1979. – С.6-32.
10. Якобсон С.Г. Становление психологических механизмов этической регуляции поведения // Психология формирования и развития личности. –М.: Наука, 1981. –367 с.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ И ЕЕ ПРИНЦИПЫ

*Бунтовский Сергей Юрьевич,
доцент к.н., кандидат экономических наук,
Аванесова Милана Аркадьевна,
Филь Евгения Валерьевна,
студентки 4 курса факультета управления,
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
(г.Краснодар, РФ), (avanesova9797@mail.ru)*

В данной научной статье были рассмотрены особенности профессиональной этики государственного служащего. Проведен анализ дисциплины госслужащего времен Петра I и нынешней Российской Федерации. Охарактеризованы нравственные принципы, которые должен соблюдать каждый госслужащий.

Ключевые слова: государственная служба, этика, профессиональная этика, принципы, нравственность, мораль.

THE ROLE OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE STATE SERVICE AND ITS PRINCIPLES

*Buntovsky Sergey Yuryevich,
associate Professor Ph.D.,
Avanesova Milana Arkadyevna,
Fil Evgenia Valerievna,
4th year students of the Faculty of Management,
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar),
(avanesova9797@mail.ru)*

This scientific article examined the features of professional ethics of a public servant. An analysis of the discipline of civil servant from the time of Peter I and the current Russian Federation was carried out. Characterized moral principles that must be followed by every civil servant.

Key words: public service, ethics, professional ethics, principles, morality, morality.

Зачастую в условиях кризиса человек может проявлять определенное поведение, которое он не проявлял до этого момента. Как правило, такое изменение связано со стремлением индивида приспособиться к возникшей ситуации. В процессе адаптации к реалиям сегодняшнего дня люди ставят перед собой задачу, заключающуюся в определении жизненной стратегии на будущие периоды, от которой и будет зависеть их поведение в целом. Для такой задачи свойственен ряд элементов. Так, каждый из нас желает сохранить внутреннюю независимость и стабильность, при этом выбрать конкретную систему ценностей, которая будет наиболее удобна в новых условиях. Не меньшей подзадачей является определение референтной группы и необходимых моделей поведения, наиболее подходящих кризисному периоду.

На основании вышесказанного следует сказать, что на сегодняшний день очень актуальным является изучение роли профессиональной этики в деятельности государственных и муниципальных служащих, их моральных и нравственных установок, так как им, как и всем людям, свойственно изменение поведения в тех или иных условиях [1].

Поведение человека во многом зависит от системы ценностей, которую он формирует на протяжении всей своей жизни. Следовательно, для наиболее полного

понимания действий госслужащего необходимо дать характеристику понятию «ценности». Под ценностями подразумевают положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для индивида, их групп или всего общества. Ценность определяется не столько свойствами таких объектов, как их степень вовлеченности в жизнь человечества [2].

Основываясь на том факте, что после разделения труда появилось огромное количество разнообразных профессий, следует сказать о возникновении множества регуляторов, которыми являются не только общественные ценности, но и ценности профессиональной этики.

Под профессиональной этикой государственного служащего принято понимать комплекс моральных знаний и практических рекомендаций, ориентированных на деятельность в сфере управления. Основные свойства и черты такого вида этики находят свое выражение в моральных требованиях, которые общество определяет для госслужащих.

Если рассматривать Россию дореволюционного периода, то можно заметить, что наиболее важными обязанностями государственных служащих были строгое и четкое соблюдение законодательных актов, знание государственных законов и постановлений, а также умение их соблюдать и охранять от возможных нарушений. Основными требованиями к деятельности чиновников были ответственное отношение к возложенным на него обязанностям, дисциплинированность, предприимчивость, компетентность и честность.

Однако в современной России, пожалуй, одним из самых главных нравственных принципов выступает принцип законности и верховенства Конституции РФ по отношению к другим нормативно-правовым актам и должностным инструкциям. В таком случае, возникает вопрос: что должен делать госслужащий, если ему поступило незаконное распоряжение от вышестоящей должности или органа?

В пример можно привести Указ Петра I «Об исполнительской дисциплине государственных служащих» от 24.01.1724г., где было сказано, что все подчиненные должны находиться в подчинении у своих командиров только в том случае, когда их приказы не противоречат указу. Если же приказ не соответствует Указу Императора, то подчиненный тайно должен сообщить своему командиру, что это против указа. Но начальник мог не согласиться с мнением госслужащего, поэтому последний обязан был опротестовать его решение и сообщить высшему руководству. Однако если такой протест был ложным, то наказан будет сам госслужащий [1].

Но вернемся к нашему времени, где существует подобное положение, которое указывает, как действовать в похожей ситуации. У государственного служащего нет права на исполнение незаконного поручения, которое ему было дано. Вследствие чего, госслужащий должен письменно предоставить обоснование в незаконности полученного им поручения и указать при этом положение из действующего законодательства РФ, которое нарушается в ходе исполнения поручительства. В дальнейшем служащий должен получить от руководства свидетельство об этом поручении исключительно в письменной форме, после чего он обязан отказаться от его выполнения. Обратим внимание, что государственный служащий, исполнивший незаконное поручение, как и сам поручитель, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2004 №79-ФЗ понесет административную, дисциплинарную, гражданско-правовую или же уголовную ответственность [3].

К сожалению, принцип законности не всегда находит свое выражение в деятельности государственных служащих, что объясняется такими причинами, как неразвитая правовая культура, зависимость служащих от своего руководства, а также отсутствие совести и этических ценностей.

Независимость и беспристрастность в государственной службе должны обеспечивать именно служение своему народу и государству в абсолютно любых

ситуациях, требующих нравственного выбора. Статья 17 ФЗ-№79 говорит, что государственному служащему недопустимо вести предпринимательскую деятельность, получать ценные бумаги или материальные благодарности от физических или юридических лиц [3]. Но в реалиях 21 века, с характерной коррумпированностью государственного аппарата, госслужащие не всегда следуют вышеперечисленным требованиям, думают, прежде всего, о личной выгоде, чем о благополучии общества и государства.

Еще стоит сказать о принципах справедливости и ответственности, которые должен соблюдать каждый государственный служащий. Если в основе его деятельности такие принципы отсутствуют, то невозможно говорить о должном и эффективном исполнении им своих служебных полномочий. Следовательно, это отразится не только на имидже чиновника, но и на авторитете всего государственного аппарата.

Подводя общий итог, необходимо сказать, что в настоящее время государственные служащие должны полагаться на принципы законности, независимости, беспристрастности, ответственности и справедливости. В ином случае, имидж государства значительно снизится, что приведет к окончательному упадку социально-экономического развития и общего благосостояния общества.

Список литературы

1. Копытина Д., Личаченко В. Значение профессиональной этики в деятельности государственных и муниципальных служащих // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации. – 2017. – С. 445-449.
2. Словарь по культурологии GUFOME [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/culturology/Ценность>
3. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) "О государственной гражданской службе Российской Федерации". Принят Государственной Думой 7 июля 2004 года. Одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 года.

УДК 659

ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЕ СМИ И ВНУТРЕННИЙ PR В ОРГАНИЗАЦИИ

Бунтовский Сергей Юрьевич,

кандидат экономических наук,

КУБГАУ (Россия, г. Краснодар), (buntovskiy@rambler.ru),

Мкртчян Джульетта Ашотовна,

студентка 3 курса факультета управления

КУБГАУ (Россия, г. Краснодар), (julietta_mak75@mail.ru)

В статье представлена информация о внутреннем PR, о том, как внутрикорпоративное СМИ может повлиять на будущее компании в целом и как лучше строить внутреннюю PR-компанию, чтобы наладить контакт с персоналом организации. Были так же перечислены задачи, которые стоят перед внутрикорпоративным PR, методы воздействия на людей, с целью привлечения их в ту или иную компанию и различные инструменты воздействия на персонал.

Ключевые слова: Внутренний PR, внутрикорпоративные СМИ, организация, персонал.

CORPORATE MEDIA OR INTERNAL PR IN THE ORGANIZATION

Buntovsky Sergey Yurievich, candidate of Economic Sciences,

Kuban state agrarian University, (Russia, Krasnodar), (buntovskiy@rambler.ru)

Mkrtychyan Julietta Ashotovna, 3rd year student of the faculty of management,

Kuban state agrarian University, (Russia, Krasnodar), (julietta_mak75@mail.ru)

The article presents information about internal PR, how internal media can affect the future of the company as a whole and how to build an internal PR-company to establish contact with the staff of the organization. There were also listed the challenges faced by internal PR, methods of influence on people in order to attract them to a particular company and various tools of influence on the staff.

Key words: Internal PR, internal media, organization, staff.

Внутренний PR – это комплекс действий, воздействующий на весь коллектив организации, с целью повышения его мотивированности и роста эффективности деятельности, достигаемых за счет грамотно выстроенного эффективного двустороннего общения между руководителем и сотрудниками.

Во многих компаниях внутренний PR является приоритетным. Ряд исследований, проводимых в компаниях, показали, что организации больше страдают не от конкурентов или СМИ, а от негативного отношения персонала, потому что персонал является одним из каналов трансляции информации вовне.

Именно люди, работающие в организации, делают большой толчок для ее развития. Ведь очень многое зависит от внутреннего строения организации. Если команда сплоченная, дружная, то работать сразу становится легче. Именно с такой командой можно построить верный курс организации и двигаться по нему к поставленной цели. Но чтобы все получилось, нужно уметь грамотно строить внутреннюю PR-компанию.

Хорошая PR-компания улучшает качество работы и желание персонала самосовершенствоваться для достижения с организацией общих целей. Это происходит благодаря чувству корпоративности и идентичности, возникающей у персонала организации как реакция на позитивные действия PR-компании.

Основными задачами внутреннего PR являются:

1. Создание внутренней идеологии организации и дальнейшее развитие.
2. Формирование имиджа изнутри.
3. Улучшение взаимопонимания между руководителем и его подчиненными.
4. Контроль за официальными и неофициальными каналами передачи информации.
5. Разработка целостной системы объективных оценок вклада каждого в успех организации.
6. Поддержка и развитие профессионального уровня.
7. Укрепление мотивации и благоприятного психологического климата внутри организации и т.д.

В современном мире, существует множество методов воздействия на людей с целью привлечения их в ту или иную организацию и получения положительного эффекта [6], например, многие компании придумывают различные слоганы:

1. «Intel believes employees are the most important investment for success...» – Корпорация Интел считает, что ее сотрудники – главный залог успеха. – Intel.

2. «Лучшие результаты через раскрытие потенциала организации и ее сотрудников» – Группа операторов «Телекоминвест».

3. «Right now, we're looking for people who think big and dream big – people a lot like you» – Именно сейчас мы ищем людей, думающих и мечтающих по-крупному – таких как ты – Microsoft [2. с. 136].

Также существуют различные инструменты воздействия на персонал. Такими инструментами могут быть издания различных печатных изданий внутри организации – буклеты, брошюры, журналы и т.д. В общем их называют корпоративными СМИ.

Корпоративные СМИ в целом представляются в виде печатных или электронных изданий. Благодаря ним можно легко распространять информацию внутри организации, которая нужна как для служебного, так и для общего пользования. Такие СМИ нужны прежде всего для того, чтобы повысить лояльность сотрудников к организации и

предоставлять информацию о различных мероприятиях, которые проводит организация для своих сотрудников. В таких изданиях часто размещается различная полезная информация об улучшении профессионального уровня сотрудников и т.д. Так же такие СМИ будут полезны как для клиентов компании, так и для деловых партнеров. Потому что в них размещается информация об организации, о различных новинках в производстве, а также об различных технологических процессах компании, которая может быть полезна и интересна клиентам и партнерам.

К инструментам воздействия относятся поддержка и организация спортивных соревнований, творческих мероприятий с участием персонала организации, разработка всевозможных тематических и информационных стендов – отчеты о достижениях, доска почета, различные учебные программы для персонала – курсы, семинары и т.д. [1., с. 254].

Международное агентство «Robert Half International», занимающееся подбором персонала, провело исследование и пришло к выводу, что многие работодатели полагают, что их сотрудники в большей степени уходят из компании из-за недостатка карьерных возможностей или из-за отсутствия взаимопонимания с руководителями. Как сообщает интернет-ресурс HR-zone.net, среди анкетированных работодателей 39% считают, что увольнения работников чаще всего случаются из-за нехватки карьерных возможностей, 23% указали сложности общения с руководством, а 17% – недостаток признания. И всего лишь 11% выбрали уровень заработной платы и премий. В данном исследовании приняли участие 150 крупных компаний по всему миру [7].

Улучшить уровень персонала и мотивацию среди сотрудников помогает вовсе не повышение заработной платы [4]. Она конечно тоже играет свою роль, но основным все же является именно удовлетворение эмоционально-психологических потребностей персонала. Надо вести такую PR-компанию, благодаря которой, работники будут чувствовать себя нужными и знать, что их работа не стоит на месте и они смогут в будущем продвинуться по карьерной лестнице. Дело в том, что организация, которая использует политику продвижения своих сотрудников и ценит их заслуги, получает отдачу от своих работников, которые становятся более замотивированными и готовыми к работе для достижения поставленных целей.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря качественному внутреннему PR можно добиться высокой эффективности персонала, ведь именно благодаря людям, работающим на предприятии, компания и движется вперед. Любой руководитель должен учесть все нюансы, связанные с внутренним состоянием своей организации, и постараться наладить ее обстановку, чтобы в будущем стабильно двигаться в поставленных целях.

Список литературы

1. Кузнецов В. Ф. Связи с общественностью: теория и технологии (учеб. для вузов) В. Ф. Кузнецов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 302 с.
2. Викентьев И.Л. Приёмы рекламы и public relations. – СПб, "ТРИЗ-ШАНС" и "Бизнес-пресса", 2007. – 406 с.
3. Бунтовский С. Ю. К вопросу о корпоративном пиаре как важнейшей функции системы управления персоналом / С. Ю. Бунтовский // Политическое и социально-экономическое развитие Юга России: история, современность, перспективы развития: сборник научных статей международной научно-практической конференции / под ред. В.П. Басенко, В.П. Зайкова. [Электронное издание]. Моск. ун-т им. С. Ю. Витте; ф-л Моск. ун-та им. С. Ю. Витте в г. Краснодаре. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2015.
4. Бунтовский С.Ю. Процесс стратегического управления / С.Ю. Бунтовский, В.И. Клементенок, Е.С. Солдатенко // Электронное научно-практическое периодическое издание «современные научные исследования и разработки». – № 3(20), – 2018. – С. 509-511. Режим доступа http://olimpiks.ru/d/1340546/d/zhurnal_nomer_320.pdf

5. Бунтовский С. Ю. Экономическая наука и вызовы новейшего времени / С. Ю. Бунтовский // Итоги научно-исследовательской работы за 2016 год. Материалы 72-й научно-практической конференции преподавателей.
6. Бунтовский С. Ю. Развитие производственной демократии в контексте современного менеджмента / Бунтовский С. Ю. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – №08(112). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/120.pdf>.
7. Сайт KADROVIK. RU <http://www.kadrovik.ru/>

УДК 395

ЭТИКЕТ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ

Бунтовский Сергей Юрьевич,

кандидат экономических наук, доцент,

Тонян Маргарита Николаевна, магистрант,

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», (г. Краснодар, Российская Федерация),
(mton021@gmail.com)*

В статье рассматривается понятие этикета в широком и узком смысле, сущность делового этикета, принципы делового этикета (здравый смысл, свобода, целесообразность, этичность, консерватизм, непринужденность, универсализм, эффективность), а также основные правила делового этикета.

Ключевые слова: этикет, деловое общение, этикетные нормы и правила, принципы делового этикета.

ETIQUETTE IN BUSINESS COMMUNICATION: CONCEPT AND PRINCIPLES

Buntovskiy Sergey YUr'evich,

candidate of economics, associate professor,

Tonyan Margarita Nikolaevna, master's student,

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin»,
(Krasnodar, Russian Federation),(mton021@gmail.com)*

The article deals with the concept of etiquette in a broad and narrow sense, the essence of business etiquette, the principles of business etiquette (common sense, freedom, expediency, ethics, conservatism, ease, universalism, efficiency), as well as the basic rules of business etiquette.

Key words: etiquette, business communication, etiquette norms and rules, principles of business etiquette.

Этикетные нормы и правила поведения регулируют практически всю деятельность человека, играя важнейшую социокультурную роль, придавая устойчивость и упорядоченность существующим общественным отношениям. Деловой этикет регламентирует служебное поведение людей, способствует формированию позитивного имиджа, который, в свою очередь, помогает решению профессиональных задач. В широком смысле под этикетом понимается совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям, в узком смысле – это форма поведения, обхождения, правила учтивости, принятые в данном обществе. Этикет подразумевает уважительное отношение ко всем людям вне зависимости от статуса, должностного или

социального положения [4]. Этикет часто отождествляют с этикой, хотя он имеет собственную и очень обширную сферу применения. Профессиональная этика представляет собой совокупность моральных норм, определяющих отношение человека к своему профессиональному долгу [2;3]. Профессиональная этика призвана конкретизировать общие принципы, известные моральные ценности при реализации служебных полномочий [1].

Деловой этикет представляет собой систему различных норм, знаний, навыков, которые позволяют наладить необходимую коммуникацию с деловыми партнерами и добиться успехов в поставленных задачах. Деловой этикет – важнейшая сторона морального, профессионального поведения делового человека. Особенностью делового этикета является сочетание формальных правил поведения в заранее определенных ситуациях с пониманием их значения для развития и духовного обогащения отношений между людьми. Деловой этикет предполагает наличие у человека определенных нравственных качеств и базируется на некоторых принципах (рисунок 1).

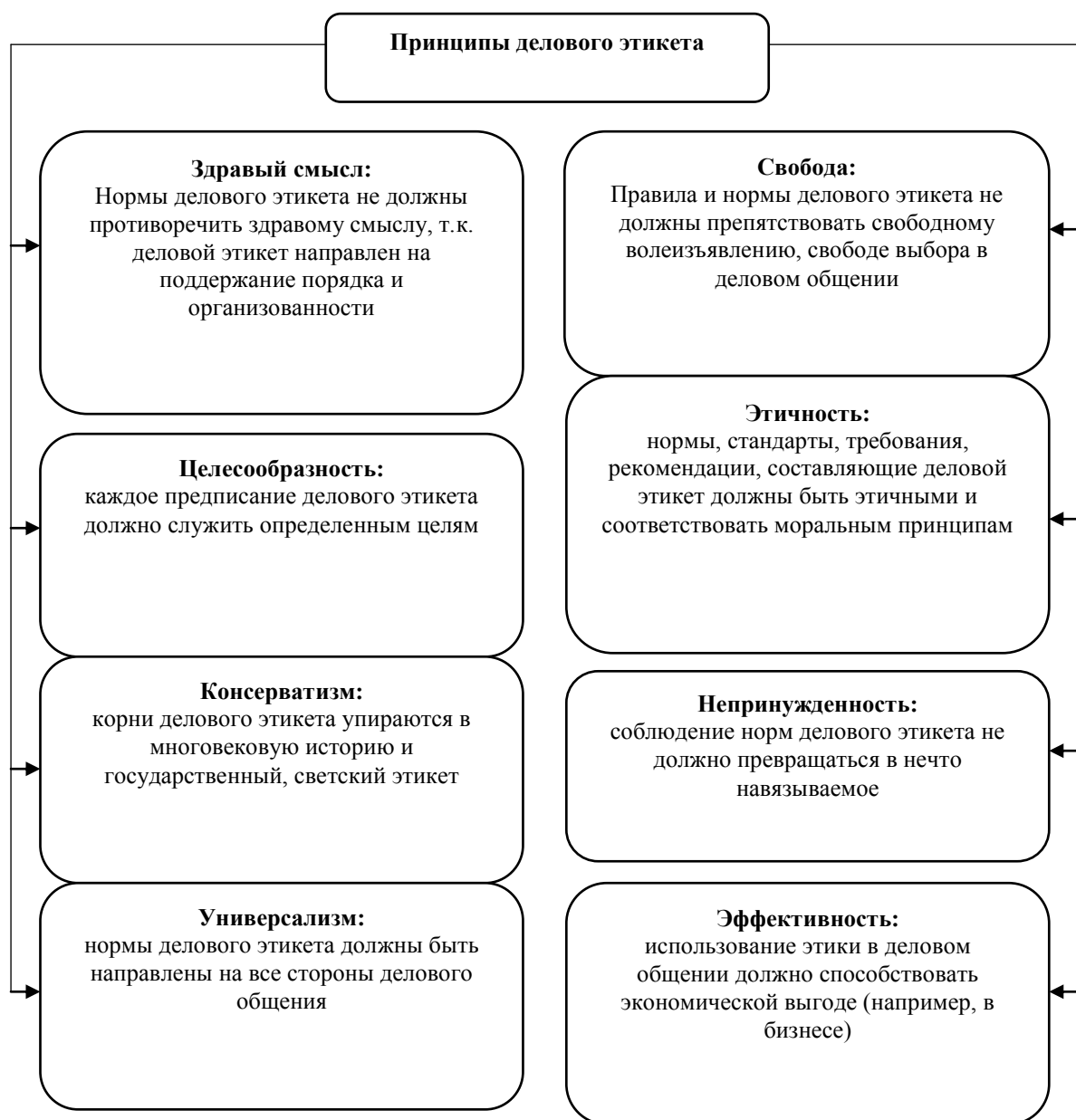

Рис 1. Принципы делового этикета

Правила делового этикета, установленные для определенных ситуаций, регламентируют последовательность действий. Практическое значение делового этикета состоит в том, что с его помощью представляется возможным использовать уже готовые формы общепринятой вежливости для делового общения на различных уровнях. Привлекательный имидж, культура речи, манеры, умение управлять своими отрицательными эмоциями, внимательность, пунктуальность – составляющие делового этикета, регламентирующего поведение людей в деловом общении. Основными правилами делового этикета являются следующие положения:

- 1) ко всем людям необходимо относиться с уважением;
- 2) правила этикетного поведения одинаковы как для женщин, так и для мужчин [5].

Таким образом, деловой этикет представляет собой важнейшую сторону профессионального поведения делового человека, знание этикета оказывается необходимым профессиональным качеством, требующим постоянного совершенствования. Деловой этикет является необходимым элементом современных социальных взаимодействий, деловой этикет помогает человеку сформировать позитивный имидж, который будет способствовать решению различных профессиональных задач. Знание делового этикета, его основных принципов и правил, общая культура личности, выбор правильной модели поведения – основа делового успеха.

Список литературы

1. Бунтовский С.Ю. Особенности этики поведения муниципальных служащих / С.Ю. Бунтовский, М.Н. Тонян // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 3: Экономические науки. Ч. 1: Актуальные научные исследования: экономика, управление, инновации / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 149-151.
2. Бунтовский С.Ю. Профессиональная этика государственного служащего. / С.Ю. Бунтовский, О.В. Матвиенко // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 270-273.
3. Бунтовский С.Ю. Этика государственного гражданского служащего в условиях глобализации. / С.Ю. Бунтовский, А.Ю. Рожков // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 7: Социальнополитические и исторические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 214-217.
4. Денисов А.А. Профессиональная этика и этикет: учебное пособие / А.А. Денисов. – Омск: Омский государственный институт сервиса, 2014. – 210 с.
5. Психология и этика делового общения: учебник для студентов вузов / Под ред. В.Н. Лавриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА И АГРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

*Вильдгрубе Светлана Александровна,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(S.Vildgrube@mail.ru)*

Статья посвящена изучению проблемы одиночества и агрессивности в подростковом возрасте. Рассмотрены аспекты агрессивного поведения и переживание чувства одиночества у подростков, предпосылки перехода одиночества и агрессивности в устойчивые негативные психические состояния, накладывающее отпечаток на все остальные чувства и переживания и препятствующие личностному развитию подростков.

Ключевые слова: подростки, одиночество, агрессивность.

THE PROBLEM OF LONELINESS AND AGGRESSIVENESS AT YOUTH

*Vildgrube Svetlana Aleksandrovna,
candidate of Psychological Sciences,
associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (S.Vildgrube@mail.ru)*

The article is devoted to the study of the problem of loneliness and aggressiveness in adolescence. The aspects of aggressive behavior and feelings of loneliness in adolescents, the prerequisites for the transition of loneliness and aggressiveness in a stable negative mental state, leaving an imprint on all other feelings and experiences and impeding the personal development of adolescents.

Key words: teenagers, loneliness, aggressiveness.

В настоящее время в нашей стране, в связи с изменениями в общественном сознании, вырос интерес к различным формам агрессии и одиночества среди детей и подростков. Общесистемный кризис приводит к постоянному увеличению группы риска, вследствие чего возрастает вероятность различных проявлений агрессивного поведения и одиночества и расширяется социально неадаптированный слой населения, среди которого дети и подростки, отягощенные проблемами отчужденности и одиночества.

Подростки – зеркало перемен, происходящих в обществе и микросоциальной среде. Неудивительно, что в настоящее время возрастает количество подростков, склонных к агрессии, которая является фактором риска противоправного поведения. Заострение противоречий, которые сопровождают переломные периоды развития общества, неопределенность в смысле жизни и отсутствие уверенности в будущем способствуют росту отклонений в поведении подростков. Как свидетельствует практика работы современной школы, это явление чаще наблюдается среди учеников подросткового возраста, который сам по себе является критическим с точки зрения психофизиологических изменений.

Также в настоящее время не существует единого мнения о феномене одиночества – это норма или патология. Однако общим в различных психологических подходах является понимание одиночества как тяжелого эмоционального переживания, овладевающего чувствами, мыслями, поступками личности и возникающего в результате неудовлетворения потребностей в разделении чувств, общении и понимании человека значимыми людьми.

Актуальность настоящего исследования очевидна, так как агрессивное поведение и переживание одиночества у подростка может перерасти в устойчивое негативное

психическое состояние, накладывающее отпечаток на все остальные чувства и переживания и даже стать препятствием для личностного развития.

Изучением проблемы агрессии и одиночества в подростковом возрасте занимались такие отечественные и зарубежные исследователи, как: А. Басе, Л. Берковиц, Р.С. Вейс, Т.Б. Джонсон, Т.В. Драгунова, Л.Э. Пепло, К. Рубинстайн, Т.Г. Румянцева, М. Кляйн, И.С. Кон, О.Ф. Кернберг, К. Лоренц, Г.С. Салливан, У.А. Садлер, Л. Семенюк, К. Хорни, Ф. Шейвер.

Между тем проблема связи чувства одиночества и агрессивности у подростков в психологической научной литературе мало исследована. Это обстоятельство обусловило выбор темы настоящего исследования.

Объект исследования: чувство одиночества и агрессивность.

Предмет исследования: чувства одиночества и агрессивности в подростковом возрасте.

Цель исследования: изучить связь чувства одиночества и агрессивности у подростков.

Гипотеза исследования: существует связь между чувством одиночества и агрессивностью у подростков.

Методы исследования. Для проверки выдвинутой гипотезы и решения поставленных задач использовался комплекс методов: теоретические – анализ, синтез, систематизация, сравнение, обобщение научной литературы и эмпирических материалов, которые касаются объекта исследования; эмпирические – наблюдение, беседа. Психодиагностический: «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной», «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона», «Фрейбургская анкета агрессивности», «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки». Методы математической статистики: описательная статистика, коэффициент корреляции r-Пирсона.

Выборку данного исследования составили учащиеся 8-х классов ОШ № 6 г. Красноармейска в количестве 60 человек. Из них 29 мальчиков и 31 девочка в возрасте 14-15 лет.

Для диагностики глубины переживания одиночества, специфического чувства полной погруженности в самого себя, остро субъективного, сугубо индивидуального и часто уникального переживания мы использовали: «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной» и «Методику субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона».

Полученные нами результаты по опроснику «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной» в процентном соотношении представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровни переживания одиночества у подростков

<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>высокий</i>
56,7%	43,3%	-

Примечание: низкий уровень – значения «человек не переживает сейчас одиночество» и «неглубокое переживание возможного одиночества»; средний уровень – «глубокое переживание актуального одиночества»; высокий уровень – «очень глубокое переживание одиночества, погружённость в это состояние».

Как видно из таблицы 1, большинство учащихся выборки имеют низкий уровень переживания состояния одиночества, он характерен для 56,7% (34 человека). Эти подростки отличаются умением находить новых друзей, раскованно себя чувствуют с окружающими их людьми и легко идут на контакт.

Средний уровень переживания состояния одиночества характерен для 43,3% подростков (26 человек). Этим подросткам свойственна нехватка общения, их

межличностные отношения с окружающими носят поверхностный характер, они тоскуют по компании. Высокий уровень переживания состояния одиночества в группе подростков не выявлен. Результаты полученных данных представлены на рисунке 1.

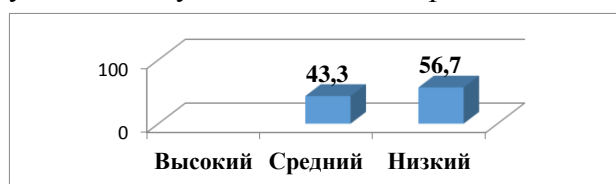

Рис. 1. Уровни переживания одиночества у подростков

Полученные нами результаты по методике «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона» представлены нами в таблице 2.

Таблица 2

Уровни субъективного ощущения одиночества у подростков

низкий	средний	высокий
58,3%	38,4%	3,3%

Как видно из таблицы 2, большинство испытуемых имеют низкий уровень состояния одиночества, это 35 учеников (58,3%). Средний уровень составили 23 ученика (38,4%). И с высоким уровнем 2 подростка (3,3%), которые ощущают нехватку общения, беспомощность, отсутствие понимания со стороны близких и друзей. Результаты полученных данных представлены на рисунке 2.

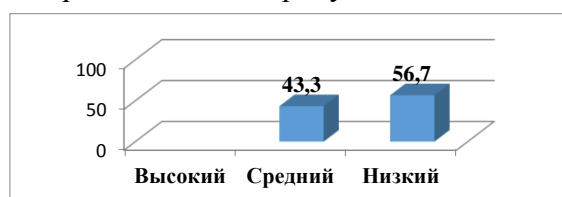
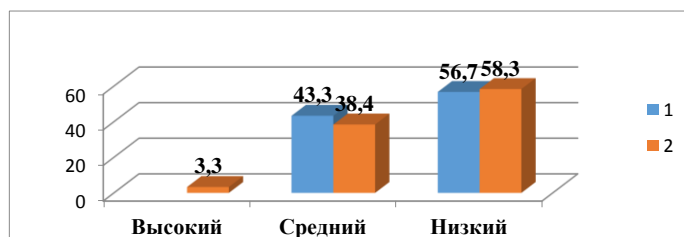

Рис.2. Уровни субъективного ощущения одиночества у подростков

Сравнивая полученные результаты по двум методикам «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной» и «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона» можно сказать, что в целом полученные данные диагностики глубины переживания одиночества у подростков схожи между собой.

Результаты полученных данных по двум методикам «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной» и «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона» представлены графически в процентном соотношении на рисунке 3.

1 - «Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной»

2 - «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона»

Рис. 3. Данные диагностики глубины переживания одиночества у подростков

Таким образом, средний и низкий уровни глубины переживания одиночества у подростков, говорят о том, что подросток неизбежно сталкивается с состоянием одиночества, «разговором с собой», которое в свою очередь помогает ему в этом обособлении, индивидуализации, развитии его личности. Осознание состояния одиночества связано с актуализацией расширяющихся социальных потребностей, присущих подростковому возрасту. Среди них: потребности в установлении значимых межличностных отношений; потребности в расширении дружеских отношений, в знакомстве с людьми различных социальных ориентаций и социального опыта; потребности в причастности, признании и с различным социальным опытом, желании быть принятым различными социальными группами. Потребностью в подростковом возрасте является и потребность в уединении, поскольку только наедине с самим собой подросток может осмыслить и «переварить» происходящие с ним изменения, оценить себя и свои отношения, определить линию своего поведения и свою позицию. Однако, постоянное желание подростка быть в одиночестве служит тревожным сигналом и показателем его негативных взаимоотношений со сверстниками, агрессивности, а возможно, и деструктивных изменений во внутреннем мире. Для диагностики показателей и форм агрессии у подростков мы использовали методики: «Фрейбургская анкета агрессивности» и «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки. Полученные нами результаты занесены в табл. 3.

Таблица 3

Уровни агрессивности у подростков

<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>высокий</i>
71,6%	26,7%	1,7%

Графически результаты полученных данных представлены на рисунке 4.

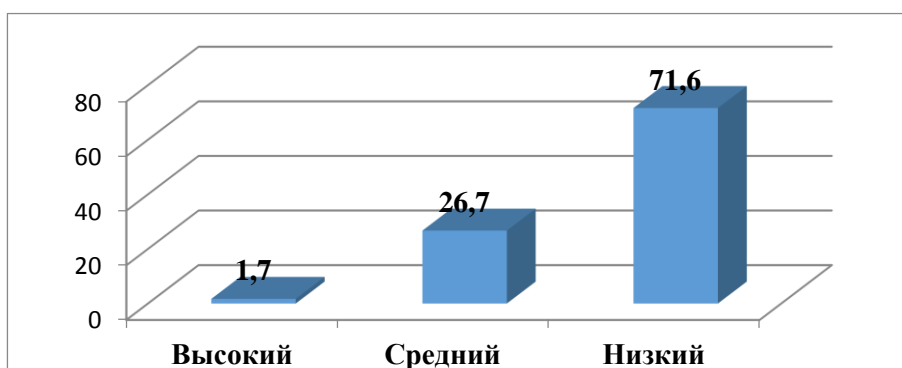

Рис.4. Уровни агрессивности у подростков

Анализируя таблицу 3, мы видим, что высоким уровнем агрессивности обладает 1 человек, (1,7%), что свидетельствует о том, что подросток не умеет «переключить» агрессию на деятельность и неодушевленные объекты.

Средний уровень агрессивности присутствует у 16 подростков (26,7%), что предполагает возникновение у подростков эмоционального отчуждения при общении с окружающими, сопровождаемое подозрительностью по отношению к ним.

Низким уровнем агрессивности обладают 43 человека (71,6%), что указывает на спокойное, выдержанное внутреннее состояние подростков. Полученные нами результаты по методике «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки» в процентном соотношении представлены в таблице 4.

Уровни агрессивности у подростков

<i>низкий</i>	<i>средний</i>	<i>высокий</i>
71,6%	28,4%	-

Как мы видим из таблицы 4, низкий уровень агрессивности присущ 43 подросткам (71,6%), средний уровень агрессивности имеют 17 подростков (28,4%). Высокий уровень агрессивности отсутствует. Результаты полученных данных представлены на рисунке 5.

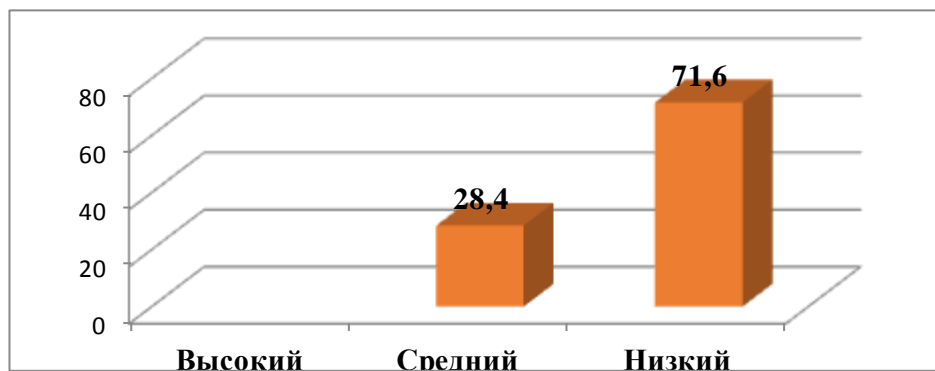
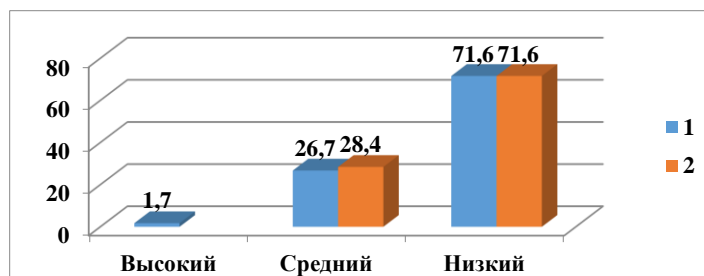

Рис. 5. Уровни агрессивности у подростков

Сравнивая полученные результаты по двум методикам: «Фрейбургская анкета агрессивности» и «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки», можно сказать, что в целом полученные данные диагностики показателей и форм агрессии у подростков схожи между собой. Результаты полученных данных по двум методикам графически представлены на рисунке 6.

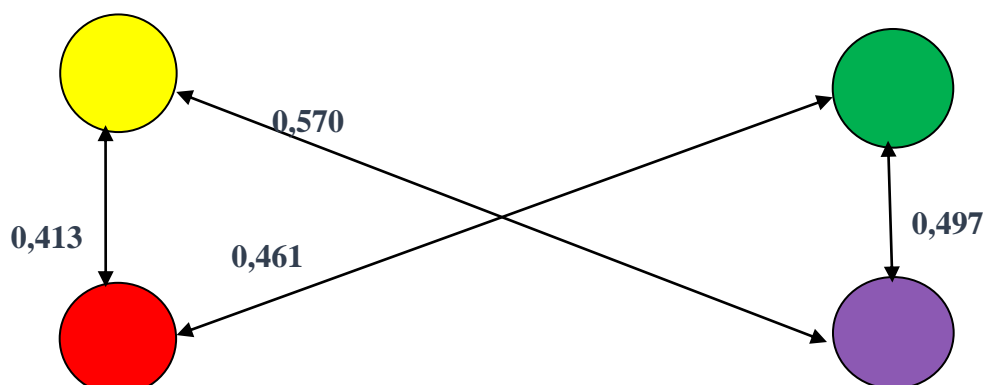
1 - «Фрейбургская анкета агрессивности»

2 - «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки».

Рис. 6. Диагностика показателей и форм агрессии у подростков

Проанализировав полученные данные, мы можем предположить, что наличие уровней агрессивности у подростков свидетельствуют о бурных физиологических изменениях, происходящие в организме подростков, о повышенной чувствительности подростков к тем или иным воздействиям извне, что в свою очередь обеспечивает повышенную агрессивность подростков. Для проверки нашей гипотезы нами был использован коэффициент корреляции r -Пирсона. Проанализировав полученные данные, мы можем говорить о

статистической значимости выявленной корреляционной связи, значимость на 1% уровне (рис. 7).

- - «*Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной*»,
- - «*Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона*»,
- - «*Фрейбургская анкета агрессивности*»,
- - «*Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки*»

Рис. 7. Корреляционные связи между чувством одиночества и агрессивностью у подростков

Таким образом, чем больше глубина переживания одиночества, специфического чувства полной погруженности в самого себя, остро субъективного, сугубо индивидуального и часто уникального переживания, тем больше нарушается внутренняя целостность личности подростка, вызывая негативные переживания, агрессивность у подростков.

Итак, подростки, которые переживают чувство одиночества на низком и среднем уровнях, неизбежно сталкиваются с состоянием «разговор с собой», которое в свою очередь помогает им в этом обособлении, индивидуализации, развитии его личности. Осознание состояния одиночества связано с актуализацией расширяющихся социальных потребностей, присущих подростковому возрасту. Среди них: потребности в установлении значимых межличностных отношений; потребности в расширении дружеских отношений, в знакомстве с людьми различных социальных ориентаций и социального опыта; потребности в причастности, признании и с различным социальным опытом, желании быть принятым различными социальными группами. Наличие уровней агрессивности у подростков свидетельствуют о бурных физиологических изменениях, происходящие в организме подростков, о повышенной чувствительности подростков к тем или иным воздействиям извне, что в свою очередь обеспечивает повышенную агрессивность подростков.

Список литературы

1. Диагностика состояния агрессии. / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. Дерманова И.Б. – СПб. 2002. - С.80-84.
2. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт. – М», 2001. – 160 с.
3. Малышева С.В. Особенности чувства одиночества у подростков. // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. 2001. – №3. – С. 61-65.

**МЕЧТА КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
В РАННЕЙ ЮНОСТИ**

*Вилюзжанина Татьяна Анатольевна,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(vilyuzhanina@mail.ru)*

В статье представлены основные теоретические концепции мечты, описаны ее генез, функции, роль мечты в построении жизненной перспективы. Обобщены результаты пилотажного исследования мечты в юношеском возрасте, проанализированы функции мечты в юности, ее содержательные категории, обозначены перспективы дальнейшего исследования феномена мечты.

Ключевые слова: феномен мечты, жизненные перспективы, юношеский возраст, формирование жизненной перспективы.

DREAM AS A FACTOR OF BUILDING LIFE PERSPECTIVE IN EARLY YOUTH

*Vilyuzhanina Tatyana Anatolievna,
candidate of Psychological Sciences,
associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(evilyuzhanina@mail.ru)*

The article presents the main theoretical concepts of the dream, describes its genesis, functions, the role of the dream in building a life perspective. The results of the pilot study of dreams in adolescence are summarized, the functions of the dream in youth and its meaningful categories are analyzed, and prospects for further research on the phenomenon of dreams are outlined.

Key words: dream phenomenon, life prospects, early youth, forming the personal's life prospect.

Постановка проблемы. Мечта является важнейшим элементом, неотъемлемой частью настоящей, активной жизни любого человека. Мечта – это заветное желание, идеализированная цель, фундамент, на котором зарождаются и созревают наши цели. Мечты выступают жизненными ориентирами, позволяющими человеку двигаться в определенном направлении и не сбиваться со своего жизненного пути. Мечта стимулируется определенными жизненными событиями и определяет дальнейшее направление саморазвития личности. Она является механизмом кардинальной трансформации старых жизненных смыслов и поиска новых.

В обыденном сознании мечта известна и понятна каждому, однако в психологической науке проблеме мечты не посвящено ни одной монографии, в учебниках мечта рассматривается в связи с процессом воображения, а статьях периодической печати описаны лишь отдельные ее аспекты, при этом остаются мало изученными механизмы и функции мечты, нет четких критериев отличия мечты от грез, фантазий и т.д. Остается не ясной роль мечты в построении жизненных планов, нуждаются в уточнении содержание мечтаний в различных возрастных периодах. Так, исследование мечты в юношеском возрасте представляется важным как для понимания феномена мечты в целом, так и для изучения ее роли в построении жизненных перспектив личности.

Изложение основного материала. При обозначении жизненных перспектив говорят не о мечтах, а о временной и личностной перспективе, перспективном целеполагании, планировании и т.п.

Проблему жизненной перспективы рассматривали в своих исследованиях К. Левин, Л. Франк, И. Наттин, Р. Кастенбаум и др. [2]. Жизненная перспектива понимается как целостная картина будущего в сложной и противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает свою социальную ценность и индивидуальный смысл жизни [1]. Отечественная психологическая наука рассматривает жизненную перспективу как сложное системное образование, как совокупность обстоятельств и условий жизни, создающих для личности возможность оптимального жизненного продвижения [2].

Рассматривая особенности формирования жизненной перспективы, можно говорить о влиянии внешних и внутренних условий, способствующих или затрудняющих развитие данного феномена. Внутренние условия построения жизненной перспективы связаны с такими категориями, как жизненные цели индивида, система ценностных, смысложизненных ориентаций; возрастные особенности. Одним из условий формирования жизненной перспективы является мечта. Уровень активности, самостоятельности, независимости личности может свидетельствовать о потенциальной способности к осуществлению мечты. Именно мечту можно рассматривать как средоточие личностной активности в построении своей жизни, своей судьбы [3].

Психологической особенностью раннего юношеского возраста является устремленность в будущее. Важным фактором развития личности в ранней юности является стремление старшеклассника строить жизненные планы, осмысливать построение жизненной перспективы. Основой для планирования собственного будущего в ранней юности может стать мечта. Юношеский возраст – возраст самых смелых, амбициозных, альтруистических, героических и, порой, далеких от осуществления мечтаний.

П. Гольвитцер, Х. Хекзаузен и Х. Ратайжак доказали, что мечта способствует принятию решений [2]. В литературе также есть данные, указывающие на то, что способность мечтать связана с успешной адаптацией личности [4]. В исследовании Дж. Спайвака и М. Левина принимали участие подростки, имевшие опыт правонарушений. Их отличали трудности в простраивании шагов к достижению целей и низкая критичность к последствиям нарушения закона, т. е. им было сложно проиграть всю ситуацию в уме, а между тем именно эта способность тренируется, когда человек мечтает. Кроме того, у этих подростков сужена временная перспектива. Следовательно, у подростков этой группы способность проектировать, моделировать свое будущее (мечтать о нем) оказывается не сформированной [4].

Подробный и содержательный анализ мечты был проведен в диссертационном исследовании Т.А. Юрьевой, показана связь мечты как модели будущего с успешностью личностно-профессионального развития [5]. Мечта является ценностным ориентиром деятельности, ее наличие помогает осуществлять и реализовывать ценностный выбор. Мечта, по мнению Т.А. Юрьевой, – это постоянно создаваемая и совершенствуемая воображением идеальная модель желаемого будущего, а также образ себя как успешного участника этого будущего. Мечтам свойствен ряд функций: побуждающая, смыслообразующая, формирующая, насыщающая, компенсаторная, замещающая, инновационная, антиципации, целеполагания и планирования, личностной защиты, комфортности, трансценденции. Мечта уточняет потребностное будущее, придает смысл настоящему, помогает осознать связь между настоящим и будущим, конструирует образ желаемого Я, способствуют «подстройке» себя-настоящего под этот образ [5].

На первом (пилотажном) этапе экспериментального исследования нашей целью стало изучение содержания мечтаний и представлений о собственном будущем в ранней юности. Всего в исследовании приняли участие 48 студентов начальных курсов вузов, из них 23 девушки и 25 юношей в возрасте 17-19 лет. В качестве основного метода пилотажного исследования мы использовали анкетирование. Приведем анализ

результатов анкетирования в соответствии с поставленными вопросами. Контент-анализ результатов анкетирования показал, что половина опрошенных (51 %) достаточно четко представляют свое будущее. Мечта у них выполняет функцию целеполагания и планирования. Эти студенты считают свою мечту реальной и вполне осуществимой; часть уверены в возможности реализовать свою мечту в той или иной степени. У этой группы студентов мечты носят действенный характер – ради осуществления своей мечты они способны отказаться от чего-то на сегодня важного для них, прилагают усилия для того, чтобы их мечта сбылась.

У 30 % респондентов мечта, позволяющая уходить на время от действительности, избегать проблем, расслабляться, выполняет компенсаторную функцию. Эти студенты мечтают для того, чтобы представить себя в будущем, отвлечься от неприятностей, уйти от реальных проблем, получить удовольствие. Остальные респонденты (19 %) свое будущее представляют не вполне отчетливо, не уверены в осуществлении своей мечты.

Интересные ответы были даны на вопрос о перспективах деятельности для реализации мечты: устроить личную жизнь (54%), найти высокооплачиваемую работу (43%), получить высшее образование (17%), найти работу по специальности и продвигаться по службе (13%), достичь очень многого (5%), жить в достатке (3%), отдохнуть (3%).

На вопрос «С какими чувствами Вы вступаете в новый этап своей жизни?» ответы распределились следующим образом: надеюсь, что у меня все будет хорошо и мои мечты сбудутся (47%); достигну в жизни всего, чего захочу (10,3%); нет уверенности в том, что я смогу достичь того, чего хочу (13%); свое будущее я спрогнозировать не могу (5%); боюсь своего будущего (5%); «светлое будущее» я для себя не вижу (3%); трудно ответить (3%).

На вопрос «Мечтаете Вы о чем-нибудь?» все респонденты ответили положительно, однако в большинстве случаев студенты не склонны делиться своими мечтами с окружающими, что еще раз подчеркивает интимно-личностный характер мечты и актуальность поиска методов ее изучения.

Ответы на вопрос «О чем Вы мечтаете?» распределились следующим образом: найти свою любовь – 24%; о счастье близких – 14%; закончилась война в Донбассе – 14%; о мире во всем мире – 9%; выиграть \$ 1000000 – 9%; найти под новогодней елкой iPhone 7 – 7%; о сексе – 4%.

На основании ответов о частоте мечтаний респонденты были разделены на две группы: те, кто мечтает часто и очень часто, были отнесены к первой группе, условно названную нами «мечтатели» – 54%; те, кто мечтает иногда, редко и очень редко составили вторую группу (условное название – «реалисты») – 43%.

В целом, были выделены следующие категории мечтаний среди респондентов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «О чем Вы мечтаете?»

<i>Категории мечты</i>	<i>Содержание</i>	<i>«мечтатели» / «реалисты»(%)</i>
Гедонистические	<ul style="list-style-type: none"> • здоровье, безопасность для себя и семьи, интересная и высокооплачиваемая работа, материальное благополучие, возможность хорошо отдохнуть, хорошо поесть и хорошо одеться • жить спокойно и счастливо 	24/20
Экзистенциальные	<ul style="list-style-type: none"> • быть счастливым; • жить в демократическом обществе • найти смысл жизни • быть свободной 	16/12

Романтичные	<ul style="list-style-type: none"> • много путешествовать; • любить и быть любимой/любимым • встретить человека своей мечты/ вторую «половинку» 	12/6
Самореализующиеся	<ul style="list-style-type: none"> • реализовать себя в идеологических, профессиональных и духовных потребностей как homo sapiens, • достичь высокого уровня профессионализма 	12/8
Альтруистические	<p>чтобы каждый работал не только ради зарплаты, но и ради людей, которые живут с ним в одном государстве</p> <ul style="list-style-type: none"> • чтобы труд учителя, врача в нашей стране оценивали высоко - как морально, так и материально 	8/6
Когнитивные	<ul style="list-style-type: none"> • получить хорошее образование • познать мир 	6/4
Коммуникативные	<ul style="list-style-type: none"> • достижения покоя, взаимопонимания как в кругу своей семьи, так и с соседями 	4/4
Статусные	<ul style="list-style-type: none"> • устроиться на работу в престижную компанию с перспективой карьерного роста • быть богатым, быть независимым, • иметь достаточный жизненный уровень, такой, чтобы не быть зависимым от денег, от материальных ценностей 	10/12
Глоричные (о славе)	<ul style="list-style-type: none"> • моя мечта - победить в престижном конкурсе; • быть ведущим ТВ 	6/3
Акзигитивные (накопительские)	<ul style="list-style-type: none"> • обзавестись собственным жильем • существенно улучшить материальное положение • выиграть в лотерею миллион 	4/12
Патриотичные	<ul style="list-style-type: none"> • национальное согласие, примирение, единение; • чтобы в ДНР не было бедности, безработицы; • создать в ДНР высокие стандарты жизни; • победа в войне с Украиной 	10/6
Семейные	<ul style="list-style-type: none"> • иметь семью, собственный домик с газоном, счет в банке; • семейного уюта, гармоничного сосуществования с окружающим миром, хорошего социального статуса, любимой работы и приличного материального положения; • чтобы родные жили долго и счастливо; • удачно выйти замуж 	8/8
Другие	<ul style="list-style-type: none"> • похудеть; • уже не мечтаю, что можно нормально жить в своем государстве, и поэтому пытаюсь реализовать свою мечту за рубежом; • бросить курить; • выехать на ПМЖ в другую страну; • радикально изменить внешность. 	10/10

Сравнение показало, что значимых различий между группами нет: преобладают гедонистические мечты, вторая позиция осталась за экзистенциальными мечтами. Третью позицию в группе «мечтателей» занимают мечты романтические и самореализации, тогда как в группе «реалистов» эту позицию удерживают статусные и акизитивные мечты.

Таким образом, мечта в юношеском возрасте позволяет моделировать собственное будущее. Результаты пилотажного исследования свидетельствуют о том, что мечтания студентов выполняют в основном две функции: целеполагания и планирования, защитную или компенсаторную.

Перспектива дальнейших исследований видится в установлении связи между известной для юношеского возраста обращенностью в будущее, категориями мечтаний и типом построения жизненных перспектив.

Список литературы

1. Гобова Е.С., Игнатова О.Н. Цель, дело, мечта. Психологический портрет поколения. М.: Московский Технологический Институт, 2009. – 230 с.
2. Егорова П.А. Мечта как предмет психологического исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Egorova.phtml> дата обращения: 20 октября 2018 г.
3. Левит Л.З., Радчикова Н.П. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2(8). – С. 81-89.
4. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.
5. Юрьева Т.В. Влияние мечты как модели будущего на личностно-профессиональное развитие студента: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Юрьева Татьяна Владиславовна. – Тамбов, 2007. – 196 с.

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ СОСТОЯНИЙ КОГНИТИВНОЙ ДИССОЦИАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С РЕКУРРЕНТНОЙ ФОРМОЙ ШИЗОФРЕНИИ

*Власова Наталья Анатольевна,
главный внештатный детский психиатр
Министерства здравоохранения Донецкой народной республики,
врач высшей категории, заведующая отделением № 10,
Республиканская клиническая психиатрическая больница,
(natalya1971@mail.ru),
Некрасова Илона Николаевна,
педагог-психолог высшей категории,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНУ, г.Донецк),
(inn1769@mail.ru)*

На основе анализа структуры вторичного психического дефекта выделен психологический механизм оптимизации состояний когнитивной диссоциации пациентов с рекуррентной шизофренией. Проанализированы возможности логотерапии как инструмента коррекции интеллектуальной непродуктивности.

Ключевые слова: вторичный психический дефект, когнитивная диссоциация, логотерапия, рекуррентная шизофрения.

PSYCHOLOGICAL OPTIMIZATION OF THE STATES OF COGNITIVE DISSOCIATION OF PERSONALITY OF TEENAGERS WITH THE RECURRENT FORM OF SCHIZOPHRENIA

Vlasova Natalya Anatolievna,

*main supernumerary child's psychiatrist
Ministries of health of the Donetsk republic of people's,
doctor of higher category, managing a separation № 10,
Republican clinical funny house, (natalya1971@mail.ru)*

Nekrasova Iлона Nikolaevna,

*teacher-psychologist of higher category,
Ph.D. psychol. Sciences, Associate Professor, Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (inn1769@mail)*

On the basis of analysis of structure of secondary psychical defect the psychological mechanism of optimization of the states of cognitive dissociation of patients is distinguished with recurrent schizophrenia. Possibilities of logotherapy are analysed as an instrument of correction of intellectual unproductiveness.

Key words: secondary psychical defect, cognitive dissociation, logotherapy, recurrent schizophrenia.

Постановка проблемы и ее значимость. Шизофрения характеризуется высокой инвалидизацией и оценивается специалистами как экономически затратное с точки зрения лечения и ресоциализации личности пациентов заболевание. По данным эпидемиологических исследований шизофренией во всем мире страдает примерно 1,5 % населения (23 миллиона человек), свыше 12 миллионов человек находятся в подростковом возрасте [2;3]. Периодическая форма течения нехарактерна для детского возраста, в то время как для детей возрастной группы старше тринадцати лет на фоне гормональной перестройки их организма чаще диагностируются острые психотические вспышки с короткими периодами ремиссии [1-3]. Приступообразность, выраженная периодичность и клиническая вариативность рассматриваются как типичные системные признаки рекуррентной шизофрении, что в контексте патопсихологической картины дефекта (диссоциация мышления, расстройства поведения и эмоциональной сферы), позволяет оценивать заболевание как мощный провоцирующий фактор социальной дезадаптации и психологической травматизации личности подростка.

Несмотря на то, что при рекуррентной шизофрении возможны самопроизвольные полные ремиссии и отсроченное возникновение шизофренического дефекта, тем не менее, личностные и поведенческие расстройства, обусловленные заболеванием, формируют психопатологическую основу для возникновения стойких и подчас необратимых изменений сознания и личности в более позднем возрасте [2-5]. Это предъявляет особые требования к качеству терапии и выдвигает перед клиническими психологами необходимость поиска эффективных моделей коррекции личности пациента.

Актуальность исследования обусловлена значимостью качества оказания медицинских услуг населению посредством оптимизации психологического сопровождения течения заболевания в подростковом возрасте. *Практическая новизна* определяется поиском наиболее адекватных патопсихологической картине вторичного и третичного дефекта личности подростков с рекуррентной формой шизофрении коррекционных подходов, которые могли бы помочь сгладить проявление когнитивных, эмоциональных и поведенческих отклонений, обусловленных течением заболевания.

Цель статьи: проанализировать возможности использования логотерапии как средства оптимизации состояний когнитивной диссоциации личности подростков с рекуррентной шизофренией в период ремиссии. *Задачи*, решаемые в статье:

– выделить функциональное ядро нарушений когнитивной сферы личности подростков, страдающих рекуррентной шизофренией, проанализировать структуру их вторичного психического дефекта;

– обосновать смысловую инсталляцию как психологический механизм блокировки состояния когнитивной диссоциации пациентов;

– проанализировать возможности логотерапии как средства оптимизации интеллектуальной непродуктивности при рекуррентной шизофрении.

Методология исследования. Клиническая картина рекуррентной шизофрении отличается полиморфизмом и проявляет себя спектрально: от легких странностей поведения и характера, затрудняющих полноценную социальную адаптацию, до тяжелых когнитивных регуляторных расстройств, приводящих к маргинализации и социальной изоляции. Особенно рельефно данные феномены наблюдаются в пубертатном возрасте, когда естественные возрастные трудности с обретением гармоничной самоидентичности на фоне отягощающих психопатологических проявлений болезни трансформируются в предпосылки поведенческих и социальных деструкций.

Агрессивное поведение, вредные привычки, депрессии, протестные реакции, острые конфликты с окружающими, маргинализация и потенциальная угроза суицида – далеко не полный перечень кризисных проявлений в системе жизненных отношений подростка с рекуррентной формой шизофрении, что приводит не только к психологической травматизации его личности, но и усугубляет дальнейшее течение заболевания. Сложная аутохтонная природа и симптоматический полиморфизм заболевания обуславливают комплексный характер изучения возможностей коррекционного вмешательства. При этом, синтез метасистемного принципа интерпретации коррекционных возможностей и системно-деятельностного подхода к организации коррекции рассматривается как методологическая платформа выполненного исследования.

Изложение результатов исследования и обоснование выводов. Опыт коррекционной практики показывает, что наиболее часто подростки с рекуррентной формой шизофрении наряду с проявлениями таких характеристик вторичного психического дефекта как когнитивная диссоциация и эмоциональное оскудение, в случае сохраненных интеллектуальных возможностей, характеризуются переживанием состояния социального дистресса. Это состояние возникает в ответ на неспособность подростка самостоятельно приспособиться к условиям окружающего социального пространства на уровне своих, деформированных заболеванием, психических возможностей. Острые эмоциональные реакции, возникающие в результате осознания подростком собственной когнитивной непродуктивности, проявляющейся в форме содержательно-смысловых разрывов интерпретации событий своей жизни, неизбежно приводят к усугублению психологической травмы и ветвлению структуры третичного эмоционально-волевого дефекта. При этом, центральным звеном в структуре вторичного психического дефекта выступает когнитивный дефицит в виде интеллектуальной непродуктивности и неспособности оформлять собственную когнитивную продукцию (суждения и умозаключения) в контексте некоторого интегрирующего смыслового каркаса. Несостоятельность когнитивной интеграции обусловлена ослаблением когнитивно-рефлексивной функции сознания пациентов как способности анализировать целостность и конструктивность собственного когнитивного продукта.

Подростки с рекуррентной шизофренией редко когда эмоционально позитивно переживают состояние амбивалентности чувств и поступков по отношению к другим. В процессе коррекции по мере когнитивного прояснения оценка собственного социально деструктивного поведения приобретает острый эмоционально отрицательный оттенок. Так, например, совершая акт агрессии по отношению к близким людям, испытывая к ним амбивалентно окрашенные чувства, подросток с рекуррентной формой шизофрении в

момент совершения поступка не осознает по причине когнитивно-рефлексивного дефицита истинных мотивов своего поведения. Однако, вследствие использования приемов логотерапии пациент может испытывать отрицательно эмоционально окрашенные переживания от осознания происшедшего.

Когнитивная непродуктивность в данном случае проявляется как состояние когнитивной диссоциации с признаками выраженной ценностно-смысловой аномии личности пациента вследствие ослабления когнитивно-рефлексивной функции его сознания. Это диагностируется как отсутствие связующего интегрального смысла между когнитивным, поведенческим и эмоциональным аспектами репрезентации его личности. Ослабление когнитивно-рефлексивной функции рассматривается как ядро когнитивного дефекта, что диагностируется как неспособность рефлексивно помещать собственную когнитивную продукцию в поле некоторого интегрального и самостоятельно продуцируемого смысла.

Таким образом, когнитивный дефицит, что на уровне дифференциально-диагностического описания структуры дефекта личности подростка с рекуррентной шизофренией проявляется как:

- нарушение целенаправленности ассоциативного процесса как проявление неспособности содержательно целостно осмысливать поступающую извне информацию;
- ослабление рефлексии как способности к осуществлению развернутого самоанализа и самоконтроля, что приводит к падению критичности восприятия себя, парадоксальности поведения и социальной маргинализации;
- диссоциация психических познавательных процессов при их относительной самостоятельной сохранности и формально-логической продуктивности;
- формализация и выхолащивание логики, вследствие чего в сознании пациента образуются контекстуально-смысловые разрывы как основание для проявлений паралогичности и смысловых «соскальзываний».

Отметим, что состояние когнитивной диссоциации наиболее рельефно выражено в фазе обострения заболевания, относительно мягкие периоды ремиссии рассматриваются как благоприятные периоды для проведения эффективной коррекции с использованием логотерапии. Поскольку зоной интеграции всех аспектов личностной репрезентации выступает системная категория «смысл» [1;7], представляется, что посредством инсталляции системы интегральных смыслов можно преодолеть когнитивную диссоциацию и успешно провести психологическую оптимизацию личности пациента с рекуррентной формой шизофрении.

Так, в период ремиссии в процессе логотерапии огромное значение должно придаваться формированию нового интегрального смыслового контента, который будет использоваться пациентом как когнитивный шаблон для целостного понимания себя и своего поведения. При этом, достигнутое в процессе коррекции состояние осознанной фиксации нового жизненного «сценария» формирует в сознании подростка новый управляющий смысл, объединяющий разрозненные проявления эмоциональной, когнитивной и поведенческой составляющих совершаемого поступка. Вновь созданная система интегральных смысловых императивов закрепляется в сознании подростка с рекуррентной шизофренией и в состоянии последующей ремиссии остается присутствовать как регулятор, блокирующий деструктивные поступки и травматические переживания.

Несмотря на то, что наиболее эффективным методом личностного восстановления в периоде ремиссии следует признать комплексную психофармакологическую и психосоциальную помощь [6;7], тем не менее, авторский опыт коррекции личности пациента с рекуррентной шизофренией показывает, что достаточно эффективным средством купирования когнитивной диссоциации и эмоционального оскуднения выступает логотерапия. При этом, логотерапевтический сеанс хорошо дополняется

групповыми формами работы с пациентами. Это нейрокогнитивные тренинги и тренинги когнитивно-социального функционирования, во время проведения которых у пациентов формируются навыки продуктивной эмоционально-волевой саморегуляции и правильное отношение к заболеванию. На основе комплексного психологического скрининга личности пациента создаются продуктивные поведенческие и смысловые модели социальной адаптации, на основе чего у пациента вырабатывается блокирующее отношение к деструктивным идеям и поступкам, потенциально возможным в последующих фазах обострения течения заболевания, формируется рефлексивное отношение к себе как к целостной личности.

Выводы. Когнитивная диссоциация рассматривается как системное психопатологическое основание для возникновения социально-поведенческих деструкций личности подростков при рекуррентной шизофрении. Дефицит когнитивно-рефлексивной функции сознания пациента рассматривается как ядро его вторичного психического когнитивного дефекта. В процессе логотерапии необходимо добиваться не только рефлексии совершенных в состоянии когнитивной диссоциации поступков, но и опираясь на сохранный интеллект, формировать у пациентов продуктивную регуляцию собственного поведения на основе правильного отношения к пережитому жизненному опыту.

Список литературы

1. Аведисова А.С. Новые возможности улучшения когнитивных функций и социальной адаптации при терапии шизофрении // М.: Фарматека, 2004. – № 9/10. – С. 24-28.
2. Джонс П.Б., Бакли П.Ф. Шизофрения. Клиническое руководство / Пер. с англ. под общ. ред. С.Н. Мосолова. – М.: Медицина, 2008. – 192 с.
3. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: Руководство для врачей: изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М.: Медицина, 1995. – 560 с.
4. Магомедова М.В. О нейрокогнитивном дефиците и его связи с уровнем социальной компетентности у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. – 2000. – № 1. – С. 92-98.
5. Поляков Ю.Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. – М.: Медицина, 1974. – 512 с.
6. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы, теории, изменения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1. – № 4. – С. 3-26.
7. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Далныкова А.А., Магомедова М.В. Программа тренинга когнитивных и социальных навыков (ТКСН) у больных шизофренией // Методические рекомендации. – М.: Медицина, 2004. – С.13-19.

УДК 159.9

КИБЕРКОММУНИКАТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ПОДРОСТКОВ

Гордеева Алла Валериановна,

канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой психологии,

Донецкий национальный университет (г. Донецк),

(a.valer@mail.ru)

В статье раскрываются основные теоретические подходы к понятию киберсоциализации, акцент сделан на модели В.А. Плешакова, а именно на одной из ее составляющих – человек как жертва киберсоциализации. Приведены результаты исследования особенностей подростков, зависимых от интернет-общения.

Ключевые слова: киберсоциализация, интернет-пространство, киберкоммуникативная зависимость, подростки.

CYBERCOMMUNICATIVE DEPENDENCE OF TEENAGERS

Gordeeva Alla Valerianovna,

candidate of Psychological Sciences, associate professor,

Head of the Department of psychology,

Donetsk National University (Donetsk), (a.valer@mail.ru)

The article reveals the main theoretical approaches to the concept of cyber-socialization, the emphasis is on the model of V.A. Pleshakova, namely, on one of its components – a person as a victim of cyber socialization. The results of a study of the characteristics of adolescents dependent on Internet communication are given.

Key words: cyber-socialization, Internet space, cyber-communicative addiction, adolescents.

Особенности виртуального общения в социальных сетях, мотивы, предпосылки и последствия, сходство и различия с реальным общением, трансформация смыслов, модели виртуальных диалогов – все это привлекает внимания представителей разных наук: психологии, философии, культурологии, социологии, педагогики, медицины и информатики. Несомненно, что в жизни современного подростка социальные сети, общение в них, а также участие в различных виртуальных сообществах составляют значительную часть, являются одним из способов социализации личности. Под социализацией понимают процесс включения субъекта в общество, в результате которого происходят, с одной стороны, активное изменение личностной структуры субъекта, его ценностных установок, норм, форм поведения в соответствии с групповыми нормами, с другой стороны, изменения и самой структуры общества под влиянием активности субъекта. От того, как проходит социализация, зависит благополучие личности, ее настоящее и будущее. На успешность социализации личности влияет все время меняющийся окружающий ее мир: новые условия, новые технологии, новые отношения.

Информационные технологии и активное включение в интернет-коммуникации все большего количества людей привело к постановке новой проблемы, а именно, психологических последствий информатизации, а также к появлению нового термина «киберсоциализация». Под киберсоциализацией подразумевается процесс социализации в киберпространстве. В изучении киберсоциализации личности можно выделить четыре направления.

Первое направление, представителями которого являются С.В. Бондаренко и А.В. Чистяков, основывается на понятии «виртуальная социализация» как процессе вхождения личности в интернет-среду сообществ посредством освоения интернет-коммуникации и информационной компетентности, а также различных социальных норм, ценностей и социальных ролей, с присущими им требованиями. Особенностью данного подхода является то, что феномен виртуальной социализации рассматривается в рамках локальных сетевых сообществ без учета социокультурной среды интернета [1].

Во втором направлении (В.А. Плешаков, М.В. Угольков) киберсоциализация рассматривается как процесс изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности [6]. Здесь акцент делается на изменении личности при взаимодействии с компьютерными и техническими средствами, при этом в определении упускается момент активности самого субъекта и момент взаимодействия с другим человеком в интернет-среде.

Исследователи третьего подхода (Л.А. Найденова, О.В. Петрунько) используют понятие «медиа социализация». Его суть заключается в приобретении личностью социального опыта на основе искусственных медиапрезентаций и с помощью самого

медиапространства. При этом медиапространство характеризуется как агрессивное, активно влияющее. В данном подходе исключается активность самого субъекта и сужается область воздействия интернет-пространства [3, 4].

С точки зрения автора четвертого подхода (А.И. Лучинкина) понятие «виртуальная социализация» должно интегрировать остальные. Под данным феноменом автор рассматривает процесс расширения индивидуумом социального опыта при вхождении в социокультурную среду интернета, посредством усвоения им информационных технологий и информационной культуры [2].

Обобщив эти направления, можно сделать вывод о том, что киберсоциализация – это процесс изменения структуры самосознания личности, расширения социального опыта при вхождении в социокультурную среду интернета, посредством использования технических средств и усвоения пользователем информационной культуры.

Рассматривая модель киберсоциализации личности, В.А. Плешаков выделил четыре ее составляющие: человек как объект киберсоциализации; человек как субъект киберсоциализации; человек как жертва киберсоциализации; человек как жертва неблагоприятных условий киберсоциализации.

В рамках данной статьи остановимся только на третьей составляющей – человек как жертва киберсоциализации, которая предполагает различные интернет-аддикции, возникающие в результате использования человеком интернет-ресурсов. Аддиктивный потенциал киберпространства достаточно велик в силу большой свободы действий в сети и огромного спектра предоставляемых возможностей во всех видах деятельности человека. К интернет-аддикциям относят следующие: киберкоммуникативная зависимость, игровая зависимость, кибераддикция познания и кибераддикция труда, а также ряд специфических зависимостей [5,7].

Изучая процесс киберсоциализации, мы остановились на негативных последствиях киберсоциализации личности подростков с зависимостью от интернет-общения. Исследование было проведено магистрантом Донецкого национального университета Крицыной Марией, под научным руководством автора.

В качестве испытуемых были взяты подростки 7-9 классов одной из донецких школ в количестве 110 человек (58 мальчиков и 52 девочки). По предварительному опросу было выявлено, что все они являются пользователями интернета и зарегистрированы в социальных сетях.

На основании результатов опросника на выявление уровня киберкоммуникативной зависимости А.В. Тончевой вся выборка была разделена на две: с зависимостью от интернет-общения (48 человек) и без нее (62 человека).

С помощью анкеты В.А. Плешакова и Т.В. Обидиной «Цели использования интернета» и анкеты В.А. Плешакова «Моя социализация» были изучены потребности подростков, удовлетворяемые в интернет-среде, особенности их социализации в различных видах деятельности, в том числе в учебном процессе.

Для диагностики тенденций поведения подростков в группе была использована методика Q-сортировки В. Стефансона. Для изучения представлений о себе использовался тест Куна-Макпартленда "Кто Я?", подростки должны были дать двадцать ответов на каждый из вопросов: «Кто я в реальном мире?» и «Кто я в виртуальном мире?». Методика использовалась для того, чтобы получить содержательные характеристики идентичности человека. Вопрос «Кто Я?» отражает особенности восприятия человеком самого себя, а значит и отражает особенности его Я-концепции. Для выявления степени социально-психологической адаптации личности была использована методика Роджерса-Даймонда в адаптации А.К. Осницкого.

Анализ анкетных данных показал, что для подростков с зависимостью реальное общение является достаточно важным, но все-таки им проще удовлетворять потребность во взаимодействии и общении с другими в виртуальной среде. Все они являются

активными пользователями социальных сетей, «зависают» в сети более трех часов подряд, раздражаются при отсутствии возможности посетить свою «страницу», проверить сообщения. Нахождение в социальной сети улучшает их настроение, они постоянно испытывают потребность в обновлении своей «страницы» вне зависимости от своего места нахождения, потребность добавлять фотографии в альбомы, комментировать фото друзей, ставить «лайки» друзьям.

В интернете таким подросткам легче проявлять инициативу в разговоре, чем в реальной жизни, они более открыты, при этом не берут на себя никакой ответственности в процессе коммуникативного взаимодействия, считая такую возможность одной из положительных сторон общения в виртуальном мире.

Интернет для них более привлекателен, чем реальная действительность, так как предоставляет им возможность общаться с друзьями и незнакомыми людьми, демонстрировать свои способности, свободно проектировать себя в качестве социокультурного субъекта действия без опасения осуждений и критики со стороны других людей. Интернет является источником большого количества полезной информации, широких возможностей. По их мнению, благодаря интернет-ресурсам происходит оптимизация процесса обучения, а также интернет улучшает и облегчает процесс подготовки к занятиям.

Сравнение результатов диагностики по методике «Q-сортировка» двух групп (подростки с зависимостью и без нее), выполненное с помощью критерия Стьюдента, выявил значимые различия для всех тенденций. Обобщая эти результаты, можно сделать выводы о том, что подростки с киберкоммуникативной зависимостью предпочитают поддерживать групповые ценности и стандарты, подчиняются лидеру группы, проявляя покорность и безропотность, нерешительность, не отстаивают собственное мнение и интересы. Они предпочитают сохранять нейтральную позицию в спорах и конфликтах.

В то же время, подростки без зависимости от интернет-общения стремятся занимать высокий статус и активно участвовать в групповой жизни, проявляют общительность, уверенность в себе и своих решениях, самостоятельность. Также они не боятся отстаивать собственные интересы и взгляды, вне зависимости от того, как это будет расценено группой.

Сравнение особенностей социально-психологической адаптации личности в группах «зависимых» и «независимых» подростков выявило значимые различия по шкалам «Адаптация», «Самопринятие», «Эмоциональный комфорт», «Интернальность», «Стремление к доминированию», незначимыми оказались результаты по шкале «Принятие других».

Таким образом, подростки с киберзависимостью имеют трудности с адаптацией, обусловленные проблемами с принятием решений, целеполаганием, а также личностной незрелостью, они не могут находить компромиссы между общественными требованиями и своими интересами, имеют неопределенное эмоциональное отношение к окружающей действительности. При этом у них проявляется неудовлетворенность своими личностными характеристиками и в случае неудач или проблемных ситуаций приписывают причины происходящего внешним факторам.

Сравнение между Я-реальным и Я-виртуальным у подростков обеих групп показало значимо большую степень расхождения в группе зависимых подростков. В реальном Я на первый план выходят характеристики социальной идентичности, включающие в себя половую, учебную, этническо-региональную и групповую принадлежность подростков (к примеру, ученик, парень/девушка, дончанин и т.п.). На втором плане – характеристики, относящиеся к персональной идентичности. Причем они представлены у подростков с зависимостью от интернет-общения в большей мере в негативном аспекте, что может отражать их эмоциональный дискомфорт по поводу реального взаимодействия в группе. На последнем месте стоят категории, которые

относятся к «деятельностному Я», содержащие различные способы времяпрепровождения в интернете (интернет-серфер, блогер, геймер и т.п.)

В виртуальном Я подростков с зависимостью от интернет-общения преобладают характеристики, отражающие их способы времяпрепровождения в интернете. Затем представлены характеристики, отражающие их персональную идентичность, но уже представленные в положительном ключе. Это указывает на то, что в интернет-среде они свободнее проектируют себя, чувствуют себя комфортнее и имеют более положительный образ Я, в то время как реальный образ себя содержит большее количество отрицательных характеристик. На последнем месте в виртуальной идентичности находится категории, отражающая их «социальное Я». Также у 86% зависимых подростков неадекватно завышенная самооценка, у остальных 14% – неустойчивая. Наблюдаются проблемы с рефлексией.

Подводя итоги данного исследования, можно отметить, что именно коммуникативное пространство социальных сетей является основополагающим механизмом социализации в современном обществе. Социализация в интернете происходит с уже отчасти социализированным индивидом. При этом процесс киберсоциализации человека может идти не только по нормативному направлению, но и иметь негативные последствия, спектр которых достаточно широк. Особенно важно следить за этим процессом в подростковом возрасте, когда процесс социализации и киберсоциализации может привести к интерференции, то есть либо помочь подростку в развитии и становлении его личности, либо помешать. Можно говорить об амбивалентности психологических последствий информатизации, взаимном влиянии социализации и киберсоциализации друг на друга. Задача психологов, педагогов и родителей – помочь подростку научиться разделять реальный и виртуальный миры, использовать преимущества каждого из них для развития своего личностного потенциала, сделать обе эти среды безопасными и комфортными.

Список литературы

1. Бондаренко С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2003.
2. Лучинкина А.И. Психология интернет-социализации личности: монография. Симферополь: ВД «АРИАЛ», 2013. 350 с.
3. Медіакультура особистості: соціально-психологічний підхід: Навчальний посібник / За ред. Л.А. Найдьоновой, О.Т. Барішпольця. К.: Міленіум, 2009. 440 с.
4. Петрунько О.В. Діти і медіа: соціалізація в агресивному медіа середовищі: Монографія. Полтава: ТОВ НВП «Укрпромторгсервіс», 2010. 480 с.
5. Плешаков В.А. Киберсоциализация и семейное воспитание подростков: дискурс о личности XXI века // Здоровье сберегающее образование. 2011. № 1. С.99-106.
6. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека. Монография / Под общ. ред. чл.-корр. РАО, д.п.н., профессора А. В. Мудрика. М.: МПГУ; «Номо Cyberus», 2011. 400 с.
7. Плешаков В.А. Человек как жертва киберсоциализации: негативные последствия и типы кибераддикции // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей: Выпуск 39. / под ред. Е.А. Левановой. М.: МПГУ-МОСПИ, 2011. С. 178-182.

«ГЛОБАЛЬНАЯ ПСИХОМАНИПУЛЯЦИЯ» КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ¹

*Гостев Андрей Андреевич,
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт психологии РАН (Москва), (aagos06@rambler.ru),*

*Яновский Михаил Иванович,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(m.i.yanovsky@mail.ru)*

Рассматривается комплексная междисциплинарная проблема изучения системы многоплановых, тотальных манипулятивных информационно-психологических воздействий на современного человека. Вводится и раскрывается понятие «глобальная психоманипуляция». Расширение предметного поля исследования проблемы вне рамок традиционного психологического изучения масс-медиа, рекламы-маркетинга, политтехнологий позволяет продвигаться к целостному пониманию тематики. Особое внимание привлечено к информационно-психологическим войнам в современном мире; роли в психоманипуляциях новых информационных технологий; взаимодействию публичных и непубличных аспектов мировой политики и экономики; идеологии глобализации. Раскрывается роль духовно-нравственного фактора в глобальной психоманипуляции.

Ключевые слова: глобальная психоманипуляция, личность, общество, масс-медиа, реклама, политтехнологии, информационно-психологические войны, духовность, нравственность.

«GLOBAL PSYCHOMANIPULATION» AS A PSYCHOLOGICAL CONCEPT

*Gostev Andrey Andreevich,
doctor of psychology, leading researcher,
Institute of psychology RAS (Moscow), (aagos06@rambler.ru),*

*Yanovsky Mikhail Ivanovich,
candidate of psychol. sciences, associate professor of the Department of psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (m.i.yanovsky@mail.ru)*

The complex interdisciplinary problem of studying the system of multidimensional, total manipulative information and psychological effects on modern man is considered. The concept of "global psychomanipulation" is introduced and revealed. The expansion of the subject field of research of the problem beyond the traditional psychological study of mass media, advertising, marketing, political technologies allows us to move towards a holistic understanding of the subject. Special attention is drawn to the information-psychological wars in the modern world; the role of psychomanipulation new information technologies; interaction of public and non-public aspects of world politics and economy; ideology of globalization. The role of spiritual and moral factor in global psychomanipulation is revealed.

Key words: global psychomanipulation, personality, society, mass media, advertising, political technologies, information and psychological wars, spirituality, morality.

В данной статье речь пойдет об информационно/дезинформационных психологических воздействиях, реализуемых в современном мире, порождающих некий суммарный эффект – то, что мы назвали *глобальной психоманипуляцией* [1]. На ее основе в мировом масштабе происходит реформирование «системы сознания» людей.

¹ Работа выполнена по Государственному заданию 0159-2018-0005. Личность в современной России: психологические характеристики, социальные проявления, факторы формирования.

В этой связи очевидна высокая актуальность углубления психологического изучения адекватности социального познания как такового и, в частности, психологических условий и причин формирования искаженных или наивных представлений о происходящем.

Психоманипуляция обобщенно понимается как не замечаемое объектом информационно/дезинформационное психологическое и/или духовно-нравственное воздействие человеком или социальной общностью определенного масштаба и уровня, программирующее внутренний мир личности и групповое/коллективное сознание, задаваемыми субъектом воздействия социальными представлениями, мировоззренческими смыслами, ценностями, убеждениями, идеалами и т.п.

Отметим исследования по такого рода тематике в Институте психологии РАН [8; 9; 5]. Тем не менее, в них недостаточно отражено то важное теоретическое положение, согласно которому объектом глобальной психоманипуляции является именно социальное познание, само его функционирование.

Подлежит научному осмыслению создаваемая некая *общецивилизационная иллюзорность социального познания*. Для ее исследования необходимо углубление взаимодействия социальной, политической и исторической психологии даже с гипотетическими областями научного знания.

Глобальная психоманипуляция имеет различные формы, содержание, каналы влияния, и в то же время она – некая целостность, которая опосредствует все виды информационно/дезинформационных психологических воздействий в планетарном информационном поле, имея свою специфику в различных его точках.

В таких воздействиях используются механизмы суггестирования, подражания, социального научения, конформизма, идентификации и т.д.

Глобальная психоманипуляция, когда она преднамеренна, ориентирована на:

- а) сокрытие своих целей;
- б) создание ложных интерпретаций;
- в) создание иллюзии свободного сознательного формирования убеждений.

Важные закономерности глобальной психоманипуляции связаны с принципом **информационной неопределенности** [6] – формированием субъективно «целостной и достоверной» картины мира из неполной или, точнее, «правильно ограниченной» информации.

Иллюзию достаточной информированности у объекта воздействия создает, в частности, кажущееся разнообразие воздействий, хотя, по сути, предлагается одна версия [3]. Для сокрытия же нежелательного для манипулятора интенсивно вбрасывается правдоподобная ложная информация (примерами являются события балканские в 1990-е гг., грузинские 2008 г. и украинские 2013-2017 гг.).

Отдельная тема – как возможна координация и формы подконтрольности средств массовой информации и коммуникации (СМИиК) в *непроизвольном* формировании социальных установок, общих представлений у работников СМИиК в некоем «поле единомыслия-единочувствия».

В военное время применение информационно-психологического оружия дает эффективную дезориентацию и деморализацию противника. В этом качестве используют:

- дезинформацию и двойные стандарты;
- деформацию национальных стратегических и тактических целей;
- давление обстоятельствами;
- блокировку мобилизационных механизмов;
- дискредитацию социально-экономически полезного и политически значимого;
- внедрение нужных субъекту воздействия иллюзий и ценностей.

Если же говорить о глобальной психоманипуляции в невоенное время, то она так же может строить иллюзорную реальность и проецировать ее образ в мир, и может надевать «шапку-невидимку» на отдельные аспекты действительности². Информационно-психологическое оружие помогает изменять оценки социально-политических явлений или не замечать подсказок в интерпретации фактов даже при сохранении своих убеждений и мировоззренческих ценностей.

Основными субъектами глобальная психоманипуляция являются международные НПО, ТНК, организации и лица, действующие внутри стран (например, коммерческие компании), террористические структуры. Объектами психоманипуляция выступают: население страны, ее элита, политическая оппозиция, конкретные социальные группы, негосударственные структуры и т.п.

Современные манипуляции с **исторической памятью** – это мощное «психоисторическое оружие» [10].

Также информационно-психологическим оружием в глобальной психоманипуляции являются **цветные революции**.

В «цветных революциях» достаточно легко усматриваются «сценаристы», «режиссеры», «актеры» данного спектакля. Однако многие люди (в том числе и некоторые исследователи темы) считают, что подобные революции являются самопроизвольными и показывают демократичность общества.

Именно глобальная психоманипуляция породила театр «политического спектакля» разного масштаба и уровня, а также профессионализма исполнителей. Люди, принимая навязываемые правила социальных игр, действительно, начинают с различной степенью осознанности воспринимать общественную жизнь в виде «театра». Эффектом глобальной психоманипуляции является то, что многие зрители утрачивают ощущение пребывания в «театре», ибо восприятию «спектакля» помогают стереотипы и мифы, циркулирующие в обществе.

Очевидна роль в психоманипуляции управления вниманием, памятью и мышлением. Могут создаваться препятствия их нормальному осуществлению – пониманию информации, выявлению противоречий, нестыковок версий и т.п. Утрата критичности мышления повышает эффективность глобальной психоманипуляции³. Особая тема – «*манипулятивная психолингвистическая герменевтика*». Подмена смысла слов, навязывание их толкования, иноязычные заимствования и пр. помогают изменять социальные представления, затушевывать их нравственную окраску.

Неолиберализм культивирует замену нравственности правовым регулированием, постановку государств на службу глобальной финансово-экономической системе. Ложное понимание свободы оправдывает проявление «низшего Я». Отметим также подмены в понятии «гуманизм», современное представление о котором включает пропаганду «нормальности» всех низменных склонностей человека. Особую роль играют политкорректность и толерантность, которые я понимаю как блоки осознания в контексте защитных механизмов социального восприятия.

Огромную роль в глобальной психоманипуляции играет **образная сфера человека** [2], в частности, взаимодействие воображения и эмоционально-мотивационной сферы. Влияние на сферу *воображения* эффективно управляет социальным восприятием и прогнозированием, что способно приводить к несвоевременным и неадекватным действиям масс, к социально-психологической истерии, или разрушению инстинкта самосохранения в обществе.

² Еще Э. Тоффлер говорил, что массмедиа создают фиктивный мир, на который правительства, народы, люди реагируют как на реальный.

³ Вспомним, что реформы 1990-х в РФ представлялись в СМИиК нетрудными и краткосрочными.

Глобальная психоманипуляция использует переживания человеком воздействия *символики* и *мифологических представлений* религиозно-мистического и секулярного содержания. Известно, что социальная действительность строится теми, в чьих руках находится производство образов, управляющих общественно значимыми смыслами, ценностями, идеями и т.п.

Можно говорить о «войне образов», которая все сильнее и глубже размывает традиционные для народов, культур духовно-нравственные ценности. Когда традиционно понимаемое зло все чаще воспринимается многими как «добро» (и наоборот), возможна любая психоманипуляция.

Глобальная психоманипуляция использует многоликое деструктивное экранное воздействие телевидения, кино-видеопродукции, интернета, компьютерных игр, смартфонов [11].

Реклама/бренды/маркетинг являются мощным виртуализирующим внутренний мир личности воздействием, эффективным средством психопрограммирования. Этим воздействием задаются новые, часто аморальные ценности. В психологии рекламы, однако, видна недооценка ее влияния на «нижнее я» человека. Реклама (в широком смысле) превратилась в эффективное средство суггестирования, создающего и усиливающего приземленные потребности человека.

Большая проблема – феномен **виртуализации** человеческого бытия. Так, компьютерные виртуальные миры становятся для людей «позитивной» альтернативой объективной действительности. Реализация фрустрированного внутреннего мира личности в виртуал-образах подчеркивает проблему проекции в них «нижнего Я». Показательно, что так называемый трансгуманизм стремится к бессмертию «высшей касты неоземлян», достигаемому за счет «переселения внутреннего мира человека в компьютер».

Но виртуализация происходит и в социальной жизни. Так, экономическая информация, подаваясь аудитории на малопонятном профессиональном языке, обладает мощным суггестирующим психологическим воздействием. Психологическое осмысление темы «свободного рынка» подталкивает к мысли о том, что, по сути, мы имеем дело с торговлей фантазиями, иллюзиями, встраивающими потребителя в виртуальное бытие.

Глобальная психоманипуляция облегчается объектом своего воздействия – современной западной ментальностью, отвергающей традиционные нравственные ценности, воспевающей потребительскую психологию.

Все более актуально психологическое изучение *мифологических представлений*, которые, отражая глубинные пласты самосознания народов, всегда являлись, являются, и будут являться частью их социально-политических традиций. Создаваемая «новая мифология» взаимодействует с архетипическими кодами социальных общностей различного масштаба и уровней. В частности, архетипические образы добра и зла, как части картины мира, могут искусственно накладываться на реалии современного мира. Тем самым происходит мифологизация этих реалий. Например: создается представление о культурной и движущейся в будущее части человечества – западные страны во главе с Америкой, которые борются за добро, и другой, меньшей части – коварных злодеях, все еще остающихся в России после распада СССР, желающих зла. «Добрым» приписывается беззащитность, бесхитрость, и в то же время благородство (сочетание архетипов «жертвы» и «героя»), «злым» – тупость, коварство и агрессивность (сочетание образов «неудачника», «злодея» и «предателя»). Если сознание себя «героями-жертвами» внушается какой-либо отдельной этнической группе, то происходит мобилизация этнического самосознания группы и его идеализация. Карикатуризация образа противника и идеализация себя и «своих» подавляют критичность восприятия и осмысления людьми информации СМИиК, запускает механизм конформизма в отношении к навязываемым СМИиК утверждениям и оценкам. Доминирующие в СМИиК представления, даже абсурдные и очевидно противоположные истине, принимаются, для сохранения

лояльности к «своим», в противовес «чужим». Этот эффект усиливается при тотальном наполнении СМИиК единообразным информационным контентом. Немаловажную роль может играть стимулирование страха перед образом неопределенного, но агрессивного и коварного врага, а также либерализация моральных норм и блокировка моральной рефлексии. Это создает условия для активизации аморальных чувств (агрессии и аутоагрессии, садомазохизма, нарциссизма и т.п.), прикрываемых псевдоморальными рационализациями. На такую «платформу» легче ложатся дологические формы мышления, которые обеспечивают принятие «новой мифологии» (псевдоисторические мифы, неоязычество и т.д.).

Актуальными психологическими проблемами являются изучение внутри- и меж-элитных взаимодействий, противоречий, психокартографирование элитарного мировоззрения, раскрытие национального и наднационального влияния на действительность [7]. Возникающий класс наднациональных управленцев оппозиционен ко всему национально-культурному и государственному. Актуально поэтому изучение психологии «мирового гражданства» в противостоянии национально-государственной идентичности человека⁴. В связи с этим возникает необходимость учитывать мировую социально-экономическую структуру: уровень государственной власти, уровень национальных элит, «группы согласования и управления» элит, уровень глобального финансового олигархата [4].

Иронию по этому поводу, политкорректное умолчание подобных тем можно рассматривать как блокирование работы сознания в социальном познании.

Важно, что в данной планетарной информационно-психологической войне нужна опора в «вертикали высших духовных смыслов».

Список литературы

1. Гостев А.А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во «Алгоритм», 2000.
4. Колеман Дж. «Комитет 300. Тайны мирового правительства». М.: «Витязь», 2000.
5. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
6. Лебедев А.Н. Информационная неопределенность как механизм психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 32-43.
7. Леш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Изд-во «Прогресс». 2002.
8. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
9. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.;
10. Фурсов А.И. Вопросы борьбы в русской истории: Логика намерений и логика обстоятельств. М.: Книжный мир, 2016.
11. Яновский М.И. Анализ воздействия мультфильма на моральные установки зрителя (на примере мультфильма "Симпсоны") // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 87-97.

⁴ Это предполагает изучение: а) особенностей взаимного непонимания элиты и народа в различных странах; б) воспроизводства элитарного сознания; в) фильтров для не-элитных элементов; г) «кочевничества граждан золотого миллиарда» (Ж. Аттали); д) национальной элиты как канала внешнего управления страной.

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ И ЛЮДЕЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гулякина Вера Викторовна,

канд. психол. наук, доцент,

*доцент кафедры социальной психологии и акмеологии,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева» (г. Орёл), (vera.gulyakina@yandex.ru)*

В статье представлены результаты эмпирического исследования стратегий преодоления у студентов и людей, включенных в профессиональную деятельность. Показано, что личностными коррелятами стратегий преодоления выступают саморегуляция, локус контроля и мотивация достижения. Описано качественное своеобразие стратегий преодоления у студентов и работающих людей.

Ключевые слова: стратегия преодоления, конструктивность, саморегуляция, волевой самоконтроль, локус контроля, мотивация достижения.

OVERCOMING STRATEGIES OF STUDENTS AND PEOPLE INCLUDED IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

Gulyakina Vera Viktorovna,

candidate of Candidate of Psychological Sciences, docent,

*Associate Professor at the Department of Social Psychology and Acmeology,
Orel State University named after I. S. Turgenev (Orel),
(vera.gulyakina@yandex.ru)*

The article presents the results of an empirical study of coping strategies among students and people involved in professional activities. It is shown that personal correlates of coping strategies are self-regulation, locus of control and achievement motivation. The qualitative uniqueness of coping strategies among students and working people is described.

Key words: coping strategy, constructiveness, self-regulation, volitional self-control, locus of control, achievement motivation.

Социальная нестабильность, характерная для современного общества, повышает стрессогенность населения всех категорий. Учитывая высокий уровень сложности жизни людей в социуме, актуализируется изучение того, каким образом они справляются с неожиданными негативными событиями, к каким стратегиям прибегают, чтобы совладать с трудностями и предотвращать порождаемые ими эмоциональные нарушения.

Анализируя преодоление человеком жизненных проблем, психологи обращаются к таким понятиям, как «психологическое преодоление», «копинг-стратегии» и «совладающее поведение». Проблема психологического преодоления представляет интерес для зарубежных (Р. Лазарус и С. Фолкман, Н. Хаан, Р. Мосс, Е. Коплик, Х. Томэ и др.) и отечественных психологов (Л.И. Анциферова, К.А. Абульханова-Славская, Ф.Е. Василюк, С.К. Нартова-Бочавер, Т.Л. Крюкова и др.). Ученые обращаются к анализу его феноменологии, составляют классификации, описывают стратегии, представляют классификации, выделяют личностные основания, возрастные закономерности и детерминанты, разрабатывают диагностический инструментарий [1,2,3]. Согласно взглядам большей части исследователей, главная задача психологического преодоления – обеспечение и поддержание благополучия человека, физического и психического здоровья, удовлетворенности социальными отношениями. Его можно считать состоявшимся, когда ситуация для субъекта утрачивает свою значимость как раздражитель и тем самым освобождает его энергию для решения других задач. Каждая

форма психологического преодоления специфична, определяется субъективным значением переживаемой ситуации и отвечает преимущественно одной из задач – решению реальной проблемы или ее эмоциональному переживанию, коррективке самооценки или регулированию взаимоотношений с людьми.

В возрастном плане установлено, что активное развитие стиля психологического преодоления происходит в подростковом и юношеском возрасте в условиях активного взаимодействия с родителями. Стрессы у взрослых и детей существенно различаются по содержанию, а это, в свою очередь, диктует предпочтение специфических видов копинг-стратегий. В качестве детерминант психологического преодоления выступают особенности личности и самосознания человека: мотивация достижения, тревожность, система отношения человека к себе и окружающей действительности, локус контроля, саморегуляция, особенно эмоциональная, рефлексия. В настоящее время практический уровень решения проблем совладающего поведения представлен несколько слабее, чем их теоретико-методологическое основание. Это актуализирует значимость работ прикладного плана.

Цель нашего исследования – изучить особенности стратегий преодоления и их личностные корреляты у студентов и работающих людей. Опираясь на взгляды, С.К. Нартовой-Бочавер базовый конструкт нашего исследования, стратегию преодоления (копинг-стратегию), мы определяем как индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями [3].

Исследование стратегий преодоления осуществлялось на базе выборки студентов ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» института педагогики и психологии, академии физической культуры и спорта, а также людей разных профессий в возрастном диапазоне от 30 до 60 лет при помощи шести методик: методики И.Г. Сизовой и С.И. Филиппченковой «Когнитивно-поведенческие стратегии преодоления», методики А.К. Осницкого «Диагностика сформированности умений саморегуляции деятельности», методики А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана «Определение волевого самоконтроля» (ВСК), методики В.В. Бойко «Диагностика типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды», методики Дж. Роттера «Диагностика уровня субъективного контроля», методики М.Ш. Магомед-Эминова в модификации А. Мехрабиана «Тест-опросник мотивации достижения» (ТМД).

Мы предположили, что саморегуляция (когнитивная, эмоциональная, волевая), локус контроля и мотивация достижения как личностные основания стратегий преодоления выступают критериями их различий у студентов и людей, включенных в профессиональную деятельность. Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило сделать следующие выводы.

1. Общая тенденция в использовании стратегий преодоления у студентов и работающих людей связана с преобладанием линии конструктивности: исследуемые чаще ориентируются на стратегии «Когнитивная репетиция» и «Коррекция ожиданий и надежд». При этом самая распространенная неконструктивная стратегия преодоления «Фокусированная на эмоциях стратегия». Учитывая зафиксированную иерархию стратегий, можно говорить о преобладании у всех исследуемых когнитивно-эмоциональной регуляции преодоления.

В трудной жизненной ситуации на когнитивном уровне люди проигрывают в уме свои действия и их последствия, в случае неудачи ставят перед собой менее сложные задачи. Эмоциональный уровень отражает приспособление к сложным обстоятельствам путем изменения психологического состояния.

2. Возрастной диапазон исследуемых определяет специфику жизненных проблем и актуализирует определенные пути и средства их разрешения. Статистически достоверное преобладание у студентов стратегии «Предвосхищающая печаль» ($t=3,1$, при $p \leq 0,01$) мы

объясняем ситуацией их жизнедеятельности: в отличие от работающих людей, они не имеют статуса экономической самостоятельности, нуждаются в поддержке представителей старшего поколения. Можно говорить о конструктивности в преодолении студентов, поскольку они заранее анализируют свою активность в случае потери опоры, психологически готовятся к возможным нелегким испытаниям.

3. Саморегуляция (когнитивная, волевая, эмоциональная), локус контроля, и мотивация достижения, согласно корреляционному анализу по Пирсону, являются личностными коррелятами стратегий преодоления и позволяют более детально определить их специфику у студентов и людей, включенных в профессиональную деятельность.

а) Эффективная когнитивная саморегуляция у исследуемых определяется представлением о своих возможностях и качественной рефлексией, способствует конструктивному преодолению. Степень уверенности в самооценивании качественно отличается у студентов и работающих людей. У первых выражен «эффект позитивного ожидания», характеризующийся ориентированностью в будущее, оптимистическим взглядом на жизненные обстоятельства, верой в собственные силы. Для вторых характерен «эффект сомнения»: вера в собственные силы сочетается с более осмысленным анализом прошлого и более детальным выстраиванием образа «Я» в проблемной ситуации. Работающие люди, имея жизненный опыт, более глубоко анализируют проблемные ситуации: даже у тех исследуемых, которые демонстрируют неконструктивную линию преодоления, меньшее количество ошибок в рефлексии, чем у студентов.

б) Существуют отличия в функционировании волевого самоконтроля у исследуемых двух категорий. Студенты, решая жизненные проблемы, ориентированы на мобилизацию своего потенциала, работающие люди – на сознательный контроль своих эмоциональных реакций и состояний.

в) Статистически достоверные различия в типах эмоциональной реакции на негативные и амбивалентные стимулы у студентов и работающих людей свидетельствуют о дифференциации их эмоциональной регуляции и отражают ориентиры на использование разных приемов в ситуации преодоления.

Концентрация на негативных стимулах у студентов и стремление разобраться в возникшей ситуации сочетается с такими приемами преодоления, как: сравнение себя с другими, проигрывание в разных вариациях возникшей ситуации или же ее игнорирование. Негативная внешняя стимуляция у работающих людей актуализирует эмоциональную защиту, проявляющуюся в изменении и стабилизации своего эмоционального потенциала в сочетании со снижением стремления преувеличивать значимость своей проблемы. Амбивалентность внешних обстоятельств порождает у студентов защиту в виде агрессии и негатива по отношению к окружающему миру, а также концентрирование на собственной особенности и преувеличении значимости своей ситуации по сравнению с другими. Амбивалентность внешних обстоятельств у работающих людей актуализирует когнитивный анализ себя в новых жизненных условиях, при этом снижается фокусирование на эмоциональном состоянии и стремление изменить собственные личностные характеристики.

б) Исследуемые избирательны в локализации контроля над обстоятельствами при решении жизненных проблем: высокая интернальность не всегда выступает фактором преодоления, в зависимости от ситуации и студенты, и работающие люди рассматривают внешние факторы как основу решения проблем, снижая собственную активность и субъектность. Соотношение состояния здоровья и успешности решения жизненной проблемы наиболее ярко представлено в сознании работающих людей: ответственность за свое физическое состояние в сочетании с регуляцией психологического состояния выступает у них как источник внутренней силы в ситуации преодоления. В отличие от

работающих людей, копинг студентов связан с мотивацией достижения: чем больше у них выражен мотив достичь успеха, тем меньше стратегия преодоления основывается на сравнении с другими, уходе от проблемы и её отрицании. Наше исследование указало на значимость ряда моментов.

1. Учитывая что, саморегуляция важнейшая личностная составляющая преодоления, можно говорить о необходимости её совершенствования и у студентов, и у работающих людей.

2. Одной из проблемных зон считаем низкую интернальность в локализации контроля, которая не позволяет людям проявлять активность в разрешении жизненных проблем. Разумно, что некоторые обстоятельства мы не можем контролировать, но у человека должно быть представление о собственной субъектности, ориентирующей его выступать хозяином в преобразовании себя и окружающих внешних факторов.

3. Стремление достичь успеха в преодолении порождает более конструктивные средства преодоления. Веря в себя и свой потенциал, человек прибегает к оптимистическим ожиданиям и готов к выбору наиболее рационально-действенного способа разрешения ситуации.

С нашей точки зрения, психологизация населения – один из важнейших путей повышения качества преодоления у человека. Средства массовой информации, интернет переполнены некорректной, некачественной информацией, дезориентирующей человека, поэтому в настоящее время требуется профессиональная презентация основных путей и средств, позволяющих человеку преодолевать трудные жизненные ситуации. Целесообразным представляется информирование населения о современных теоретических и эмпирических достижениях в области проблемы преодоления.

Наша работа подтверждает значимость деятельности психолога в любой организации. Психологическое сопровождение в решении человеком жизненных проблем выступает одним из факторов сохранения человеческого потенциала и его разнообразных ресурсов.

Список литературы

1. Битюцкая Е.В. Когнитивно оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 30с.
2. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. - № 2. – С. 88-95
3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе психологии личности //Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 20-30

УДК 159.9

СПЕЦИФИКА СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ ПЕДАГОГОВ

Жарких Наталья Григорьевна,

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры социальной психологии и акмеологии,

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», (г. Орёл), (natalya_zharkih@list.ru),*

Логвинова Татьяна Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры социальной психологии и акмеологии,

*ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», (г. Орёл), (tatianalo19@ya.ru)*

В статье представлены результаты исследования неблагоприятных психических состояний, провоцирующих возникновение стресса современных педагогов, а также раскрыта их взаимосвязь с различными показателями удовлетворенности работой.

Ключевые слова: стрессовые состояния, психические состояния, педагоги, удовлетворенность трудом.

SPECIFIC STRESS STATES OF TEACHERS

Zharkikh Natalya Grigoryevna,
candidate of psychology, associate professor,
department of social psychology and acmeology,
Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, (natalya_zharkikh@list.ru),
Logvinova Tatyana Gennadyevna,
Senior lecturer, department of social psychology and acmeology,
Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, (tatianalo19@ya.ru)

The article presents the results of the study of adverse mental conditions that provoke the emergence of stress of modern teachers, as well as their relationship with various indicators of job satisfaction.

Key words: stressful states, mental states, teachers, job satisfaction.

В научной и практической психологии исследование стрессовых состояний весьма актуально благодаря тому, что они являются не только фоном, но и важнейшим регулятором поведения и деятельности субъекта. Изучение данной проблематики, выявление факторов развития стрессовых состояний становится особенно важным в условиях реализации современной профессиональной педагогической деятельности в связи с решением задач повышения качества образования, определения эффективных стратегий педагогического взаимодействия с различными участниками образовательного процесса, укрепления психологического здоровья субъектов образования.

Нами было проведено исследование, в котором были определены особенности психических состояний современных педагогов, а также изучена их взаимосвязь с удовлетворенностью профессиональной деятельностью.

Сначала исследовались психические состояния педагогов. Использование методики «Утомление – монотония – пресыщение – стресс» А.Б. Леоновой показало, что наибольшую выраженность у респондентов имеют «стресс» (21) и «утомление» (20,6), в незначительной степени представлены «пресыщение» (15,6) и «монотония» (14,1).

Для всех педагогов характерно слегка повышенное утомление. По нашему мнению, возможными причинами утомления могут быть большая чувствительность людей, сопряженная с усталостью, а также высокая эмоциональная насыщенность педагогического труда, постоянно сопутствующая активному взаимодействию людей. Основанием для появления утомления могли служить повышенные нагрузки в условиях реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», так как, во-первых, внедрение инноваций сопряжено с возникновением сопротивления со стороны педагогического коллектива, причина которого лежит в непонимании и как следствие – недовольстве учителей. Это приводит к возрастанию эмоционального напряжения, приводящему к эмоциональной изношенности, а во-вторых, необходимость постоянного повышения квалификации и развития профессиональной компетентности приводит к увеличению информационной и интеллектуальной нагрузки.

Для исследуемых педагогов также характерно наличие стресса, вероятной причиной которого могут служить накопившиеся проблемы. Можно предположить, что на первых этапах появления стресса педагоги не выработали умение преодолевать стрессовые состояния и не смогли предотвратить их последствия, так как они не владели приемами саморегуляции, техниками расслабления, способствующими их преодолению. Появлению стресса, вероятно, послужили проблемы на работе, например, конфликт ролей, возникающий в ситуации предъявления противоречивых требований,

неопределенность, которая образуется, когда педагог не уверен в том, что от него ожидают. Появление стрессового состояния может быть вызвано и другими причинами, например трудностями в семье, личной жизни, материального характера, какими-либо собственными неудачами. Проблемы внутреннего характера также способствуют возникновению стресса, это может быть недостаточная самореализованность человека не только в своей работе, но и в жизни, излишний перфекционизм, или же негативный диалог с собой.

Другие функциональные состояния, такие как монотония и пресыщение, у исследуемых респондентов выражены в незначительной степени. Известно, что монотония – это функциональное состояние, возникающее при однообразной работе, характеризуется снижением тонуса, ослаблением сознательного контроля, стереотипизацией действий [2]. Психическое пресыщение обычно развивается в условиях однообразной, лишенной смысла деятельностью, сопровождается потерей интереса к работе и неосознанным стремлением к варьированию способов исполнения своей деятельности [1]. Исходя из этого, делаем вывод о том, что такая степень выраженности этих состояний возникла благодаря тому, что педагогическая работа сопряжена с постоянно меняющейся деятельностью, характеризующаяся разнообразием и динамичностью.

Изучение психологического стресса по методике «Шкала психологического стресса PSM - 25» показало, что у большинства испытуемых (76,6%) выявлен незначительный уровень стресса, тогда как среднеразвитый стресс представлен лишь у некоторых педагогов (23,3%). Скорее всего такие данные были получены благодаря тому, что исследуемые педагоги, имея большой стаж работы, выработали собственную стратегию поведения в сложных обстоятельствах, обладают накопленным опытом совладания в стрессовых ситуациях.

В результате диагностики доминирующих состояний педагогов (методика Л.В. Куликова) было получено, что у большинства педагогов доминирует пассивное отношение к жизненной ситуации, выражающееся в пессимистической позиции в оценке многих ситуаций, нежелании ставить четкие цели (63,6%); низкий тонус, проявляющийся в сниженной работоспособности, склонности проявлять астенические реакции на возникающие трудности (52,4%); спокойствие, сочетающееся с умеренной тревожностью (66,6%); устойчивость эмоционального тона, заключающаяся в умении педагогов преодолевать состояние излишнего эмоционального возбуждения при выполнении сложной деятельности, что, в свою очередь, предупреждает развитие деструктивного стресса (83,3%). Также у респондентов отмечается преобладание удовлетворенности процессом самореализации (86,2%) и позитивное адекватное самовосприятие (53,7%).

В дальнейшем выявлялась степень удовлетворенности работой педагогов. с помощью методики «Опросник удовлетворенности работой» П.Е. Спектора. В соответствии с полученными данными была составлена иерархия предпочитаемых факторов удовлетворенности работой педагогов. В качестве наиболее привлекательных выступили такие факторы как «зарплата» (4,75) и «зависимые вознаграждения» (4,7), «продвижение» (4,65), «информирование» (4,6) и «условия выполнения» (4,4). Таким образом, основным стимулом для педагогов, определяющим удовлетворенность профессиональной деятельностью, выступают стимулирование труда в виде оплаты и денежных компенсаций, а также нематериальные вознаграждения за успехи и достижения в форме благодарности, признания, грамот за хорошую работу.

Общение с педагогами показало, что в целом они довольны своими материальными благами, потому что имеют хороший оклад, получают большие стимулирующие, а также премиальные выплаты за выполняемую работу. Педагоги часто становятся участниками в различных мероприятиях творческого характера. Они проводят олимпиады и участвуют с детьми в различного рода поездках, благодаря чему регулярно получают значительные

вознаграждения материального и нематериального характера от администрации школы и района.

Для педагогов также немаловажен карьерный рост, обеспечивающий продвижение по службе. Исследование показало, что педагоги ориентированы на достижение профессионального мастерства и стремятся саморазвитию и самореализации. Они посещают курсы повышения квалификации. Педагоги отмечают, что в школах района созданы хорошие условия для их самосовершенствования. Большинство из них подчеркивают своевременность информирования, что в свою очередь влияет на качество их работы.

Педагоги также удовлетворены «условиями выполнения» (4,4) работы. В рамках проведения новой национальной инициативы «Наша новая школа» и в соответствие с ФГОС педагог должен использовать на уроке мультимедийные технологии: интерактивную доску, медиапроектор, компьютер. На уроке должно быть соответствующее теме оборудование. Кабинет должен соответствовать санитарным нормам. Педагоги довольны условиями выполнения работы, вероятно, потому что школы оснащены всем необходимым оборудованием, а также кабинеты соответствуют санитарным нормам.

Менее значимыми факторами выступают «коллеги» (4,2), «руководство» (4,18), «дополнительные льготы» (4,15). Несмотря на то, что приоритетом в профессиональной деятельности педагога является образовательный процесс, однако, немаловажную роль играет общение с коллегами. Для педагогов важно, чтобы на работе у них складывались теплые отношения внутри коллектива, и царила дружеская атмосфера уважения и взаимопонимания. Благодаря чему в таком коллективе приятнее и охотнее выполнять свою работу. Побеседовав с педагогами, можно сделать вывод о том, что их устраивают взаимоотношения с коллегами. Скорее всего, социально-психологический климат в коллективе благоприятен. Вероятно, в изучаемых школах дружные и хорошие коллективы. В свою очередь, можно предположить, что педагоги удовлетворены руководящим составом образовательных учреждений. Скорее всего, руководители заботятся о своих работниках, вовремя дают инструкции, не оставляют без внимания результаты труда, заботятся о здоровье и эмоциональном состоянии сотрудников, обеспечивают их дополнительными льготами, которыми в исследуемых школах являются туристические путевки, а также санаторное лечение.

На последнем месте составленной иерархии находится «характер работы» (4,05). Очевидно, он определяется содержанием выполняемой деятельности, которая связана с обучением, воспитанием и всесторонним развитием подрастающего поколения. Мы предполагаем, что исследуемые педагоги изначально имели высокий интерес к своей профессиональной деятельности, высокую внутреннюю мотивацию, а в связи с этим специфика работы для них приемлема и очевидна.

На основании расчета интегрального показателя (4,34) можно утверждать, что педагоги в целом удовлетворены работой по всем исследуемым параметрам. Среди представленных факторов нет ни одного, который был бы незначимым для них. Вероятнее всего образовательный процесс с точки зрения его организации и реализации построен адекватно и соответствует ожиданиям педагогов.

На последнем этапе исследования устанавливались взаимосвязи между различными психическими состояниями и показателями удовлетворенности работой в педагогическом коллективе.

В частности, была обнаружена корреляционная связь между параметром «утомление» и фактором «зависимые вознаграждения» (0,433 при $p_{0,05} \geq 0,36$), которая означает, что чем выше уровень утомления у педагогов, тем выше потребность у них в различного рода вознаграждениях по результатам работы. Таким образом, предполагаем, что в условиях утомления единственно реально действующим стимулом для осуществления педагогической деятельности являются вознаграждения.

Также были выявлены корреляционные связи между показателем «стресс» и факторами «руководство» (0,410 при $p_{0,05} \geq 0,36$), «зависимые вознаграждения» (0,433 при $p_{0,05} \geq 0,36$) и «характер работы» (0,435 при $p_{0,05} \geq 0,36$), согласно которым предполагаем, что чем неблагоприятнее эмоциональное состояние педагога, тем более выраженной становится потребность в эффективном руководящем составе, в вознаграждениях по результатам труда и в однозначности характера выполняемой деятельности.

Обнаружена значимая корреляционная связь между параметром «тонус» и фактором «удовлетворенность работой в целом» (0,439 при $p_{0,05} \geq 0,36$). Это означает, чем выше работоспособность и активность педагогов, тем большую удовлетворенность работой они испытывают.

Оказались положительно коррелирующими параметр «стресс» и факторы «руководство» (0,379 при $p_{0,05} \geq 0,36$) и «удовлетворенность работой в целом» (0,437 при $p_{0,05} \geq 0,36$). Т.е., чем выше уровень стресса у педагогов, тем значимее для них потребность в удовлетворенности результатами своего труда и характер взаимоотношений с руководством.

Также взаимосвязанными оказались параметры «удовлетворенность жизнью в целом» и «удовлетворенность работой в целом» (0,4 при $p_{0,05} \geq 0,36$), что означает, чем больше педагог удовлетворен всеми аспектами своей работы, тем больше он получает удовольствия от своей жизни и самореализации.

Однако проведенное исследование выделяет только один из аспектов в изучении одной из актуальных проблем современности – проблемы поиска и определения детерминант неблагоприятных психических состояний, обуславливающих возникновения с том числе и профессионального стресса в деятельности педагогов. Возникновение данной проблемы и возведение ее в ранг важнейших, в первую очередь, обуславливается глобальными изменениями, происходящими в системе современного Российского образования.

Список литературы

1. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 352 с.
2. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. 256 с.

УДК 378.014:15

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

*Жердева Людмила Алексеевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии и акмеологии,
ОГУ имени И.С. Тургенева, (г. Орел), (lucizherdeva@yandex.ru)*

Статья посвящена изучению особенностей когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов с разными уровнями личностной тревожности. Показано, что в студенчестве связь тревожности и когнитивного стиля проявляется в полной мере: как с целостными характеристиками стиля, так и с отдельными параметрами. Выявлено негативное влияние тревожности на проявления когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов.

Ключевые слова: тревожность, стратегия принятия решения, когнитивный стиль «импульсивность-рефлексивность», познавательная деятельность, эмоции, студенты, уровни тревожности, непродуктивные параметры когнитивного стиля.

COGNITIVE STYLE OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF PERSONAL ANXIETY

Zherdeva Lyudmila Alekseevna,

Candidate of psychological sciences,

Associate Professor of the Department of Social Psychology and Acmeology

OSU named after I.S. Turgenyev, the city of Orel, (lucizherdeva@yandex.ru)

The article is devoted to the study of the peculiarities of cognitive style "impulsivity-reflexivity" in students with different levels of personal anxiety. It is shown that in students the connection of anxiety and cognitive style is fully manifested: both with the integral characteristics of the style, and with individual parameters. The negative influence of anxiety on the manifestations of cognitive style "impulsivity-reflexivity" in students is revealed.

Key words: anxiety, decision-making strategy, cognitive style "impulsiveness-reflexivity", cognitive activity, emotions, students, levels of anxiety, non-productive parameters of cognitive style.

Тревожность как личностное образование постоянно привлекает внимание психологов – исследователей и практиков. Современные данные свидетельствуют о росте количества тревожных студентов, что с особой остротой ставит задачу поиска способов и средств психолого-педагогической работы с такими субъектами. Одной из важнейших задач этой работы является повышение их интеллектуальной и социальной компетентности, обеспечение условий для полноценной реализации ими своих возможностей. Один из путей – развитие у тревожных студентов продуктивных способов приема, переработки и воспроизведения информации, т.е. формирование оптимальных вариантов когнитивных стилей, что может способствовать и снижению тревожности. Данные многочисленных исследований (Г. Клаус, К. Якерт, М. Холодная, Р. Бугнер и др.) свидетельствуют о влиянии когнитивного стиля на учебную деятельность [4; 5]. Г. Клаус выделяет два стиля, которые в наибольшей степени влияют на продуктивность учебной деятельности. К ним относятся «импульсивность-рефлексивность» (или «тип реагирования») и «полезависимость-полenezависимость». В.П. Зинченко в работе «Психологические основы педагогики» придаёт большое значение роли когнитивного стиля в личностно ориентированном обучении. В частности, он пишет: «... на первых порах необходима хотя бы толерантность педагогов всех уровней к становящемуся или уже ставшему когнитивному стилю учащихся. Это важная составляющая того, что получило наименование личностно ориентированного обучения» [3].

Выбор стиля «Импульсивность-рефлексивность» («тип реагирования») для анализа специфики проявления когнитивных стилей у тревожных студентов был обусловлен двумя причинами.

Во-первых, тем, что этот стиль, как показывают исследования, с возрастом развивается в сторону большей рефлексивности (Г.Клаус [4], К.Флэйк-Хобсон [см.1,2] и др.).

Во-вторых, тем, что это так называемый квадрополярный стиль, т.е. его параметры исходно включают характеристики продуктивности деятельности, что дает возможность отдельно проанализировать связь тревожности с импульсивной или рефлексивной стратегией принятия решения (т.е. с собственно стилевыми характеристиками интеллектуальной деятельности), с тем, к каким результатам приводит эта стратегия, а также и с точностью этого решения.

Значительное число исследований посвящено связи тревожности с параметрами различных когнитивных стилей: полезависимостью-полenezависимостью (Г.Адевай, Г.Виткин, К.Гроот, Р.Дарджел, Н.Кауген, Р.Кирк, С.Кочин, Д.Коэн, Р.Лоо, И.П.Шкуратова и др.), узким-широким диапазоном эквивалентности (концептуальной дифференцированностью) (В.А.Колга, Е.А.Силина, И.П.Шкуратова, М.А.Холодная и др.), понятийной

дифференцированностью (И.П.Шкуратова и др.), когнитивной простотой-когнитивной сложностью (А.С.Кочарян, А.Л.Южанинова, Е.Чиоате, и др.), импульсивностью-рефлексивностью (типом реагирования) (Э.Л.Гастилайте, Дж.Каган, А.Либин, Й.Мюллер, Л.П.Урванцев, К.Флэйк-Хобсон [1,2] и др.) и т.д.

Однако до настоящего времени остается неизученным вопрос об особенностях когнитивного стиля импульсивность-рефлексивность у тревожных студентов. Поиск ответа на этот вопрос и составил проблему нашего исследования. В качестве объекта исследования выступают характеристики когнитивного стиля у индивидов с устойчивой тревожностью. Предмет исследования – особенности когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов с разными уровнями тревожности. Целью исследования явилось изучение когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов с разными уровнями тревожности.

Гипотезы исследования: 1. Высокий уровень тревожности обнаруживает связь с непродуктивными вариантами когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» – импульсивным-неэффективным и рефлексивным-неэффективным: – тревожные студенты характеризуются непродуктивными типами стиля – импульсивным-неэффективным и рефлексивным-неэффективным; – эмоционально благополучные студенты – продуктивным типом стиля – рефлексивным-эффективным. 2. У студентов обнаружена устойчивая связь тревожности как с целостной характеристикой когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность», так и с его отдельными параметрами: – среди высоко тревожных студентов преобладают импульсивные, среди студентов со средним уровнем тревожности – рефлексивные. Как импульсивные, так и рефлексивные студенты с высокими уровнями тревожности менее продуктивны в когнитивной деятельности по сравнению со студентами с нормальным уровнем тревожности.

Цель и гипотезы определили задачи исследования:

1. Проанализировать состояние проблемы в отечественной и зарубежной психологической литературе.

2. Выявить уровни тревожности у студентов.

3. Выявить особенности проявления когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов с разным уровнем тревожности.

4. Разработать пути и средства коррекции неэффективных форм когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у тревожных студентов.

Методы исследования

1. Для диагностики личностной тревожности использовалась Шкала тревожности Тейлор (MAS), адаптация Норакидзе В.Г.;

2. Тест «Сравнение похожих рисунков» (The Matching Familiar Figures Test, MFFT), разработанный Дж. Каганом для изучения когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность».

Всего в исследовании участвовали 110 студентов различных факультетов. Исследование проводилось в ОГУ им И.С.Тургенева в г. Орла.

Надежность и достоверность полученных результатов обеспечивалась применением методов, адекватных целям и задачам исследования, качественного и количественного анализов полученных результатов с применением современных методов статистического анализа.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования определяются тем, что в нем раскрывается специфика связи личностной тревожности и проявлений когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» в студенческом периоде развития. Определены основные характеристики когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у тревожных студентов. Показано, что в студенчестве связь тревожности и когнитивного стиля проявляется в полной мере: как с целостными характеристиками стиля, так и с

отдельными параметрами. Выявлено негативное влияние тревожности на проявления когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов.

Полученные в исследовании данные позволяют расширить и уточнить представления об особенностях когнитивного развития при личностной тревожности, а также об особенностях проявления данного когнитивного стиля у студентов.

Практическая значимость исследования. Результаты, полученные в работе, имеют практическое значение с одной стороны для разработки путей и способов преодоления негативного влияния личностной тревожности на развитие студентов, с другой – открывают пути профилактики и психокоррекции развития непродуктивных вариантов стиля «импульсивность-рефлексивность».

В ходе исследования разработаны программы для практических психологов по развитию продуктивных вариантов стиля у студентов. Полученные данные использованы в процессе подготовки и переподготовки психологов и педагогов, при консультировании студентов и преподавателей.

Исследование подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сделать следующие выводы.

1. У студентов обнаружена устойчивая связь уровня тревожности как с целостной характеристикой когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность», так и с его отдельными параметрами: тревожные подростки характеризуются непродуктивными параметрами стиля – импульсивным-неэффективным и рефлексивным-неэффективным

2. У эмоционально благополучных студентов проявляются продуктивные варианты стиля – рефлексивность-эффективность.

3. Выделены общее и различное в восприятии и переработке информации тревожными студентами с различными вариантами когнитивного стиля. Общим является – отсутствие выделения информативных признаков задания, принятие решения без сравнения, оценки возможных альтернативных вариантов и постоянные сомнения в правильности ответа.

Для тревожных студентов с импульсивно-эффективным и импульсивно-неэффективным вариантами когнитивного стиля, в отличие от их эмоционально благополучных сверстников характерно также отсутствие оценки вероятности правильного ответа. Этим они существенно отличаются от тревожных студентов с рефлексивно-неэффективным вариантом стиля, для которых именно эта оценка является основной в процессе выполнения задания, однако она совершается по сути без анализа материала и представляет собой простые попытки «угадать».

4. Психологический анализ особенностей связи тревожности с параметрами стиля «импульсивность-рефлексивность» позволил определить пути и направления коррекционной работы с тревожными студентами. Специфика работы по формированию продуктивных вариантов стиля у студентов заключается в том, что она должна быть включена в общий контекст действий психолога по преодолению личностной тревожности. В процессе работы над проблемой возникло множество задач, которые можно рассматривать, как перспективы дальнейших исследований.

Требуется дальнейшего изучения проблема средних значений по параметрам когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность». Думаем, что анализ результатов средних значений по параметрам когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» будет способствовать более глубокому пониманию стиля.

Дополнительного изучения и анализа требует вопрос о роли тревоги как состояния в закреплении того или иного варианта стиля. Связано ли и в какой мере закрепление того или иного варианта стиля с выраженностью тревоги или выступает, как способ защиты от нее. Важной задачей для дальнейшего исследования, нам представляется, является исследование соотношения тревожности и когнитивного стиля с учетом гендерных различий.

Список литературы

1. Егорова, М.С. Природа межиндивидуальной вариативности показателей когнитивного стиля: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1983, 235с.
2. Жердева Л.А. Особенности проявлений когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у тревожных школьников: Автореф. дис. канд. психол. наук. – М., 2005. – 29 с.
3. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики. – М.: Гардарики, 2002. – 431с.
4. Клаус Г. Введение в дифференциальную психологию учения. – М., 1987. – 173с.
5. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб: Питер, 2004. – 384с.

УДК 378.014:15

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЯЗИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ-РЕФЛЕКСИВНОСТЬ» С ТРЕВОЖНОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ

Жердева Людмила Алексеевна,

*канд. психол. н., доцент кафедры социальной психологии и акмеологии,
ОГУ имени И.С. Тургенева, (г. Орел), (lucizherdeva@yandex.ru)*

В статье проведен психологический анализ связи когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» с тревожностью у студентов. Рассмотрена связь тревожности, с одной стороны, с параметром «эффективность-неэффективность», с другой – с параметром «импульсивность-рефлексивность».

Ключевые слова: тревожность, когнитивный стиль «импульсивность-рефлексивность», «эффективность-неэффективность», студенты, уровни тревожности, непродуктивные параметры когнитивного стиля.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP OF COGNITIVE STYLE «IMPULSIVENESS-REFLEXIVITY» ANXIETY IN STUDENTS

Zherdeva Lyudmila Alekseevna,

*Candidate of psychological sciences,
Associate Professor of the Department of Social Psychology and Acmeology,
OSU named after I.S. Turgenev, the city of Orel, (lucizherdeva@yandex.ru)*

The article presents a psychological analysis of the relationship of cognitive style «impulsivity-reflexivity» with anxiety in students. The connection of anxiety, on the one hand, with the parameter «efficiency-inefficiency», on the other – with the parameter «impulsiveness-reflexivity» is considered.

Key words: anxiety, cognitive style «impulsivity-reflexivity», «efficiency-inefficiency», students, levels of anxiety, unproductive parameters of cognitive style.

О том, что с возрастом когнитивный стиль «импульсивность-рефлексивность» меняется за счет роста рефлексивности свидетельствуют литературные данные (Г.Клаус, М.Холодная; К.Флейк-Хобсон, [7] и др.). В нашей более ранней работе [1] на примере младших школьников и подростков были получены результаты позволяющие уточнить этот вывод. Подобное развитие стиля отмечается преимущественно у эмоционально благополучных детей. Отсутствие связи тревожности и вариантов когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» в младшем школьном возрасте позволяет выдвинуть другое предположение: когнитивный стиль «импульсивность-рефлексивность» в значительной степени формируется именно в подростковый период. Однако это в полной мере происходит только при эмоциональном благополучии подростка. Было выдвинуто

предположение о том, что высокая тревожность тормозит формирование указанного стиля.

Полученные нами результаты в 2005г. [1], как представляется, заставляют усомниться в литературных данных о том, что, несмотря на увеличение с возрастом рефлексивности, человек всегда в своей возрастной выборке будет сохранять свои показатели (т.е. импульсивный школьник, став студентом, останется для своего возраста импульсивным, хотя его показатели рефлексивности и возрастут). Наши данные указывают на возможность более сложных и неоднозначных изменений стиля: на изменение характеристик стиля и в сравнении со своей возрастной выборкой, а также на влияние опосредующих факторов, прежде всего тревожности. Несмотря на то, что проверка выдвинутых предположений требует проведения дополнительного исследования с применением лонгитюдного метода, на данном этапе мы констатировали следующее: тревожность затормаживает развитие когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» при переходе из младшего школьного возраста к подростковому. Мы объясняли это следующими предположениями.

Во-первых, можно было бы полагать, что у детей младшего школьного возраста когнитивный стиль «импульсивность-рефлексивность» еще не сформировался. Однако, это предположение противоречит многочисленным литературным данным, указывающим на ранние проявления этого стиля, относящиеся к дошкольному возрасту. (Г.Клаус; Ф.Хобсон и др., [2,3]).

Во-вторых, можно полагать, что тревожность у них еще не сложилась, как личностное образование, а проявляется в отдельных ситуациях. Это предположение согласуется с литературными данными (А.М.Прихожан, [5]). Проанализируем характер связи тревожности и когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» в экспериментальной ситуации. Диагностика когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» (или «тип реагирования») построена так, что испытуемый оказывается в ситуации неопределенности. Разберемся вначале, что же может происходить с тревожными студентами в такой ситуации.

Рассмотрим связь тревожности, с одной стороны, с параметром «эффективность-неэффективность», показателем которого является количество ошибок, с другой – с параметром стратегия поведения «импульсивность-рефлексивность», которая представлена величиной латентного времени первого ответа. Связь тревожности с эффективностью (как характеристикой когнитивного стиля) обусловлена факторами, восходящими к проблеме связи тревожности с продуктивностью интеллектуальной деятельности. Связь тревожности с эффективностью деятельности достаточно широко рассматривалась в психологии, но не в рамках когнитивного стиля. Тревожность влияет на деятельность в широком диапазоне: от простых ее форм до самых сложных. Общеизвестно, что тревожность улучшает деятельность в простых ситуациях и мешает – в сложных. Тревожный человек пытается выбрать ту сферу деятельности, которая ему посильна. В результате он реально теряет возможность приобретения социальных навыков. Это отражается и на выработке продуктивного способа деятельности. Когнитивный же стиль (по определению) есть способ деятельности, способ переработки информации – ее получение, хранение и использование.

Считается, что способы являются относительно независимыми от содержания информации, следовательно, и ее сложности. Но ситуация неопределенности, когда нужно принять решение в условиях выбора из множества альтернатив, является достаточно сложной для испытуемого. Поэтому, логично предположить, что какой способ реагирования в данной ситуации будет характерен для студента, зависит и от исходного уровня тревожности у этого студента. Приступая к выполнению задания, тревожный студент уже имеет исходный уровень тревоги. Если задание или ситуация достаточно сложная для него, то, чем выше этот уровень, тем ниже вероятность того, что

деятельность будет результативной. Такая связь тревожности с эффективностью деятельности проявляется во всех возрастных выборках (и у младших школьников и у подростков, см. выше) и у студентов тоже.

Иначе обстоит дело с параметром «импульсивность-рефлексивность». Связь тревожности с этим параметром стиля по-разному проявляется у младших школьников и подростков (См. Л.А.Жердева, [1]). По данным эксперимента тревожные испытуемые в обеих выборках характеризуются ярко выраженной импульсивностью. При этом у младших школьников, в отличие от подростков, в группе эмоционально благополучных тоже много импульсивных. Поэтому механизмы связи тревожности и темповых характеристик когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» целесообразно рассматривать отдельно по возрастам. В младшем школьном возрасте, как отмечалось выше, нет значимых отличий в стратегии поведения между тревожными и эмоционально благополучными. Это может иметь следующее объяснение. Во-первых, в этом возрасте тревожность еще является функциональным образованием (а не личностным, как у подростков) (см. А.М.Прихожан, [4]). Во-вторых, в силу возрастных особенностей импульсивный тип реагирования характерен для младших школьников.

Совершенно иначе тревожность связана с темповыми характеристиками стиля в подростковом возрасте (См. Л.А.Жердева, [1]). Как уже отмечалось, среди тревожных подростков преобладают импульсивные. Аналогичные результаты были получены и на выборке студентов. Рефлексивность у тех и других проявляется лишь в сочетании с неэффективностью и, вероятно, это не случайно. Известно, что тревога вызывает у одних испытуемых ухудшение перцептивных функций, выражающееся в склонности к преждевременному реагированию (см. Я.Рейковский [4]), у других, наоборот, ведет к ригидности процессов переработки информации (Н.И.Наенко, [5]). При этом у тревожных подростков такая тактика и стратегия поведения закрепляется и проявляется на более поздних этапах онтогенеза. Ухудшает результат деятельности и тот факт, что внимание тревожных испытуемых нацелено не столько на задание, сколько на свое эмоциональное состояние (по Х.Хекхаузену, [2]).

Импульсивный тип реагирования обуславливается ухудшением у тревожных перцептивных функций и нарушением функции восприятия времени (тревога убыстряет течение субъективного времени (И.А.Мусина, [1])), что проявляется чаще всего в склонности к преждевременному реагированию. Следовательно, тревожность влияет на скорость принятия решения в ситуации неопределенности. Чем выше тревожность, тем меньше величина латентного времени первого ответа. Очевидно, именно тревожность является причиной преобладания среди тревожных испытуемых импульсивных-неэффективных. В нашей ситуации студенты находятся в условии, когда задача имеет единственно правильное решение. В зависимости от того, какой способ обработки информации характерен для испытуемого, он или находит, или не находит ответ задачи. Как тревожность связана со способами переработки информации импульсивными и рефлексивными испытуемыми? Ответ на этот вопрос дает ключ к пониманию связи тревожности и когнитивного стиля.

Известно, что рефлексивные испытуемые на восприятие и переработку информации, поступающей первой, тратят больше времени, чем импульсивные, тем самым, обеспечивая точное и эффективное кодирование первого стимула, что должно создавать благоприятные условия для правильного понимания и безошибочного решения (Г.Клаус, [6,7]). Однако, у тревожных испытуемых течение субъективного времени убыстряется и как следствие этого, время на обдумывание решения у них сокращается.

У импульсивных испытуемых времени тратится меньше на восприятие и переработку информации, в отличие от рефлексивных, что создает менее благоприятную ситуацию для продуктивного решения задачи. Тревожность при такой стратегии еще в меньшей степени способствует правильному решению задачи.

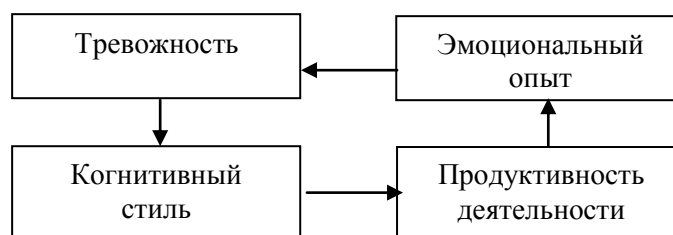
В обоих случаях тревожность снижает эффективность механизмов восприятия, препятствует точности, тщательности анализа зрительных образов до момента принятия решения. Она снижает способность дифференцировать случайные и существенные признаки перцептивных стимулов, и в результате, механизмы произвольного интеллектуального контроля. У тревожных испытуемых снижается способность дифференцировать случайные и существенные признаки перцептивных стимулов. Другими словами, у тревожных испытуемых, по сравнению с эмоционально благополучными, в меньшей мере проявляются механизмы произвольного интеллектуального контроля. Они не способны тщательно воспринимать и перерабатывать информацию, поступающую первой, отслеживать существенные элементы перцептивного материала. Обобщение результатов нашего исследования, а также литературные данные позволяют следующим образом описать характер связи личностной тревожности и когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у студентов.

Как отмечалось выше, влияние актуализированной тревоги на результативность деятельности отмечается практически во всех экспериментальных группах – тревога улучшает деятельность в простых для данного индивида ситуациях и мешает – в сложных. При решении интеллектуальных задач это проявляется в том, что тревога снижает эффективность механизмов восприятия, приема и переработки информации. В экспериментах по выявлению характеристик когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» это проявляется в том, что тревога мешает точности, тщательности анализа предъявленного материала до момента принятия решения. У тревожных испытуемых снижается способность дифференцировать случайные и существенные признаки перцептивных стимулов. Другими словами, у тревожных испытуемых, по сравнению с эмоционально благополучными, в меньшей мере проявляются механизмы произвольного интеллектуального контроля. Способность тщательно воспринимать и перерабатывать информацию, отслеживать существенные элементы материала, ситуации у них снижены. Следствием этого и являются низкие показатели эффективности деятельности. Однако, как известно, у эмоционально благополучных испытуемых с возрастом происходит развитие когнитивного стиля в сторону рефлексивности (М.А.Холодная; Г.Клаус, [7,8] и др.). При этом для них характерной остается достаточно высокая эффективность в решении задач, что и способствует развитию преимущественно продуктивных вариантов стиля, (прежде всего рефлексивности-эффективности), который у студентов встречается только в группе эмоционально благополучных.

Существует специфика связи тревожности с когнитивным стилем в студенческом возрасте. Известно, что уже к подростковому возрасту тревожность закрепляется как устойчивое личностное образование и во многом начинает влиять на поведение, деятельность, другие личностные особенности школьника (А.М.Прихожан, [5]). Она препятствует и развитию рефлексивности. Можно высказать предположение, что причиной этого является ускорение течения субъективного времени у тревожных людей (Ю.М.Забродин, Л.В.Бороздина, И.А.Мусина, [1]), поэтому по объективным характеристикам, время на обдумывание решения у тревожных людей сокращается. Это отражается и на процессуальных характеристиках мыслительной деятельности. При решении интеллектуальных задач, особенно в ситуации, осложненной оценением, лимитом времени или неопределенностью, тревожные испытуемые либо, стараясь как можно скорее выйти из этой ситуации (Р.Мей [9]), принимают решение, не задумываясь, по «первому импульсу», либо, напротив, медлят с ответом, но при этом не анализируют ситуацию, не выдвигают и проверяют возможные гипотезы. Однако, все это ведет к тому, что импульсивный стиль реагирования у них закрепляется, при этом в соответствии с основными принципами влияния тревоги на деятельность, они в значительной части

случаев действуют неэффективно. Это ведет к закреплению такого варианта когнитивного стиля как импульсивность-неэффективность.

Что касается стиля рефлексивность-неэффективность, то данный стиль часто проявляется у испытуемых страшно боящихся ошибиться. Боязнь допустить ошибку заставляет их медлить с ответом, но при этом механизм решения задачи у них аналогичен импульсивным-неэффективным испытуемым. Вместе с тем, отмечается и обратное влияние неэффективных вариантов стиля на тревожность. Низкая продуктивность деятельности, как результат неэффективного стиля, ведет к накоплению у студента отрицательного эмоционального опыта (Л.М.Аболин, [1]), который способен вызывать в подобных ситуациях тревогу. Схематически это может быть представлено следующим образом:

Таким образом, в результате нашего исследования мы приходим к следующему выводу. У студентов обнаруживается устойчивая связь тревожности как с целостной характеристикой когнитивного стиля, так и с его отдельными параметрами, что позволяет говорить о специфике когнитивного стиля тревожных студентов. Анализ полученных данных дает основания считать, что это происходит вследствие тормозящего влияния тревожности на продуктивное развитие когнитивного стиля. Последнее требует дополнительной проверки с применением лонгитюдного метода, однако, на наш взгляд, это невозможно по этическим соображениям. Полученные в исследовании данные позволяют наметить программу профилактики и коррекции неэффективных когнитивных стилей.

Список литературы

1. Жердева Л.А. Особенности проявлений когнитивного стиля «импульсивность-рефлексивность» у тревожных школьников: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005, 164с.
2. Либин А.В. Стилевые и темпераментальные свойства в структуре индивидуальности человека: Дис. ... канд. психол. наук. М, 1993, 216 с.
3. Мельников, В.М., Ямпольский, Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. / В.М.Мельников, Л.Т.Ямпольский // [Электронный ресурс]. - 2015 – Режим доступа: http://trackerok.org/books/363728-melnikov_vm_yampolskiy_lt_-_vvedenie_v_eksperimentalnyuyu_psihologiyu_lichnosti_1985_PDF_RUS.html. - Дата доступа: 23.10.2018.
4. Прихожан А.М. Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект): Дис. ... докт. психол.наук. М., 1996. 307с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. СПб.: ПИТЕР, 2009, 304с.
6. Стиль человека: психологический анализ // Под ред. А.В.Либина. М.: Смысл, 1998, 310с. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб: Питер, 2004. 384с. Шкуратова, И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону, 1994, 154с.
7. The act frequency approach to the study of impulsivity /Romero Estrella, Luengo M. Angeles, Carrillo-De-La-Pena M. Teresa, Otero-Lopez Jose M. //Eur.J. Pers. - 1994. - 8,N2.-с.119-133.

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

*Зуева Елена Григорьевна,
к.п.н., доцент кафедры общеобразовательных дисциплин,
филиал Московского университета им. С.Ю. Витте,
РФ, г. Сергиев Посад, (zeg46@yandex.ru)*

В статье проводится анализ проблем современной молодежи в социуме. Большое внимание уделяется подверженности молодых людей влиянию средств массовой информации, в том числе Интернета. Приведены данные статистического анализа (на основании проведенного опроса) по использованию Интернета в обучении, общении с друзьями, узнавания новостей, игры.

Ключевые слова: социум, молодежь, Интернет, информационные технологии, взаимоотношения.

THE PROBLEMS OF YOUTH IN MODERN SOCIETY

*Zueva Elena Grigorievna,
candidate of Pedagogical Sciences,
Sergievo-Posadsky Department of Moscow University by Witte S.,
RF, Sergiev Posad, (zeg46@yandex.ru)*

The article analyzes the problems of modern youth in society. Much attention is paid to the exposure of young people to the influence of the media, including the Internet. The facts of statistical analysis (based on the survey) on the use of the Internet in training, communication with friends, news, games.

Key words: society, youth, the Internet, information technology, relationships.

Как пишется во всех словарях, молодёжь — это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе. В этом возрасте происходит переход от юности к возрасту социальной ответственности. В разных странах по-разному определяется диапазон данного возрастного периода. Нижняя граница примерно одинакова для всех стран (от 14 до 16 лет), а верхняя колеблется от 25 до 44 лет. В РФ определен для данной социально-возрастной группы период от 14 до 30 лет — это 39,6 миллионов человек, что составляет на данное время 27 % от общей численности населения страны.

Каждый год в эту молодежную группу вливаются выпускники школ, которые хотят поступить в институты, колледжи или пойти работать. В 2018 году школу закончили 729100 человек, из них по проведенному опросу 104157 человек хотели поступить в колледжи, 145800 — пойти работать, остальные 437500 человек — поступить в вузы, что наглядно представлено на диаграмме ниже.

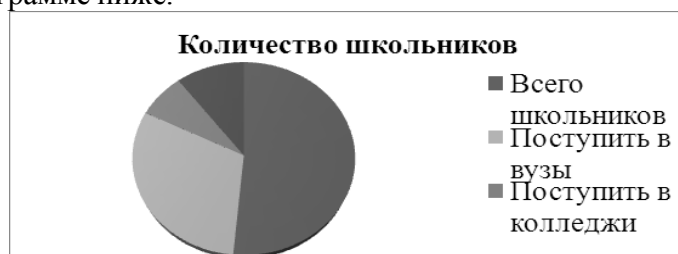

Рис.1 Диаграмма опроса школьников о выборе направления деятельности на ближайшие годы

Сегодняшняя молодежь умна, прекрасно владеет Интернетом, активна в социальных сетях, у них много энергии, и благодаря этому, является движущей силой в

модернизации общества. Однако в этой социальной группе имеется много проблем, к которым можно отнести следующие:

- 1) взаимоотношения с семьей и обществом;
- 2) взаимоотношения с друзьями и однокурсниками;
- 3) пассивное у многих отношение к учебе, равнодушие и эгоизм;
- 4) проявление вседозволенности;
- 5) трудовая незанятость и отсутствие профессии;
- 6) уровень здоровья, полового воспитания;
- 7) подверженность влиянию средств массовой информации, в том числе

Интернету;

Рассмотрим данные проблемы подробнее.

1. *Взаимоотношения с семьей и обществом.* Многие студенты не признают этой проблемы. Однако в этом возрасте хочется показать свою самостоятельность, независимость от родителей. Им кажется, что можно самим решать многие вопросы, не понимая того, что большинство практически полностью зависят от своих родителей. Молодежь является членами общества, в котором живут, и должны полностью соответствовать общим положениям, правилам поведения и требованиям данного общества. Во многом проявляется, так называемый, юношеский максимализм. Им надо все и сейчас, а так, к сожалению, не бывает.

2. *Взаимоотношения с друзьями и однокурсниками.* Одним из ключевых звеньев в жизни любого подростка являются друзья и однокурсники, именно с ними они проводят большую часть времени. Друзья – это основная их поддержка и опора, на помощь друзей и однокурсников они рассчитывают в любое время. Основой для общения являются, прежде всего, общие интересы и переживания, потребности, стремления, цели и задачи.

Наиболее важными являются взаимоотношения с однокурсниками. В любой группе есть студенты, которые наиболее авторитетны, отличаются особой индивидуальностью, и не обязательно отлично учатся. Некоторые из них понимая, что имеют определенный статус, начинают унижать и глумиться над более слабыми, пытаясь казаться круче. Хорошо, когда лидер может повести за собой группу во имя достижения целей, не унижая слабых, а наоборот поддерживая их. К сожалению, в этом возрасте часто лидерами являются те, кто завоевывает «дешевый» авторитет. Как важно в этом вопросе поддержка куратора группы, чтобы он помог выстроить отношения между студентами, чтобы отнесся к своим обязанностям не формально.

3. *Пассивное отношение к учебе. Равнодушие и эгоизм.*

Пассивное отношение чаще всего связано с отсутствием интереса к изучаемым предметам, а так же ленью, которая с каждым годом все больше и больше превращает студентов в «Обломовых». Большинству студентов ничего не хочется делать. Порой слова старших «это надо» действуют отрицательно. Многие считают, что им не нужно знать половину изучаемых предметов, ссылаясь на то, что это не пригодится в жизни, не думая об общем развитии, эрудиции, заделу на будущее. Возможно, отдельные студенты ошиблись с выбором профессии, и, сменив направление обучения, им станет комфортнее в получении знаний и появится интерес к изучению дисциплин. Получение знаний должно приносить удовлетворение. Никогда не поздно найти себя в социуме.

В этом возрасте молодым людям хочется делать лишь то, что они считают нужным, не слушая мнения старших. Подростки ведут себя порой нагло и беспечливо. А в СМИ зачастую доминирует мысль «бери от жизни все». Тем самым каждый молодой человек живет по своим правилам, не слушая никого. А равнодушие и эгоизм считаются вполне нормальными качествами.

4. *Проявление вседозволенности.* Отдельной и глобальной темой для обсуждения является вседозволенность среди нынешнего поколения молодежи. Совершая необдуманные и порой жестокие поступки молодежь считает себя свободными от

общепринятых норм и правил поведения. Почему так происходит? Скорее всего, родители с самого детства позволяют слишком много, хотят сделать как лучше, но никто не задумывается, как это может обернуться в дальнейшем. У нынешней молодежи на все есть свое мнение, и только оно является правильным. Зачастую появляется непонимание в общении с родителями, и, к сожалению, может найтись тот, кто сможет повлиять на подростка.

5. *Трудовая незанятость и отсутствие профессии.* Зачастую подростки не знают, кем они хотят быть и какой жизненный путь выбрать. Встает выбор между мечтой и социальными запросами. Именно поэтому порой приходится получать образование не в том направлении, кем они хотят быть, а получать профессию, с которой они смогут устроиться на работу. Иногда этот выбор делают за них родители. Это один из моментов, почему у молодежи нет тяги к работе, учебе, к получению знаний. А с другой стороны, примерно четвертая часть студентов старших курсов учится и работает, зарабатывая на обучение и свои расходы. Пусть это обслуживание клиентов в кафе и закусочных, но они начинают понимать, как тяжело родителям приходится решать вопросы обеспечения своих детей.

6. *Уровень здоровья, половое воспитание.* Здоровье молодого человека во многом зависит от того образа жизни, которое он ведет. Лишь немногие студенты нашего колледжа и университета, например, занимаются спортом или хотя бы делают зарядку по утрам. Отдельные студенты явно страдают от ожирения, но при этом не предпринимают какие-либо реальные меры к похудению, наоборот, в буфете покупаются чаще всего булочки и пироги. А о половом воспитании в большинстве случаев не говорится ни на занятиях по ОБЖ, ни на классных часах.

7. *Подверженность влиянию средств массовой информации, в том числе Интернету.* Интернет все больше и больше поглощает современное поколение молодежи. СМИ влияют на нашу жизнь, наши взгляды. Многие из нас (даже взрослых) привыкли доверять СМИ. Мало кто задумывается о том, что это влияние может быть не всегда обоснованным. Тем более, что у подростков очень сильно развит дух противоречия, нет устойчивого формирования ценностей и понимания происходящего в мире. Материал различного характера находится в общем доступе, особенно в Интернете. Роль средств массовой информации определяется как доминирующая среди остальных социальных институтов, что может привести к весьма неоднозначным последствиям.

Большинство молодых людей, очень много времени проводит в социальных сетях. Среди студентов колледжа и университета был проведен опрос об использовании Интернета и компьютерных технологий в обучении, в быту. Всего было опрошено около 230 человек. Результаты приведены в виде диаграмм (Рис. 2-4).

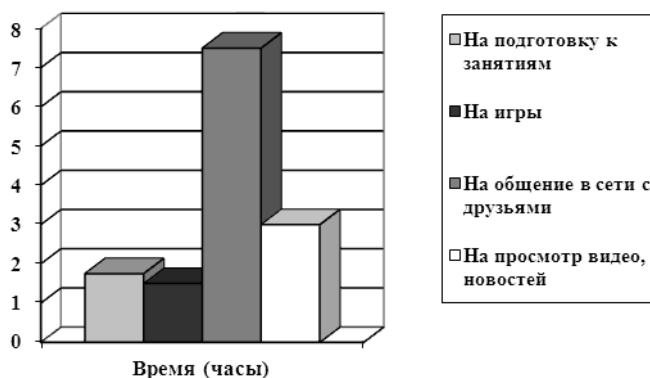

Рис. 2. Диаграмма использования Интернета студентами колледжа

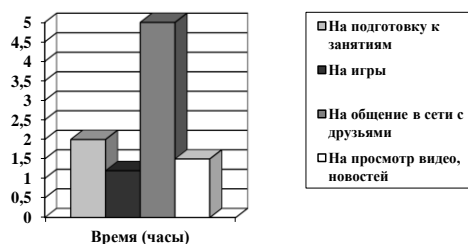

Рис. 3. Диаграмма использования Интернета студентами университета очного отделения

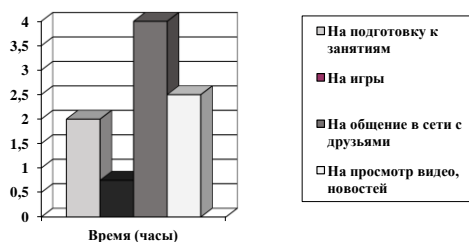

Рис.4 Диаграмма использования Интернета студентами университета заочного отделения

Из диаграмм видно, что на подготовку к занятиям наши студенты затрачивают слишком мало времени, примерно 1 час в день, а вот разговаривают они друг с другом и со своими друзьями и знакомыми от 4-х до 7 часов. Порой это общение бывает и на занятиях.

Таким образом, проблем у молодежи в современном социуме много. Надо помнить, что признание их – это уже половина успеха в разрешении этих проблем. Особое внимание хочется в заключении уделить использованию студентами информационных технологий, в том числе Интернета. Очевидно, что от нас преподавателей зависит во многом организация их деятельности, чтобы они не просто просиживали дома в сети, а занимались подготовкой к занятиям. Необходимо, чтобы обучающиеся могли самостоятельно получать знания, и применять их при решении жизненных и производственных проблем. Они должны видеть эти проблемы, искать оптимальные пути их решения; уметь критически мыслить.

Используя современные информационные и коммуникационные технологии, уметь находить конкретную информацию и применять ее в нужное время; анализировать, обобщать, превращая ее в знания; творчески подходить к решению поставленных задач; конечно, уметь и находить время на общение в сети с друзьями; быть коммуникативными.

Во многом этому способствует решение проблемно-ситуационных задач, которые студент должен получать от преподавателя в виде самостоятельных заданий. Это большой труд преподавателя, который должен подготовить такие задания. Но от этого, во многом зависит качество обучения и формирование определенных компетенций [1]. И еще хочется остановиться на проблемах воспитания, которым в настоящее время ни в школах, ни в институтах или колледжах не уделяется должного внимания. На мой взгляд, главная задача педагога не только дать знания, но и воспитать хорошего человека, с чувством патриотизма, уважения к старшим и своим товарищам.

Список литературы

1. Зуева Е.Г. Формирование универсальных компетенций у студентов в информационно-образовательной среде вуза. Дисс... канд. пед. наук. - М., 2008 -327с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Ильина Татьяна Борисовна,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(kafedra.ilynaUMO@yandex.ru)

В статье сделана попытка с экзистенциально-деятельностных позиций рассмотреть проблему выбора профессии у старшеклассников. Отмечено влияние на этот процесс многочисленных психологических барьеров. Проводится анализ готовности к профессиональному самоопределению, тревожности, параметров самоотношения у старшеклассников с разной выраженностью психологических барьеров.

Ключевые слова: выбор профессии, психологический барьер, профессиональное самоопределение, старшеклассник.

PSYCHOLOGICAL BARRIERS OF CHOICE OF PROFESSION FOR SENIOR PUPILS

Ilyina Tatyana Borisovna,
candidate of Psychological Sciences,
associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(kafedra.ilynaUMO@yandex.ru)

The article attempts from an existential-activity positions to address the problem of choosing a profession for high school students. The influence on this process of numerous psychological barriers. The analysis of readiness for professional self-determination, anxiety, parameters of self-attitude among high school students with different severity of psychological barriers is carried out.

Key words: choice of profession, psychological barrier, professional self-determination, high school student.

Современная культура постиндустриального общества, в которой растет и развивается нынешнее поколение, характеризуется рядом особенностей: переизбыток новой информации, когда границы явлений начинают расплываться и чрезвычайно затруднительно иметь четкие представления о действительности; трансформация пространства и времени; появление феноменов «нового кочевничества», «профессионального туризма», «фрилансера», «дауншифтинга» и др.[1].

В связи с этим в предметную сферу психологии личности входит группа явлений, относящихся к сфере возможного. Превращение возможности в действительность происходит только через самодетерминированный выбор. В последнее время, во многом под влиянием экзистенциальной психологии, выбор все чаще рассматривается как устранение неопределенности будущего. Готовность к процессам выбора прямо связана с параметрами личности. В научных публикациях последнего десятилетия проблема выбора изучается с разных точек зрения: в довоенный период было проведено обширное исследование профессионального выбора старшеклассников в Украине и отмечено, что профессиональное самоопределение переместилось к окончанию ВУЗа, а не школы [3]; отмечена связь личностных особенностей (мировоззренческой инициативы,

автономной/контролирующей мотивации, особенностей целеполагания, субъективного благополучия и т.д.) со спецификой выбора [2].

Выбор профессии – это разновидность личного выбора, который сложно осуществить в юношеском возрасте из-за множества психологических барьеров. К.К. Платонов рассматривал психологический барьер как мотивационное образование, которое препятствует выполнению определенной деятельности или действия.

А.В. Петровский трактовал его как психическое состояние, которое проявляется в неадекватной пассивности субъекта, препятствующее действиям.

Ф.Е. Василюк полагал, что психологический барьер – внутренне препятствие психологической природы, которое связано со страхом, нежеланием, неуверенностью [8,9].

Е.П. Крупник связывала данное явление с негативным прошлым опытом личности, определенной установкой, что препятствует адекватной оценке ситуации, фактов, выбору способа и стратегии деятельности и поведения.

Мы будем опираться на определение, данное Н.А. Подымовым: «Психологический барьер деятельности представляет собой субъективное психическое препятствие, возникающее в результате перестройки мотивационной сферы, изменения ценностных ориентаций и идеалов личности, сложившихся отрицательных стереотипов, появления смысловых рассогласований сознания и объективных условий и способов деятельности» [5;с.54]. Анализируя различные подходы к пониманию психологического барьера, Л.В. Редькина отмечает, что обычно в литературе выделяют внешние и внутренние барьеры. К внешним барьерам относятся трудности социального характера, вызванные ошибками воспитания, условиями общения, неудачного опыта эмоциональных и социальных контактов. К внутренним – личностные свойства, такие как агрессивность, тревожность, ригидность, напряженность, застенчивость [6]. Согласно теоретическим исследованиям Л.В. Редькиной, в психологической литературе выделяют следующие функции психологических барьеров:

- 1) созидательная (направленная на преодоление преград и способствующая творческой активности);
- 2) развивающая (необходимая для развития и формирования личности и индивидуальности человека);
- 3) стимулирующая (активирующая деятельность);
- 4) воспитательная (формирующая систему ценностных ориентаций, развивающая духовно-нравственные, интеллектуальные и физические качества личности, способность к самоорганизации);
- 5) защитная (направленная на стабилизацию личности, ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, связанных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта);
- 6) мобилизационная (подготавливает внутренние ресурсы организма для их актуализации, определения меры и направления их активности);
- 7) регуляторная (регулирует развитие отношений в ситуациях различного свойства);
- 8) деструктивная (проявляющаяся в неудовлетворенности самим собой, заниженной самооценке) [6].

Согласно Э.Э. Сыманюк, существуют две стратегии преодоления психологических барьеров, возникающих в деятельности: инициативная и ситуативная. Инициативная стратегия характеризуется активностью, целенаправленностью действий, принятием ответственности за поведение. Ситуативная стратегия характеризуется низким уровнем личностной зрелости, слабостью и неустойчивостью внутренних установок личности. В данной стратегии преобладают механизмы психологической защиты [7].

Анализируя функционирование психологических барьеров, А.В. Массанов отмечает, что они приобретают актуальность только с момента, когда у личности

появляется мотив выполнения действия. Оптимальная сила мотива действия препятствует возникновению психологических барьеров. Соответственно, при слабом мотиве даже незначительные объективные и субъективные трудности в будущем действии, отраженные в эмоциональных и рациональных оценках, вызывают неблагоприятные ожидания, при этом возникает психологический барьер [3,4].

Обобщая данные виды, можно сделать вывод, что большую часть барьеров составляют различные варианты страха и тревоги (эмоциональный компонент), а также слабая сила мотива деятельности (мотивационный компонент).

Согласно современным исследованиям И.В. Арендачук, А.Б. Ванькова, Л.А. Васильевой, А.М. Кондратьевой, А.В. Массанова, у старшеклассников преобладают следующие психологические барьеры: страх пойти против мнения родителей, страх критики со стороны сверстников и окружающих сделанного выбора, неуверенность в своем выборе профессии, неопределенность профессиональных интересов.

Наиболее распространенными чертами, способствующими возникновению психологических барьеров, являются высокий самоконтроль, внешний локус контроля, конформность, нецеленаправленность, несамостоятельность, сензитивность, осторожность, сдержанность, тревожность, боязливость, эмоциональная неустойчивость [3,4].

Целью нашего исследования выступило изучение личностных особенностей старшеклассников с разной выраженностью психологических барьеров.

Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ Пролетарского района г. Донецка в 2017 г. В нем приняли участие 50 человек, учащихся 10-11 классов в возрасте 15-17 лет. Из них 33 девушки и 17 юношей.

В результате изучения психологических барьеров профессионального самоопределения старшеклассников с помощью методики «Тест-опросник для оценки типа и степени выраженности психологических барьеров в профессиональном самоопределении личности» А.В. Массанова были получены следующие результаты.

У 30% испытуемых (15 человек) был выявлен низкий уровень выраженности психологических барьеров. Такие результаты свидетельствуют о том, что данные юноши и девушки не испытывают конфликтов профессионального самоопределения, и данный процесс проходит у них гармонично. У 26% испытуемых (13 человек) наблюдается высокий уровень проявления психологических барьеров профессионального самоопределения. Такие старшеклассники испытывают конфликты в процессе самоопределения, связанные с эмоциональной сферой личности. У них преобладают следующие виды барьеров, основанные на состоянии тревоги и страха: страх допустить ошибку в выборе профессии, страх перед неопределенностью своего профессионального будущего, боязнь пойти против мнения родителей. Также у них выражены барьеры, основанные на мотивационном аспекте личности. Например, недостаточная заинтересованность в выборе профессии, неопределенность профессиональных интересов, неуверенность в себе при выборе профессии. У 44% испытуемых был выявлен средний уровень выраженности психологических барьеров профессионального самоопределения, что является оптимальным для успешного прохождения данного процесса. Старшеклассники данной группы имели барьеры, связанные преимущественно с когнитивной сферой личности. Например, сомнения в правильности выбранной профессии, опасения по поводу нагрузки в профессиональной деятельности, сомнения в успехе осуществления планов относительно будущей деятельности.

По результатам готовности к профессиональному самоопределению (методика А.П. Чернавской) отмечаем, что у старшеклассников с высоким уровнем выраженности психологических барьеров выявлены следующие характеристики: самостоятельность в выборе профессии и осознание своей ответственности за принятое решение, собственная точка зрения, но при этом неуверенность в ее правильности, страх осуждения со стороны

близких. У них преобладает низкая информированность в мире профессий, которая сопровождается страхом перед неопределенностью. При этом им трудно принимать решения из-за неуверенности и незнания правильных алгоритмов. Такие старшеклассники плохо планируют свою грядущую профессиональную деятельность, от чего часто тревожатся о будущем.

Более высокие показатели тревожности этой подгруппы подтверждаются результатами сравнения средних с использованием t-критерия Стьюдента (по шкале Ч. Спилбергера). Получены значимые различия в выраженности личностной тревожности у испытуемых с низким и высоким уровнем психологических барьеров (2,25, при $p \leq 0,01$). Рассматривая самоотношение как установку в адрес собственного Я и, разделяя мнение большинства авторов о ее роли в формировании психологических барьеров, мы проанализировали параметры самоотношения испытуемых. По показателю самоуверенность получены достоверные различия средних в подгруппах старших школьников по t –критерию Стьюдента ($t=1,76$ при $p \leq 0,05$). Данные показатели указывают на то, что старшие школьники с низким уровнем выраженности психологических барьеров профессионального самоопределения оказались более самоуверенными и смелыми в общении, с развитым ощущением силы собственного «Я», с доминирующими мотивами достижения успеха. Они отличаются также развитым уважением к себе, удовлетворенностью собой, своими достижениями и планами, способностью решать многие трудные жизненные проблемы, которые воспринимаются более легко и быстро забываются.

Старшеклассники с высоким уровнем выраженности психологических барьеров характеризовались такими особенностями самоотношения: менее уверенные и смелые в общении с окружающими людьми, не так удовлетворены собой, с ослабленными механизмами саморегуляции. Такие юноши и девушки тяжелее воспринимают жизненные трудности, острее их переживают и дольше сосредоточены на них. Им сложнее решать жизненные задачи. Можно предположить, что уменьшение уверенности в себе и чувствительность к негативным жизненным ситуациям способствуют формированию психологических барьеров профессионального самоопределения в этом возрасте.

По показателю самооценки, были получены достоверные различия дисперсий по F–критерию Фишера ($F=0,341$ при $p \leq 0,05$). Большая дисперсия наблюдалась в группе испытуемых с высоким уровнем выраженности психологических барьеров. При этом в группе старшеклассников с низким уровнем выраженности барьеров наблюдались, преимущественно, высокие баллы по данной особенности. Такие результаты могут говорить о том, что юноши и девушки с низким уровнем психологических барьеров профессионального самоопределения отличаются такими особенностями самоотношения: высокая оценка своего духовного потенциала и богатства внутреннего мира, склонность воспринимать себя как уникальную индивидуальность, ценность собственной неповторимости. При этом в выборке старшеклассников с высоким уровнем выраженности психологических барьеров встречаются как высокие, так и низкие показатели самооценки. Были выявлены юноши и девушки с выраженными психологическими барьерами, которые могут ценить себя, как высоко, так и низко. Они могут, как обращать внимание на свою уникальность, так и игнорировать ее.

По показателю внутренней конфликтности были получены достоверные различия дисперсий в данных группах старших школьников по F–критерию Фишера ($F=0,61$ при $p \leq 0,05$). Большая дисперсия наблюдалась в группе испытуемых с высоким уровнем выраженности психологических барьеров. При этом в группе старшеклассников с низким уровнем выраженности барьеров наблюдались, преимущественно, средние баллы по параметру. По показателям саморегуляции и отраженного самоотношения в подгруппах испытуемых наблюдались, преимущественно, средние результаты. У лиц с низким

уровнем выраженности психологических барьеров были диагностированы более высокие показатели, чем у их сверстников с высоким уровнем барьеров самоопределения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Психологические барьеры профессионального самоопределения старшеклассников являются сложными психическими состояниями, имеющими свои характеристики, виды и структуру. Они связаны с особенностями личности старшеклассников и касаются, преимущественно, эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности. У старшеклассников с высоким уровнем выраженности барьеров преобладают следующие их виды, связанные с мотивационной сферой личности: недостаточная заинтересованность в выборе профессии, неопределенность профессиональных интересов, неуверенность в себе при выборе профессии. На эмоциональных состояниях основываются следующие барьеры: страх допустить ошибку в выборе профессии, страх перед неопределенностью своего профессионального будущего, боязнь пойти против мнения родителей. Эмпирически зафиксированы личностные особенности старшеклассников с разной выраженностью психологических барьеров по показателям тревожности, самоуверенности, самооценности, внутренней конфликтности.

Список литературы

1. Лысак И.В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. - № 6. – С.37-42.
2. Личностный потенциал: структура и диагностика // Под ред. Д.А. Леонтьева - М.: Смысл, 2011. – С. 469-491.
3. Массанов А.В. Психологічні бар'єри в професійному самовизначенні особистості: автореф. дис. ... д-ра психол. Наук. Південноукр. нац. пед. ун-т ім. К.Д. Ушинського. О., 2010. 38 с. - укр.
4. Массанов А.В. Психологічні умови розвитку соціальної зрілості старшокласника // Наука і освіта. 2011. - № 3. – С. 54-56.
5. Подымов Н.А. Психологические барьеры в профессиональной деятельности учителя: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07: Москва, 1999. – 390 с.
6. Редькина Л.В. Психологические барьеры: структура и содержание. // Вестник ТГУ. Серия: гуманитарные науки.- Вып. 10.- 2010. –С. 102-105.
7. Сыманюк Э.Э., Девятковская И.В. Непрерывное образование как ресурс преодоления психологических барьеров в процессе профессионального развития личности // Образование и наука.- 2015.- №1. – С. 80-92.
8. Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. - 2001.- № 1. – С. 3-18.
9. Шафигуллина И.И. Проявление эмоции страха и его влияние на профессиональное самоопределение // Вестник экономики, права и социологии.- 2013.- №1. – С. 237-239.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САНДРЫ ЛИПСИЦ БЕМ

*Ключко Ольга Ивановна,
доктор философских наук,
профессор департамента психологии,
ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва, Россия, (olga_klioutchko@rambler.ru)*

Статья посвящена изучению работ и личности известного американского психолога Сандры Липсиц Бем. Терминология, введенная С. Бем, теория андрогинии и концепция линз гендера продолжают широко использоваться в современных исследованиях, несмотря на

критику. Притягательность личности и взглядов этого автора, влияние, что они оказали на развитие гендерных исследований в психологии, могут объясняться цельностью ее личности, единством ее научных взглядов и личной, а также общественной жизни.

Ключевые слова: психология, гендер, Сандра Бем, андрогиния, линзы гендера.

PERSONAL DETERMINANTS OF SANDRA LIPSITZ BEM'S PROFESSIONAL ACTIVITIES

*Klyuchko Olga I.,
doctor of Philosophy,
Professor of Department of Psychology,
Moscow City Pedagogical University,
Moscow, Russia, (olga_klioutchko@rambler.ru)*

The article is devoted to the study of the works and the personality of the famous American psychologist Sandra Lipsitz Bem. The terminology introduced by S. Bem, the theory of androgyny and the concept of gender lenses continue to be widely used in modern research, despite criticism. The attractiveness of the personality and views of this author, the influence that they had on the development of gender studies in psychology, can be explained by the integrity of her personality, the unity of her scientific views and personal as well as social life.

Key words: psychology, gender, Sandra Bem, androgyny, gender lenses.

В мае 2015 года в журнале «*New York Times Magazine*» опубликована статья «Последний день ее жизни» об уходе из жизни Сандры Липсиц Бем, профессора Корнельского университета. Комментарии к статье помимо соболезнований (хотя прошел почти год с момента ее смерти – прим. авт.) рефреном повторяли: «Профессор Бем открыла мне глаза на гендерные и феминистские проблемы, и важная часть того, кто я сейчас, напрямую связана с ней... Мы никогда не встречались. Но она внесла огромный вклад в мою жизнь и действительно повлияла на то, кем я стал» [17].

Действительно, имя этой женщины известно не только практически каждому психологу, но и многим исследователям гуманитарных проблем – автор концепции андрогинии, а позднее теории линз гендера, опросника половых ролей, профессор Корнельского Университета Сандра Липсиц Бем. Спустя 25 лет с момента выхода ее самой известной работы – монографии «Линзы гендера» (1993 г.) идеи Сандры Бем продолжают волновать и вдохновлять современных исследователей. Безусловно, она была одной из тех пионеров феминистской мысли, которые сформировали гендерную психологию как научную область во второй половине XX века. В 1995 году она вошла в список выдающихся женщин-психологов Американской психологической Ассоциации. Своей жизнью она доказывала неразделимость личной и профессиональной позиции, пытаясь реализовать эгалитарные идеи в построении семьи и воспитании детей.

В 2015-2017 гг. журнал «*Sex Role*» посвятил памяти Сандры Бем серию статей, называя ее не просто основательницей научной школы, но и «иконкой» феминистской психологии. В данной статье мы предпримем попытку хотя бы частично ликвидировать дефицит информации, связанный с именем, творчеством и заслугами этой женщины-исследователя, и осмыслить феномен популярности ее личности и идей.

Как и почему сформировался и проявился ее интерес к изучению пола, гендера, идентичности, стереотипии, сказать точно сложно, возможным ключом к пониманию ее творчества может служить цитата из работы 1995 года: «Моя чувствительность и гендерный нонконформизм к мистификациям в социально и исторически сконструированных категориях, проявляется потому, что они были всегда чуждыми моим ощущениям себя» (S.Bem, 1995, p. 43-44).

Биографы Сандры Бем единодушно отмечают, что наиболее ее яркой чертой является цельность и непротиворечивость, которые проявились в стремлении реализовать научные идеи в собственной личной жизни, соединив личное, политическое и профессиональное. Основные вехи ее жизни подтверждают этот тезис.

Сандра Рут Липсиц родилась в Питтсбурге, штат Пенсильвания, США, 22 июня 1944 года в большой традиционной еврейской семье. Мать Сандры работала секретарем и, не смотря на собственный скромный уровень образования, поощряла стремление дочери учиться. Сандра посещала ортодоксальную еврейскую школу, в которой считалась блестящей ученицей, и из которой едва не была исключена со скандалом за попытки носить брюки, согласившись в итоге надеть платье лишь поверх них. Видимо уже в этом возрасте проявились принципиальность Сандры и ее сильный характер. Вряд ли ранний опыт мог предопределить научные интересы Сандры Бем, однако исследователи ее биографии часто именно этим эпизодом объясняют её интерес к вопросам гендера и сексуальности [12].

О своих ранних годах жизни она пишет так «... с самого раннего детства, мое собственные темперамент и поведение, казалось, выпадали за пределы категории мужчин и женщин, мужского и женского пола; действительно будучи женщиной, это никогда не казалась мне существенной особенностью моей жизненной концепции» [цит. по 14].

Она закончила Технологический институт Карнеги в Питтсбурге (в настоящее время университет Карнеги-Мелона) и специализировалась в области психологии (диплом бакалавра получила в 1965 г.). В последний год учебы она познакомилась с молодым ассистентом профессора по имени Дэрил Бем. Несмотря на опасения Сандры, что брак помешает её карьере, они договорились о том, что их брак будет эгалитарным и даже отразили это в брачном контракте, что было совершенно нетипичным явлением для того времени. Они поженились 6 июня 1965 года, когда Сандре было всего 20 лет, в последующем воспитали двух детей, делили домашние обязанности поровну, старались вместе исполнять свои родительские обязанности и даже развод не стал разрушением их дружеских отношений [19].

Акцентирование в психологии идеологических и политических проблем красной нитью проходит через все творчество и деятельность С. Бем. Так, свою научную карьеру она начала с публикации с провокационным названием «Подготовка женщины к тому, чтобы знать свое место: сила бессознательной идеологии) (Training the woman to know her place: the power of an unconscious ideology», D.Bem and S. Bem, 1970). Эта работа по половому неравенству в отношениях в браке была опубликована в то время, когда слово «сексизм» если и существовало, но использовалось крайне ограниченно, а тема неравенства была продолжена в серии совместных с мужем лекций, в которых стал впервые обсуждаться эгалитарный брак [12].

Вспоминая те годы, она писала: «С самого начала мы были полными пионерами, изобретая сначала эгалитарный брак для нас самих, а потом и для антигомофобного и позитивного воспитания наших детей ... мы были вынуждены говорить об этом публично. Поэтому наша личная жизнь превратилась в предмет общественного феминистского дискурса» (Bem 1998, pp. 69-70).

В 1968 г. Сандра Бем получила степень доктора философии в Мичиганском университете и с начала 1970-х годов сфокусировалась на изучении феномена андрогинии. Не считая нужным повторять написанное об этой концепции, отметим, что эта концепция бросала вызов пониманию существующих конструктов маскулинности и фемининности как противоположных и изолированных, их дихотомичности. Профессор Бем доказывала, что андрогиния является решением проблем психического здоровья, что повлекло за собой мощный всплеск эмпирических исследований андрогинии на самых разных выборках как в США, так и в множестве других стран. Не смотря на то, что данные, полученные ее последователями, коллегами были противоречивы (часть из них

подтверждали ее выводы, часть опровергали), в период с 1967 по 1986 годы она была самым цитируемым англоязычным психологом в области гендерной психологии [14].

Исследователи биографии Бем отмечают, что ее работы и теории повлияли на целое поколение феминисток второй волны в США и имели широкий резонанс за пределами академических кругов, поскольку она читала популярные лекции в разных аудиториях. Так, ее эмпирические данные были использовано в аргументах против дискриминации по признаку пола в Верховном Суде США (Stockford, M. (2004). *The bellwomen: The story of the landmark AT&T sex discrimination case*. New Brunswick: Rutgers University Press).

Тем, кто знал ее лично (Carla R. Golden, 2016) отмечали, как она была далека от стереотипа академического профессора – острый, открытый новому ум, без ложных завышенных самооценок и претензий [14]. Показательно чувство юмора, присущее Сандре Бем, и проявляющееся на страницах ее книг, например, когда она использует пример своего роста (145 см. – примечание авт.) для иллюстрации возможности решения многих проблем: «Бытует мнение, что люди маленького роста не могут работать пожарниками, потому что они для этого недостаточно высокие и сильные. ... могут ли ... все дома в этом поселении коротышек сгореть? Ну да, могут, если эти низкорослые люди пользуются тяжелыми лестницами и брандспойтами, предназначенными для рослых людей. Но ответ может быть «нет» в том случае, если мы, люди маленького роста (*а мы умны, как все, кто невысок* – выделено авт.), сможем сконструировать более легкие лестницы и брандспойты, пригодные и для высоких, и для невысоких людей. Мораль ясна: проблема не в низком росте; проблема возникает тогда, когда люди низкого роста вынуждены функционировать в социальной структуре, приспособленной для высоких [20, с. 257].

Влияние разработок С. Бэм в психологии особенно примечательно в связи с относительно небольшим числом ее опубликованных работ. Авторы биографического обзора Carla Golden и Maureen McHugh указывают лишь 26 работ (по данным PsycINFO) [14; 15]. Однако ее работы до сих пор широко цитируются, например, одна из наиболее цитируемых статей об измерении психологической андрогинности имеет 2800 цитат, и в то же время именно эта статья считалась одной из наиболее спорных [15].

В 1993 году опубликована самая известная работа С. Бем «Линзы гендера» (Bem, 1993), которая объясняет, как работают гендерные схемы или «линзы» (гендерная поляризация, андроцентризм и биологический эссенциализм) для поддержания существующей системы дифференциации и сегрегации по половому признаку [9]. Именно после этих революционной работы Сандру Бем стали называть «феминистской иконой». «Линзы гендера» неоднократно признавалась лучшей книгой по психологии различными профессиональными организациями США. Данная книга до сих пор выпускается издательством Йельского университета.

Российский индекс научного цитирования на момент октября 2018 г. фиксирует 50 ссылок на русский перевод данной книги (издан в 2004 г. в серии «Гендерная коллекция – зарубежная классика» Института социальной и гендерной политики), однако если посмотреть по списками цитируемой литературы, то поиск в РИНЦ выдает несколько сотен источников [20], при этом практически любая диссертация, имеющая в своем названии термины «пол» или «гендер», указывает в списке использованной литературы эту книгу. Идеи С. Бем реализованы в широком веере отечественных исследований – в изучении идентичности, социализации, самосознания, ментальности, межличностного общения и научного познания [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Пример соединения личного и профессионального в жизни Сандры Бем тем привлекательней, что реализуется в попытках реализовать научные убеждения в своей семье. О построении эгалитарного брака уже упоминалось, однако примеры воспитания своих детей без гендерных предрассудков заслуживает более пристального внимания. Вместе с мужем она поощряла своих детей играть с разнообразными игрушками и носить

нейтральную одежду, демонстрировали детям мужчин и женщин, выполняющих одинаковую работу и даже ограничили чтение некоторых книг и просмотр телевизионных передач, чтобы не подвергать их гендерно-стереотипным воздействиям. Как неоднократно подчеркивала сама С. Бем, ни игрушечный грузовик, ни задачи или профессии, или даже наряд сам по себе не может быть «мужским» или «женским» [10].

Она приводит в пример собственные практики воспитания, основанные на альтернативных гендерным схемах – *индивидуальных различий и культурного релятивизма*, которые должны позволить детям обитать в обществе, где корреляции с полом смягчены: «В основном, в книгах мы изменяли пол главных персонажей, подрисовывая грудь или длинные волосы на рисунках, изображающих преимущественно мужчин – водителей, врачей, пилотов и так далее. Можно вычеркивать или сокращать части текста, где мужчины или женщины описываются в стереотипной манере. Если вы читаете детскую книгу вслух, то используйте местоимения без явного указания на то, что все герои без платьев и розовых бантиков должны быть обязательно мужского пола. ... Например, вопрос может ставиться таким образом: «Что делает этот маленький поросенок? Почему он или она хочет построить мост?»» [20, с.321-322].

Но главный политический вывод, который делает С. Бем из своей концепции линз гендера, – необходимость преодоления аполитичности психологии, поскольку науку нельзя полностью отделить от идеологии, а производство знания не может быть отделено от динамики власти и неравенства. Политическая «нейтральность» заканчивается, как правило, скорее, помощью в воспроизводстве неравенства, чем в разрушение последнего [20, с. 11]. На посту директора программ феминистских, гендерных и сексологических исследований Корнельского университета с 2000 по 2004 гг. она превратила это научное направление в мощное междисциплинарное подразделение, оказывающее серьезное влияние на общественную и политическую жизнь страны.

«Я считают себя ученым, – пишет Сандра Бем, – и все же мой интерес к гендерным ролям есть и всегда был откровенно политическим. ... я решила использовать легитимный способ доказательства, который доступен для меня: эмпирические данные. ... Когда я переехала в Стэнфорд, я нашла свое призвание. Это был феминизм, и я собиралась изменить лицо как психологии, так и общества, или умереть в попытках с этого момента мои политические, личные и профессиональные увлечения подпитывали друг друга (Bem 1998, с. 49; 142, 146).

Сущностной чертой, присущей С.Бем, являлась самостоятельность в мышлении и поведении, которую отмечала она сама: «Я никогда не почувствовала необходимости оправдывать свои действия ни перед кем, кроме себя, и теперь я не чувствую такой нужды. Я умная, образованная ... женщина, хорошо понимающая как свои сильные стороны, так и слабости. У меня есть большая уверенность в моей способности выбирать среди всех возможных альтернатив ту, который наиболее подходит для меня в любой ситуации в любой момент времени, и поэтому я не чувствую необходимости консультироваться со всеми» (Bem 1998, с. 11).

Видимо одним из таких решений и стал выбор Сандрой Бем самостоятельного ухода из жизни до того, как ее болезнь (Альцгеймера) станет слишком тяжелой [17]. Она умерла 20 мая 2014 года, в возрасте 69 лет в своем доме в Итаке, штат Нью-Йорк, оставшись в памяти исследователей всего мира психологом-феминисткой, всегда следующей своим собственным путем.

Список литературы

Ключевые публикации Сандры Липсиц Бем

1. Bem, S. L., & Bem, D. J. (1973). Does sex-biased job advertising "aid and abet" sex discrimination? *Journal of Applied Social Psychology*, 3, 6-18.

2. Bem, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 42(2), 155–162.
 3. Bem, S. L. (1976). Probing the promise of androgyny. In A. G. Kaplan & J. P. Bean (Eds.), *Beyond sex-role stereotypes: Readings toward a psychology of androgyny* (pp. 48–62). Boston, MA: Little, Brown.
 4. Bem, S. L. (1981). *Bem sex role inventory professional manual*. Palo Alto, Calif.: Consulting Psychologists Press.
 5. Bem, S. L. (1981). Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. *Psychological Review*, 88(4), 354–364. doi:10.1037/0033-295X.88.4.354.
 6. Bem, S. L. (1981). Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. *Psychological Review*, 88, 354–364.
 7. Bem, S. L. (1983). Gender schema theory and its implications for child development: Raising gender-aschematic children in a gender-schematic society. *Signs*, 8(4), 598–616. doi:10.1086/493998.
 8. Bem, S. L. (1993). Is there a place in psychology for a feminist analysis of the social context? *Feminism & Psychology*, 3, 247–251.
 9. Bem, S. L. (1993). *The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality*. New Haven, CT: Yale University Press.
 10. Bem, S. L. (1998). *An unconventional family*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Публикации о Сандре Липсиз Бем
11. Christine R. Starrl & Eileen L. Zurbriggen Sandra Bem's Gender Schema Theory After 34 Years: A Review of its Reach and Impact. *Sex Roles* (2017) 76: 566. <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0591-4>
 12. Emily Keener & Clare Mehta (2017) Sandra Bem: Revolutionary and Generative Feminist Psychologist. *Sex Roles* 76:525–528. DOI 10.1007/s11199-017-0770-y
 13. Forty studies that changed psychology. Explorations into the History of Psychological Research. Sixth Edition / Roger R. Hock. Mendocino College, 2009.
 14. Golden, C. R., & McHugh, M. C. (2016). The personal, political, and professional life of Sandra Bem. *Sex Roles*. Advance online publication. doi:10.1007/s11199-016-0674-2
 15. Golden, C., & McHugh, M. (2015) Sandra Lipsitz Bem (1944-2014). *American Psychologist*, 70, 280.
 16. Makosky, V. P. (1990). Sandra Lipsitz Bem. In *Women in psychology: A bio-bibliographic sourcebook* /A. N. O'Connell and N. Felipe Russo (Eds.). New York: Greenwood Press, pp. 30–39.
 17. Marantz Henig, R. (2015, May 17). The last day of her life. *New York Times Magazine*, Электронный ресурс https://www.nytimes.com/2015/05/17/magazine/the-last-day-of-her-life.html?emc=edit_th_20150517&nl=todaysheadlines&nid=36272480 (дата доступа 31.03.2018)
 18. Sandra Bem // Psychology's Feminist Voices. Электронный ресурс: <https://www.feministvoices.com/sandra-bem/>
 19. Sandra Bem // Women's Intellectual Contributions to the Study of Mind and Society <http://faculty.webster.edu/woolfm/sandrabem2.htm>
 20. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.
- Российские работы, выполненные на основе идей Сандры Бем
21. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. 430 с.
 22. Воронцов Д. В. Гендерная психология общения / Д. В. Воронцов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 208 с.
 23. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 143 с.

24. Ключко О.И. Гендерный подход в социальном познании и образовании: монография. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 301 с.
25. Кочнев, В. А. Теоретико-практические аспекты и опыт применения опросника С. Бем (BSRI) / В. А. Кочнев // Психологическая диагностика. 2014. № 4. С. 122-153.
26. Лопухова О.Г. Опросник «маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог «Bem Sex Role Inventory») // Вопросы психологии. 2013. № 1. С.1-8.
27. Чекалина А.А. Психология гендерного самосознания. М.: МГПУ, 2014. 240 с.

УДК 159.9

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ШАХТЕРОВ, ПЕРЕЖИВШИХ АВАРИЙНЫЙ СТРЕСС

*Король Надежда Викторовна,
ассистент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(lizaanna@mail.ru)*

В статье рассматриваются механизмы психологической защиты и копинг-стратегии как взаимосвязанные составляющие адаптивного поведения шахтеров, переживших аварийный стресс. Установлены связи между механизмами психологической защиты, копинг-стратегиями и особенностями стрессоустойчивости. Разработаны стили защитно-совладающего поведения, из которых выделены наиболее эффективные для формирования стрессоустойчивости лиц данной категории.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, аварийный стресс, стрессоустойчивость.

PROTECTIVE-CONDUCTING BEHAVIOR AS A DETERMINANT OF STRESS RESISTANCE OF MINERS OVERCOMING EMERGENCY STRESS

*Korol Nadezhda Viktorovna,
Assistant of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(lizaanna@mail.ru)*

The article discusses the mechanisms of psychological protection and coping strategies as interrelated components of the adaptive behavior of miners who have experienced emergency stress. Relationships have been established between psychological defense mechanisms, coping strategies, and stress tolerance features. Styles of protective-coping behavior have been developed, of which the most effective for stress resistance of people of this category are highlighted.

Key words: psychological defense mechanisms, coping strategies, emergency stress, resistance to stress

Как известно, профессия шахтёра относится к числу самых опасных во всем мире. Большая глубина, плохое освещение и вентиляция, значительные физические нагрузки, замкнутое пространство, угольная пыль, высокая температура, постоянная угроза жизни, связанная с опасностью возникновения взрывов и обвалов горных пород, непрерывно меняющаяся производственная обстановка – все это лишь небольшая часть того, с чем приходится сталкиваться шахтерам ежедневно, что способствует развитию профессионального стресса и непосредственно угрожает их психическому здоровью. Ситуация усугубляется еще и тем, что большинство шахтеров в той или иной мере хоть однажды подвергшиеся воздействию чрезвычайной ситуации (ситуации аварии,

обусловленной взрывом метана либо обвалом горных пород) продолжают работать на предприятии, испытывая на себе последствия травматического стресса, что значительно истощает адаптационный потенциал личности и может привести к пагубным последствиям.

Стоит так же отметить, что действие подобных факторов практически невозможно проконтролировать или избежать, поэтому очень важным и неотложным является изучение тех механизмов, которые способствовали бы повышению стрессоустойчивости, как способности выдерживать интенсивные и необычные стимулы, результатом которой является устойчивое поведение шахтеров в условиях стресса.

Сталкиваясь со стрессом, человек реагирует как автоматическими адаптивными ответными реакциями, то есть включением психологических защит, так и адаптивными действиями, целенаправленными и потенциально осознанными – копинг-стратегиями или стратегиями совладания. При этом механизмы психологической защиты позволяют устранить психотравму путем бессознательной переработки тревожной информации, что приводит к ее игнорированию, искажению, фальсификации, либо к снижению эмоциональной значимости. Копинг-поведение связано с осознанными и целенаправленными усилиями и действиями по преодолению возникающих трудностей [3].

Действие защит обычно непродолжительно и длится до тех пор, пока нужна «передышка». Однако в экстремальных, критических, напряженных жизненных условиях психологические защиты обладают способностью закрепляться [1]. В отличие от защит копинг-стратегии всегда рассчитаны на перспективу. Несмотря на подобные различия, большинство авторов склоняются к тому, что эти механизмы взаимосвязаны и способствуют одной цели – адаптации. Е.Р. Исаева предполагает, что психологическая защита задает направление копингу, формирующемуся в более поздние сроки онтогенетического развития и закрепляющемуся в процессе накопления жизненного опыта. При этом ведущая в структуре личности психологическая защита будет влиять как на когнитивную оценку стрессового события, так и на выработку соответствующих ей стратегий поведения по преодолению данного события, она как бы «задает коридор» для формирования последующего копинг-поведения. Говоря о взаимосвязи этих механизмов, она так же вводит такое понятие, как защитно-совладающее поведение [2]. Таким образом, мера устойчивости к стрессу будет определяться именно эффективностью функционирования обоих рассмотренных компонентов. Поэтому целью проведенного исследования являлось изучение механизмов психологической защиты и копинг-стратегий как взаимосвязанных составляющих адаптивного поведения у шахтеров, переживших стресс, вызванный аварийными ситуациями, для выявления наиболее эффективных.

Для реализации поставленной цели использовались следующие методики:

– тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р.Плутчика, Г.Келлермана, Х.Р. Конте в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р.Гребенникова.

– опросник «Способы совладающего поведения» (ССП) Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Л.И. Вассермана и соавт.

Для оценки доминирующих психических состояний, как показателей стрессоустойчивости шахтеров при воздействии стрессовых ситуаций была использована «Методика определения доминирующего состояния» Л.В. Куликова. В исследовании принимали участие 42 шахтера, мужчины в возрасте от 25 до 60 лет. Все участники в той или иной мере были подвержены воздействию аварийной ситуации, связанной с взрывом метана, но не получившие травм или увечий, что могло бы повлиять на результаты исследования.

В ходе исследования было установлено, что шахтеры используют разные механизмы психологической защиты, но в большей степени отдают предпочтение таким механизмам, как отрицание и интеллектуализация. Поскольку именно данные механизмы

являются наиболее эффективными для редуцирования тревоги. Так как благодаря игнорированию, снижению значимости, интеллектуальному анализу угрожающей информации, исключают полноценное переживание негативных эмоций и позволяют шахтерам сохранять спокойствие и здравый взгляд на происходящие события. Поскольку шахтеры работают в условиях постоянного воздействия стрессоров различного характера, обращение к одним и тем же адаптивным механизмам защиты, приводит к их закреплению в структуре личности и как следствие, деформации психологической защиты [4]. Так, 67 % шахтеров используют один, два или три механизма в отличие от 7-9 в норме.

Для совладания со стрессом, испытуемые данной профессии в равной степени применяют различные копинг-стратегии, не отдавая предпочтения ни одной из них. Что подтверждает то, что в отличие от механизмов психологической защиты, которые в экстремальных условиях при длительном и интенсивном воздействии стрессогенных факторов имеют способность закрепляться, копинг-стратегии являются более гибкими и зависят от ситуации. И поскольку, обстановка в шахте постоянно меняется, это вынуждает шахтеров приспосабливаться к новым условиям, меняя копинг-стратегии. Этому во многом способствуют наиболее применяемые шахтерами отрицание и интеллектуализация, так как, снизив проявление тревоги и устранив дискомфорт, помогают здраво оценить ситуацию и выбрать наиболее подходящую стратегию.

При исследовании доминирующих психических состояний, как показателей особенностей проявления стрессоустойчивости было установлено, что в целом шахтеры, находясь под длительным воздействием стрессогенных факторов, проявляют средний уровень активности, сохраняют работоспособность, спокойствие. Обладают средним уровнем эмоциональной устойчивости, более или менее удовлетворены своей жизнью и профессиональной деятельностью, имеют адекватный уровень самооценки. Однако у трети шахтеров была выявлена низкая степень работоспособности, утомляемость, усталость, трудности преодоления экстремальных воздействий. Что свидетельствует о том, что данная категория людей действительно нуждается в психологической помощи.

Обнаруженные с помощью корреляционного и дисперсионного анализа связи и влияния позволили определить, что такие механизмы психологической защиты, как отрицание и интеллектуализация могут рассматриваться как факторы стрессоустойчивости, поскольку оказывают положительное влияние на эмоциональную и психологическую устойчивость шахтеров, на их активное отношение к стрессовой ситуации. Среди копинг-стратегий таковыми являются дистанцирование и стратегия «планирование решения проблем», которые так же положительно влияют на указанные выше компоненты стрессоустойчивости.

Для определения структуры взаимосвязей между механизмами психологических защит и копинг-стратегиями, для их классификации и выявления модели защитно-совладающего поведения шахтеров, переживших аварийный стресс, была проведена процедура факторного анализа. Характерные особенности механизмов психологической защиты и копинг-стратегий, входящие в эти факторы позволили разработать модель защитно-совладающего поведения, включающие четыре стиля поведения: рациональный, инфантильный, избегающе-оборонительный и социально-преобразующий.

Суть рационального стиля поведения заключается в адекватном анализе ситуации, подборе адаптивных стратегий поведения, исключая влияние на эти процессы эмоций и чувств путем отрицания, снижения значимости опасности. Данный стиль поведения включает в себя механизмы отрицания, интеллектуализации и стратегию «планирование решения проблем». Анализ связей и влияния данных механизмов адаптации на процесс формирования стрессоустойчивости шахтеров, позволил определить рациональный стиль поведения как самый эффективный.

Избегающе-оборонительный стиль поведения включает в себе стратегии совладания: конфронтацию, дистанцирование, принятие ответственности и бегство-избегание, который будет характеризоваться как проблемно-, так и субъективно-ориентированный. Применение той или иной стратегии совладания будет зависеть от ситуации, в которую попадают шахтеры, находясь в опасных производственных условиях. Отрицательное влияние стратегии бегства-избегания на определенные показатели стрессоустойчивости, позволяет определить этот стиль поведения как неэффективный для формирования стрессоустойчивости шахтеров.

Инфантильный стиль защитно-совладающего поведения характеризуется незрелыми формами и механизмами адаптации, включающими агрессивное поведение, снятие ответственности с себя, фантазирование. Включает механизмы психологической защиты: регрессию, компенсацию, проекцию, замещение. Сочетание подобных механизмов и их активное использование может приводить к развитию невротических расстройств у шахтеров и отрицательно влияет на показатели стрессоустойчивости. Поэтому не является эффективным для ее формирования. Социально-преобразующий стиль характеризуется отреагированием ситуации путем ее когнитивной переработки (механизма противоположного подавлению), поиском социальной поддержки и переосмыслением ее, что является конструктивным в условиях шахты. Но его эффективность для формирования стрессоустойчивости статистически не доказана.

Таким образом, полученные связи, влияния и закономерности подтвердили, что психологическая защита и совладание являются связанными между собой механизмами адаптации, которые могут выступать, как особая модель защитно-совладающего поведения личности. Они взаимодополняют друг друга, компенсируют, что способствует успешному преодолению экстремальных воздействий и психической саморегуляции поведения шахтеров. Были выявлены стили защитно-совладающего поведения, наиболее эффективным из которых является рациональный, поскольку способствует формированию стрессоустойчивости шахтеров.

Список литературы

1. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000.
2. Исаева Е. Р. Копинг - поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
3. Лапкина Е.В. К проблеме связи защитного и совладающего поведения взрослой личности // тез. докл. на III Междунар. науч.-практ. конф.- Кострома, 2013. Т. 1.
4. Субботина Л.Ю. Психология защитного поведения. Ярославль: ЯрГУ, 2006.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНАЯ АВТОНОМИЯ В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

*Кубатина Юлия Анатольевна,
старший преподаватель кафедры психологии,
Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко (г. Луганск),
(yula5176@mail.ru)*

В статье проанализированы подходы к содержанию понятия «стрессоустойчивость». Сделана попытка в ракурсе проблемы стрессоустойчивости рассмотреть феномен автономии личности как фактора не только для преодоления деструктивного влияния стресса и посткризисных явлений, но и условия для успешной профессиональной деятельности психолога-практика. Также в статье поднимается вопрос о необходимости создания в образовательном пространстве высшего учебного заведения,

выпускающего психологов, условий для формирования такого профессионально значимого качества как личностная автономия студентов.

Ключевые слова: личностная автономия, самодетерминация, стресс, дистресс, стрессоустойчивость, внутренние ресурсы личности.

PERSONAL AUTONOMY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROBLEM OF FORMATION OF STRESS RESISTANCE OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS

*Kubatina Julia Anatolievna,
Senior Lecturer, Department of Psychology,
Lugansk National University behalf of Taras Shevchenko (Lugansk),
(yula5176@mail.ru)*

The article analyzes the approaches to the content of the concept of "stress resistance". An attempt was made to consider the phenomenon of personality autonomy as a factor not only to overcome the destructive influence of stress and post-crisis phenomena, but also the conditions for successful professional practice of a psychologist-practitioner. The article also raises the question of the need to create in the educational space of a higher educational institution, graduating psychologists, the conditions for the formation of such a professionally significant quality as the personal autonomy of students.

Key words: personal autonomy, self-determination, stress, distress, stress resistance, internal resources of the individual.

Социокультурный контекст, в котором живет современный человек, представляет собой сложное переплетение огромного количества проблем общества, являющихся одними из самых сложных вызовов современности, с которыми сталкивается личность. Стрессогенные ситуации становятся неотъемлемой частью жизни человека 21-го века: поликультурализм с агрессивным поглощением монокультур и навязыванием чуждых ценностных приоритетов; обесценивание или подмена смыслообразующих ценностей этноса, которые исконно формировали мировоззренческий компонент структуры личности и являлись ее «якорями», обуславливая вектор ее направленности; искажения нравственных норм и понятий в угоду политическим запросам, ведущие к маргинализации общества... Все это вызывает в сознании человека мировоззренческий когнитивный диссонанс, лишаящий его опоры, сковывающий волю, нивелирующий жизненные перспективы и цели.

К сожалению, наше общество вплотную столкнулось с еще одним вызовом – военными действиями, когда возникает угроза не просто психическому здоровью личности, но и самой жизни человека. В связи с этим в нашу жизнь активно входит еще одно понятие – посттравматическое стрессовое расстройство.

Как отмечал Г. Селье, стресс – это адекватная реакция организма человека на сильные раздражители. И если стрессогенные факторы воздействуют на человека непродолжительное время, человек, зачастую, за счет мобилизации жизненных сил организма, справляется с ситуацией с минимальными потерями для психического здоровья [8].

Когда же угроза витальности становится фоном повседневной жизни человека, сквозь призму которого организуется вся жизнедеятельность личности, когда стресс становится дистрессом (т.е. обретает психотравмирующий характер, истощая адаптационные возможности организма человека), актуальным становится вопрос сопротивления этим негативным факторам и проблема поиска внутриличностных ресурсов, помогающих справляться со стрессом, развивать стрессоустойчивость личности.

В психологии существует множество подходов к анализу психологического содержания феномена «стрессоустойчивость». Так П.Б. Зильберман трактует его как «...интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической

деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимально успешное достижение цели деятельности в сложной эмотивной обстановке (П.Б. Зильберман, 1974 [4; с. 152]). С.В. Субботин под стрессоустойчивостью предлагает понимать «индивидуальную психологическую особенность, заключающуюся в специфической взаимосвязи разноуровневых свойств интегральной индивидуальности, что обеспечивает биологический, физиологический и психологический гомеостаз системы и ведет к оптимальному взаимодействию субъекта с окружающей средой в различных условиях жизнедеятельности и деятельности (С.В. Субботин, 1992 [9; с. 48]). Как одно из свойств личности, обеспечивающее гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации и тем самым содействующее успешному выполнению деятельности, предлагает рассматривать стрессоустойчивость Б.Х. Варданян (1983 [2; с. 542]). Совокупностью личностных качеств, позволяющих человеку выдерживать существенные психоэмоциональные, интеллектуальные и волевые перенагрузки считает стрессоустойчивость В.Ф.Матвеев (цит по [5; с. 244]). А.Л. Рудаков рассматривает ее как синтез направленности личности, уровня тревожности и нейротизма, локуса контроля, личностной рефлексии и самооценки [7]. Н. Е. Водопьянова под стрессоустойчивостью предлагает понимать совокупность внутренних и внешних составляющих (эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты), определяющих уровень адаптивности личности [3]. Н.И. Бережная считает стрессоустойчивость многокомпонентным личностным качеством, состоящим из психофизиологического, мотивационного, волевого, интеллектуального блоков, а также блоков эмоционального опыта личности и т.д. [1].

Одним из таких личностных качеств человека, его внутренних ресурсов по преодолению негативного влияния стрессовых факторов, условием развития стрессоустойчивости, по нашему мнению, является личностная автономия.

Вопрос личностной автономии рассматривается в работах как зарубежных авторов (Э. Эриксон, Э. Деси и Р. Райан и т.д.), так и в работах отечественных психологов (Д. Леонтьев, О. Дергачева, Е. Кузьмина и др.).

Опираясь на работы этих авторов, мы предлагаем раскрывать сущность личностной автономии, в первую очередь через понятия самодетерминации и социальной зрелости (т.е. самообуславливания и самоорганизации личности в деятельности и поведении на основе смысловых приоритетов, выстроенных на общечеловеческих нормах и ценностях), а также целостности личности, т.е. четком осознании своих границ на всех уровнях организации жизнедеятельности человека – от телесных до ценностных (в том смысле, что у человека должны быть четкие, осознанные представления о своих желаниях, потребностях, жизненных установках и приоритетах в рамках дихотомического вектора «добро – зло», устойчивое мировоззрение, на основе которого и осуществляется волевая саморегуляция деятельности и поведения). А как мы видели выше, именно волевая саморегуляция, самодетерминация и целостность компонентов личности рассматриваются психологами в качестве одних из основных детерминант высокого уровня стрессоустойчивости личности.

Представителем одной из помогающих профессий, задачей которой является сопровождение человека в кризисной (стрессовой) ситуации, является психолог. Именно его профессиональные знания и навыки должны помочь человеку снизить до минимума воздействия на него дистресса, выбрать наиболее адаптивные формы поведения в ситуации стресса, найти внутренние силы и восстановить ресурсы для преодоления его последствий.

И, как специалист, работающий с личностными проблемами других, психолог сам должен обладать достаточным уровнем стрессоустойчивости как потенцией для ответа на вызовы современного мира, и как фактором конструктивной и безопасной самореализации в профессии. Поэтому проблема формирования стрессоустойчивости будущих

практических психологов является одной из наиболее приоритетных задач высшей школы.

Нами было проведено исследование уровня стрессоустойчивости (методика «Тест на определение стрессоустойчивости личности» [6]) у студентов с разным уровнем автономии (методика САМОАЛ А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина). Выборку составили студенты-психологи 1 и 2 курсов магистратуры (магистерские программы «Психология развития» и «Психологическое консультирование») Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск).

В результате проведенного эксперимента наша гипотеза нашла подтверждение: корреляционный анализ, проведенный с помощью коэффициента Пирсона показал, что чем выше уровень автономности личности, тем выше уровень стрессоустойчивости студентов-психологов, т.е. чем более студенты самоорганизованы, самостоятельны в принятии решений и регуляции своей деятельности, опираются на себя, способны сделать выбор и готовы брать на себя ответственность за него, и имеют при этом четкие жизненные планы, ценностные ориентиры, собственную мировоззренческую позицию, тем более они устойчивы к воздействию стрессогенных факторов.

Это ставит перед высшей школой задачу – в процессе профессионального обучения создавать условия для формирования и развития личностной автономии студентов-психологов не просто как профессионально необходимого качества, но и как фактора высокого уровня стрессоустойчивости специалиста помогающей профессии, деятельность которого направлена на личность другого.

Список литературы

1. Бережная Н.И. Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов / Н.И. Бережная // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. – СПб.: СПбГУ, 2003.
2. Варданын Б.Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости/ Б.Х. Варданын// Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. – М., 1983. – С. 542-543.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса/ Н.Е.Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 225 с.
4. Зильберман П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора / П.Б. Зильберман // Очерки психологии труда оператора. – М.: Наука, 1974. – С. 138-172.
5. Катунин А.П. Стрессоустойчивость как психологический феномен / А.П. Катунин // Молодой ученый. – 2012. – № 9. – с. 243-246.
6. Психодиагностика стресса: практикум/ сост. Р.В.Куприянов, Ю.М.Кузьмина; М-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол.ун-т. – Казань: КНИТУ, 2012. – 212 с.
7. Рудаков А.Л. Стресс, стрессоустойчивость и саногенная рефлексия в спорте: монография / А.Л.Рудаков. – Красноярск, 2011. – С. 31-33.
8. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979. – 125 с.
9. Субботин С.В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристики метаиндивидуальности учителя: дис. ... канд. психол. наук / С.В. Субботин. – Пермь, 1992. – 152 с.

УДК 159.92

ФЕНОМЕН «ЧУВСТВО ВИНЫ» КАК ЗАПУСКАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Куликовская Елена Александровна,
заведующий психолого-педагогической лабораторией,
«Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», (ДНР, г. Донецк),
(kulikovskaya1979mail@rambler.ru)*

В статье рассматривается феномен «чувство вины» как запускающий механизм саморегуляции в условиях неопределенности. Рассматривается классификация стратегий саморегуляции в ситуации неопределенности. Проведен анализ научных трудов отечественных и зарубежных ученых по данной проблеме. Указана очевидная значимость данного исследования как для общей, так и прикладных отраслей психологии и намечены пути дальнейшей научной разработки указанной проблемы.

Ключевые слова: чувство вины, саморегуляция, условия неопределенности, стратегия, личность.

PHENOMENON OF FEELING OF GUILT AS A STARTING MECHANISM OF SELF-REGULATION IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

*Kulikovskaya Elena Aleksandrovna,
Head of psychological and pedagogical laboratory,
«Donetsk academy of management and public administration under the Head of Donetsk
People`s Republic», (DPR, Donetsk),
(kulikovskaya1979mail@rambler.ru)*

The article deals with the phenomenon of guilt as a starting mechanism of self-regulation in conditions of uncertainty. The classification of self-regulation strategies in the situation of uncertainty is considered. The analysis of scientific papers of domestic and foreign scientists on this issue is carried out. The obvious significance of this research is indicated for both general and applied branches of psychology and the ways for further scientific development of this problem are outlined.

Key words: guilt, self-regulation, conditions of uncertainty, strategy, personality.

Данная работа направлена на изучение феномена «чувства вины» как запускающего механизм саморегуляции в условиях неопределённости, определяющего уровень устойчивости личности к воздействию фактора неопределенности.

Целью исследования является изучение феномена «чувства вины» как запускающего механизма саморегуляции в условиях неопределённости.

Жизнь и деятельность человека в социально-экономических и производственных условиях современного общества неразрывно связана с периодическим, иногда довольно длительным и интенсивным воздействием на него неблагоприятных экологических, социальных, профессиональных и других факторов, которое сопровождается возникновением, развитием негативных эмоций, сильных переживаний, а также физическим и психическим перенапряжением. Эффекты воздействия на психику человека особенно выражены в психологически трудных ситуациях в связи с природными и техногенными бедствиями, авариями и катастрофами, социальными и профессиональными конфликтами, сложными, ответственными и опасными задачами трудовой деятельности [1].

Обобщенные данные об изучении чувства вины были отражены – в работах зарубежных и отечественных ученых, в рамках таких подходов: – как психоаналитический (З. Фрейд, В. Райх, О. Ранк, К. Хорни, Э. Фромм), гуманистический (А. Маслоу и др.),

экзистенциальный (М. Бубер, В. Франкл, М. Мэй), экзистенциально-гуманистический (И. Ялом, Дж. Бьюдженталь), когнитивный (А. Бек, Л. Первин, Д. Оливер, Г. Келли, Л. Фестингер, Дж. Тангей, К. Баррет, М. Хоффман, Т. Фергусон). Некоторые зарубежные исследователи (Н. Айзенберг, М. Хоффман) ставят чувство вины в один ряд с эмпатией и относят к моральной эмоции «высшего порядка» [2]. Для научного продвижения по пути раскрытия феномена чувства вины требуется периодическое обобщение и анализ результатов изучения проблемы, сопоставление различных точек зрения на основные ее аспекты.

Следует отметить, что некоторые исследователи определяют феномен вины как моральную тревожность. Индивид не всегда может точно определить, какое именно чувство (страх, стыд, вина, смущение, тревога и т. п.) он испытывает, ведь это зависит как от ситуации, так и от вербальных способностей и прошлого опыта человека [3].

При этом в экстремальных условиях большую роль играют неосознаваемые мотивы, произвольные вегетативные, эмоциональные и поведенческие реакции, которые проявляются независимо от воли человека. В то же время, преимущество механизмов произвольной саморегуляции заключается в том, что они подчиняются волевым усилиям и сопровождаются осознанными ощущениями. Необходимость их активации возникает в сложных условиях деятельности на начальных этапах утомления, напряжения, когда субъект произвольно изменяет ритм дыхания, совершает мышечные движения, повышает речевую активность и т.п., что свидетельствует о стремлении к мобилизации энергетических и поведенческих ресурсов. Дальнейшее нарастание экстремальности условий деятельности и возникновение несоответствия между текущим и потребным состоянием начинает осознаваться субъектом, становится предметом его внимания, и, соответственно, он осознанно принимает решение о необходимости целенаправленного изменения своего состояния и использования для этого определенных приемов саморегуляции, действие которых направлено в основном на когнитивно-эмоциональный компонент саморегуляции.

Известно, что существует множество определений понятия «саморегуляция» [4,5,7]. Однако их объединяет понимание того, что данный феномен заключается в активации функциональных и личностных ресурсов организма и психики с помощью различных внутренних способов и средств на основе знания механизмов физиологической и психической регуляции состояния и поведения субъекта в экстремальных ситуациях.

На психологическом уровне саморегуляция представляет собой интегративный сплав врожденных и приобретенных стратегий реагирования и готовности к определенной форме или способу взаимоотношения со средой [6].

Существуют, следующие методики, направленные на изучение процесса адаптации к ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности, во время которой происходит развитие и становление механизмов и стратегий саморегуляции и повышения устойчивости личности к воздействию фактора неопределенности, включая опросник С. Баднера «Толерантность к неопределенности», Опросник толерантности к неопределенности (MSTAT) Д. Маклейна (в адаптации Е.Г. Луковицкой), Опросник способов психологического преодоления R. Lazarus и S. Folkman (WOCQ, The Ways of Coping Questionnaire), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (CISS) Э. Эндлер, Д. Паркер (адаптация Т.Л. Крюковой, 2001), «Шкала контроля за действием» Ю. Куль, Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова).

Следует обратить внимание на классификацию стратегий саморегуляции в ситуации неопределенности:

- Стратегия проб и ошибок с выходом на результат: испытуемый проигрывал несколько попыток, но к концу сеанса достигал поставленной задачи.
- Стратегия демотивации: испытуемый достигал поставленной цели в первой половине сеанса, а затем результат ухудшался.

- Стратегия последовательного ухудшения результатов: испытуемому не удалось справиться с поставленной задачей.
- Стратегия последовательного обучения: испытуемые достигали положительных результатов от попытки к попытке.
- Маятниковая стратегия: успешные и неуспешные попытки чередовались.
- Стратегия «ригидный результат»: испытуемый не показывал значительных изменений показателя.
- Не интегрированная стратегия: испытуемый способен выполнять только одно из поставленных заданий, следить за временем реакции или за частотой сердечных сокращений.

Рассматривая состав и функцию саморегуляции, мы тем самым затрагиваем вопрос о ее механизме. Одной из особенностей саморегуляции является наличие уровней саморегуляции, которые связаны с уровнями психического отражения.

Дело в том, что при взаимодействии с окружающим миром человек непрерывно сталкивается с ситуацией выбора различных способов реализации своей активности в зависимости от поставленных целей, условий окружающей его действительности, индивидуальных особенностей взаимодействующих с ним людей. В ситуации выбора уменьшение неопределенности возможно лишь средствами саморегуляции в том смысле, что личность сама исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует и корректирует результаты.

Современные исследователи утверждают, что чувство вины играет важную роль в межличностных отношениях. Именно чувство вины может оказывать позитивное влияние на тенденции социального развития личности в условиях неопределенности, включая защитные механизмы саморегуляции, способствующие локализации неопределенности.

В контексте данных представлений наша обращенность к изучению феномена чувства вины как запускающего механизма саморегуляции в условиях неопределенности обусловлена недостаточной изученностью этого процесса при его очевидной значимости для развития как общей, так и прикладных отраслей психологии. Исследование феномена «чувства вины» охватывает широкий круг вопросов. Однако остается еще недостаточно изученным целый ряд аспектов данной проблемы, а именно: рассмотрение процесса преодоления чувства вины как запускающего механизма саморегуляции в привычных условиях жизни и деятельности, изучение взаимодействия ресурсов, стратегий и стилей преодоления чувства вины, что определяет необходимость дальнейшего исследования данного феномена.

Список литературы

1. Куликовская Е.А. Реализация ресурсов личности в трудных жизненных ситуациях / Е.А Куликовская // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы IV Всероссийской (заочной) научно-практической конференции с международным участием/ под ред. Е.В. Харитоновой. – Краснодар: КубГУ, Парабеллум, 2016. – С.107-111.
2. Куликовская Е.А. «Рефлексивный уровень самосознания: феномен «чувство вины»»/ Е.А Куликовская // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С.736-742.
3. Куликовская Е.А. «Чувство вины как механизм саморегуляции»/ Е.А Куликовская // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С.189-190.
4. Леонова А.Б. / Психологическая саморегуляция и профилактика неблагоприятных функциональных состояний // Психологический журнал. 1988. № 3. С. 43–52.

5. Марищук В.Л. / Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. // Марищук В.Л., Евдокимов В.И. – СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001.-260с.
6. Поддубная А.В. Структура и механизмы становления профессионального самосознания: Учеб.-метод. пособие. – М., 2003. С. 1–25.
7. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/2200/саморегуляция> / (дата обращения: 13.11.2018))

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ И В РАБОТАХ А.А. ЗИНОВЬЕВА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Лох Константин Владимирович,

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(klokh@rambler.ru)*

В данной статье структурируется проблема понимания через сопоставление двух довольно различных подходов, в чем и заключается компаративный метод. Делается вывод о том, что сейчас в проблеме понимания особенно актуальны междисциплинарные исследования в языковом аспекте.

Ключевые слова: понимание, герменевтика, постмодернизм.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN HERMENEUTICS AND IN WORKS A.A. ZINOVIEV: A COMPARATIVE APPROACH

Lokh Konstantin Vladimirovich,

*candidate of Psychology, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (klokh@rambler.ru)*

In this article, the problem of understanding is structured through the comparison of two rather different approaches, which is the comparative method. It is concluded that now the problem of understanding is particularly relevant interdisciplinary research in the language aspect.

Keywords: understanding, hermeneutics, postmodernism

Строго говоря, единого представления о понимании в герменевтике нет, так что вынесенная в заголовок идея весьма условна. Однако мы попытаемся выделить некоторое пересечение. Для этого сделаем минимальный исторический обзор, группируя подходы к этой проблеме согласно концепции В. Знакова [8], который выделяет в ней методологический, лингвистический, семантический, логический, коммуникативный, когнитивный и психологический аспекты.

Понимание как интерпретация (методологический аспект) – наиболее раннее определение в герменевтике (Гадамер, 1988). То, что интерпретировано субъектом, то им и понято. Один из общепризнанных отцов современной герменевтики, В. Дильтей, считал, что познание возможно только через сопереживание и со-понимание. То есть, понимание – составная часть познания. Ф. Шлейермахер полагал, что понимание заключается в проникновении в умонастроение автора, а его возможность и необходимость обеспечивается сходством и различием человеческих индивидуальностей [5]. Сейчас результатом и критерием понимания становится формулирование адекватной концепции, которая бы описывала изучаемое явление.

Понимание как включение нового содержания в опыт субъекта (когнитивный аспект). Анализ когнитивных аспектов понимания широко распространен в современной психологии. Основной акцент исследований делается на установлении соотношения

между структурой объекта понимания (текста) и уже имеющимися у субъекта знаниями. Анализируется организация структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста – макроструктурами. Именно характер организации структур знаний и умение оперировать с ними определяют понимание [9].

В контекст этого же подхода вписываются также ставшие широко известными работы Брэнсфорда и его соавторов, которые считали, что для понимания необходимо не только наличие знаний, но и их актуализация в процессе понимания. Их исследования показали, что предварительная информация, позволяющая эффективно схематически организовать материал уже во время восприятия текста, значительно улучшала успешность понимания и связанного с ним воспроизведения [по 2].

Понимание как семантическая обработка подразумевает интерпретацию отношений. Понимание высказывания наступает тогда, когда субъекту становится ясно, о какой ситуации идет речь и как представляет себе ситуацию говорящий. В этом направлении основное внимание уделяется проблемам «смысловой обработки», то есть конструирования понимающим семантического представления объекта понимания. Исследуется, в какой субъективной форме представляются знания об объекте в сознании [8].

Лингвистический подход к проблеме понимания видит его истоки в преобразованиях структур языка, трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых конструкций (Н. Хомский и Дж. Миллер). В рамках лингвистического подхода В.В. Знаковым выделяется также процессуальный или процедурный подход. В нём основной акцент делает не на анализе языка, а скорее на мыслительной деятельности человека. Его представители (Т. Виноград, Ф. Флорес, Джонсон-Лэйрд и др.) считают, что многие из способностей, формирующих компетенцию человека в использовании языка, носят процессуальный характер, и считают нецелесообразным рассматривать «понимание языка безотносительно к той или иной [социальной – К.Л.] задаче, в рамках которой язык используется» [3]. А задача использования языка неразрывно связана с коммуникативной ситуацией, в которой происходит общение людей.

Именно в этом вопросе расходятся лингвистический и процессуальный подходы в изучении понимания. Лингвистический анализирует понимание высказывания слушающим, не принимающим участия в коммуникативном акте. А процессуальный изначально рассматривает понимание языка как компонент структуры ситуации и средство общения.

Коммуникативный подход анализирует активность субъекта, направленную на определение целей партнера и используемых им правил общения, а также формирование отношения к этому партнеру.

А.А. Харитонов выделяет *ситуационный подход* к пониманию, в котором необходимость понимания возникает, когда требуется преодолеть «разрыв в знаниях»: при интерпретации, переводе или диалоге [10]. То есть выстроить взаимоадекватное представление об обсуждаемом объекте, поскольку сам смысл процесса понимания сохраняется только в условиях несовпадения индивидуальных контекстов.

Итак, в когнитивном и семантическом подходах выделяется обусловленность понимания структурами объективной реальности. В лингвистическом – структура языка при отражении реальности. В методологическом и коммуникативном – детерминация понимания процедурами формирования диалога. Такое множество направлений в изучении проблемы понимания указывает на сложность и многоплановость объекта. Предметом же в них во всех является текст. При этом предполагается, что не только субъект влияет на собственное понимание текста, но и сам текст. Это уже ближе к герменевтике, даже – к «психологической герменевтике». Именно так называется монография А.А. Брудного (2005). Он следующим образом определяет понимание: «как

индивидуальную реализацию познавательных возможностей личности. Результат понимания – отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности. В понимании находит выражение связь индивидуального существования с общезначимыми фактами» [1, с. 65]. То есть, понять – значит, *сделать своим*. И не очень важна при этом «абсолютная истина». Важна *собственная истина*. Вот тогда Вы сможете его использовать. Субъектом понимания является любой человек, если захочет понять.

Если предельно упростить, концепция понимания А.А. Брудного заключается в следующем. В мире (поле) фактов всё структурируется противопоставлением: *есть на самом деле – нет на самом деле*. В поле интерпретаций важно, *истинно или неистинно*. В поле смыслов решается: хорошо или плохо, а также все модификации этого противопоставления. Поле фактов – это мир отношений между предметами. Поле интерпретаций – мир отношений между понятиями. Поле смыслов – мир отношений между людьми (в конечном счёте, все смыслы оттуда). Так вот, понимание – это стыковка всех трёх миров в единое целое. Представляется, что критерием этого единения может быть способность субъекта адекватно конкретной ситуации сопоставить эти «миры».

А.А. Брудный разделяет герменевтику – древнее *искусство* толкования текстов, и постгерменевтику – современную уже больше *науку*, которую формируют экспериментальная психология и психолингвистика. Цель герменевтики – развить установки, способствующие пониманию, пробудить волю к нему.

В одноименной книге известного русского философа А.А. Зиновьева рассматриваются проблемы, связанные с понятием «интеллектуального фактора» или «фактора понимания». Автор считает, что это понятие имеет принципиальное значение при формировании различного рода политических и общественных учений. Он предлагает собственную теорию «фактора понимания» с единым понятийным аппаратом, организованным в целое по правилам разработанной автором логической концепции. Сам А.А. Зиновьев фактором понимания называет «... то, что люди думают о ситуации, в которой совершаются их действия, о самих себе и о своих возможностях ... описывается (выражается) в некоторой совокупности слов, фраз, текстов» [7, с. 10]. Предметом «фактора понимания» (в данном случае это название концепции А.А. Зиновьева) являются люди и их объединения. «Люди при этом рассматриваются как существа, способные в той или иной мере понимать свое природное и социальное окружение (свою среду жизни), а также самих себя» [7, с. 12].

Нам представляется особенно актуальной концепция А.А. Зиновьева в эпоху постмодернизма, который «обнулil» многие интеллектуальные традиции, в частности – классическую философию. Точнее можно сказать, что они стали частным случаем, подобно геометрии Эвклида по отношению к геометрии Лобачевского или физике Ньютона по отношению к квантовой. Сам А.А. Зиновьев подчеркивает, что «в XX веке произошел великий перелом в самой социальной реальности. Он оказался настолько значительным, что все учения, в той или иной мере претендующие на ее понимание, стали неадекватными новым явлениям и потеряли смысл» [7, с. 15]. На наш взгляд, выражение чрезмерно энергичное, но таков уж стиль этого выдающегося мыслителя. Действительно, ведущей в хорошо знакомой автору гештальттерапии является теория поля. Образно выражаясь, она предлагает создавать «точку отсчёта» для каждой конкретной ситуации. Подчеркнём, что психотерапия как раз происходит в этой изменившейся социальной реальности и довольно точно отражает потребности общества. Классические же философские, даже и психологические теории претендовали на создание некоей универсальной «точки отсчёта». Но такая парадигма неизбежно оказывается упрощенной по отношению к реальности, которую претендует описывать.

А.А. Зиновьев рассматривает «логику, онтологию и гносеологию как различные аспекты одной единой науки, исследующей человеческий интеллект одновременно в трех аспектах – языковом, бытийном и познавательном. ... все явления интеллекта суть языковые объекты, имеющие определенное бытийное содержание и создаваемые в определенных процессах познания, с помощью определенных исследовательских операций» [7, с. 16]. На наш взгляд, это перекликается с подходом, в частности, Лакана и других представителей «языкового» направления. А также с представлениями Л.С. Выготского о единстве языка и мышления. То есть, в языке соединяются логика, онтология и гносеология.

К сожалению, объём данной статьи не позволяет подробнее описать подход А.А. Зиновьева, поэтому сформулируем свои **выводы** из вышеизложенного.

1. Проблема понимания в современном постмодернистском обществе носит принципиально иной характер, нежели в модернистском. Изменение заключается в отказе от универсальных описаний, и этому есть аналогия в физике – теория относительности.
2. Сама проблема понимания на бытийном уровне более актуальна, чем ещё в XX веке. Современному человеку приходится понимать и количественно больше, и качественно более сложные явления, от этого зависит полнота его жизни и самореализации.
3. Методологически новая парадигма понимания реализуется, в частности, в герменевтической концепции А.А. Брудного и «факторе понимания» А.А. Зиновьева.
3. В настоящее время исследования речи и языка являются наиболее актуальными для развития проблемы понимания, но эти исследования должны быть соотнесены с конкретными ситуациями человеческого взаимодействия.
4. Общим вектором развития теории и методологии понимания следует признать интеграцию различных аспектов и наук в целостность.

Список литературы

1. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. - 336 с.
2. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М. МГУ, 1982
3. Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания. / Язык и интеллект. Под ред. В.В. Петрова. М.: «Прогресс», 1996. С. 185-229.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: «Лабиринт», 1996. – 384 с.
5. Габитова Р.М. Универсальная герменевтика Фридриха Шлейермахера. / Герменевтика: история и современность. М.: «Мысль», 1985. – 248 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: «Прогресс», 1988. – 625 с.
7. Зиновьев А.Л. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с. – (Философский бестселлер).
8. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М., 1994. – 346 с.
9. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: «Тривола», 1996. – 442 с.
10. Харитонов А.Н. Переопосредование как аспект понимания в диалоге. / Познание и общение. М.: Наука, 1988. – 365 с.

УДК 159.923.2+159.964.21

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ КАК СИСТЕМЫ

Максименко Елена Георгиевна,

*доктор психол. наук, профессор кафедры психологии,
Донецкий педагогический институт (ДНР, г. Донецк),
(emaksimenkodon@gmail.com)*

В статье автор приглашает к дискуссии относительно основополагающего критерия психики как системы. Отмечается важность системного подхода в исследовании

психического, что позволяет рассматривать психику как организованную целостность, части которой находятся в непрерывном взаимодействии по собственным законам, не свойственным деталям целого. Автор рассуждает по поводу поиска «концептуального моста», по принципу которого организуются и упорядочиваются все элементы системы. Таким «мостом», по мнению автора, может служить адаптивность психики, непосредственно связанная с целесообразностью жизнедеятельности субъекта.

Ключевые слова: психика, системный подход, принцип дополнительности, адаптивность.

REFLECTIONS ON THE FUNDAMENTAL CRITERION OF THE PSYCHE AS SYSTEM

*Maksimenko Elena Georgievna,
Dr. Psychol. sciences, professor of psychology,
Donetsk Pedagogical Institute (DPR, Donetsk),
(emaksimenkodon@gmail.com)*

In the article, the author offers a discussion of the fundamental criterion of the psyche as a system. The importance of a systematic approach to the study of the psyche is noted, which makes it possible to consider it as an organized integrity, parts of which are in continuous interaction in accordance with their own laws, which are not inherent in the details of the whole. The author discusses the search for a "conceptual bridge", according to which all elements of the system are organized and organized. This "bridge", according to the author, is the adaptability of the psyche, directly related to the prudent life and activities of the subject.

Key words: psyche, systems approach, the principle of complementarity, adaptability.

Введение. В отечественной психологической научной традиции прослеживается зависимость исследований от традиционно-естественнонаучного подхода, открывающего перспективы исследования психического только для одной стороны – сознания – при игнорировании другой – бессознательного. Необходимость восполнения данного пробела обусловила ориентацию исследовательского поиска на целостность психики, учитывающую интеграцию сознательных и бессознательных процессов в единую систему, в чем мы видим **актуальность (социальную значимость)** исследования.

Системный подход к пониманию психики человека позволяет рассматривать психическое как «организованную целостность с постоянным гармоничным взаимодействием своих частей, подчиняющимся своим специфическим законам, не свойственным частям, деталям целого» [1, с. 1]. Сторонники системного подхода подчеркивают, что «поиски «системы» как более высокого и общего для многих явлений принципа функционирования могут дать значительно больше, чем только одни аналитические методы при изучении частных процессов» [там же].

Цель исследования направлена на изучение вопроса взаимосвязи между фактами, которые получают при изучении явлений целого (психики как системы), и результатами аналитического исследования системообразующих факторов. Многими учеными отмечается необходимость поиска своеобразного «концептуального моста», функционирующего по принципу дополнительности (Н. Бор и др.). Согласно этой теории, целое и целостный подход должны дать исследователю возможность найти дополнительные характеристики изучаемого объекта, более или менее отражающие специфические черты именно целого.

Системный подход при изучении психики, равно как и любых других явлений социального или технического порядка, предполагает наличие определенного критерия, лежащего в основе системы, по принципу которого организуются и упорядочиваются все элементы системы. Наш исследовательский интерес направлен на поиск того

основополагающего критерия, который позволяет психике как системе выполнять задачу динамического и адекватного приспособления организма к внешней среде и внутренним потребностям. В исследовании используются **методы** анализа научных подходов, теоретическое моделирование и обобщение.

Изложение основного материала. Адаптивность психики как системообразующий компонент, как стержень субъективной реальности, «которая есть отражение жизни в образе индивидуального жизненного пути» [3], по нашему мнению, отвечает исследовательскому поиску. Адаптивная направленность непосредственно связана с целесообразностью жизнедеятельности субъекта. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (здоровьесберегающие задачи, выживание и др.), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения требований общества, норм, правил поведения, соблюдение которых обеспечивает полноценность субъекта как члена общества. Адаптация включает и процессы самоприспособления: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т. п. [5]. Особенно важно подчеркнуть, что адаптивность человека связана с развитием его как личности.

Психологический словарь дает следующее определение адаптации: «приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды, направленное на сохранение гомеостаза» [2, с. 9]. Согласно З. Фрейду, адаптация является важнейшей функцией психики, обеспечивающая психическое равновесие и гармонию на энергетическом уровне. Стремление к равновесию между организмом и средой научает индивида овладевать различными действиями, которые в виде когнитивных схем составляют операциональный уровень интеллекта (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже и др.). Важную роль в данном процессе играет социализация личности: чем больше возможностей освоения предметными и умственными действиями предоставляет окружающая среда (социум), тем выше интеллектуальный потенциал развивающейся личности и, соответственно, продуктивнее адаптация. В психологии объектных отношений (М. Кляйн, П. Хайманн) описан целый ряд различных внутренних отношений между «Эго» и его объектами: какая судьба ожидает внешний объект после его интроекции? попадает ли он в «Эго» или «Супер-Эго» и др. П. Хайманн использует термин «ассимиляция» для разъяснения проблемы. Механизм ассимиляции, как известно, является операциональным компонентом адаптации, в функции которого входит приспособление к новому. Ассимилированные объекты становятся частью Эго, укрепляют его, передают ему навыки, установки, качества, составляющие защиты, поступающие затем в распоряжение Эго благодаря его идентификации с объектом. Резко отличаются от них неассоциированные объекты, которые остаются чужаками внутри личности и «действуют как инородные тела, помещенные в Самость. И хотя с большей очевидностью это относится к «плохим» объектам, так может происходить даже с «хорошими» объектами, если Эго компульсивно подчинено их сохранению». Интроекция враждебного объекта приводит к нарушению адаптационного баланса посредством замедления, снижения или даже остановки потенциала развития (в когнитивной, социальной, творческой и других сферах).

Исследования (А. Брилл, О. Кернберг, Х. Кохут, Ф. Риман, К. Ясперс и др.) пациентов с тяжелыми пограничными расстройствами личности раскрывают актуализацию потребности удержания внутреннего баланса, способствующего защите от дистресса. Процесс осуществляется с помощью сильных и высокоорганизованных защит. В результате сопротивления происходит «застревание» в некой промежуточной позиции между дезинтеграционными психическими процессами, чувством вины и ответственностью. Такие личности развиваются в контексте избытка инстинкта смерти и дефицита инстинкта жизни, они ощущают свое положение очень шатким, им угрожает, с одной стороны фрагментация, а с другой – психическая боль. Адаптация как свойство

психики, энергетически связанное с инстинктом самосохранения, влечением к жизни, является стержнем развития и самоактуализации субъекта. Согласно А. Маслоу [4, с.511] «жизнь – процесс постоянного выбора. В каждый момент имеется выбор: продвижение или отступление. Либо движение к еще большей защите, безопасности, боязни, либо выбор продвижения и роста». Успех движения к самоактуализации зависит, прежде всего, от силы «Я» человека, от его готовности брать на себя ответственность за принятие решения, быть честным с самим собой и другими при проявлении чувств, высказывании желаний, мыслей, в деятельности и общении. В конечном счете, основой любой психологической интервенции является трансформация личности и развитие адаптации: непредсказуемого – в предсказуемое; неподконтрольности состояний – в контролирующую сознанием активность; беспомощности – в толерантность; бессознательного, иррационального – в осознанное, рациональное. И, наконец, крушение границ допустимого – в пользу расширение этих границ, отказ от внешних правил, установок, расписаний, указаний в пользу внутреннего экзистенциального чувства, «духовного зрения» (К. Уилсон), «третьего уха» (Т. Рейк) направленных на понимание своих переживаний.

В **заключении**, рассматривая адаптацию как основу психического развития субъекта, как тенденцию функционирования целесообразной системы, приходим к выводу, что понимание психики как системы дает возможность рассматривать психические явления в их логической упорядоченности и гармоничном взаимодействии всех частей целого. Условием нашего научного поиска, учитывая принцип дополненности, является принятие адаптивности как основного критерия, согласно которому организуются все динамические элементы психики. Адаптивная направленность психических процессов непосредственно связана с целесообразностью жизнедеятельности субъекта, выполняя здоровьесберегающие задачи выживания и личностного развития.

Список литературы

1. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П. К. Анохин. — М. : Наука, 1980. — 196 с.
2. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1997. — 800 с
3. Дубров А. П. Взаимодействие живых систем со временем и пространством. Сознание и физическая реальность / А. П. Дубров. — М., 2003. — Т. 8. — № 3. — С. 51–60.
4. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2008. — 352 с. — (Мастера психологии).
5. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. — Рн/Д : Феникс, 1996. — 512 с.
6. Словарь кляйнианского психоанализа / пер. с англ. Роберт Д. Хиншелвуд. — М. : Когито-Центр, 2007. — 566 с.

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Марусенко Елена Андреевна,

*кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии,
ЛНУ имени Тараса Шевченко (г. Луганск, ЛНР), (emarusenko@yandex.ru),*

Ковалева Антонина Валериевна,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии,
ЛНУ имени Тараса Шевченко (г. Луганск, ЛНР), (tosikkov@yandex.ru)*

В статье рассматривается проблема ценностей, ценностных ориентаций личности как регулятора поведения студенческой молодежи. Проведено анкетирование студентов начальных курсов, в ходе которого установлено, что подавляющее большинство респондентов (85 %) считает, что главным регулятором поведения человека являются его ценности. В 75 % случаев студенты указывали, что они в своих поступках и действиях ориентируются на общечеловеческие нравственные и духовные доминанты; 20 % респондентов ответили, что поступают «по ситуации», то есть ценностный мотив не является приоритетным. Следует отметить, что ценностная регуляция поведения оказалась более актуальной для девушек (80 %), нежели для юношей (67 %). Таким образом, представляется совершенно необходимым усиление ценностных и гуманистических акцентов в системе высшего образования.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, высшее образование, студенты, поведение.

VALUE-BASED ASPECTS OF BEHAVIOURAL REGULATION OF STUDENTS

Marusenko Elena Andreevna,

*candidate of Medical Science, Associate Professor of the Psychology,
Department of Lugansk National University of Taras Shevchenko,
(Lugansk, Lugansk People's Republic), (emarusenko@yandex.ru)*

Kovaleva Antonina Valerievna,

*candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Psychology,
Department of Lugansk National University of Taras Shevchenko,
(Lugansk, Lugansk People's Republic), (tosikkov@yandex.ru)*

The article covers the problem of values, and value system of a person as a means of behavioural regulation of students. The questionnaire of freshman students has been carried out; the results are that the overwhelming majority of respondents (85%) believes that the main regulator of a person's behaviour is his values. 75% of students answered that they use universal human and ethical values as the basis for taking decisions. 20% of respondents answered that they behave "as the occasion requires", meaning the value-based motivation isn't prioritized in their paradigm. It is worth noting that the value-based regulation of behaviour occurred more actual to young female (80%), rather than male (67%). This way, the increase in development of humane and value-based accents in a higher-education system is required.

Key words: values, values-based orientation, higher-education, students, behaviour.

Сегодня мы столкнулись с ситуацией, когда проблема ценностных ориентаций личности и доминирующих ценностей социума приобретает крайнюю актуальность. Девальвация ценностей порождает нравственную пустоту, из которой в дальнейшем произрастают все формы социокультурной аномии и отклоняющегося поведения личности. Нравственный и ценностный вакуум немедленно заполняется острым кризисом правосознания, политической дезориентацией, падением ценности человеческой жизни, развитием ценностного нигилизма, цинизма и других форм социальной патологии [10, с.15]. В подобной ситуации очень сложно найти точки опоры даже зрелой личности, не

говоря уже о подрастающем поколении, в сознании которого только происходит формирование мировоззренческих аспектов, ценностных приоритетов, моделей подражания, в соответствии с которыми личность выстраивает линию собственной самоидентификации и поведенческий вектор [1-5].

Как утверждает Д. Леонтьев, разрушение ценностной основы неизбежно ведет к кризису, выход из которого видится лишь на пути обретения ценностей новых. И, безусловно, ведущую роль в этом процессе должно сыграть образование.

В данном контексте особую остроту приобретает глубокое осмысление категории ценностей, ценностных ориентаций, поскольку данные понятия, согласно мнению многих исследователей, является важнейшим социальным регулятором как на макроуровне (культурное поле социума), так и на уровне поведения отдельно взятой личности [1; 2].

Понятия ценностей, ценностных ориентаций занимают важное место в системе гуманитарных наук. Существует ряд определений данных терминов, которые несколько различаются в зависимости от акцентов, приобретаемых в разных ракурсах рассмотрения проблемы.

Ценность представляет междисциплинарное понятие, и его достаточно сложно ограничить кругом интересов какой-либо одной научной сферы (Д. Леонтьев).

С культурологической точки зрения ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов. Разные культуры отдают предпочтения различным ценностям, и каждый общественный строй определяет, что является ценностью, а что – нет [9, с. 462-463].

С философских позиций ценность – это духовное формирование, существующее благодаря этическим и эстетическим категориям теоретической системы, выступающее критерием оценки действительности человеком и источником смыслообразующей основы человеческого действия. Ценностью является то, что представляет персональную значимость в нравственном, познавательном и эстетическом отношении.

В основе ценностного отношения человека к миру лежит значимость, следовательно, мера ценности предмета зависит не от его способности удовлетворить жизненную потребность тела, а от того, насколько он соответствует степени значимости в социуме. И подобные оценки осуществляются на основе определенных абсолютных критериев, таких, как истина, добро, красота, а также свобода, мир, гуманность, достоинство, справедливость и др. Это те скрижали, на которые опираются ценности бытия человечества [9; 11; 13].

Понятие ценности при внимательном рассмотрении оказывается тесным образом связано с категорией смысла и в первую очередь – смысла жизни [4;6;7;8;12]. Под смыслом жизни понимается отраженная в сознании и переживаниях индивида предельно значимая для него ценность, которая стала «его собственной» и превратилась в главный регулятор личностного поведения (А. Бодалев). Воплощаясь в целях, которые ставят перед собой люди, смыслы могут отражать в своем содержании основные ценности жизни и культуры, ставшие персонально значимыми ценностями этих людей и в этом случае человек посредством своих поступков и действий выходит на вершинные рубежи, воплощающие тот или иной жизненный идеал [6, с. 54].

Выделяют общечеловеческие ценности, в которые входит совокупность идеалов, принципов, этических норм и прав, имеющих приоритетное значение в жизни людей, независимо от их национальной принадлежности, вероисповедания, пола, социального статуса. Эти ценности позволяют наиболее полно воплотить родовую сущность человека. Системообразующим фактором для общечеловеческих ценностей является принцип гуманизма как абсолютного приоритета ценности человеческой жизни. Важнейшее значение в системе общечеловеческих ценностей принадлежит праву человека на

самобытное существование, свободное развитие и приоритет личного над общественным. К общечеловеческим ценностям относят и свободу, заботу о близких, уважение старших, любовь к детям, трудолюбие, патриотизм, порядочность, честность и т. д.

Общечеловеческие ценности являются важнейшим фактором успеха интеграционных процессов современности и универсальным языком диалога культур; они образуют определенную иерархию, важнейшим звеном которой являются ценности духовные.

Согласно позиции И. Бега (1997), сфера духовных ценностей содержит в себе смысл жизни, любви, добра и зла, - то есть общечеловеческих нравственных категорий; а путь личностного осознания и усвоения духовных ценностей - это сложная и специфическая работа когнитивно-эмоциональной оценки своей жизни, которая осуществляется во внутреннем плане личности. Автор подчеркивает, что ребенку нужно прививать вкус к духовным аспектам жизни, и эту проблему способна решить личностно-ориентированное образование, основанное на гуманистических позициях.

Системообразующим фактором духовных ценностей является духовность человека как воплощение в его мировоззрении тех идеалов, которые определяют направленность личности на осознанный жизненный выбор, в котором представляется гуманистический смысл цели человеческой жизни [11-13].

З. Шевчук указывает, что духовные ценности, представляя собой сложное сочетание особенностей интеллектуальной, чувственно-эмоциональной и волевой сфер психики человека, способствуют формированию потребности в познании себя и окружающего мира, а также определяют стремление человека к гармонии, красоте и совершенству. Это проявляется в отношении человека к любой форме жизни как к ценности, в уважении к внутреннему миру других людей, выстраивании взаимоотношений с социумом по законам справедливости, честности, любви и добра [14].

Нами было проведено анкетирование среди студентов первых-вторых курсов Луганских вузов, среди которых было 50 девушек и 30 юношей.

Подавляющее большинство респондентов (85 %) считало, что главным регулятором поведения человека являются его ценности. В 75 % случаев студенты указывали, что они в своих поступках и действиях ориентируются на общечеловеческие нравственные и духовные доминанты; 20 % респондентов ответили, что поступают «по ситуации», то есть ценностный мотив не является приоритетным. Следует отметить, что ценностная регуляция поведения оказалась более актуальной для девушек (80 %), нежели для юношей (67 %).

Таким образом, с учетом сложившихся социокультурных и политических реалий современного социума, представляется совершенно необходимым усиление ценностных и гуманистических акцентов в системе высшего образования, поскольку данная система является одним из важнейших институтов трансляции социокультурного наследия, общечеловеческих и духовных ценностей. Ведь сегодня общество нуждается не только в профессионалах и компетентных специалистах, но и в личностях с активной жизненной позицией, обладающих развитой системой ценностных приоритетов, ориентированных по вектору духовно-нравственных и общечеловеческих доминант. Этому может помочь создание креативного образовательно-ценностного пространства, в котором будут создаваться условия для активного развития ценностного континуума личности будущего специалиста.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 5. – С. 63-70.

3. Антюхова Е. Ю. Ценностные установки в структурно-содержательной характеристике процессов социализации и индивидуализации // Мир психологии. – 1998. – № 1. – С. 67-71.
4. Анцыферова Л. И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 3. – С. 17-24.
5. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
6. Бодалев А. А. О смысле жизни человека, его акме и взаимосвязи между ними // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 54-61.
7. Братусь Б. С. Проблемы нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 6-13.
8. Волочков А. А., Ермоленко Е. Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 17-33.
9. Кононенко Б. И. Культурология. Большой толковый словарь. М.: 2000, Издательство «Вече 2000»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 512 с.
10. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15-26.
11. Мурашов В.И. Духовность – принципы новой эпохи. // Школа духовности. – 2001 – № 1. – С.25–36.
12. Непомнящая Н. И. Целостно-личностный подход к изучению человека // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 116-125.
13. Никандров Н.Д. Духовные ценности и воспитание человека. // Педагогика.–1998. – №4. – С.3–8.
14. Шевчук З.М. Особенности психологического содержания духовных ценностей личности и их развитие в воспитательном диапазоне. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/3148-osoblivosti-psihologichnogo-zmistu-duhovnih-tsinnostej-osobistosti-ta-yih-rozvitok-u-vihovnomu-diapazoni.html>

УДК 923:378.011.32

ПРОБЛЕМА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Муханова Ирина Федоровна,

*канд. психол. наук, доцент кафедры философии и психологии,
Донецкий национальный медицинский университет им. Максима Горького,
(ДНР, г. Донецк), (mukhanovai@mail.ru)*

В статье анализируются взгляды зарубежных и российских исследователей на феномен самоактуализации личности и особенности её проявления в жизни и деятельности. Отмечено, что взгляды на феномен и природу самоактуализации во многом совпадают у представителей различных зарубежных философских и психологических направлений.

Ключевые слова: самоактуализация, самореализация, история психологии, личность, теории.

THE PROBLEM OF SELF-ACTUALIZATION OF PERSONALITY IN THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Mukhanova Iryna Fedorovna,

*candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk national medical University named after Maxim Gork,
(DPR, Donetsk), (mukhanovai@mail.ru)*

The article analyzes the views of foreign and domestic researchers on the phenomenon of self-actualization of the individual and the features of its manifestation in life and work. It is

noted that the views on the phenomenon and nature of self-actualization largely coincide among representatives of various foreign philosophical and psychological directions.

Key words: person's self-actualization, self-realisation, history of psychology, personality, theories.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что концепция самоактуализации до сих пор волнующа и нова, так как она заставляет человека обращать взор на то, чем он может быть и, следовательно, придает его жизни интерес и цель. В процессе индивидуализации человек познает окружающий мир и самого себя, постепенно переходит от познания к самопознанию, от оценки к самооценке, от внешнего контроля к самоконтролю. Все эти процессы, требующие от человека активности действия и самоактуализации, дают возможность человеку преуспевать в постоянно меняющемся обществе и стать конкурентно способной личностью [6].

Наибольшую остроту данная проблема приобретает в эпоху глубинных социально-экономических и политических преобразований общества – становления молодой республики, когда развитие общества сталкивается с новыми проблемами. Осознание и развитие личностью своего собственного потенциала позволяет эффективно воплощать свои способности в личной и профессиональной жизни, ощущать удовольствие от собственных достижений и преобразовывать окружающий мир в условиях изменяющегося мира.

Анализ предшествующих исследований и публикаций.

Проблема самоактуализации является предметом научных исследований значительного числа философов, психологов, педагогов. Это отразилось в многообразии трактовок понятия «самоактуализация», в наличии синонимических понятий. В науке употребляются различные термины, близкие по значению к этому понятию: «самоутверждение», «самовыражение», «самораскрытие», «самодеятельность», «самовоспитание», «самосовершенствование», «трансценденция». В исследованиях ученых-философов, психологов и педагогов самоактуализация рассматривается в контексте с самореализацией как ее элемент, но чаще как синоним.

Самореализация личности имеет неоднозначную природу, поэтому анализ данного процесса позволяет установить, что идея самореализации личности своими корнями уходит в философские системы далекого прошлого. Так в философии учение о самореализации восходит к Аристотелю и связано с самосовершенствованием духа и тела; у Гегеля она рассматривается в связи с саморазвитием абсолютной идеи, у классиков марксизма-ленинизма – с самоосуществлением личности и т.п. [2].

Различные стороны самоактуализации личности рассматривались как в зарубежной (К.Гольдштейн, А. Маслоу, К.Роджерс, В. Франкл и др.), так и в российской психологии (К.А. Абульханова-Славская, Т.И. Артемьева, Е.И.Головаха, Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, Д.А. Леонтьев, и др.). В настоящее время активно исследуется специфика самоактуализации в профессиональной сфере (Н.Ф. Бачманова, Т.А. Верняева, Л.А. Коростылева), рассматриваются гендерные и возрастные особенности самоактуализации (Е.Е. Вахромов, И.С.Кон, Ю.А. Миславский). Несмотря на пристальное внимание к проблеме самоактуализации, появление новых подходов к ее решению, она остается слабо разработанной и оценивается как современная сверхсложная проблема.

Теоретико-методологической основой исследования являются основные положения гуманистического и экзистенциального подходов к самоактуализации (А. Маслоу, Р.Роджерс, В. Франкл, Д.А. Леонтьев), комплексный и акмеологический подходы (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А.Деркач), психологическая теория деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, Д.Б. Эльконин).

Целью исследования является теоретический философский и психолого-педагогический анализ проблемы самоактуализации личности в трудах зарубежных и российских ученых.

Основное содержание.

Теоретический анализ изучения данной проблемы позволяет утверждать, что в современной психологии самоактуализация понимается как сознательная деятельность человека, направленная на максимально возможное раскрытие и использование своего потенциала на благо общества и самого себя.

В зарубежной психологии в основе идей самоактуализации личности лежат следующие положения [2]:

- каждый человек в отдельности уникален;
- уникальность определяется способностью осознавать свою специфичность в каждый момент времени;
- человек никогда не статичен, он всегда находится в процессе становления;
- основа изучения и понимания человека – это субъективный опыт, то есть теоретические построения и внешнее поведение являются вторичными по отношению к непосредственному опыту и его уникальному значению для того, кто его переживает;
- сама сущность человека постоянно движет его в направлении личностного роста, творчества и самодостаточности;
- люди являются активными творцами собственной жизни.

Впервые термин «самоактуализация», как научную категорию, ввел К.Гольдштейн (1939). Он предлагал рассматривать симптомы в контексте личности пациента, основывая на этом свою теорию когнитивной реабилитации. Он объяснял ряд изменений в поведении больных с повреждениями мозга, в результате ранения, с помощью понятий «самоактуализации» и «самореализации». Согласно К.Гольдштейну «самоактуализация обозначает способность перестройки организма под воздействием травмы» [2]. Он утверждал, что самоактуализация является основным и единственным мотивом организма, служащая предпосылкой для самореализации всего организма, основой развития, самосовершенствования, творческой тенденцией личности. К.Гольдштейн считает, что нормальный, здоровый организм – это тот, в котором «тенденция к самоактуализации действует изнутри и который преодолевает сложности, возникающие из-за столкновений с внешним миром не на основе тревоги, но благодаря радости победы» [2]. Для К.Гольдштейна самоактуализация не означает конца проблемам и трудностям, напротив, рост часто может привести к определенному страданию и боли.

Развитие теории самоактуализации связано с именами А. Маслоу и К.Роджерса. А. Маслоу (1954), ученик К.Гольдштейна, использовал понятие «самоактуализация» в контексте изучения человека как уникальной, целостной, открытой и саморазвивающейся системы. В центре концепции самоактуализации лежит вера в индивидуальный опыт человека, способность открывать и обнаруживать в себе уникальный личностный потенциал, самостоятельно определять направление и способы личностного роста.

В своих работах А. Маслоу отмечал, что умение принимать решения и брать ответственность, за что-либо есть важное условие самоактуализации. «Каждый раз, принимая на себя ответственность, человек самоактуализируется» [4]. Понятие «самоактуализация» подразумевает, что у человека наличествует некая «самость», которая должна быть актуализирована. По мнению А. Маслоу, самость представлена личностными смыслами и ценностями, которые составляют ядро человеческой жизни.

Согласно теории К. Роджерса тенденция самоактуализации – это процесс реализации человеком на протяжении всей жизни своего потенциала с целью стать полноценно функционирующей личностью. Пытаясь достичь этого, человек проживает жизнь наполненную смыслом, поисками и волнениями. По К.Роджерсу, не требуется каких-то особых мотивационных конструкторов (специфических влечений), чтобы понять,

почему человек активен; каждый человек исходно мотивирован тем, что живёт. Мотивы и влечения не объясняют целенаправленной деятельности организма. Человечество в основе своей является активным и самоактуализирующимся в силу своей собственной природы [5].

Одним из ярких исследователей самоактуализации является Р.Ассаджоли., который под самоактуализацией понимал оживление, проявление и самоосуществление скрытых возможностей человека, рассматривая ее как один из видов самореализации, означающий самоосуществление. Он выделяет и другой вид самореализации, направленный на постижение себя, переживание и осознание себя как синтезирующего центра, – самопостижение [1].

Можно отметить, что Р. Ассаджоли в своих рассуждениях о развитии человеческой личности идет дальше К. Роджерса, делая установку на подлинно духовное развитие человека. Поэтому в рамках концепции психосинтеза он говорит о том, что самоактуализация – это только первый этап развития личности («личностный психосинтез»). Второй этап – осуществление синтеза личностного «эго» и высшей Самости («духовный психосинтез»). Таким образом, человек не сможет подойти к духовному психосинтезу без личностного психосинтеза. Самоактуализация является всего лишь ступенью, по достижении которой начинается подлинно духовное развитие человека [1].

В. Франкл – основатель логотерапии, рассматривает актуализацию как постижение «созидательных» ценностей, «ценностей переживания и ценностей отношений», то есть жизнь требует от человека духовной гибкости, с тем, чтобы он мог регулировать свои усилия сообразно с возможностями, которые она ему предоставляет. Процесс «постижения смысла» характеризует более высокую стадию развития, чем «присвоение» уже известного, «представленного» человеку смысла. Именно в этом и выражается процесс самоактуализации. «Осуществляя смысл, человек реализует сам себя» [6].

Таким образом, анализируя работы зарубежных ученых по проблеме самоактуализации личности, можно сделать выводы о том, что самоактуализация присуща только психологически здоровым людям; что это врожденная, изначально свойственная человеку тенденция к саморазвитию и основополагающее свойство зрелой личности, стремящейся к полноценной реализации собственного потенциала. А показатели самоактуализации личности отражают всю полноту и богатство ее развития, заложенные потенции, развитие таких качеств как автономность личности, способность к личностному и профессиональному самоопределению и др. Что касается российской психологии, то понимание самоактуализации обусловлено разработкой и применением деятельностного подхода (П.А.Гальперин, А.Н.Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), а в дальнейшем системного и акмеологического подходов (Б.Г.Ананьев, К.А.Абульханова-Славская, А.А.Дергач, В.Н. Мясищев и др.), ставших теоретико-методологической основой изучения потенциальных возможностей личности. Многие представители российской психологии в своих теориях касались сущности феномена самоактуализации, преломляя его через категории «деятельность», «система отношений», «индивидуальность», «субъект», «жизненный путь» и др.

По мнению С.Л. Рубинштейна, понятие «самоактуализация» определяется через категорию «направленность», рассматриваемую как характеристика личности, в которой соединены и динамическое и содержательное, и отражательный аспект и отношенческий (эмоциональный). [3]. Б.С. Братусь рассматривает в личности тенденцию к самоактуализации как «созидательную творческую активность психики человека, её преобразующее влияние, как на социальные общественные процессы, так и на собственное развитие [2]. Согласно А.Г. Асмолову быть личностью – это значит осуществлять выборы, возникшие в силу внутренней необходимости, уметь оценивать последствия принятого решения и держать ответ перед собой и миром [2].

Таким образом, самоактуализацию можно определить как процесс саморазвития личности, ее личностного роста «изнутри», как процесс становления человека субъектом собственной жизнедеятельности, направленный на выстраивание стратегии жизни, на выстраивание иерархии ценностей, обретения смысла жизни [2]. В акмеологии (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, М.И. Дьяченко, Н.В. Кузьмина и др.) исследуются закономерности, тенденции, условия и факторы, влияющие на самоосуществление человеком своего творческого потенциала в процессе профессиональной деятельности. Под самоактуализацией в акмеологии понимается процесс перехода потенциальных характеристик человека как специалиста в актуальные как в самом процессе профессиональной деятельности, так и в период подготовки к ней, в процессе обучения, в том числе и школьного [2].

В философско-методологическом и культурологическом аспектах теория самоактуализации развивается в теориях личности Л.И. Антроповой, И.А.Витина, Н.Л. Кулик, К.Ч. Мухамеджанова. Самоактуализация личности рассматривается ими как источник, побуждающий к поиску смысла жизни и как фактор духовного роста.

Выводы.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение самоактуализации, условий саморазвития человека, реализации заложенного в нем потенциала, условий развития личности как целостного саморазвивающегося субъекта занимает ведущее место как в зарубежной гуманистической психологии, так и в российской психологии развития, психологии личности. Взгляды на природу самоактуализации и особенности её проявления в жизни и деятельности во многом совпадают у представителей различных психологических направлений. Опыт гуманистической психологии обнаруживает наличие общего понимания того, что потенциал развития, заложенный в человеке, воплощается на практике посредством собственной активности субъекта и обеспечивает формирование социально приемлемых и личностно значимых жизненных целей и движение к ним. Поэтому саморазвитие и самоактуализацию можно определить как деятельность человека по практической реализации смысла жизни в различных социальных ситуациях с учетом индивидуальных психологических особенностей и межличностных отношений. В российской науке общая концепция исследования самоактуализации личности связана со структурно-генетическим подходом к исследованию личности и идеей личностного саморазвития.

Проведенный анализ работ по проблеме самоактуализации позволяет говорить о том, что самоактуализация – это основополагающее свойство психологически здоровой, зрелой личности, стремящейся к полноценной реализации собственного потенциала, к саморазвитию, сохранению и максимальному проявлению своих лучших черт. Это процесс, предполагающий определенный выбор. Если личностный выбор делается каждый раз в пользу личностного развития, то это и является движением к самоактуализации и психологическому здоровью.

Список литературы

1. Ассаджолли Р. Психосинтез: Теория и практика. – М.: REFL-book, 1994. – С.29-30.
2. Гуманистическая и трансперсональная психология: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 592 с.
3. Краткий психологический словарь [Текст] / Ред.-сост. Л.А.Карпенко: Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – Ростов на Дону: Феникс, 1998. - 431 с.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд. [Текст] / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2010. - 352 с.
5. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К. Роджерс – М.: Прогресс, 1998. - 480 с.
6. Х Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности [Текст]. – СПб.: Питер, 2003. - 608 с.

УДК 159.9.07

**ОЦЕНКА ТРАВМИРУЮЩЕГО ОПЫТА И ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАРТИНЫ МИРА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ВОЕННОЙ ОБСТАНОВКИ**

*Набатова Софья Вадимовна,
ассистент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет,
(ДНР, г. Донецк), (sofya.nabatova@yandex.ru)*

В статье рассмотрены такие аспекты картины мира личности в условиях военной обстановки как представление и отношение к себе, к своему опыту, к собственным мечтам и желаниям. Была проанализирована информация о страхах и опасениях военнослужащих и гражданских мужчин, о моментах в жизни, о которых они жалеют, и оценке этих событий.

Ключевые слова: картина мира, страхи, желания, чувство вины.

**ASSESSMENT OF THE INJURY EXPERIENCE AND IMAGE OF THE DESIRABLE
FUTURE AS A COMPONENT OF PERSONALITY WORLD IMAGE IN A MILITARY
SITUATION**

*Nabatova Sofya Vadimovna,
assistant, department of psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(sofya.nabatova@yandex.ru)*

The article examines such aspects of the picture of the world of a person in a military environment as a representation and attitude to oneself, to one's experience, to one's own dreams and desires. Information was analyzed about the fears and fears of servicemen and civilian men, about the moments in life that they regret, and the assessment of these events.

Keywords: world image, fears, wishes, guilt.

Картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой» [1]. Отношение человека к собственному опыту, его представления о желаемом будущем, об опасностях и угрозах являются одной из составляющих картины мира личности, наряду с такими категориями как знания и отношение к людям, к деятельности и к окружающей действительности в целом [2; 3; 5].

Жители Донбасса уже несколько лет находятся в экстремальных, опасных для жизни условиях, что оказывает сильное влияние на их представления об окружающем мире, а соответственно – на их отношение к собственному опыту и на представление о желаемом будущем. Данные представления, в свою очередь, влияют на формирование у человека определённых страхов и желаний, что сказывается на адекватности его реагирования на происходящее [4].

Актуальность исследования. Изучением организации опыта взаимодействия человека с окружающим миром занимались такие учёные, как Б. Г. Ананьев, Е. Ю. Артемьева, Дж. Брунер, Дж. Келли, А. Н. Леонтьев, Ч. Осгуд, В. Ф. Петренко и др. Однако до сих пор не было проведено исследования особенностей картины мира личности, находящейся в экстремальных условиях.

Поэтому **целью исследования** является изучение особенностей представлений и отношения к собственному опыту и желаемому будущему личности в условиях военной обстановки.

Методы исследования: теоретический анализ проблемы в научной и методической литературе; психодиагностический метод – «Незаконченные предложения» (Дж. Сакс, С. Леви); контент-анализ.

Результаты. В исследовании участвовали 62 мужчины, проживающие в Донецкой народной республике, среди которых – 31 военнослужащий гаубичного артиллерийского дивизиона и противотанкового дивизиона ДНР и 31 человек, профессиональная деятельность которых не связана с воинским делом. С помощью методики «Незаконченные предложения» Дж. Сакса и С. Леви была получена информация о желаниях и мечтах военнослужащих и гражданских мужчин, об их страхах и опасениях, о моментах в жизни, о которых они жалеют, и оценке этих событий. Проведение контент-анализа позволило выделить основные категории ответов испытуемых по шкале «Страхи и опасения». Так, большинство военнослужащих признаются, что боятся определённых животных (15% ответов), темноты (15%), собственных ошибок и неудач (13%), высоты и глубины (13%). Боязнь собак, змей, пауков и т.д. является распространённым страхом среди людей, вне зависимости от рода их деятельности, и связана с инстинктом самосохранения. Страх темноты может быть связан с повышением уровня тревожности при встрече с чем-либо неизвестным (а в темноте обстановка остаётся неразведанной для человека), где не реализуется ориентирующая функция психики. В категорию «социальных страхов» вошли следующие страхи испытуемых: «говорить правду о людях», «глупых вопросов», «предательства» и т.п., что свидетельствует о значимости для военнослужащих общественного мнения. Необходимость адаптироваться к мирным условиям в будущем может спровоцировать актуализацию социальных страхов у военнослужащих.

Также было установлено, что часть военнослужащих испытывают беспокойство по поводу риска потери страха – исчезновения способности испытывать страх (9% ответов). Возможно, это связано с боевой деятельностью военнослужащих, в процессе выполнения которой они постоянно рискуют, что, в свою очередь, сопровождается снижением чувства страха и самосохранения. Страх выполняет защитную и сигнальную функцию – он способствует распознаванию человеком опасности и подготовке его организма к реакции на опасную ситуацию. Потеря данной способности может привести к потере здоровья или даже жизни в экстремальной ситуации.

Среди наиболее распространённых страхов гражданского населения являются боязнь высоты и глубины (17% ответов), различные социальные страхи (например, «выступить перед людьми», «женщин», «детей», «оказаться одному в незнакомом городе» и т.д.) (17%), боязнь определённых животных (15%), страх совершения ошибок и неудач (15%), смерти и потери близких людей (13%), одиночества (11%), а также темноты, слабости и неопределённости.

Что касается реакции военнослужащих на опасные ситуации, то у большинства респондентов возникают сомнения в своей правоте, в правильности действий (40% ответов) или повышается степень осторожности в ситуации, вызывающей опасения (30%). Это означает, что военнослужащие склонны оценивать возникшую ситуацию, прежде чем реагировать на неё.

Для некоторых военнослужащих характерна смена собственных решений при возникновении стрессовой ситуации (10% ответов). Часть испытуемых при этом переживают разочарованность в людях, связанных с ситуацией (10%). Среди обследуемых военнослужащих есть также те, кто наоборот, столкнувшись с трудной и неопределённой ситуацией, убеждается в собственной правоте (10%).

Анализ ответов испытуемых по шкале «Чувство вины», а именно по вопросу, касающемуся субъективно наиболее тяжёлых ситуаций в прошлом, показал, что большинство военнослужащих сделали бы всё, чтобы забыть потерю близких людей (18% ответов), отдельные жизненные ситуации (18%) и связанные с ними эмоции (18%), а

также войну (14%). Это свидетельствует о том, что практически в жизни каждого военного есть моменты, влияющие на его психическое благополучие. Наиболее травмирующими воспоминаниями для испытуемых являются военные события.

Некоторая часть военнослужащих предпочла бы забыть всю свою жизнь (9% ответов), что свидетельствует о неудовлетворительном психоэмоциональном состоянии, о неприятии себя и собственного опыта. При этом подобная доля испытуемых (9%) опровергает наличие у них травматичного опыта и не считает нужным что-либо забывать. Некоторые военнослужащие предпочли бы забыть о наличии у них долгов, которые вызывают негативные эмоции (5%).

Большинство военнослужащих испытывают чувство вины за то, что однажды они обманули, солгали кому-либо близкому (27% ответов), начинали курить табак или пить алкогольные напитки (16%), а также за ошибки в сфере общения с людьми (16%) и отсутствие усердия и мотивации в учебной деятельности (16%). Испытуемые сожалеют, что в прошлом не уделяли должного внимания учёбе, не пытались поступить в высшее учебное учреждение и т.д. Они также считают ошибочным «общаться с неблагополучной компанией», «жениться», «потерять контакт со многими знакомыми» и т.д. Среди крупнейших ошибок военнослужащих встречались также ответы, касающиеся участия в боевых действиях (например, «моей самой большой ошибкой было пойти в армию», «самое худшее, что мне случилось совершить, это убивать людей на этой войне»). Это свидетельствует о некотором переутомлении военнослужащих, служащих более 1 года и активно участвующих в военных операциях. В наших более ранних исследованиях в 2015-2016 гг. военнослужащие демонстрировали высокий уровень мотивации к ведению боевых действий, в основе которой были альтруистические стремления, желание защищать Родину и помогать соотечественникам. Длительность военного конфликта повлияла на отношение некоторых военнослужащих к выполняемой деятельности – они стали ощущать усталость от происходящего. На вопрос, касающийся тяжёлых жизненных ситуаций в прошлом, гражданские мужчины отвечали приблизительно так же, как и военнослужащие, но при этом многие указывали на важность любого жизненного опыта, даже самого тяжёлого. Желания и мечты большинства военнослужащих связаны с установлением мира (26% ответов), с досугом или хобби (15%), материальным благополучием (13%) и профессиональным самоопределением (9%). Так, большинство военных желают наступления мира на Донбассе, что свидетельствует о существовании глубоких переживаний у военнослужащих в связи с военными действиями. Многие испытуемые хотели бы больше путешествовать в своей жизни, посмотреть мир, что говорит о некоторой усталости и стремлении к изменениям в жизни.

О важности наступления мира и прекращения военных действий также свидетельствует тот факт, что это является главным условием достижения счастья для военнослужащих (рис. 3.19). Так необходимым условием для того, чтобы большинство испытуемых почувствовали себя счастливыми, является прекращение войны и наступление мира на Донбассе (53% ответов). Также важным для достижения счастья военнослужащие называли наличие семьи (16%), улучшение условий жизни (в том числе переезд в крупный населённый пункт) (11%), самореализацию, удачу и здоровье (по 5%). Некоторые испытуемые ответили, что они уже счастливы, и ничего дополнительного не требуется (5%). Гражданские мужчины испытывали трудности в формулировке своих желаний – в значительной части заполненных испытуемыми бланков отсутствовал определённый ответ (17% ответов). Среди желаний и предметов мечтаний гражданское население называет сверхъестественные способности (например, «летать», «читать мысли людей» и т.д.) (13% ответов), материальное благополучие (13%), спокойствие, пассивное состояние (13%), досуг или хобби (10%), самореализацию (10%), общественное признание (8%), самосовершенствование (6%) и создание семьи (4%). В качестве условий достижения счастья испытуемые называют наличие семьи (57% ответов) и материальное

благополучие (29%), остальные ответы содержали информацию о том, что счастье уже достигнуто испытуемыми (14%).

Таким образом, знания и отношение военнослужащих и гражданских мужчин к собственному жизненному опыту, их образы желаемого будущего, а также страхи и опасения имеют множество сходств. Однако главной отличительной чертой в данных представлениях у военнослужащих является более чёткая формулировка собственных желаний и страхов, которые связаны, в большей степени, с военной тематикой. Формулировки гражданских мужчин являются более разнообразными, но и менее чёткими и определёнными.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Под общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
2. Леонтьев А. Н. Образ мира: в 2 т. // Избранные психологические произведения. М.: Изд-во «Педагогика», 1983. С. 251-261.
3. Набатова С.В. Особенности картины мира личности в условиях проведения боевых действий // «Актуальные проблемы психологической теории и практики. Прикладной вектор современной психологии» [Текст]: Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Донецк, 06.04.2018). Под общ. ред. Кафедры психологии ДонНУ. – Донецк, 2018 – С. 130-133.
4. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.
5. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1981. № 2. С. 15-29.

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАТЯЖНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСТРЕССА У ПЕДАГОГОВ

Нагиева Вафа Гейсер Кызы,

кандидат психологических наук,

доцент кафедры гендера и прикладной психологии,

Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку),

(ana.creator@mail.ru)

На примере педагогического труда рассмотрены последствия длительного нахождения педагога в ситуации профессионального дистресса. Проанализированы психологические механизмы, динамика и содержательно-симптоматические проявления личностных деформаций.

Ключевые слова: дистресс, динамический стереотип, копинг, личность, манипуляции, образ-Я, профессиональное «выгорание», психо-физическая доминанта, Я-концепция

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PROLONGED PROFESSIONAL DISTRESS AMONG TEACHERS

Nagiyev Wafa Geiser Kyzy,

cand. the course of studies. Sciences,

associate Professor Department of gender and applied psychology,

Baku state University (Azerbaijan, Baku), (ana.creator@mail.ru)

On the example of pedagogical work the consequences of long stay of the teacher in the situation of professional distress are considered. Psychological mechanisms, dynamics and content-symptomatic manifestations of personality deformations are analyzed.

Key words: distress, dynamic stereotype, coping, personality, manipulation, image-I, professional "burnout", psycho-physical dominant, I-concept

Постановка проблемы и ее значимость. Чем дольше специалист остается «неоткорректированным», тем тяжелее для личности последствия пребывания в ситуации профессионального дистресса [1-4;5;11].

Отметим, что под длительными профессиональным «выгоранием» условимся понимать ситуацию пребывания педагога в условиях затяжного кризиса как профессионального дистресса свыше одного года. Рассуждая с позиций метасистемного подхода можно утверждать, что модель образа жизни такого педагога всегда детерминирована характером профессиональной деятельности и в своем содержательно-динамическом своеобразии во многом определяется уровнем субъективного благополучия специалиста как субъекта профессиональной деятельности [2;6;7]. Длительное пребывание специалиста в условиях профессионального кризиса способно спровоцировать сложности в организации социальных взаимодействий в сферах, не связанных с работой [3;6]. Неспособность педагога конструктивно модернизировать линию своего поведения в ситуации затяжного дистресса приводит к формированию массивных изменений ценностно-смысловой и мотивационной сферы, что приобретает форму стойких и достаточно сложно поддающихся психологической коррекции ментальных «сдвигов».

Поэтому, необходимость понять внутренние психологические механизмы системных личностных негативных изменений в случае длительного пребывания специалиста в ситуации профессионального «выгорания» рассматривается как важная прикладная познавательная задача, что придает материалам исследования *актуальность*.

Практическая значимость проведенного исследования обусловлена необходимостью формировать эффективные превентивные психологические программы и правильно расставлять коррекционные акценты в случае оказания психологической помощи тем педагогам, которые длительно пребывают в ситуации профессионального дистресса.

Цель статьи – на основе психологического анализа личностных изменений педагога в ситуации профессионального кризиса проследить динамику психологических изменений его личности в зависимости от длительности пребывания в ситуации профессионального «выгорания».

Задачи, поставленные к разрешению в статье:

- проанализировать характер и последствия негативных личностных изменений, наступающих в случае длительного пребывания «выгоревшего» педагога у ситуации профессионального кризиса;
- наметить перспективы диагностики и коррекции личностных изменений, опосредованных длительным пребыванием педагога в ситуации затяжного профессионального дистресса.

Методология и анализ результатов теоретического исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили разработки системно-деятельностного подхода, концептуальные положения личностно ориентированного, антропологического, ресурсного, профессионально-личностного, метасистемно-динамического подходов к описанию и пониманию функциональных характеристик педагогического труда [2-5;7;8;11].

Безотносительно к сфере профессиональной деятельности большинство авторов склоняется к мысли, что в основе затяжных профессиональных кризисов находятся неэффективные модели копинга «выгоревшего» специалиста [5;9-11]. Под неэффективной

копинг-моделью поведения понимается использование таких форм взаимодействия с окружающими как: дистанцирование, избегание, поиск социальной поддержки, конфронтация, что минимизирует самоконтроль, препятствует планомерному решению проблемы, лишает человека возможности положительно относиться к себе и принимать ответственность за происходящее.

Опыт коррекционной практики профессионально-личностных деструкций показывает [3;8;11], что длительно «выгорающий» специалист будет вынужден психологически «защищаться», используя оборонительную стратегию поведения в форме манипуляции. Манипулятивные стратегии совладания со стрессом всегда по своей сути имитационные, так как только создают видимость (то есть, имитируют) успех, не корректируя главную причину «выгорания»: нарушение ценностно-смысловой регуляции распределения активности между жизненными сферами «Я-профессиональное» и «Я-личное». Поэтому, длительно неоткорректированный дистресс всегда меняет межличностные и профессиональные отношения педагога, придавая им черты социальной дезадаптации, изоляции и, наконец, устойчивой маргинализации.

Так, данные многолетней коррекционно-диагностической работы с профессионально «выгоревшими» педагогами (общая численность респондентов составила порядка 250 педагогов, обратившихся за психологической помощью и самостоятельно диагностировав свое состояние как длительное пребывание в ситуации профессионального кризиса на протяжении свыше 5-ти лет) свидетельствуют, что наиболее часто в ситуации затяжного стресса учителя школы используют такие защиты как вытеснение (подавление) (47,9%), изоляция (67,7%), проекция (88,6%), рационализация (56,5%), регрессия (68,1%), самоотжествление с агрессором (45,8%), сублимация (37,8%) (рис. 1). Можно обобщить, что в условиях длительного пребывания педагога в ситуации профессионального «выгорания» развивается склонность к манипулятивным моделям поведения в кризисной ситуации.

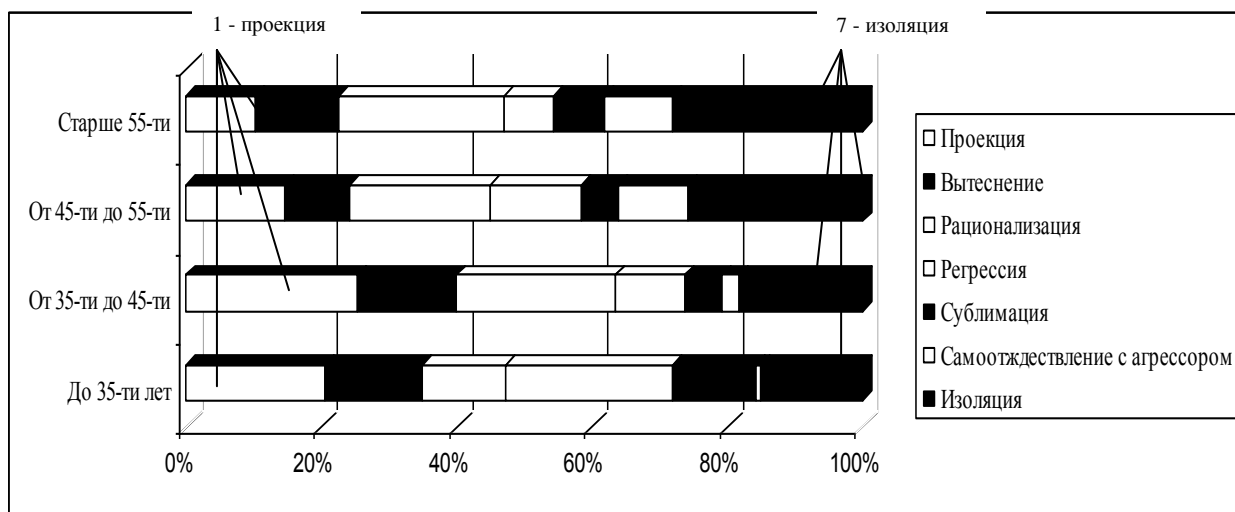

Рис. 1. Сравнительная столбчатая диаграмма удельного веса различных защитных моделей поведения педагогов, длительно пребывающих в ситуации профессионального «выгорания»

Также отметим, что с возрастом увеличивается удельный вес стратегии рационализации, что позволяет упрощать и стереотипизировать восприятие окружающей действительности. Также ярко выражена тенденция к минимизации социальных контактов, что приводит к минимизации эмоциональных затрат в ситуации затяжного кризиса. Можно утверждать, что постепенное эмоциональное истощение на фоне прогрессирующей хронической усталости может рассматриваться как сквозной

динамический признак ухудшения субъективного благополучия педагога, длительно пребывающего в ситуации профессионального кризиса.

При этом, длительно переживаемое педагогом ощущение субъективного неблагополучия в ситуации затяжного дистресса способно сформировать негативную психо-физиологическую доминанту в коре головного мозга и тем самым негативно отразиться на работе всех психодинамических систем организма, привести к стойким расстройствам эмоционально-регуляторных функций, снизить когнитивную продуктивность, спровоцировать психосоматические расстройства. В основе длительно неоткорректированного профессионального «выгорания» находится патологический динамический стереотип нервной системы (ПДС), который рассматривается как набор патогенных условно-рефлекторных реакций, обслуживающих адаптивное поведение в относительно стабильно проявляющихся неблагоприятных условиях организации профессиональной среды. В основе ПДС профессиональной деятельности находятся автоматизированные модели неконструктивных приспособительных рефлекторных актов (патологические триггеры), которые вследствие своего длительного воздействия перестают осознаваться субъектом профессиональной деятельности и воспроизводятся им как «накатанный», однако, неэффективный стереотип профессионального поведения. В ситуации затяжного профессионального дистресса проявление ПДС всегда сопряжено с актуализацией нейронных связей, обслуживающих не только оперативный, но и пережитый ранее жизненный опыт, что предполагает включение в контекст экспериментально-теоретической разработки профессионального дистресса понятие совокупного жизненного опыта личности профессионала, то есть, его апперцепций.

Постоянный производственный стресс запускает в нервных клетках патологические изменения и деформирует механизмы регуляции жизненно важных процессов в организме. Неэффективность нейронных связей стрессовой этиологии приводит к необратимым последствиям: нарушение химического баланса, падение работоспособности нервной клетки. Длительно переживаемый дистресс нарушает регуляторные связи между нервными центрами и руководимыми ими соматическими системами организма (патогенные триггер-комплексы). Состояние хронического дистресса характеризуется угнетением ферментных систем организма, что приводит к дефициту структурных белков и жиров, изменяет обменно-питательные свойства крови, нарушает микроциркуляцию кровотока в органах и системах организма. Вследствие длительности воздействия стресса развиваются стойкие нарушения функций органов центральной нервной системы и эндокринных желез. Возникает особое патогенное функциональное состояние, которое в медицине называется «феномен взаимного отягощения» [3;4;6], что представляет угрозу здоровью и жизни профессионально «выгоревшего» специалиста.

Следует также отметить, что наиболее тесные связи между интенсивностью и длительностью пребывания специалиста в ситуации профессионального «выгорания» прослеживаются тогда, когда в его поведении и личностной структуре присутствуют следующие нежелательные качества: высокий нейротизм, импульсивность поведения в сочетании с эгоизмом, черствость, малая общительность, пассивная профессиональная позиция, низкий альтруизмом.

Выводы. Длительное переживание синдрома профессионального «выгорания» характеризуется выраженным сочетанием нарушений в психической, соматической и социальной сферах жизни педагога, приводит к стойким патогенным структурным перестройкам личности профессионально «выгоревшего» специалиста, формирует маргинальную модель социализации.

Затяжное «выгорание» всегда является результатом неэффективного копинга. К наиболее уязвимым, с точки зрения длительного воздействия стресса, относятся такие личностные структурные компоненты как мотивация профессиональной деятельности,

система позитивного самоотношения, позитивный Образ Я и Я-концепция личности педагога. Длительно пребывающий в ситуации профессионального «выгорания» специалист попадает в ситуацию ценностно-смысловой аномии (ментального распада личности), манипулятивные стратегии поведения укореняются как преобладающие модели межличностного взаимодействия.

Длительно воздействующий производственный стресс порождает патологический динамический стереотип неконструктивно организованной профессиональной деятельности личности педагога. Автоматизация патологического динамического стереотипа осуществляется за счет активации специфических очагов (паталогических доминант) возбуждения в центральной нервной системе.

Список литературы

1. Анциферова Л.И. Условия деформации личности. - М.: Владос, 1998. - 296 с.
2. Анцыферова Л.И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии / Л.И.Анцыферова // Методологические и теоретические проблемы психологи. - М.: Наука, 1969. - С. 57-76.
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. –М.: ПЕРСЭ, 2003. – С.190-230.
4. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб.: Питер, 2005.
5. Грановская, Р. М. Психологическая защита / Р. М. Грановская. –СПб.: Речь, 2007. — 476 с.
6. Дружилов С.А. Профессиональные деформации как индикаторы дезадаптации и душевного неблагополучия человека // Сибирский педагогический журнал. - 2010. - № 6. – С.171-178.
7. Карпов А.В. Предпосылки и перспективы метасистемного подхода в психологических исследованиях // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». –2007. – 528 с.
8. Орел В.Е.. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. –2001. –№ 1. –С. 90-101.
9. Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. – 656 с., С.594-610, С.395-444.
10. Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий: коллективная монография / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла и др.; Курский гос. ун-т. - Курск: КГУ, 2008. - 336 с.
11. Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций / Э. Э. Сыманюк, Э. Ф. Зеер. –М.: Академический проект; Деловая книга, 2005. –240 с.

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Некрасова Илона Николаевна,

канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,

Донецкий национальный университет (ДНУ, г.Донецк),

(inn1769@mail.ru)

В статье проанализированы психологические регуляторы субъективного выбора конгруэнтных коммуникативных стратегий в условиях мультикультуральности. Адаптация личности в мультикультурных социальных системах рассмотрена в контексте апперцептирующей функции психики

Ключевые слова: аккультурация, глобализация, инкультурация, межличностные взаимодействия, мультикультуральность, Образ-Я, полиэтничность, реинкультурация, социализация, смысл, толерантность, Я концепция.

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF INTERPERSONAL INTERACTIONS IN MULTICULTURAL SOCIAL SYSTEMS

*Nekrasova Iлона Nikolaevna,
Ph.D. psychol. Sciences, Associate Professor
Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (inn1769@mail.ru)*

The article analyzes the psychological regulators of the subjective choice of congruent communication strategies in a multicultural environment. Personality adaptation in multicultural social systems is considered in the context of the apperceptive function of the psyche.

Key words: acculturation, globalization, inculturation, interpersonal interactions, multiculturalism, Image-I, polyethnicity, re-culture, socialization, meaning, tolerance, Self-concept.

Постановка проблемы и ее значимость. Интенсивные миграционные процессы – закономерное следствие глобализации современных социальных систем, в результате чего человек подвергается вынужденным социокультурным изменениям. На уровне индивидуального сознания это проявляется в форме ресоциализации и реинкультурации личности и часто приводит к трансформации социокультурной и этнической идентичностей субъекта [2;4]. На уровне же массового сознания погружение индивидов в поле мультикультурных взаимодействий завершается изменением исторически сложившегося социального и этнокультурного облика населения, а также способствует появлению этнических «плавильных котлов», которые всегда возникают в зоне этнокультурных «разломов» на меже стыкования различных этносов и культур [2;5;6].

Однако, глобализация это не только взаимное обогащение культур. Между различными этническими и социальными группами часто обнаруживаются культурные различия и религиозные противоречия, которые в условиях мультикультуральности общества рассматриваются современными культурантропологами как мощные психологические предпосылки межличностной нонтолерантности и экстремизма [2;8]. Нестабильность социальных систем всегда приводит к их ценностно-смысловой аномии, по причине чего обеспечение безопасности жизнедеятельности субъектов мультикультуральных пространств рассматривается психологами как важная исследовательская проблема. Поэтому, *актуальность* статьи обусловлена необходимостью понять и использовать в целях оптимизации глобализационных процессов глубинные психологические регуляторы субъективного выбора конгруэнтных коммуникативных стратегий в условиях мультикультурных социальных систем.

В этой связи, важной исследовательской задачей становится создание эффективных психологических технологий адаптации людей к мультикультуральным социальным пространствам, что можно рассматривать как важную психотехнологическую проблему, определяющую *прикладную значимость* данной статьи.

Цель статьи: выделить на основе теоретического анализа структурно-функциональных характеристик апперцептирующих функций психики психологические регуляторы, опосредующие субъективный выбор конгруэнтных коммуникативных стратегий межличностного взаимодействия в условиях мультикультуральности.

Задачи, сформулированные для решения в данной статье:

– провести структурно-функциональный анализ апперцептивного опыта личности как системного основания для успешной адаптации в поле мультикультурных взаимодействий;

– выделить ценностно-смысловые характеристики, опосредующие субъективный выбор конгруэнтных коммуникативных стратегий.

Методология и анализ результатов теоретического исследования. Отметим, что в дальнейшем под мультикультурализмом условимся понимать конструктивную стратегию межкультурных взаимодействий, основанную на уважении и сохранении культурной специфики каждой этнической группы с последующей ее направленностью на интеграцию и саморазвитие во всех жизненно важных сферах: [1;3;4].

Поиск оптимальных психотехнологий социокультурной адаптации личности к условиям мультикультуральности не может быть успешным без понимания смысловых регуляторов субъективного выбора конгруэнтных стратегий межличностных взаимодействий. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию глубинных ментальных структур сознания личности, которые можно рассматривать как некоторый ценностно-смысловой контент для проявления апперцептирующей функции психики как механизма регуляции продуктивного поведения при погружении в поле «иных» личностных смыслов.

Важным условием осуществления продуктивных межкультурных коммуникаций, регламентирующих сотрудничество и компромисс как стратегии разрешения возможных противоречий, является создание диалога различных культур посредством соотнесения одних и тех же культурных феноменов (обычаев, традиций, обрядов и т.п.) в контексте их исторического, ментального и социально-бытового значения (emic/etic-подходы) [6;8].

Поэтому, коммуникативная конгруэнтность межличностных взаимодействий формируется из таких трансакции субъектов социального поля, которые не порождают культурных противоречий и характеризуются относительным тождеством содержательно-смысловых и эмоционально-динамических характеристик ментальных моделей жизнедеятельности людей как представителей различных групп (социальных, культурных, этнических и пр.). При этом, стратегии достижения стабильности в мультикультурных социальных системах основываются не столько на изменениях, происходящих в массовом сознании людей, сколько определяются изменениями, происходящими на уровне индивидуального сознания [7;9], что соотносится с проявлением толерантности как совокупности определенных базовых (ментальных) ценностей, смыслов и представлений людей относительно самих себя и других. Данные регуляторы формируются в глубинных структурах индивидуального сознания, закладываются на ранних этапах социализации и под давлением субъективного жизненного опыта трансформируются в конструктивные фундаментальные жизненные убеждения и принципы относительно себя и «значимого» другого, что и составляет базовый содержательно-смысловой контент для проявлений апперцептирующей функции психики.

Таким образом, предложенное А.Адлером и редко употребляемое в современной психологии понятие «схема апперцепции» целесообразно использовать не только для целей осмысления событий жизненного пути личности, но и в соотношении с понятием апперцептирующей функции смыслов как регуляторов коммуникативной конгруэнтности личности в условиях мультикультуральности.

Так, апперцептивный опыт, во-первых, выполняет функцию проверки степени конструктивности сложившегося жизненного опыта применительно к условиям разрешения текущей проблемной жизненной ситуации в условиях мультикультуральности. Во-вторых, на основе функции опережающего перцептивного отражения апперцептивный опыт репрезентирует субъективную оценку эффективности отбираемых ценностно-смысловых структур, оформляющих модель конгруэнтного межкультурного взаимодействия личности и, в-третьих, на основе апперцептивного опыта формируется субъективно-дискурсивная матрица жизни личности в условиях мультикультурных вызовов.

Таким образом, субъективную картину мира и образованную на ее основе субъективную модель конгруэнтных межличностных взаимодействий в условиях

мультикультурных социальных систем корректно понимать как производные от апперцептирующей функции смыслов, которые формируются на основе субъективно значимого жизненного опыта. Поскольку ментальные структуры сознания составляют глубинный ценностно-смысловой пласт апперцептивного опыта личности, который закладывается в детском возрасте в качестве базовых жизненных смыслов и представлений, можно утверждать, что в основе субъективного выбора конгруэнтных коммуникативных стратегий межличностного взаимодействия в условиях мультикультуральности также будут находиться ментальные детерминанты.

К таким ментальным регуляторам можно отнести структурные характеристики субъективной модели образа жизни личности в поле мультикультуральных взаимодействий. Это набор определенных содержательно-смысловых и эмоционально-динамических особенностей отношения личности к жизни: смыслов, ценностей и представлений, регулирующих систему субъективных отношений к себе и другим, к личностной позиции «значимого другого», а также это субъективная оценка собственных возможностей влиять на жизнь в поликультурном сообществе исходя из культурно инвариантных ценностей жизни.

Поэтому, главными функциональными механизмами, обеспечивающими формирование культурной толерантности как личностной характеристики, можно считать следующие условия: социализация в открытых для этнического и культурного симбиоза сообществах, воспитание в духе межнационального единства и уважения, приобщение к культурному богатству и разнообразию культур посредством овладения мировым культурным наследием, а также посредством демонстрации культурно толерантных моделей родительского поведения. Особую роль здесь играет использование определенных коммуникативных технологий как инструмента формирования детского сознания. Отличительными признаками таких технологий являются толерантные коммуникативные установки родителей и значимых взрослых, которые безотносительно к типу культуры и характеру межкультурного взаимодействия должны базироваться на фундаментальных общечеловеческих принципах-ценностях.

Однако, выбор конгруэнтной модели межличностных взаимодействий в мультикультурном сообществе это не только вопросы воспитания и формирования коммуникативной культуры личности. Всегда необходимо учитывать возможные нивелирующие негативные влияния, угнетающие политические и экономические условия развития общности как протофакторы, оказывающие влияние на ментальные структуры сознания личности не только в детском, но и во взрослом возрасте. Так, представляется, что чем ниже уровень экономического развития мультикультурной общности, тем беднее культурные возможности социализации ее субъектов и тем ниже уровень их субъективной жизненной удовлетворенности, тем более рельефно выражены черты тоталитаризма и авторитаризма в межличностных отношениях. В таких сообществах межличностные коммуникации людей в большей мере будут ориентированы на материальные ценности, а сами коммуникативные транзакции чаще будут отличаться утилитарностью, ригидностью и агрессивностью.

Напротив, чем более развита экономически мультикультурная общность, тем более продуктивными будут те модели коммуникаций, которые основываются как на традиционных витальных ценностях базового уровня (пищевые ресурсы; физическая безопасность; продолжение рода; предметные утилитарные ценности), так и учитывают человеческие потребности высшего порядка (любовь, сострадание, саморазвитие, творчество, гуманизм и пр.). Можно резюмировать, что в мультикультурных социальных системах стратегии конгруэнтного межличностного взаимодействия будут опираться на процессы реинкультурации, инкультурация и аккультурации, что и составит функциональную основу для организации и коррекции содержательно и динамически конгруэнтных макросоциальных процессов.

При этом, стабилизация эффективности культурного обмена в поле мультикультурной общности является следствием отрефлексированного выбора человеком в процессе межличностных взаимодействий какой-либо одной из перечисленных выше стратегий овладения «иным» полем культурных контекстов, что в каждом отдельном случае будет детерминировано социокультурным дискурсом личности, содержанием ментальных структур сознания и объективно заданными ситуативными условиями пребывания личности в ситуации мультикультурного обмена.

Выводы. Достижение стабильности в мультикультурных социальных системах определяется изменениями, происходящими на уровне единичного индивидуального сознания. Апперцептирующая функция психики рассматривается как психофункциональное основание для построения конгруэнтных коммуникативных моделей межличностного взаимодействия, а толерантность и рефлексия рассматриваются как ключевые характеристики личности, необходимые для успешной адаптации к условиям мультикультуральности. Субъективный выбор конгруэнтных коммуникативных стратегии в поле мультикультурных социальных систем ментально детерминирован и зависит от жизненного опыта личности.

Список литературы

1. Абсалямова А. «Мультикультурализм» к определению понятия // Alma-mater, №5, 2005. – С. 27-31.
2. Айрапетов В. С. Социальные проблемы вынужденной миграции (Состояние и пути решения проблемы. На материалы современной России) : дис. канд. филос. наук. / В. С. Айрапетов. М. :РГБ, 2005. –121 с.
3. Бакулина С. Д. Культурные основания формирования толерантного сознания в полиэтническом регионе // Омский научный вестник. № 3, 2007. – С. 75-78.
4. Глобализация и мультикультурализм / Отв. ред. Н. С. Кирабаев. М.:РУДН, 2005. —128 с.
5. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире : исследовательские подходы и интерпретации / Под ред. Г. И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003. – 187 с.
6. Надирашвили Ш.А. О формировании и смене социальных установок личности // Вопр. психологии. № 3, 1978.– С. 32-39.
7. Резник Ю. М. Стратегия жизни. М.: Наука, 2006. – 370 с.
8. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа, 2004. – 340 с.
9. Толстых В. И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975.–183 с

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ ЖЕНЩИН

Рогозина Марина Юрьевна,

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии,

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк), (miyrsan@mail.ru)

Гнутова Анастасия Олеговна,

магистр кафедры психологии,

Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк), (nastyu-gnutova@mail.ru)

В статье рассмотрены теоретические подходы к изучению гендерных особенностей религиозного сознания. Приведены результаты эмпирического исследования, свидетельствующие о том, что у женщин религиозное сознание представлено на обыденном уровне, внешне ориентировано. Полученные результаты могут найти применение при решении практических задач, направленных на профилактику конфликтов, возникающих на религиозной почве.

Ключевые слова: религиозность, религиозное сознание, гендерные особенности религиозного сознания.

FEATURES OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF WOMEN

Rogozina Marina Yurievna,

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (muysan@mail.ru,)*

Gnutova Anastasia Olegovna,

*Master of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(nastyagnutova@mail.ru)*

In article theoretical approaches to studying of gender features of religious consciousness are considered. The results of an empirical research demonstrating that at women religious consciousness is presented at the ordinary level, is externally focused are given. The received results can find application at the solution of the practical tasks directed to prevention of the conflicts arising on religious grounds.

Key words: religiosity, religious consciousness, gender features of religious consciousness.

В современном мире все больше возрастает ситуация напряженности и неопределенности, которая предполагает увеличение для человека количества угроз и опасностей как природного, так и социального происхождения. Поддержку и защиту от таких угроз человек часто находит в религии. Религия выполняет в обществе две противоположные функции: с одной стороны, дифференцирует общество на две противоположные группы: верующих и неверующих, а с другой – осуществляет интеграцию и объединение людей. Религиозное сознание человека является одним из факторов, укрепляющих общество в периоды стабильности и подверженное изменениям в эпоху значительных социальных изменений, оно способно оказывать влияние на общество, путем формирования духовных ценностей, мировоззрения, сохранения традиций.

В психологической, социальной и философской литературе достаточно часто понятия «религиозность», «религиозное мировоззрение» и «религиозное сознание» используются как синонимичные. Сучкова О.В. рассматривает религиозность как социально-психологическое свойство личности, субъективное отражение, степень усвоения элементов религии, проявляющиеся в сознании и поведении. Данное свойство предлагается рассматривать через совокупность структурных компонентов: когнитивного (знания, верования, убеждения); эмоционального (чувства и эмоции, связанные с верой); идентификационного (осознание человеком своей принадлежности к определенной конфессии и вере), нормативно-ценностного и поведенческого (культовое и внекультовое поведение: обряды, ритуалы) (О.В. Сучкова, Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова) [8].

Иванченко А.С. утверждает, что понятие «религиозное мировоззрение» употребляется только при общем описании совокупности идей и представлений в той или иной религиозной доктрине, а на индивидуальном уровне религиозное мировоззрение и религиозное сознание функционально тождественны, поскольку являются определенным способом восприятия человеком объективной реальности [4].

Яковенко И.А. рассматривает религиозное сознание как причастность к определенным религиозным идеям и ценностям, принадлежность человека к конкретной религии и религиозной группе. При рассмотрении данного феномена автор подчеркивает, что данный тип сознания является единством чувственных и мыслительных образов, характеризуется единством адекватного и неадекватного отражения реальности [9].

Современные исследователи представляют структуру религиозного сознания как систему таких взаимосвязанных компонентов как религиозный способ мышления, религиозное мировоззрение, религиозный язык, религиозная вера и религиозный опыт. Первые три компонента обязательно присутствуют в религиозном сознании, а религиозная вера и религиозный опыт либо заменяют друг друга, либо присутствуют одновременно.

Религиозное сознание традиционно рассматривается на двух уровнях: обыденном и концептуальном. Обыденное религиозное сознание включает в себя образы, представления, стереотипы, установки, иллюзии, настроения, чувства и влечения, привычки и традиции, направленность воли. Этот уровень сознания непосредственно отражает условия существования людей. Компоненты обыденного сознания могут быть как достаточно устойчивыми (обычаи, традиции, стереотипы), так и достаточно динамичными (настроения, эмоции). Несмотря на наличие рациональных, эмоциональных и волевых элементов, ведущая роль на этом уровне принадлежит эмоциям и чувствам.

Концептуальный уровень религиозного сознания включает в себя специально разрабатываемую, систематизируемую совокупность понятий, идей, принципов, рассуждений, аргументаций и концепций [2, 7, 9].

Рассматривая гендерные особенности религиозного сознания, Т.И. Варзанова указывает, что женщинам принадлежит особая роль в передаче религиозного опыта, даже не всегда осознавая того, они являются активными проводниками религиозных знаний и чувств, способствуя сохранению и передаче религиозных традиций на уровне межличностных отношений и в семье, способствуя сохранению и передаче [2].

Интересными являются выводы теоретического анализа, проведенного С.В. Рязановой и А.В. Михалевой относительно религиозного сознания советских женщин. Были выделены следующие гендерные особенности религиозности: женщины гораздо чаще, чем мужчины, посещают церкви, состоят в сектантских общинах и подвержены суевериям – вере в знахарство, гадание, ворожбу, приметы, судьбу, пророческие сны, дурной сглаз; многих верующих женщин церковь привлекает эстетической стороной обрядов. По мнению авторов, повышенная женская религиозность обусловлена преобладанием в сознании женщин таких качеств, как интуиция, образность, эмоциональность, что делает их более восприимчивыми к религии. Мужчинам же в большей степени свойственны рассудочная логика, здравый смысл, которые вызывают критичности в восприятии религиозной информации, символов, образов, определенных догм [3].

Религиозное сознание формируется у человека в разном возрасте, в разных обстоятельствах и социальных условиях. Особенности религиозности женщин, отмеченные в вышеприведенных исследованиях, формировались в условиях определенной антирелигиозной идеологии. Потому, интересным является изучение гендерных особенностей религиозного сознания на современном этапе развития общества, в условиях социальной неопределенности, существующей на юго-востоке Украины. Целью исследования является изучения особенностей религиозного сознания женщин.

Выборку исследование составили 80 человек (40 женщин и 40 мужчин) в возрасте от 17 до 60 лет. Все исповедовали Православие и относили себя к Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Для изучения всех компонентов структуры религиозного сознания были использованы следующие методики: «Тест для определения структуры индивидуальной религиозности Ю.В. Щербатых» [1], «Индекс выраженности базовых духовных переживаний» [7]; «Шкала религиозной ориентации» (Г. Олпорт, Д. Росс) [10]; «Анкета религиозных ориентаций» (И.М. Богдановская) [1], модифицированная методика изучения ценностных ориентаций личности «ЦОЛ-8» Г.Е. Леевика [8].

Анализ полученных результатов позволил выявить значимые различия в особенностях религиозного сознания у мужчин и женщин.

Большинство верующих мужчин и женщин демонстрируют последовательную внутреннюю и смешанную религиозность. Для религиозных людей данного типа религия представляет самостоятельную и конечную ценность. Они мотивируют свою деятельность в разных социальных сферах религиозной верой, свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям. Однако, женщины предъявляют более высокие требования ко внешним проявлениям религиозности: для них большое значение играют внешние атрибуты религии, ношение религиозной символики, поклонение иконам, соблюдение религиозных обрядов, чтение молитв. У женщин происходит отождествление права называть себя верующей с выполнением определенного религиозного поведения, для мужчины же этого недостаточно. Мужчины не считают соблюдение обрядов достаточным основанием для признания своей веры, те у них нет прямой ассоциации «традиция-вера». Главную ценность религии и веры они видят не в преемственности традиции, как женщины, а в религиозной морали.

У женщин отмечается больший интерес к загадочным и таинственным явлениям, в восприятии которых вера играет значительно большую роль, чем знание, мужчины же рассматривают религию как философскую концепцию и образец моральных норм поведения.

В целом и для мужской, и для женской выборки характерна высокая значимость религии в их ценностно-ориентационной сфере. Однако, у женщин значимо выше, чем у мужчин, индекс выраженности базовых духовных переживаний, как оценки определенного события, которое привело человека к убеждению о существовании Бога, а также переживание глубокой внутренней связи с Богом (ощущение внутреннего присутствия Бога, единения с Богом) ($p \leq 0,01$). Для женщин большее значение имеет религиозная вера как психологическое явление ($p \leq 0,01$), а нравственное совершенствование (стремление к духовной чистоте, праведности) – одно из наиболее приоритетных направлений индивидуальной жизни. Мужчины оцени значимость данной ценности достоверно ниже.

Исходя из полученных результатов исследования, можно сделать вывод о том, что религиозное сознание женщин представлено на обыденном уровне. Несмотря на изменившееся (по сравнению с прошлым веком) отношение государства к религии и церкви, данные, полученные на современной женской выборке, совпадают с результатами, полученными исследователями при изучении религиозности советских женщин.

Женщины рассматривает ценность и смысл религии, прежде всего, с точки зрения ее влияния на жизнь дома, семьи, демонстрируют тесную связь традиции и веры. Для них религиозные традиции в большей степени выполняют инструментальную роль, и не являются наполненными внутренним содержанием и смыслом. О отличии от женщин, мужчины главную ценность религии и веры видят в религиозной морали, их религиозное сознание в большей степени является концептуальным. С точки зрения мужчины, религия служит, прежде всего, механизмом структурирования жизни человека, она определяет нормативные ориентиры. Полученные результаты отражают устойчивость существующих гендерных стереотипов в отношении места и значимости женщины в религии.

Список литературы

1. Богдановская И.М. Смысловая Организация современного реализованного опыта личности: автореф. дисс. канд. псих, наук – СПб.:Изд-во РГПУ, 2002. – 34с.
2. Варзанова Т. И. Религиозные ориентации молодых россиян (Возрастной и гендерный аспекты проблемы) / Т.И.Варзанова // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. В 2-х тт. — М., 1999. С. 274-286

3. Груздев Н.В. Религиозно-психологические ориентации современных россиян и американцев: новые данные /Груздев Н.В., Спивак Д.Л. – М:Точки/Puncta, 2004. – №3-4 – С. 274-284.
4. Іванченко, А.С.Соціокультурні та психологічніаспектирелігійноїсвідомості : автореф. дис ... канд. філос. наук: 09.00.11 / Анатолій Сергійович Іванченко . – Київ :Б.в., 2008 . – 17 с. – На укр. яз.
5. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М: ИКАР, 2014. – 188с.
6. Мягков И.Ф. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности/ Мягков И.Ф., Ю. В. Щербатых, М. С. Кравцова //Психологический журнал. – 1996 г. – №6– С.120-122.
7. Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском пространстве (региональный срез): монография/ С. В. Рязанова, А. В. Михалева; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2011. – 255 с.
8. Сучкова О.В. Психологическая функция религии — обеспечение безопасности для верующей молодежи/О.В.Сучкова//Современные проблемы науки и образования. № 3. 2008. С. 84 — 89.
9. Яковенко, И. А. Основные подходы, принципы и методы исследования религиозного сознания / А. А. Ашхамахова, И. А. Яковенко // Общество и право. № 5 (37). – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ, 2011.
10. Allport G., Ross M.J. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. P. 432 – 443.

УДК 37.0

МОТИВАЦИЯ КАК ОСНОВА КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Рожков Николай Тихонович,

*канд. пед. наук, доцент кафедры социальной психологии и акмеологии,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (г. Орёл),
(RogkovNT@yandex.ru)*

На основе теоретического анализа выявлено, что основными компонентами мотивационной структуры личности являются: эмоциональный, интеллектуальный, понятийный, словесный и поведенческий. Анализ показал, что конфликтное поведение личности обусловлено несовместимостью ценностей мотивационной структуры субъектов взаимодействия и нарушением, рассогласованностью их психической саморегуляции. В целом, мотивационная структура личности выступает общим ориентиром, как осуществлять диагностику конфликтного поведения личности, поскольку определяет живую связь между поведением личности и мотивами, побудителями такого поведения.

Ключевые слова: мотив, эмоция, интеллект, понятие, слово, барьер, поведение

MOTIVATION AS A BASIS CONFLICT BEHAVIOR OF THE PERSON

Rogkov Nikolay Tikhonovich,

*kand. ped. Sciences, associate Professor,
Department social psychology and acmeology,
Oryol state University named after I. S. Turgenev (Orel),
(RogkovNT@yandex.ru)*

On the basis of theoretical analysis revealed that the main components of the motivational structure of the individual are: emotional, intellectual, conceptual, verbal and behavioral. The analysis showed that the conflict behavior of the individual is due to the incompatibility of values of the motivational structure of the subjects of interaction and the violation, mismatch of their mental self-regulation. Overall, the motivational structure of personality common reference point as to examine the

conflict behavior of the individual, as it defines a live connection between individual behavior and motives, the driving forces of this behavior.

Key words: motive, emotion, intellect, concept, word, barrier, behavior

Как известно, в основе любого поведенческого акта личности лежит мотив. Прав был Л.Н. Толстой, сказавший однажды, что именно «из мотивов деятельности» возникает «всё различие людей» [2, с.54]. В психологической теории мотивации личности Р.Х. Шакуров рассматривает мотив как устремление человека к привлекательной ценности, ставшее внутренней побудительной причиной действия. Автор этой теории пишет, что «устремления – это различные формы направленности человеческих потребностей на привлекательные ценности: влечения, склонности, желания, стремления, страсти, мечты, идеалы. Ядром устремлений выступает ценность – предмет, удовлетворяющий потребности. В психологическом смысле ценность содержит два элемента: представления о предмете (когнитивный компонент) и отношение к нему (эмоционально-оценочный)» [4, с.16]. Данная теория доказывает, что мотивом становится лишь то устремление, которое превращается в соответствующие действия и поступки. Чтобы это произошло, необходимы условия. Первое из них – наличие барьера. Второе условие – преодолимость барьера. Если барьер кажется непреодолимым, человек не приступает к действиям. Поэтому мотив всегда выступает как ситуационное проявление желания [там же, с.16].

Согласно Р.Х. Шакурову, всё, что мешает удовлетворению желаний ребёнка, вызывает фрустрацию, огорчение, обиду, раздражение, гнев. Если же эти чувства обращены к человеку, постепенно они перерастают в устойчивую неприязнь, антипатию, вражду и даже ненависть. Автор этой теории считает, что ценностное отношение к человеку вырастает, главным образом, из эмоционального фундамента, из симпатии, привязанности, любви, уважения, доверия, восхищения, жалости, сопереживания. А эмоции имеют свою собственную логику проявления и развития. Поэтому только их знание может объяснить формирование отношения к другому человеку как к ценности [4, с.15]. Он утверждает, что в эмоциональных ощущениях и чувствах проявляются ценности эмоционального уровня. На их основе формируются ценности более высокого уровня: интеллектуальные, отраженные в образах и понятиях, образы памяти обобщаются и превращаются в слова [там же, с.13].

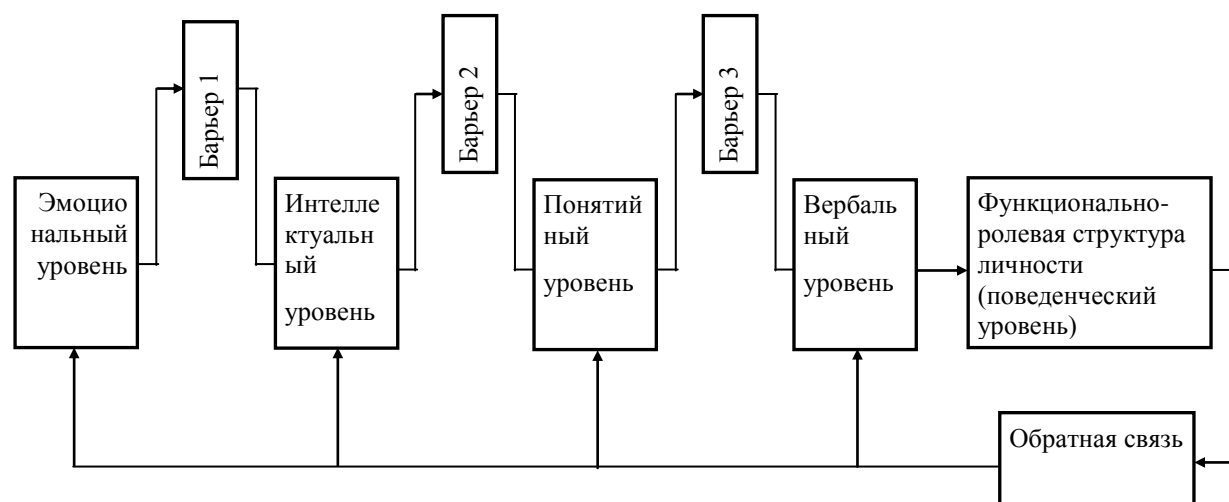

Рис. 1. Мотивационная структурная модель личности

Анализ данной теории даёт основание сделать вывод о том, что основными компонентами мотивационной структуры личности являются: эмоциональный, интеллектуальный, понятийный, вербальный и поведенческий [см. рис.1]. Эта теория позволяет целостно представить мотивационную структуру личности, системно

характеризовать эту структуру, как в норме, так и в отклонении от нормы, целостно строить воспитание, в содержании которого отражено единство психической и социальной сущности человека. Причём, в оптимальном барьеры между представленными уровнями отсутствуют или становятся легко преодолимыми, а в аномалии – в мотивационной структуре личности возникают барьеры, которые превращаются в непреодолимую преграду на пути достижения целей личности и полноценного её развития. Если эмоциональный уровень наполнен отрицательными эмоциями (волнение, горе, гнев, отвращение, презрение, страх и др.), то интеллектуальный уровень «закрывается», он «блокируется». Между этими уровнями возникает барьер, который негативным образом влияет на развитие интеллектуальных способностей личности. И, наоборот, если эмоциональный уровень наполнен положительными эмоциями (радость, удивление, восторг, восхищение и др.), то барьер между этими уровнями снимается и интеллектуальный уровень получает возможность для своего развития.

Таким образом, при оптимальном развитии психики человека, его интеллект обобщает образы памяти и формирует понятия (совокупный образ), которые закрепляются в словах. А, как известно, слово для человека является главным сигналом к действию. В случае же отклонений в развитии психики, между компонентами мотивационной структуры личности возникают барьеры, которые не дают возможности человеку стать социально-дееспособной личностью и в полной мере реализовать свои задатки и способности.

Мотивационная структура личности выступает общим ориентиром, как построить диагностику причин конфликтного поведения личности, поскольку определяет живую связь между поведением личности и мотивами (побудителями такого поведения).

Вследствие того, что ценностные ориентации личности непосредственно связаны с социальными ролями, с соответствующими ролевыми представлениями, воззрениями, убеждениями личности, с соответствующей культурой личности, то непосредственные её устремления вероятно и чаще всего будут проявляться в определённых ролевых актах деятельности и поведении.

Между тем, поведение личности зависит не только от её ценностных ориентаций и принятия ею социальных норм поведения, но и от её способности регулировать свои действия, акты поведения. Если эта основа не сформирована, то личность испытывает жизненные трудности, связанные с овладением ею системой социальных ролей и вхождением в социальную жизнь общества. Отсюда, поведенческий компонент мотивационной структуры личности представляет собой интегративную функционально-ролевою структуру. Другими словами, поведение личности одновременно и неразрывно связано и с социальными ролями личности, которые ей необходимо выполнять в жизни, и с функциями самосовершенствования, саморегуляции, с помощью которых они выполняются. Социальные роли раскрывают ценностно-ориентационный характер поведения личности, а функции – деятельностно-ориентационный. Эта неразрывность и определяет интегративный характер поведенческого компонента мотивационной структуры личности.

Следовательно, можно считать, что отклонения в поведении обусловлены, с одной стороны, рассогласованностью, нарушенностью психической саморегуляции личности, а с другой, – несовместимостью ценностей: эмоционального, интеллектуального, понятийного, вербального и поведенческого уровней в целях общающихся личностей. Это подтверждается практикой педагогической деятельности со студентами, склонными к конфликтному поведению. Такие студенты отличаются доминированием отрицательных эмоций, несдержанностью, грубостью, аффективными взрывами. Другими словами, речь идёт об эмоциональных конфликтах, которые разрушающе действуют на мотивационную структуру личности студента и являются наиболее сложными не только в изучении, но и в предупреждении и преодолении этого явления.

С другой стороны, между педагогами и студентами возникают интеллектуальные, понятийные, вербальные (словесные) конфликты. Отсюда есть все основания утверждать, что диагностика причин конфликтного поведения студентов будет успешной, если осуществлять её на основе компонентов, входящих в мотивационную структуру личности.

Ниже, мы рассмотрим причины возникновения эмоциональных, интеллектуальных, понятийных, вербальных (словесных) конфликтов.

Проведённое исследование показывает, что эмоциональный уровень студентов, склонных к конфликтному поведению наполнен отрицательными эмоциями и чувствами (тревоги, волнения, беспокойства, страха, недоступности, невозможности, недостижимости желаемого результата). Поэтому прав был Я.А. Коменский, когда утверждал, что без положительных эмоций не существует настоящего успеха в обучении. Аналогичного мнения придерживался и Ж.Ж. Руссо. Он считал, что материальной предпосылкой мышления служат чувства, которые нуждаются в постоянном совершенствовании. Одним словом, ценности эмоционального уровня и особенности их формирования – «ключ» к познанию такого педагогического явления как конфликтное поведение студентов. И этот ключ надо искать в глубинах подсознания.

Отсюда следует вывод, что причины конфликтного поведения личности обусловлены особенностями формирования ценностей эмоционального уровня. Поэтому, на наш взгляд, необходимо говорить об эмоциональных конфликтах. Эмоциональный конфликт – это противоречие, возникающее между людьми, протекающее на фоне острых эмоциональных столкновений, причиной которого является несформированность психической саморегуляции субъектов взаимодействия.

Практика педагогической деятельности свидетельствует о том, что характерной особенностью студентов, склонных к конфликтам, является низкий уровень развития у них познавательных психических процессов, среди которых мышлению принадлежит ведущая роль. У таких студентов отсутствуют потребность и интерес к учебной деятельности. Они не испытывают радости и удовольствия от интеллектуального труда. Обусловлено это тем, что эмоциональная сфера педагогически запущенных студентов наполнена отрицательными эмоциями, превратившимися в барьер для развития их интеллектуальных способностей. Важно подчеркнуть, что сущность человека определяет то, как он мыслит. Мысль сознательная или подсознательная является основополагающей причиной всех действий и поступков человека. Отсюда можно предположить, что особенности мышления личности – это и есть её главная ценность.

Стереотипы мышления, выработанные годами, иногда становятся преградой на пути к взаимопониманию и согласию между людьми. Трудно бывает понять друг друга, если, например у одного человека доминирует телесно-кинетический тип мышления, а у другого – аналитический или внутриличностный; у одного вербально-логический тип мышления, а у другого – логико-математический и т.д. Доминирующий тип мышления – это и есть предрасположенность индивида к деятельности, причём, только к определённой. Особенно наглядно это проявляется в процессе обучения и воспитания. По существу, образование – это проверочный тест на то, какой тип мышления доминирует у индивида. Более того, каждая учебная дисциплина требует от педагога владения определённым типом мышления. Поэтому процесс обучения логично представить в виде системы типичных образов мышления педагогов. Если типы мышления педагога и студента несовместимы, то между ними в процессе обучения возникают противоречия, столкновения, а, следовательно, и конфликты.

Отсюда, следует говорить об интеллектуальных конфликтах между педагогами и студентами, которые побуждают студентов к неадекватным поведенческим реакциям, с одной стороны, а с другой – создают трудности для педагогов в распознавании истинных причин таких реакций.

В итоге, ценности интеллектуального уровня, на наш взгляд, это, прежде всего, типы мышления личности. Поэтому интеллектуальный конфликт – это противоречие, возникающее между людьми, проявляющееся в столкновении разных точек зрения, взглядов и убеждений, причиной которого является несовместимость типов мышления субъектов взаимодействия.

Как известно, процесс мышления – это обобщённое и опосредованное отражение окружающей действительности. И обобщённость, и опосредованность познания достигаются благодаря языку, речи. Мышление и язык, мышление и речь – неразрывны. Эта неразрывность проявляется в том, что мысль формируется в словесной оболочке: пытаюсь что-либо сформулировать словесно, человек одновременно проясняет само содержание, додумывает то, что сначала вырисовывалось приблизительно. Неправильные, неточные, а то и ложные представления студентов, не соответствующие представлениям взрослых, провоцируют столкновения, противостояния между ними и окружающими их людьми. Представления, а, следовательно, и вытекающие из них понятия влияют на ориентировочную основу поведения и деятельности личности. Насколько правильно индивид представляет себе решение той или иной задачи, проблемы, сложившейся ситуации, настолько верно он поступает. Одним словом, «правильно представить – значит правильно поступить». Образы памяти превращаются в основу мыслительной деятельности личности, а, следовательно, – её поведенческих реакций.

Исследованием установлено, что понятийный уровень мотивационной структуры студентов, склонных к конфликтам, характеризуется несформированностью представлений, связанных с основными этическими понятиями, жизненными идеалами и целями. Вследствие этого, между студентами и педагогами возникают разногласия или барьеры общения, поскольку одно и то же понятие они трактуют по-разному. У студента ещё несформирована такая ассоциативная сеть и система понятий, которые позволили бы ему свободно общаться с педагогом на одном языке. Таким образом, речь идёт о понятийном конфликте, возникающем между педагогами и студентами. Понятийный конфликт – это противоречие, возникающее между людьми, выражающееся в несовместимости понятий, причиной которого являются неточные, ложные представления субъектов взаимодействия.

Известно, что ценности понятийного уровня индивид реализует в форме слов и предложений (суждений, умозаключений). В этой связи, заслуживают внимания работы учёных-лингвистов, которые избрали объектом своего исследования «человека говорящего» (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Ю.С. Степанов, С.А. Сухих и др.). Учёные сосредоточили основное внимание на изучении структуры личности коммуникантов, на прогнозировании и описании речевого поведения отдельных типов личности, влиянии социальных и личностных характеристик коммуникантов на их речевое поведение. Например, С.А. Сухих выстраивает типологию языкового общения, в основе которой лежит социальный мотив, представляющий, по мнению исследователя, глубинно-смысловое ядро диалогического дискурса. С учётом социальных мотивов деятельности человека автор выделяет четыре типа диалога: аффилятивный, интерпретационный, диалог-интервью и инструментальный, основу вариативности которых составляют стратегии коммуникантов, структура их личности, социальные сферы, в которых реализуется диалог [3, с.32].

Наиболее приемлемым для нашего исследования является тип диалог-интервью, главным признаком которого является наличие разрыва в информации между партнёрами. Данный тип дискурса может включать в себя комплексные образцы речевых действий (рассказ, пояснение, описание, аргументацию) или элементарные (опрос, ответ). Этот тип диалога свойственен педагогической деятельности. Как показывает практика, у педагогически запущенных студентов возникают трудности в восприятии и понимании учебной информации на вербальном уровне. Вследствие этого между ними и педагогами

возникают смысловые барьеры, которые нередко приводят к конфликтам. Поэтому есть все основания говорить о вербальных или словесных конфликтах, причины которых связаны с неадекватным восприятием и пониманием студентом значения и смысла слова, сказанного педагогом.

Вербальный конфликт – это противоречие, возникающее между людьми, проявляющееся в неадекватном понимании значения и смысла слова, причиной которого является несовместимость понятий субъектов взаимодействия.

В то же время, слово для человека является главным сигналом или побудителем действия. Поэтому характер ценностей, представленных уровнями (эмоционального, интеллектуального, понятийного, вербального), неотделим от социальных ролей, в которых выражаются определённые нормы и правила поведения и деятельности личности, что несовместимость всегда имеет ролевой характер, иначе, возникает по поводу и в связи с этими нормами и правилами, которые реализуются в деятельности и поведении. Речь идёт о поведенческом компоненте мотивационной структуры личности. Вследствие того, что этот компонент представляет собой интегративную функционально-ролевую структуру, то причины конфликтного поведения личности одновременно и неразрывно связаны и с социальными ролями личности, которые ей необходимо выполнять в жизни, и с функциями самосовершенствования, саморегуляции, с помощью которых они выполняются.

В целом, основываясь на мотивационном подходе к изучению причин конфликтов в студенческой среде, мы пришли к выводу, что причины возникновения конфликтов обусловлены несовместимостью ценностей мотивационной структуры субъектов взаимодействия и нарушенностью, рассогласованностью их психической саморегуляции.

Список литературы

1. Рожков, Н.Т. Основы психоаналитической педагогики: монография / Н.Т. Рожков. - Орел: Орел ГТУ, 2005. – 285 с.
2. Симонов, П. В. Мотивированный мозг. – М.: «Наука», 1987. – 238 с.
3. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Дисс... докт. филолог. наук. Екатеринбург, 2003. – 353 с.
4. Шакуров, Р.Х. Мотивация и стимулирование качества педагогической деятельности в ССУЗ. В 2-х ч. Ч.1. – Казань: ИССО, РАО, 1996. – 57 с.

УДК [37.015.31:17.022.1:34] (053.6)

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Романов Наталья Александровна,

канд. пед. наук, доцент кафедры психологии,

Луганский национальный университет имени Т. Шевченко (г. Луганск),

(nataljaromanof@rambler.ru)

В данной статье мы постарались обосновать, что, несмотря на тенденцию к индивидуализации, которая характерна для современного информационного общества, коллектив оказывает значительное влияние на формирование правовых убеждений и поведенческих установок. Это необходимо учитывать при проведении воспитательной работы по формированию гражданско-правовых ценностей в средне-профессиональной и высшей школе. При этом необходимо учитывать психологические особенности юношества, которые проявляются в осознании собственной индивидуальности, формировании установки на сознательное построение собственной жизни.

Ключевые слова: гражданско-правовые ценности, юношеский возраст, коллектив.

ROLE IN SHAPING CIVIL LAW VALUES OF STUDENTS

*Romanof Natalia Aleksandrovna,
cand. ped. sciences, associate professor,
department of psychology,
Luhansk National University Shevchenko (Lugansk),
(nataljaromanof@rambler.ru)*

In this article we have tried to substantiate that, despite the trend towards individualization, which is characteristic of the modern information society, the team has a significant impact on the formation of legal belief and behaviour. This should be taken into account when carrying out educational work for the formation of civil values in medium vocational and higher education. It is necessary to take into account psychological characteristics of youth that are evident in the awareness of its own identity, the formation of the installation on the conscious construction of own life.

Key words: civil values, youth age, collective.

Существование общества, государства немислимо без понимания и принятия его гражданами основных гражданских ценностей. Чем лучше граждане реализуют в повседневной жизни эти ценности, тем более гармонично развивается общество.

В связи с этим очень важна роль гражданско-правового воспитания, которое осуществляется на всех этапах образовательного процесса. Его проведение в средне-профессиональной и высшей школе важно в силу того, что студенчество – это период становления жизненного мировоззрения, убеждений, гражданской позиции.

Вопросам гражданского и правового воспитания посвящены работы В.И. Владимировой, Г.П. Давыдова, В.Ф. Дубровского, И.К. Капшуновой, Р.В. Кравцова, А.С. Лукиновой, И.В. Метлик, А.Ф. Никитина, М.К. Подберезского, Л.В. Твердохлеб, И.О. Ткачевой, и других.

Как указывает И. В. Метлик, гражданское воспитание является обязательным компонентом воспитания в учебных заведениях и направлено на всех учащихся вне зависимости от мировоззренческих, культурных, этнических, религиозных и любых иных особенностей и различий их семей [6]. Его ценностные основы формируются под влиянием разных социальных групп, выражающих различные идеологии, мировоззренческие доктрины (философские, религиозные), политические и социальные концепции.

Например, в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [3] базовыми национальными ценностями называются: патриотизм; социальная солидарность; гражданственность; семья; труд и творчество; наука; традиционные российские религии; искусство и литература; природа; человечество (раздел 1.4).

Необходимо учитывать, что гражданские ценности не задают ценностные основания жизни, развития и самореализации человека во всей полноте, это не смысловые ценности, они не затрагивают мировоззренческие вопросы. Гражданские ценности задают общие нормы межличностных и социальных отношений, отношений человека к согражданам, основным социальным институтам, обществу, государству. Благодаря им происходит взаимопонимание и сотрудничество представителей разных народов, религий, идеологий в современном обществе.

Например, о семье в них представлены только те нормы, которые наиболее значимы для существования, безопасности не только данной конкретной семьи, но и окружающих, других семей, для общества в целом. Поэтому они и закрепляются в законодательных актах [5].

Несмотря на такое «прикладное» назначение – формирование гражданских ценностей является важной составляющей воспитания, по той простой причине, что, несмотря на разнообразие наших социальных ролей – все мы - граждане государства.

Вопросы понимания и принятия гражданских ценностей очень актуальны для периода юности. Согласно периодизации Л. Колберга, юношеский возраст относят к периоду автономной морали, когда человек начинает ориентироваться на внутреннюю автономную систему принципов, когда он убежден, что жить нужно согласно нормам, принятым им добровольно [2]. Следует учитывать, что по мере взросления молодой человек активно вовлекается в практику социального общения.

Влияние на человека различных жизненных обстоятельств не только осмысливается, но и переживается, прочувствуется им; у него возникают и соответствующие эмоции (положительные и отрицательные), сигнализирующие о значимости для него этих внешних обстоятельств.

Образцы поведения, вначале внешние по отношению к субъекту, становятся постепенно его внутренними, собственными, интериоризированными нормативами. Они начинают поддерживаться внутренними убеждениями человека в их ценности.

Таким образом, убеждения объединяют в себе рационально мотивированные суждения и чувство уверенности в их правильности. Система таких убеждений образует ценностную ориентацию субъекта, т. е. его психологическую установку, настройку на определенную социальную деятельность. Относительно устойчивая система установок на верное гражданско-правовое поведение образует ценностно-правовую ориентацию личности.

При этом важно учитывать, что процесс социализации современного юношества происходит в условиях информационного общества, для которого характерна тенденция к индивидуализации. Многие исследователи отмечают, что индивидуализация неизбежна в новых социально-экономических условиях жизни, и отражает запросы современного человека, который стремится к индивидуальному успеху и личному процветанию.

Согласно определению политологов, индивидуализм — концепция общества, в которой индивид составляет центральную ценность, основанную на соблюдении и развитии индивидуальных свобод, правовое состояние, благоприятствующее инициативе и независимости индивидов. В социологическом направлении, индивидуализм – процесс эмансипации, в течение которого индивид становится автономным и освобождается от правил и от норм, происходящих из общественного сознания [4].

Надо отметить, что в концепциях «новой индивидуализации», глобализации и постиндустриального информационного общества, которые появились в конце 20- начале 21 века анализируются новые проявления социальной атомизации.

Доктор экономических наук Владислав Иноземцев так описывает атомизацию общества в постсоветских государствах: начиная с первых постсоветских лет стало складываться общество, в котором человек мог добиться практически всего, но в условиях, когда он действовал индивидуально и не стремился опираться на общественную консолидацию. Далее он же констатирует: Россия начала второго десятилетия XXI века – это общество, которое кажется единым и сплоченным, но основано на неограниченном индивидуализме [6].

В результате таких общественных тенденций отдельные личности, получившие большую свободу для самореализации, безусловно выиграли, но общество в целом, конечно же, многое утратило. И мы можем наблюдать это на примере того, что индивидуальные и общественные интересы все чаще сталкиваются в различных социальных сферах.

В качестве примера можно привести трансформацию института семьи в обществе. Люди все больше освобождаются от социальных кодексов, чтобы устанавливать свою

собственную семейную модель, что приводит к постоянному увеличению разводов и нестабильности семейных отношений.

Разумеется, из сказанного вовсе не следует, что дабы снизить вышеуказанные тенденции, следует проводить какой-либо вариант коллективизации. Однако о большой значимости коллектива в жизни личности вспомнить вполне уместно. Многие исследования, да и жизненные наблюдения подтверждают, что значительное влияние на формирование ценностно-правовой ориентации личности оказывает коллектив.

Для того, чтобы выяснить, так ли это, мы провели небольшое исследование. В ходе него постарались выяснить, как студенты относятся к основным гражданским ценностям, и определить, насколько значимо для них мнение ближайшего окружения в сфере гражданско-правовой тематики.

В ходе анкетирования было опрошено 69 человек, в возрасте от 15 до 21 года. Выборка представлена студентами Луганского колледжа строительства, экономики и права. Опрос проводился в 2 этапа – 29 человек было опрошено в 2005 году и 40 человек – в 2016 году. Результаты анализа полученных данных приведены в таблице. Студентам было предложено оценить указанные качества по 5-бальной шкале.

качество	средний балл, 2005 год	средний балл, 2016 год
Чувство заботы о своем народе, будущем Родины	2,93	2,90
Любовь к своему народу через уважение к людям	2,83	3,26
Заинтересованность общественными событиями и событиями культурной жизни народа	2,65	2,75
Критичность мышления в оценивании событий	2,65	2,73
Интерес к истории своей страны	2,79	2,97
Уважение к армии, военнослужащим	2,58	3,38
Чувство местного патриотизма (любовь к местности проживания, её людям, культуре)	2,89	2,9
Гражданская активность	3,03	2,62
Уважение к представителям других национальностей	3,03	3,02
Чувство гражданского долга	2,96	2,8
Коллективизм, чувство взаимовыручки	3,34	3,6

Анализируя данные таблицы, следует отметить, что средний балл оценивания различных качеств колеблется от 2,65 до 3,6. Некоторые качества студенты оценивают приблизительно одинаково согласно опросам 2005 и 2016 гг. Это такие качества как чувство заботы о своей нации, народе, будущем Родины (2,93 б. и 2,90 б.), заинтересованность общественными событиями и событиями культурной жизни народа (2,65 б. и 2,75 б.), критичность мышления в оценивании событий (2,65 б. и 2,73 б.), чувство местного патриотизма (2,89 б. и 2,90 б.), уважение к представителям других национальностей (3,03 б. и 3,02 б.). Мы можем наблюдать снижение значимости таких качеств, как гражданская активность (3,03 б. и 2,62 б.) и чувство гражданского долга (2,96 б. и 2,8 б.). Вероятно, это связано с военными событиями 2014 года в нашем регионе, и их последствиями. В результате многие представители молодого поколения не могут внутренне определиться – гражданами какого государства они являются, и, соответственно – каким образом они могут проявить гражданскую активность и гражданский долг. При этом, положительным является то, что возросло оценивание значимости таких качеств, как любовь к своему народу через уважение к людям (2,83 б. и 3,26 б.), интерес к истории своей страны (2,79 и 2,97 б.), уважение к армии, военнослужащим (2,58 б. и 3,38 б.), коллективизм, чувство взаимовыручки (3,34 б. и 3,60 б.).

б.). При этом мы видим, что по одним качествам показатели существенно увеличились, по другим – незначительно.

Наиболее высоко оцениваемые качества в 2005 году это – коллективизм, чувство взаимовыручки (3,34 б.), гражданская активность (3,03 б.), уважение к представителям других национальностей (3,03 б.). В 2016 году самые высокие показатели у таких качеств как коллективизм, чувство взаимовыручки (3,6 б.), уважение к армии, военнослужащим (3,38 б.), любовь к своему народу через уважение к людям (3,26 б.) уважение к представителям других национальностей (3,02 б.).

Можно отметить, что из предложенных качеств наиболее высоко был оценен коллективизм, поэтому второй блок нашего исследования был посвящен определению значимости коллектива для опрашиваемых в сфере гражданско-правовых отношений.

Образцом отношения к закону для наших респондентов в первую очередь являются родители, на втором месте – друзья, на третьем – педагоги, на четвертом – сотрудники правоохранительных органов, на пятом – представители власти. При принятии ответственного решения наиболее значим совет родителей, на втором месте – друзья, на третьем – специалисты в данной сфере, на четвертом – преподаватели.

При ответе на вопрос «Что для вас наиболее важно при принятии ответственного правового решения?» для респондентов оказались одинаково значимы такие категории: «личные принципы и убеждения», «моральные нормы и традиции моего окружения», «действующие законы». Среди опрошенных респондентов лишь 13 % указали, что они всегда поступают в соответствии со своими убеждениями, 74 % указали, что не всегда получается, 13 % и вовсе ответили «нет», то есть их слова расходятся с делами. На вопрос «всегда ли вы поступаете правильно, если уверены, что об этом никто не узнает?» лишь 23 % ответили положительно, 61 % ответили «нет», и 26% «не всегда». Безусловно, ответы на эти вопросы позволяют проследить недостаточную устойчивость убеждений, но также мы можем отметить, что для 77% опрошенных важным является мнение окружающих в случае совершения неправильного поступка. Следует предполагать, что мнение общественности в определенной степени компенсирует внутреннюю несостоятельность человека сделать правомерный выбор, и если другим станет известно – то человек скорее поступит правомерно, нежели неправомерно. Значимость мнения окружающих прослеживается также в том, что большинство опрошенных (74%) будут искать варианты компромисса в случае, если их мнение не совпадает с мнением окружающих, 13% будут настаивать на своем и 13% – полностью согласятся с другими.

Надо отметить, что опрашиваемые подтверждают, что влияние коллектива может быть как положительным, так и отрицательным, все зависит от нравственной позиции большинства его членов. Так, на вопрос «Может ли человек совершить противоправный поступок под влиянием компании, окружения, даже если он сам никогда бы так не поступил?», 85 % респондентов ответили положительно. В подтверждение можно привести недавний пример из педагогической практики: группа учеников начальной школы оскорбляла (также физически) мальчишку из своего класса. Один из обидчиков являлся ему другом, но за кампанию с другими бил его ногами. И таких сложных ситуаций очень много.

При принятии ответственного правового решения для 65% опрашиваемых наиболее важны моральные нормы, принятые в их окружении, а для 35 % - действующие законы.

Представленные результаты нашего небольшого исследования дают основания полагать, что ближайшее окружение оказывает значительное влияние именно на формирование поведенческих установок в сфере гражданско-правовых отношений. Как известно, в структуре правового сознания большинство исследователей выделяют три основных компонента: правовые знания, правовые эмоции и отношения, готовность к правомерному поведению. Дальнейшие исследования констатируют, что знаниевый

компонент формировать легче, а вот эмоционально-оценочный и поведенческий – намного сложнее. В подтверждение сказанному интересный, и при этом вполне закономерный факт приводят ученые Раска Э.Э. и Ребане И.А: правовые знания преступников и правонарушителей оказались более точными и объемными, нежели соответствующие знания граждан с правомерным поведением.

Этот факт позволяет сделать следующие выводы: 1 – при исследовании правосознания на поведенческо-регулятивном уровне правовые знания не могут рассматриваться как основной элемент структуры правосознания; 2 – многие граждане ведут себя правомерно независимо от владения ими правовой информацией, а вследствие существующих в их окружении традиций [7, с.10].

Следовательно, если коллектив оказывает значительное влияние на формирование правовых убеждений и поведенческих установок, то очень важно создать условия для того, чтобы это влияние было положительным, и, безусловно, следует использовать этот воспитательный рычаг. Это объясняется, прежде всего, тем, что воздействие общественного (коллективного) мнения на личность носит, с одной стороны, очень сильный эмоциональный характер, а с другой - оно чрезвычайно многообразно и дифференцировано.

Если поведение человека расходится с общественным в данном коллективе, то оно может осуждаться в самых различных формах (огорчение, неудовольствие, возмущение, удивление, отказ поддерживать отношения и т. п.). Причем эти меры воздействия важны не только сами по себе. Их эффективность прежде всего в том, что они как бы сигнализируют, что за ними могут последовать гораздо более важные для индивида последствия, т. е. он будет исключен из многих социальных отношений и не сможет рассчитывать на защиту и поддержку коллектива [1].

Следовательно, важным является создание такой нравственно-правовой атмосферы в коллективе, при которой он всей организацией, поведением и духом формирует у людей правильные гражданско-правовые установки и решительно пресекает и осуждает любое отклонение от них.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- гражданско-правовые ценности у студентов находятся на среднем уровне значимости (их оценивают от 2,65 до 3,6 баллов по 5-тибальной шкале). Наиболее высоко студенты и в 2005, и в 2016 году оценили коллективизм, чувство взаимовыручки (3,34 б. и 3,6 б.); возросло чувство любви к своему народу через уважение к людям (2,83 б. и 3,26 б.), уважение к армии, военнослужащим (2,58 б. и 3,38 б.), снизилось понимание как ценности гражданской активности (3,03 б. и 2,62 б.) и чувство гражданского долга (2,96 б. и 2,8 б.).

- значимость коллектива в жизни личности в наибольшей степени подтверждается следующими ответами: для 77% опрошенных важным является мнение окружающих в случае совершения неправильного поступка; при принятии ответственного правового решения для 65% опрошиваемых наиболее важны моральные нормы, принятые в их окружении;

- представленные выше данные позволяют утверждать, что в нашем обществе коллектив оказывает значительное влияние на формирование правовых убеждений и поведенческих установок, следовательно, это необходимо учитывать при проведении воспитательной работы по формированию гражданско-правовых ценностей;

- учебно-воспитательный процесс современных учебных заведений требует разработки специальных программ, которые будут способствовать актуализации потребности становления взаимоотношений в коллективе на основе гражданско-правовых ценностей;

- в воспитательной работе учебных заведений полезно использовать богатейший материал, накопленный в историко-педагогической, правовой, философской литературе. В частности, нами был предложен вариант построения системы нравственно-правового

воспитания с опорой на основные аксиомы правосознания, выделенные философом И.А. Ильиным. Он рассматривается в других публикациях автора.

Список литературы

1. Капшунова И.К. Формирование нравственно-правового сознания студентов юридических вузов. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - вып. № 32. том 11. - 2007 г. - С. 296 — 304.
2. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
3. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. — М.: Просвещение, 2009. <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=985>
4. Медяник М. В. Некоторые аспекты процесса индивидуализации современного общества // Молодой ученый. — 2013. — №9. — С. 333-336. — URL <https://moluch.ru/archive/56/7729/>
5. Метлик И.В., Ценностное ядро гражданского воспитания школьников. // Воспитание школьников. -№ 8. – 2011 г.
6. Новиков А.С. Атомизация общества и её роль в становлении «общества масс» // Теория и история. — 2009. — № 2. — С. 192-197. — ISSN 1812-9285
7. Раска Э.Э. Ребане И.А. Методологические аспекты правового воспитания населения. // Советское государство и право. - 1977 г. - № 4. - С. 109 - 114.

УДК 159.923

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Руденко Светлана Викторовна,
канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры психологии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (ДНР, г. Донецк),
(Rudenko_SV@mail.ru)*

Данная статья посвящена изучению особенностей временной перспективы личности в контексте социальной идентичности. Раскрыта сущность феномена социальной идентичности в современной психологии, особенности временной перспективы личности. Представлены результаты эмпирического исследования специфики временной перспективы студентов в контексте их социальной идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, временная перспектива личности.

PECULIARITIES OF TEMPORAL PROSPECTS OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL IDENTITY

*Rudenko Svetlana Viktorovna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Psychology,
SEI HPE «Donetsk National University», DonNU (DPR, Donetsk),
(Rudenko_SV@mail.ru)*

This article is devoted to the study of the characteristics of the temporal perspective of the individual in the context of social identity. The essence of the phenomenon of social identity in modern psychology, especially the temporal perspective of the person, is revealed. The results of an empirical study of the specificity of the temporal perspective of students in the context of their social identity are presented.

Key words: social identity, temporal perspective of the individual.

Постановка проблемы. Одной из важнейших характеристик личности, обеспечивающих ее целостность в течение всей жизни, является идентичность. Данная

проблематика не является для психологии новой, однако по сей день не теряет своей актуальности. Обычно идентичность рассматривается как свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе или общности. Эта характеристика, разумеется, не является врожденной, формируясь постепенно, в процессе жизни, с появлением сознания. Из осознания себя, своих потребностей «сейчас», рождается представление о том, что до этого, «раньше», – было не так; постепенно формируется умение предвосхищать, прогнозировать, что будет дальше, «потом». Таким образом, представление о нашем настоящем, прошлом и будущем имеет неопределимое значение в осознании себя, своей целостности, в становлении личности в целом. Это позволяет нам предположить тесную взаимосвязь и взаимообусловленность временной перспективы личности и ее социальной идентичности. Соответственно, цель данного исследования – изучение особенностей временной перспективы личности в контексте социальной идентичности.

Основная часть. Понятие временной перспективы было введено Л. Франком с целью описания взаимообуславливания и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. Временная перспектива представляет собой совокупность представлений личности о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. Этот способ видения мира находит свое отражение в наших интерпретациях прошлого, настоящего и будущего. Автор подчеркивает постоянное влияние социума, что подтверждает наше предположение о связи изучаемого феномена с социальной идентичностью.

Далее исследованием временной перспективы в разное время занимались К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, М. Селигман, Д.А. Леонтьев, А.А. Кроник, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, О.Н. Арестова и др. Так, К. Левин отмечает, что временная перспектива – это включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план данного момента. По его мнению, именно данная категория включает в себя рассмотрение личности во временном контексте. Ж. Нюттен временную перспективу личности рассматривает как временное измерение поведенческого мира, характеризует способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели. Перспектива будущего связана с мотивацией, именно будущее автор представляет как «пространство мотивации» [3, 4]. По мнению Ф. Зимбардо временная перспектива – это часто неосознанное отношение человека ко времени. В то же время это и процесс, с помощью которого течение жизни интегрируется в категории времени, что позволяет придать ей смысл, структурировать и систематизировать ее. В качестве компонентов временной перспективы Ф. Зимбардо выделяет негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее [2]. Проблематика временной перспективы также представлена в работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника, изучавших субъективное чувство возраста человека. О временной перспективе говорит К.А. Абульханова-Славская, связывая способность чувственно-деятельного освоения человеком времени с тем, что он прогнозирует, предвосхищает и организует события, рассматривая их с точки зрения будущего [1].

Теоретический анализ феномена временной перспективы личности в современной психологии позволяет выделить наиболее общую ее структуру. Это три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Они являются взаимообуславливающими друг друга и оказывают влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни [1, 2, 3].

Обратимся к анализу феномена идентичности. Появление термина «идентичность» традиционно связывают с именем Э. Эриксона, определившим идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Идентичность понимается как чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям [6].

Идеи Э. Эриксона получили свое продолжение и в зарубежной, и в отечественной психологии. В разное время данную проблематику развивали Г. Тэшфел, Дж. Мид, И. Гоффман, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Г.М. Андреева, П.В. Румянцева, М.В. Заковоротная, В.А. Ядов и др.

Так, Г. Тэшфел социальную идентичность описывает как часть индивидуальной Я-концепции, происходящую от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этого членства. Сходным образом характеризуют социальную идентичность П.В. Румянцева и А.В. Микляева. Г. Брейкуэлл также отмечает социальное происхождение идентичности, причем автор считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. Ю. Хабермас подчеркивает, что Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной идентичностей. При этом личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, социальная – обеспечивает возможность выполнять различные требования тех ролевых систем, к которым принадлежит человек [1, 5].

Мы видим, что идентичность – это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе или общности. На наш взгляд, социальная идентичность является тем образованием, которое связывает настоящее личности с ее прошлым и будущим. Теоретический анализ заявленной проблематики позволяет нам говорить о неразрывности и взаимообусловленности временной перспективы и социальной идентичности личности. Протяженность, насыщенность, структурированность, яркость временной перспективы во всех ее аспектах (прошлое, настоящее, будущее), с одной стороны, облегчают формирование социальной идентичности, с другой же – во многом являются следствием принадлежности личности к тем или иным социальным группам и идентификации ее с рядом ролей.

Мы предполагаем, что нынешняя нестабильная обстановка может способствовать поиску новых ролей и выделению новых аспектов своего Я – с одной стороны, и одновременно будет отражаться в специфике временной перспективы личности – с другой. Это определило предмет данного исследования – особенности временной перспективы в контексте социальной идентичности студентов.

Выборку исследования составили 203 студента 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по разным направлениям подготовки ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк. Из них 53 психолога, 34 специалиста в сфере психологии служебной деятельности, 14 химиков, 53 журналиста, 21 специалист в области рекламы и связей с общественностью, 28 специалистов в сфере телевидения. Студентам было предложено написать эссе на тему: «Кто Я?». Полученные данные затем нами обрабатывались с помощью метода контент-анализа. По его результатам ключевыми стали следующие роли, выделяемые студентами: семейные роли, студент, специалист, личность, человек, часть социума, друг, патриот, гражданин; а также ряд характеристик: доброжелательность, целеустремленность, ответственность, темперамент-характер, творческость, любознательность, философские рассуждения, хобби, поиск себя, неопределенность и страх перед будущим. Также было проведено изучение временной перспективы с применением методики ОВП Ф. Зимбардо.

Сравнение осуществлялось по двум линиям: сопоставлялись результаты студентов, осваивающих разные направления подготовки, а также в целом прослеживалась взаимосвязь между выбираемыми студентами ролями и отдельными аспектами их временной перспективы. Остановимся на наиболее значимых результатах исследования. Особенности временной перспективы личности представлены на Рис. 1

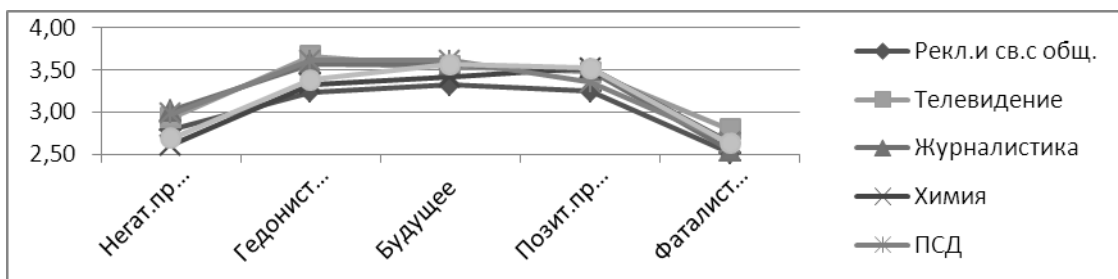

Рис. 1. Особенности временной перспективы личности

Как мы видим, вне зависимости от избранного направления подготовки/специальности, графики временной перспективы студентов имеют ряд общих тенденций. Это довольно низкая и ближе к средним значениям, оценка своего прошлого как негативного; примерная одинаковая значимость (на среднем или чуть выше среднего уровне) гедонистического настоящего, будущего и позитивного прошлого; наконец, также слабо выраженная тенденция фаталистически оценивать свой текущий период жизни. Вместе с тем есть и некоторые отличия. Так, сравнительно более значимо наслаждение текущим моментом, получение удовольствия от настоящего для журналистов, специалистов в области телевидения и в сфере психологии служебной деятельности. Последним же, наряду с психологами, присуща большая представленность целей и планов, большая ориентированность на будущее. Принятие собственного прошлого как опыта, позитивное отношение к пережитому в большей мере присуще психологам, журналистам, химикам и специалистам в сфере телевидения. При этом последняя группа склонна и наиболее критически и фаталистически оценивать свое настоящее, что несколько отличается от позиции остальных студентов.

Перейдем к сравнительному описанию особенностей социальной идентичности студентов разных направлений подготовки (Рис. 2).

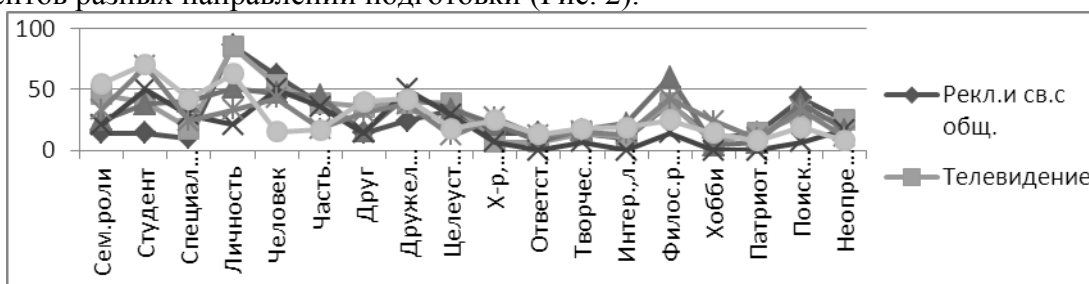

Рис. 2. Особенности социальной идентичности студентов

Неожиданным, в сравнении с результатами прошлых лет (см. по [5]), выступило относительное снижение значимости семейных ролей, роли специалиста и, пусть и менее выражено, – роли студента. При этом возросла представленность роли личности и человека. Роль личности особенно выраженной оказалась не только у психологов (что прогнозируемо), но и у специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, телевидения. Ожидаемой для последних двух групп студентов, наряду с журналистами, стала тенденция описывать себя как часть социума, а также целеустремленность и уверенность. В целом умеренно выражена роль друга, дружелюбие. Философским рассуждениям по поводу себя и своей сущности склонны предаваться прежде всего журналисты, специалисты в сфере рекламы и связей с общественностью, телевидения, а также психологи. При этом впервые проявилась категория поиска себя, нашедшая отражение практически у всех групп студентов, а также ощущение неопределенности и страха перед будущим. Последнее объяснимо, учитывая крайне нестабильную обстановку.

Остановимся на наиболее выраженных особенностях временной перспективы в контексте социальной идентичности, выявленных посредством корреляционного анализа.

Отмечена значимая положительная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между склонностью позиционировать себя как специалиста, выделять отдельные черты характера, темперамента и таким аспектом временной перспективы, как будущее. Студенты, склонные оценивать себя как будущих профессионалов в своей сфере и носителей таких качеств, как дружелюбие, доброжелательность, преимущественно расценивают свое прошлое позитивно ($p \leq 0,05$), воспринимая все происходившее с ними ранее как полезный, хотя и не всегда приятный, опыт. Также можно выделить ряд следующих тенденций. Чем более во временной перспективе студентов представлена выраженность будущего, тем в большей мере они склонны выделять значимость для них семейных ролей, роли студента, друга, проявлять стремление к творчеству, любознательность; при этом тем в меньшей степени они склонны отмечать неопределенность и страх перед будущим. Чем более выражена оценка настоящего периода как фаталистического, тем менее в ответах студентов представлены категории ответственности и поиска себя. Последнее касается и такого аспекта временной перспективы, как позитивное прошлое, а именно: склонность к поиску себя, своего предназначения в жизни сочетается с тенденцией в большей мере критически оценивать свой прошлый опыт.

Заключение. Обобщая результаты исследования, мы видим, что значимыми для студентов являются роли студента, специалиста, личности, человека как части социума, друга, выделение целеустремленности, дружелюбия. Примечателен рост значимости философских рассуждений о себе, а также появление категорий поиска себя и неопределенности и страха перед будущим. Такой аспект временной перспективы, как будущее, взаимосвязан с осознанием себя как будущего специалиста, рефлексией черт темперамента и характера, в несколько меньшей степени – с выделением семейных ролей, роли студента, творчества, с меньшей склонностью к переживанию неопределенности и большей – к поиску себя. Слабая же выраженность позитивной оценки своего прошлого и фаталистической – настоящего, сочетаются с возрастанием ответственности, с поиском себя и определения своих жизненных приоритетов и целей.

На наш взгляд, нынешняя нестабильная обстановка во многом находит свое отражение в выявленной специфике временной перспективы студентов, а также способствует активнейшему поиску и формированию именно осознаваемой идентичности.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
2. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – М.: Речь, 2010. – 352 с.
3. Купчигина И.М., Недбаева К.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156-158
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
5. Руденко С.В. Динамика социальной идентичности студентов // Идентичность в фокусе общественных и гуманитарных наук: материалы заседания круглого стола, 21 марта 2018 г., г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонАУиГС», ГОУ ВПО «ДонНУ» – 76 с. – С. 55-59.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

ЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА ХАРАКТЕРООБРАЗУЮЩИХ ФУНКЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Сабирзянова Инна Викторовна,

*канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии и психологии,
ГОУ ВПО «ДонАУиГС» (ДНР, Донецк),
(sabirzyanova_i_v@mail.ru)*

Обозначена проблема определения ценностной природы личностных феноменов на примере анализа установок смерти и бессмертия, включенных в структурные компоненты характера, что позволило сделать вывод о них, как характерообразующих функциях, ибо вопросы собственного существования для человека всегда были и остаются проблемой, трансформирующейся в извечные вопросы о смысле жизни, смерти и бессмертии, которые как свидетельствует историко-философская традиция всегда остаются центральными.

Ключевые слова: личность, феномен, социологический, психологический и биологический подход, ценность, ценностная природа личности, характерообразующие функции.

VALUE NATURE CHARACTER-FORMING FUNCTIONS OF PERSONALITY

Sabirzyanova Inna Victorovna,

*candidate of Philosophical Sciences, Head of Department of Philosophy and Psychology,
SEE HPE "DAMPA" (State educational establishment of higher professional education
"Donetsk academy of management and public administration under the Head of Donetsk
People's Republic") (DPR, Donetsk), (sabirzyanova_i_v@mail.ru),*

The problem of determining the value nature of personal phenomena is identified by the example of an analysis of the attitudes of death and immortality included in the structural components of character, which made it possible to draw a conclusion about them as character-forming functions, because questions of one's own existence have always been and remain a problem for man, transforming into eternal questions about life, death and immortality, which, as evidenced by the historical-philosophical tradition, always remain central.

Key words: personality, phenomenon, sociological, psychological and biological approach, value, value nature of personality, character-forming functions.

Современное состояние философского познания человека, оцениваемое как «антропологический ренессанс», характеризуется остро критическим отношением к уровню философской рефлексии по проблеме человека, степени оформленности антропологической проблематики в общей системе философского знания. Вопрос о природе человека, будучи поставлен в истории науки, не находит своего исчерпывающего разрешения и по сей день: ряд дисциплин изучая те или иные стороны человеческого бытия, предпринимают порой безуспешные попытки в поиске новых подходов к истолкованию феномена человека, проблеме его происхождения и существования.

Мыслители, сформулировавшие исходные принципы философской антропологии (М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер), с самого начала рассматривали это новое философское учение в качестве системного знания о человеке как о родовом существе, синтезирующие подходы и выводы философии, психологии и частных наук, прежде всего биологии.

Постановка вопроса о природе человека – закономерная реакция на глобальные проблемы современности, ибо разрушение традиционных укладов жизни во многих регионах мира, отказ от общественных и нравственных идеалов, рост агрессивности, экологические бедствия и пандемии ставят практический знак тождествования между проблемой конечности бытия человечества и смертью отдельного «Я», ибо, если Ницше

говорил о смерти Бога, мы говорим о смерти человека, а современное состояние гуманитарного знания утверждает о кризисе антропологической парадигмы и смерти даже самой философии. Так или иначе, но собственная экзистенция для человека всегда была и остается проблемой, трансформирующаяся в извечные вопросы о смысле жизни, смерти и бессмертии, которые как свидетельствуют историко-философская традиция всегда остаются центральными: от сократовского «те, кто подлинно предан философии, заняты по сути, только одним – умиранием и смертью» до хайдеггеровского «подлинного смысла бытия как бытия к смерти».

Почему же, казалось бы, такая элементарнейшая биомедицинская дефиниция как смерть, остается и по сей день одним из центральных феноменов большинства философских систем? «Ни одна философская система не может считаться законченной, – писал И.Т. Фролов, – если она не дает честных и объективных ответов на вопросы, связанные со смертью. В этом смысле можно сказать, что «философствовать – значит учиться тому, как следует умирать» [1, с. 540].

Представляя человека как социального индивида, обладающего определенным социальным статусом; как определенную личность, представляющую собой некую высшую психологическую интеграцию жизнедеятельности; и, наконец, как организм, то есть биологическую систему, мы ведем речь о трех подходах к феномену человека: социологическом, психологическом и биологическом, оставляя философской теории личности миссию диалектического синтеза концептуальных идей выше перечисленных наук. Попытаемся теперь найти истоки не проходящего интереса к феноменам смерти и бессмертия на уровне каждой из названных наук.

Позицию биологии в отношении феномена смерти можно выразить словами И.П. Павлова, что «... смерть сложного организма с точки зрения естествознания уже перестало быть тайной; тут имеется много различных не решенных вопросов, ждущих решения, но тайны нет. Объектом исследования здесь является механизм смерти, способ, каким образом она произошла» [1, с. 68]. Практически признав бессмертие одноклеточных, и, поместив смерть в рамки эволюционной модели Ч. Дарвина, утверждая, что она (смерть) есть эволюционное приспособительное приобретение многоклеточных, биология пускается в гипотетические рассуждения относительно феномена бессмертия человека путем продления его видового срока жизнедеятельности пока только до 150-160 лет, что на сегодняшний день само по себе противоречит смысловой нагрузке понятия «бессмертие».

Выделяя к рассмотрению систему понятий, представляющих психологическую структуру личности – характер, темперамент и ту часть экзистенциального праксиса, которую вслед за В.Ф. Сержантовым будем именовать «когнитивно-праксеологической организацией индивида», выделим следующее.

Вышеперечисленные компоненты психологической структуры личности, будучи социально детерминированы, представляют собой ни что иное, как способы проявления физиологической активности мозга, а значит организма в целом. Если темперамент, выражающий динамизм психической деятельности относительно моторики и силы эмоциональных проявлений, является безусловной врожденной характеристикой, то «когнитивно-праксеологическая организация индивида» определяет задатки и способности как особый способ проявления биологического, психического и социального в человеке. Дискурсивным на сегодняшний день остается вопрос о природе способностей: являются ли они генетически или социально детерминированными. Так или иначе, а большинство авторов рассматривают в качестве врожденных психических проявлений задатки как основу формирования будущих способностей.

Характер, пожалуй, является наиболее сложным проявлением психических процессов мозга в осуществлении как жизненных, так и социальных потребностей человека. Становление личности характеризуется осознанием самого себя как существа

отличного от других и сопровождается формированием собственного «Я», «Феномен «Я» есть главное свидетельство становления личности, центральным фокусом в структуре которой и является характер» [3, с. 178].

Обращаясь к фрейдовской модели построения системы характера, напомним, что она складывается из трех компонентов Id (Оно) – сфера неосознаваемых влечений, подчиненных принципу удовольствия; Ego (Я) – сознательная часть личности, руководствующаяся принципом реальности, Super – Ego (Сверх – Я) – социальные чувства личности, включая религию и мораль. Поставив в основание своей концепции влечений принцип удовольствия как стремление к равновесию (покою), З. Фрейд именно отсюда выводит два главных, на его взгляд, влечения – влечение к жизни и влечение к смерти, коренящихся в структурах Id, и которые находят свое выражение в деструктивных моделях поведения. Причем, влечения к жизни оказываются подчиненными влечениям к смерти: «Положение о существовании влечений к самосохранению, которое мы приписываем каждому живому существу, состоит в заметном противоречии с утверждением, что вся жизнь влечений направлена на достижение смерти. Рассматриваемые в этом свете влечения к самосохранению, к власти и самоутверждению теоретически сильно ограничиваются; они являются частными влечениями, предназначенными к тому, чтобы обеспечить организму собственный путь к смерти и избежать всех других возможностей возвращения к неорганическому состоянию, кроме имманентных ему... Остается признать, что организм хочет умереть только по-своему: эти «сторожа жизни» были первоначально слугами» [4, с. 59-60].

Считается, что В. Штекель, вначале пациент, а затем – один из последователей З. Фрейда, был первым, кто использовал термин «Танатос» для обозначения влечения к смерти, исходя из анализа постоянно присутствующих символов смерти в сновидениях и фантазиях практически всех своих пациентов; термин в последующем приобрел более широкое содержание и в настоящее время применяется в психоанализе для обобщенной характеристики любых деструктивных тенденций. К 1929 году точка зрения З. Фрейда на инстинкт смерти стала более категоричной: отдавая дань В. Штекелю, как первому, кто поднял эту проблему, он утверждал, что иным способом практически невозможно объяснить не связанные с эротикой проявления агрессивности человека и его неискоренимое стремление к разрушению.

З. Фрейд предостерегал не только от разрушения, но даже от любого нарушения существующего «принципа реальности», того динамического равновесия, которое установилось между Эросом, началом удовольствия, и Танатосом, институтом смерти. Ослабление последнего, то есть страха и угрозы смерти, а тем более его упразднение, освободит Эрос выше всякого возможного уровня, что вызовет такую десублимацию, что будут уничтожены самые ценные завоевания цивилизации, ибо страх смерти, по мнению Фрейда, представляет собой так же трансформированное чувство вины человека перед обществом за совершенные им проступки, тем самым характер психических переживаний индивида детерминирует его модели поведения в обществе. «Страх смерти настолько глубокий и интимный в человеке, что он больше всего вытесняется, являясь скрытой причиной неврозов» [5, с. 109]. Говоря о социокультурной обусловленности феномена страха смерти, необходимо отметить, что, воспринимая смерть не как простой биологический процесс, а вырабатывая определенную ценностную позицию в отношении нее, человек руководствуется той системой ценностей общества, которая субъективно преломляется в его индивидуальном сознании. Следовательно, смерть в обыденном сознании предстает как ценностное понятие.

Э. Фромм отмечает относительно нахождения взаимосвязи вариантов характерообразования и исторического развития общества, что «характер в динамическом смысле аналитической психологии – это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к

определенному образу жизни в определенном обществе. Характер определяет мысли, чувства и действия людей» [7, с. 81]. В теоретических построениях концепции социального характера, Э. Фромм, развивая идеи З. Фрейда о влечениях Эроса и Танатоса, приходит к выводу, что так или иначе, одно из влечений может занять доминирующую позицию относительно другого и тогда в структуре характера формируются либо некрофильные, либо биофильные черты, детерминирующие поведение личности в обществе.

Таким образом, «смерть, будучи биологическим явлением окончания индивидуальной жизни человека, может оказаться неоднозначным феноменом в его судьбе, что детерминировано не изначально генетически запрограммированными, его биологическими свойствами, а структурой личности индивида, обусловленной жизненным опытом, и, в конечном счете, исторически развивающимися системами ценностей» [3, с. 420]. Смерть и бессмертие (как некая совокупность идей, которую создает человек, будучи не в состоянии примириться с собственной смертью) представляют собой исходные экзистенциалы человеческого бытия, они задают внутреннюю напряженность существования, то есть поиск такой организации бытия, когда проблема смерти «снялась» бы полнотой выявления жизни. Рефлексия смерти закладывает личностное отношение к реальности, способствует становлению личностной системы ценностей. Следовательно, смерть и бессмертие выступают в качестве основных аксиологических функций личности. Установки смерти и бессмертия, по нашему мнению, безусловно будучи включенными в структурные компоненты характера, являются характерообразующими функциями.

Список литературы

1. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет / И.Т. Фролов – М.: Политиздат, 1989. – 612 с.
2. Цит. по: «Посмертный опыт» или «вспышка пережитого» // Человек. – 1998. – №2. – С. 68.
3. Сержантов В. Ф. Природа человека и его судьба (философская антропология) / В.Ф. Сержантов, Г.В. Гребеньков. – СПб.: Изд-во Петровской Академии Наук и Искусств, 1994. – 427 с.
4. Фрейд З. Мы и смерть. По ту сторону принципа наслаждения // Рязанцев С. Танатология (учение о смерти). – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. – С. 13-84.
5. Семенова С. О бессмертии // Опыты. Литературно-философский сборник. – М.: Политиздат, 1990.
6. Цит. по: Сержантов В. Ф. Феномен человека (Христианская и научная концепция природы человека) / В.Ф. Сержантов, Г.В. Гребеньков. – К.: ИЦ «Академия», 1997. – 144 с.

УДК 159.942.5

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ СТУДЕНТОВ

*Семенихина Анна Васильевна,
старший преподаватель кафедры психологии,
Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко (г. Луганск),
(anneta_sem@mail.ru)*

Статья посвящена анализу данных эмпирического исследования особенностей негативных эмоциональных переживаний студентов психологических специальностей. Были проанализированы такие переменные как личностная и ситуативная тревожность, различные проявления агрессивности, социальная фрустрированность, стрессовые

состояния. Также исследованы причины, динамика и характерные особенности негативных эмоциональных переживаний студентов.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, тревожность, агрессивность, фрустрация, стресс.

PECULIARITIES OF NEGATIVE EMOTIONAL DISTRESS OF STUDENTS

Semenikhina Anna Vasilyevna,

Senior lecturer of the Department of Psychology,

Luhansk Taras Shevchenko National University (Luhansk),

(anneta_sem@mail.ru)

The article is devoted to analysis of empirical data about peculiarities of negative emotional distress of students of psychological specialties. Such variables as personal and situational anxiety, different display of aggression, social frustration, stressful state were analyzed. The author also studied the causes, dynamics and specific features of negative emotional of students.

Key words: emotional state, anxiety, aggression, frustration, stress.

Студенческий возраст – период онтогенеза, чрезвычайно насыщенный разнообразными эмоциональными переживаниями. Все ситуации, происходящие в жизни юношей и девушек, воспринимаются максимально остро. Наряду с положительными переживаниями, связанными со свободой самовыражения в самых разных видах деятельности, студенты часто испытывают тревогу, обусловленную новизной и неизвестностью жизненных обстоятельств.

В юношеском возрасте самоконтроль эмоций еще не полностью развит, в связи с чем студенты чаще, чем взрослые люди, переживают аффективные вспышки. Если с аффектогенными ситуациями молодые люди встречаются часто, возникает риск возникновения стрессового состояния. Особенно опасными для формирования стресса моментами являются сессионные периоды, когда умственное и эмоциональное напряжение достигает своего максимума. В случае успешного завершения сессии студенты достаточно легко справляются с незначительным стрессом и без последствий избавляются от этого состояния. Если же обстоятельства выходят из-под контроля, ситуации разрешаются неблагоприятно, есть риск возникновения еще одного негативного состояния – фрустрации. В зависимости от темперамента, характера и прочих индивидуальных особенностей личности, студенты склонны по-разному реагировать в состоянии фрустрации. Одной из наиболее распространенных реакций является агрессия, которая также может приобретать разнообразные формы.

Проблемой эмоций в психологии занимались такие ученые как К. Изард, П. Экман, Л. Фестингер, Дж. Келли, Д. Гоулман. Из отечественных авторов-исследователей эмоциональной сферы человека можно выделить следующих: А.Н. Леонтьев, Е.П. Ильин, Л.С. Выготский, П.В. Симонов, С.Л. Рубинштейн, В.К. Вилюнас, Л.Я. Гозман, Б.И. Додонов, Ю.Б. Гиппенрейтер, Г.Г. Вербина. Изучением психологии эмоциональных переживаний занимался Ф.Е. Василюк.

Стресс как негативное эмоциональное состояние изучали Г. Селье, Д.Н. Исаев, Н.Е. Водопьянова, Т.М. Чурилова, Л.Л. Панченко, В.А. Бодров, Р.В. Куприянов. Фрустрации изучали такие авторы как С. Розенцвейг, Л.И. Вассерман, В.С. Мерлин, Н.Д. Левитов, Л.И. Ермолаева. Тревожность стала предметом исследования таких ученых как Ч.Д. Спилбергер, Г.С. Салливан, В.В. Давыдов, А.М. Прихожан, Б.И. Кочубей. Изучением агрессии занимались такие авторы как А. Басс, Н.М. Платонов, С.Л. Колосова, П.А. Ковалев, А.И. Захаров.

Особенности эмоциональной сферы студентов исследовали такие ученые как Б.Г. Ананьев, И.А. Мещерякова, О.Р. Бондаренко, Л.В. Меншикова, А.В. Дмитриев, А.В. Смирнов, В.Т. Лисовский.

В рамках статьи была поставлена цель теоретически обосновать и экспериментально исследовать особенности негативных эмоциональных переживаний студентов психологических специальностей.

Е.П. Ильин дал следующее определение понятию тревоги. Тревога представляет собой «эмоциональное состояние острого мучительного бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожидания чего-либо важного, значительного для человека в условиях неопределенности» [1]. Условия обучения в вузе могут напрямую влиять на уровень тревожности. Качественная организация учебного процесса, демократический стиль руководства, личностно ориентированный и рефлексивно ориентированный подходы способствуют постепенному понижению уровня тревожности среди студентов [2, с. 171].

А. Басс определял агрессию как любое поведение, содержащее угрозу, или наносящее ущерб другим [3]. Причиной агрессии в студенческой среде, особенно на младших курсах, может стать процесс самоутверждения в группе.

Е.П. Ильин определяет фрустрацию как: акт блокирования или прерывания поведения, направленного на достижение значимой цели (фрустрационная ситуация); эмоциональное состояние человека, возникающее после неудачи, неудовлетворения какой-либо сильной потребности, упреков со стороны. Последнее сопровождается возникновением сильных эмоций: гнева, вины, досады, тревоги [1].

Создатель биологической концепции стресса Г. Селье определял стресс как неспецифический ответ организма на любое изменение условий, требующее приспособления [4]. Процесс обучения в высшем учебном заведении, безусловно, сопровождается целым рядом стрессовых переживаний у студентов. В той или иной степени, стрессу подвержен каждый учащийся, начиная со стресса, испытываемого на вступительных экзаменах, и заканчивая стрессом при защите дипломной работы.

С целью получения эмпирических данных о негативных эмоциональных переживаниях студентов нами было проведено исследование, в котором приняли участие студенты Института педагогики и психологии ЛНУ, получающие психологическое образование. В исследовании приняло участие 70 человек с первого по четвертый курс обучения.

Для исследования указанной проблематики был подобран следующий диагностический инструментарий: 1) Методика Ч.Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптирована Ю.Л. Ханиным) [5]; 2) Опросник диагностики агрессивности А. Басса – А. Дарки [6]; 3) Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана (модификация В.В. Бойко) [7]; 4) Комплексная оценка проявлений стресса Ю.В. Щербатых [8]; 5) Анкета, созданная для исследования причин и характера негативных эмоциональных переживаний студентов.

Для обработки эмпирических данных использовались методы корреляционного ($p < 0,05$) и дескриптивного анализа.

По результатам методик можно сформулировать следующие выводы.

В целом у студентов-психологов преобладает низкий уровень ситуационной тревожности (71% испытуемых) и средний уровень личностной тревожности (44% испытуемых). Переживание тревоги не особо свойственно студентам-психологам.

По шкале ситуационной тревожности можно проследить устойчивую динамику убывания данного показателя по мере обучения студентов психологии. В процессе изучения психологии и личностных трансформаций, связанных с этим, снижается чувство тревоги при попадании в сложную ситуацию. Меньшим становится внутренний дискомфорт, напряжение, внутреннее беспокойство и вегетативное возбуждение в

стрессовой ситуации. Данная тенденция подтверждается данными как дескриптивного, так и корреляционного анализа ($r = -0,33$).

По шкале личностной тревожности наблюдается несколько иная тенденция. Отмечается увеличение данного показателя к третьему курсу обучения с последующим незначительным снижением на четвертом курсе.

Анализ данных по агрессии у студентов-психологов показал превышение нормы по таким шкалам как косвенная агрессия (57% испытуемых), раздражение (39% испытуемых), вербальная агрессия (50% испытуемых) и чувство вины (43% испытуемых). Показатели ниже нормы выявлены по таким шкалам как физическая агрессия (40% испытуемых) и обида (40% испытуемых). Наиболее агрессивными оказались первокурсники, наименее агрессивными – студенты третьего курса.

С помощью корреляционного анализа было обнаружено, что физическая агрессия ($r = -0,24$), обида ($r = -0,39$) и вербальная агрессия ($r = -0,36$) снижаются по мере изучения психологии (указаны коэффициенты связи между курсом обучения студентов и механизмами агрессии). В процессе освоения психологии и приобретения навыков саморегуляции студенты научаются контролировать свои порывы и уже не готовы решать проблемы с применением физической силы. Студенты вырабатывают более лояльное отношение к людям с их различными индивидуальными особенностями. Однако такая лояльность может сыграть злую шутку, в результате которой человек становится невосприимчивым к плохому отношению в его адрес. Чем старше становятся студенты, тем меньше они испытывают потребность использовать бранные и матерные слова, а также проклятия и угрозы как способ выразить свое недовольство. В разговоре с другими людьми они становятся более спокойными и адекватными.

Можно утверждать, что студенты-психологи слабо подвержены фрустрации. Показатель социальной фрустрированности у студентов выявил очень низкий уровень (1,3 балла по всей выборке испытуемых). Тем не менее, у студентов второго курса данный показатель оказался несколько выше, нежели у всех остальных студентов, что соответствует пониженному уровню (1,68 балла).

Показатель стресса по всей выборке студентов соответствует умеренному уровню (14,6 баллов). Такой уровень стресса можно компенсировать за счет более рационального распределения времени, чередования периодов работы и отдыха, поиска разумных решений в затруднительных ситуациях.

Исключение составляют первокурсники, у которых данный показатель выше и соответствует уровню выраженного стресса (19,5 баллов). Такой уровень стресса выражается в напряжении эмоциональных ресурсов и физиологических систем организма, возникшем в ответ на сильный стрессорный фактор, который не получается компенсировать. При данном уровне стресса уже рекомендуют использование специальных методов борьбы со стрессом.

В целом наблюдается снижение показателей стресса от первого к третьему курсу с незначительным повышением на четвертом курсе. Корреляционный анализ позволил обнаружить тенденцию снижения показателя стресса по мере обретения психологических знаний ($r = -0,35$), что подтвердило данные дескриптивной статистики. Приобретение знаний по психологии способствует снижению эмоциональных, физиологических, интеллектуальных и поведенческих симптомов стресса. Студенты обретают стрессоустойчивость.

Наиболее частыми негативными переживаниями студентов-психологов (по их собственному мнению) являются злость (29%), раздражение (27%), страх (25%), грусть (23%), печаль (17%), тревога (17%). Наиболее существенными причинами негативных переживаний студенты называют глупость окружающих людей (17%), непонимание со стороны окружающих (13%), проблемы в семье (12%), ссоры с близкими (12%), обман и предательство (10%), трудности при подготовке к экзаменам (10%). Самыми значимыми

стресс-факторами в жизни студентов-психологов выступают экзамены и сессия (52%), проблема выбора (10%), адаптация к городу, университету и новым людям (10%), разногласия в семье (10%), преодоление лени (8%), напряженная обстановка в республике (6%).

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования можно констатировать, что обучение на специальности «Психология» благотворно сказывается на эмоциональной сфере студентов, снижая уровень негативных эмоциональных переживаний. Особенно это касается таких переживаний как ситуационная тревожность, физическая и вербальная агрессия, обида, стресс, которые снижаются по мере приобретения знаний по психологии и развития навыков саморегуляции.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства 2-е изд. / Е.П. Ильин – СПб.: Питер, 2011 – 783 с.
2. Маслова Т.М. Динамика тревожности студентов вуза в процессе их профессионального становления. / Т.М. Маслова // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4 (30). С. 168-171.
3. Гребень Н.Ф. Психологические тесты для профессионалов / Н.Ф. Гребень. – Минск: Современ. шк., 2007. – 496 с.
4. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М., 1979. – 112 с.
5. Диагностики эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. – СПб.: Издательство «Речь», 2002.
6. Хван А.А. Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки / А.А. Хван, Ю.А. Зайцев, Ю.А. Кузнецова // 2008, № 1. – С. 35-58.
7. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов // – М.: Изд-во Института Психотерапии. – 2002. – 490 с. – С. 18.
8. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

УДК 159.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ МЕТОДИК И ЭЛЕМЕНТОВ АРТТЕРАПИИ В КОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНИКА

*Сибилева Ирина Владимировна,
педагог-психолог, специалист высшей категории,
Муниципальное дошкольное образовательное учреждение
«Ясли-сад №194 общеразвивающего типа города Makeevki»,
(sibilo@yandex.ua)*

В статье рассматривается влияние комплексного использования игровых и арттерапевтических методик на изменения в поведении ребенка дошкольника. Сделана попытка показать значение системного комплексного подхода в развитии культуры личности дошкольника через отношение к ребенку как к самооценности и самоорганизующейся структуре при создании определенных условий для его развития.

Ключевые слова: личность ребенка, социальная адаптивность, социально-коммуникативное развитие, игра, игровые методики, арттерапия.

USING GAME METHODS AND ELEMENTS OF ART THERAPY IN CORRECTION OF THE PERSONAL BEHAVIOR OF A PRESCHOOL CHILD

*Sibileva Irina Vladimirovna,
educator-psychologist, the highest qualification,
Municipal preschool educational institution «nursery-kindergarten №194
general developmental type of city Makeevka, (sibilo@yandex.ua)*

The article reviews the impact of the integrated use of gaming and art therapy techniques to change the behavior of a child preschooler. was made an attempt to show the importance of a systematic integrated approach in the development of a preschooler's personality culture through the attitude to the child and was to a self-value and self-organizing structure while creating certain conditions for its development.

Key words: child's personality, social adaptability, social and communicative development, game, game techniques, art therapy.

Именно в дошкольном детстве происходит интенсивное освоение социального пространства. Ребенок начинает осознавать себя как социальное существо и учится осознанному управлению своим поведением. У него появляется возможность саморегуляции поступков на основе знания нравственных норм и правил, умения анализировать ситуации, заключающие в себе моральный смысл, а также предвосхищать последствия предполагаемого собственного поступка для себя и окружающих [1].

В условиях современного личностно-ориентированного образования развитие личности ребенка понимается как развитие субъектности, вхождение ребенка в образ своего «Я», обретение индивидуальных, фундаментальных свойств личности, в данном подходе детство воспринимается как самоценность, а образовательный процесс рассматривается как деятельность взрослых направленная на сохранение, оберегание детства [2].

Основным средством стимулирования личностной активности ребенка дошкольника выступает игровая ситуация, так как игра способствует его гармоничному включению в мир ценностей и человеческих отношений, дает навык совместной деятельности.

Игра имеет большое значение для формирования мотивационно-потребностной сферы ребенка. Л. С. Выготский выдвигал проблему мотивов и потребностей как центральную для понимания самого возникновения сюжетно-ролевой игры. Он отмечал, что окружающие предметы и действия с ними включаются в новую систему отношений ребенка к действительности, в новую эмоционально-привлекательную деятельность. Благодаря этому они объективно приобретают новый смысл. Дети действуют в направлении своего желания, объективно ставят себя в положение взрослого, при этом происходит эмоционально-действенная ориентация в отношениях взрослых и смыслах их деятельности [5]. Игра способствует становлению не только общения со сверстниками, но и произвольного поведения ребенка. Механизм управления своим поведением – подчинение правилам – складывается именно в игре, а затем проявляется в других видах деятельности [3, с.26-27].

Преимущества игры в коррекционной работе с дошкольниками состоят в том, что: игра помогает выразить скрытые чувства, игра помогает ребенку обсуждать различные вопросы и проблемы; игра помогает проникнуться чувствами окружающих и понять их мотивацию, игра дает возможность поупражняться в различных типах поведения, игра высвечивает общие социальные проблемы и динамику группового взаимодействия – формального и неформального, игра дает возможность учиться различным способам общения и подчеркивает важность эмоциональных реакций, игра является мотивирующей и эффективной, поскольку предполагает интересное действие, игра обеспечивает быструю обратную связь каждому участнику игры, игра центрирована на ребенке и обращается к его нуждам и заботам; содержание и темп игры зависит от группы, в игре социально неуверенный ребенок учится контролировать свои чувства и эмоции, игра помогает ребенку изменить негативные установки в ситуациях общения на позитивные.

В данной кризисной ситуации, очень важным стало направление формирования адаптивных способностей ребенка. Дети с неэффективным адаптационным стилем с

каждым пройденным кризисом становятся менее эффективными при совладении с последующими травматическими событиями.

Исходя из особенностей таких детей и проблем их взаимоотношений со сверстниками, можно выделить следующие направления коррекционной работы с ними: обучение дошкольников приемам снятия эмоционального и мышечного напряжения, повышение значимости и уникальности каждого ребенка для сверстников, оптимизация самооценки детей, гармонизация их притязаний на признание, отработка навыков владения собой в проблемных для ребенка ситуациях.

В ходе поисковой работы нами определено, что понятие игровые методики включает достаточно обширную группу методов и приемов организации диагностико-коррекционного процесса в форме различных игр и игровых приемов. Игровая форма занятий создается игровой мотивацией, которая выступает как средство побуждения, стимулирования детей к деятельности.

Реализация игровых приемов и ситуаций во время работы психолога с детьми проходит по таким основным направлениям: коррекционная или диагностическая цель ставится перед детьми в форме игровой задачи, весь процесс деятельности подчиняется правилам игры, коррекционно-диагностический материал используется в качестве ее средства, успешное выполнение коррекционного задания связывается с игровым результатом.

Целью игровых методик является решение ряда задач: дидактических (формирование определенных умений и навыков и др.), развивающих (развитие творческих идей, умений устанавливать закономерности, находить оптимальные решения и др.), воспитывающих (воспитание самостоятельности, воли, формирование нравственных и мировоззренческих позиций, воспитание сотрудничества, общительности и др.); социализирующих (приобщение к нормам и ценностям общества; адаптация к условиям среды и др.), (адаптировано нами) [6].

В ходе работы нами использовалась программа Л. Костиной «Сказочная шкатулка». В основу данной программы положены занятия, которые строятся по принципу концентричности по трем циклам. Занятия первого цикла направлены на: закрепление за ребенком (с помощью предлагаемой ему роли-образа) позиции управляющего, режиссера; обучение придумыванию сюжета, объединение предметов по смыслу; обучение самостоятельно владеть ролью-образом [4, стр.82-118].

Также мы использовали элементы директивной игровой терапии в своей работе с детьми малоактивными и подчиненными в общении со сверстниками. *Директивная игровая терапия* — это форма, в которой психолог выступает в роли организатора, руководителя коррекционного процесса с принятием на себя ответственности за достижение целей коррекции.

Как правило, процесс игровой терапии данного типа базируется на теории социального научения, при которой основной задачей является обучение ребенка адекватному социальному поведению путем подражания (эталону, другим детям, родителю, психологу). При этом аффективной стороне детской игры не уделяется большого внимания. Поведение психолога может устойчиво или динамически проявляться в ходе коррекционного процесса в виде директивного ролевого поведения. При данном виде поведения, психолог, прежде всего, использует общепризнанный, социально обусловленный авторитет педагога при формировании отношений с ребенком по типу руководства. В этом случае психолог должен осознавать, что «этот авторитет не является выражением превосходства его личности, а усиливает его возможности по оказанию помощи».

При директивном поведении психолог структурирует ход коррекции, определяет поведение ребенка, требования сотрудничества в коррекции. Психологический механизм идентификации позволяет ребенку усвоить необходимые конструктивные позиции и

способы поведения в различных жизненных ситуациях. К преимуществам директивной игровой терапии также следует отнести то, что психолог может с высокой вероятностью прогнозировать время и качество коррекционных изменений у ребенка, более структурировано и планомерно реализовывать и контролировать их, а также работать с ребенком в более интенсивном и краткосрочном режиме.

Нами проведены обучающие мини-консультации для педагогов и родителей по снижению психоэмоционального напряжения у детей (коррекционной группы), в которые были включены и различные техники арттерапии и игры на развитие навыков бесконфликтного общения. Разработаны и выданы рекомендации для педагогов и родителей с комплексами игр и простейших арттерапевтических техник. Педагоги и родители выступали активными участниками коррекционного процесса, по их мнению, игры, предоставленные им, довольно интересны и дети с удовольствием играют.

В ходе работы была проведена диагностика личностного поведения ребенка в общении по методике экспертного оценивания Т.В.Сенько. Был проведен сравнительный анализ динамики личностных показателей детей за 2 года (средняя группа и старшая группа) по мере их взросления и проведения коррекционной игровой работы. Обозначения: Д+ - положительное доминирование, Д- - отрицательное доминирование, П+ - положительное подчинение, П- - отрицательное подчинение.

группа	Д +		Д-		П+		П-	
	до кор	после	до кор	после	до кор	после	до кор	после
средняя	18%	32%	47 %	14%	11%	48%	24%	6%
старшая	32%	57%	14%	3%	48%	39%	6%	1%

Из таблицы видно, что в средней группе после коррекционной работы значительно уменьшились показатели отрицательного доминирования и подчинения и выросли показатели положительного подчинения и доминирования, в старшей же группе у этих же детей после продолжения коррекционной работы значительно вырос показатель положительного доминирования, почти свелись на нет отрицательные показатели. Была проведена диагностика нарушений личностного развития по методикам З.С.Карпенко (тревожность, агрессивность, импульсивность, неуверенность) со старшими дошкольниками коррекционной группы.

группа	тревожность		агрессивность		импульсивность		неуверенность	
	до кор	после	до кор	после	до кор	после	до кор	после
1 год	12%	3%	7%	4%	7%	4%	15%	5%

Из таблицы видно, что и на эмоциональную сферу игровые и арттерапевтические технологии действуют так же положительно, значительно снижая, а иногда и полностью убирая проблемы эмоционального характера у ребенка дошкольного возраста. Причем коррекция происходит комфортно, без давления со стороны взрослых, через игру и элементы арттерапии (танцевальные, рисуночные, психогигиенические техники.)

Проанализировав и обобщив игровые арттерапевтические методы развития коммуникативных навыков и личностных качеств детей дошкольного возраста, мы увидели, что они характерны, прежде всего, тем, что в игре ребенок познает смысл человеческой деятельности, начинает понимать и ориентироваться в причинах тех или иных поступков людей. Познавая систему человеческих отношений, он начинает осознавать свое место в ней. Игра стимулирует развитие личностной сферы ребенка. Разыгрывая фрагменты реальной взрослой жизни, ребенок открывает новые грани окружающей его действительности.

В игре дети научились бесконфликтному общению друг с другом, умению подчинять свои интересы интересам других. С помощью арттерапевтических методов дети легко снижают психоэмоциональное напряжение, повышают самооценку, снижают агрессию, избавляются от тревожности и импульсивности, научаются самовыражаться и обретают уверенность.

Результат проведенных исследований показывает, что развитие детей проходит успешно, и без напряжения, как-бы само-собой в процессе игры. Это происходит безусловно, благодаря системной коррекционной работе, которая предполагает изменение личностных и ситуационных факторов влияющих на поведение дошкольника.

Список литературы

1. Запорожец А.В., Неверович Я.З., Колелева А.Д. Эмоциональное развитие дошкольника: Пособие для воспитателей детского сада – М.: Просвещение. 1985. –176 с
2. Бондаревская Е.В. Воспитание как встреча с личностью: избр.пед.тр.: в 2 т. Т 2 / Е.В Бондаревская. . – М.; Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Гос. Пед. ун-та, 2006. – 504с.
3. Костина Л. Игровая терапия с тревожными детьми. – СПб.: Речь, 2003. – 160с.
4. Игры для интенсивного обучения / Под ред. В.В Петрусинского. М., 1991.
5. http://studme.org/2001122725788/psihologiya/osobennosti_psihicheskogo_razvitiya_doshkolnom_detstve
6. <http://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2014/09/27/osobennosti-sovremennykh-igrovyykh-tehnologiy-v-dou>

УДК 159.9

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

*Терехин Вячеслав Александрович,
кандидат психологических наук, доцент,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону),
(terjochin@mail.ru)*

*Селиверстова Анна Викторовна, аспирант,
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону),
(anna2792289@yandex.ru)*

В настоящей статье будет дано определение понятия «идеология», предложены трактовки понятия «корпоративная идеология», представленные в современных научных трудах ученых. Также в рамках статьи нами будут рассмотрены основные функции корпоративной идеологии, этапы ее формирования в современных компаниях. Также мы выделим основы построения корпоративной идеологии в современных компаниях.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпорация, идеология, корпоративная идеология, организационная психология.

THE BASIC PRINCIPLES OF CORPORATE IDEOLOGY FROM THE POINT OF VIEW OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGY

*Terekhin Vyacheslav Aleksandrovich,
candidate of psychological Sciences, associate Professor,
Southern Federal University (Rostov on Don), (terjochin@mail.ru)*

*Seliverstova Anna Viktorovna, postgraduate student,
Southern Federal University (Rostov on Don),
(anna2792289@yandex.ru)*

In this article, the definition of the concept «ideology» will be given, interpretations of the concept «corporate ideology» presented in modern scientific works of scientists will be proposed. Also within the article we will consider the main functions of corporate ideology, the stages of its formation in modern companies. We will also highlight the basics of building corporate ideology in modern companies.

Key words: company culture, corporation, ideology, corporate ideology, organizational

psychology.

В современном мире многие крупные корпорации имеют собственную корпоративную идеологию. Топ-менеджмент таких корпораций, прилагая все большие усилия к ее построению, считает развитость корпоративной идеологии фактором процветания и успеха на рынке, основой стабильного развития общества и корпорации. Чтобы определить закономерности распространения корпоративных идеологий в современных компаниях, нужно определить понятие и сущность корпоративной идеологии, а также условия ее формирования. Определение дефиниции термина «корпоративная идеология» обязано основываться на сущности понятия «идеология».

По мнению Н.Р. Имаева, идеология представляет собой систему отношений, ценностей и идей, которая формируется целенаправленно соответствующими историческому периоду средствами и соответствует интересам определенной социальной группы.⁵

Вопросами корпоративной идеологии занимались многие зарубежные исследователи, среди них: Р. Уотерман, М. Портер, Т. Питерс, Г. Минцберг, П. Друкер, Р. Бендикс и другие. Среди российских авторов хотелось бы выделить Е.А. Савеленок, А. Сосланда, Л.Д. Гительмана, А.И. Наумова и других исследователей.

Р. Бендикс приступил одним из первых к исследованию корпоративной идеологии. Под корпоративной идеологией исследователь понимал управленческие идеи, которые служат оправданию/подтверждению авторитета и власти над подчиненными и повышению их производительности труда.⁶

По мнению В.В. Капитоновой, корпоративная идеология представляет собой система идей и взглядов, в которой оцениваются и осознаются отношения людей к действительности, социальной деятельности, социальным проблемам, друг к другу, нацеленной на изменение или закрепление существующих отношений в фирме.⁷

Е.А. Савеленок исходит из системного взгляда на корпоративную идеологию. Исследователь представляет ее как часть подсистемы саморазвития, так и пятизвенную иерархическую структуру, которая включает:

1. идеологию управления как единство идеологической системы и ее жизненной среды;
2. идеологической системы в рамках процесса идеологического воздействия;
3. идеологии фирмы как совокупности организационной и управленческой идеологий, которые в себя включают механизм ее реализации и структуру;
4. организационной идеологии, которая отражает формально-представительный аспект идеологии в компании;
5. управленческой идеологии в формах вербальных формулировок, разных форм информации, наглядных представлений и прочее.⁸

Следовательно, корпоративная идеология – это часть корпоративной культуры, которая выступает фундаментальной категорией общественного сознания. Через корпоративную культуру сотруднику транслируются нормы поведения внутри компании и

⁵ Имаева Н.Р. Идеология: от политических доктрин к управлению корпорацией // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 29.

⁶ Вопросы идеологии в отечественной и зарубежной управленческой литературе (Материалы по идеологии управления) [Электронный ресурс]: http://www.odn2.ru/archiv/voprosy_ideologii.html Дата обращения: 20.10.2018. Доступ свободный.

⁷ Капитонова В.В. Корпоративная идеология в работе по мотивированию работников // Вестник ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова. № 3. 2012. С. 85.

⁸ Савеленок Е.А. Идеология управления в организации – структура и процесс. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, 2000. [Электронный ресурс]: http://www.odn2.ru/archiv/savelionok_avtoreferat.html Дата обращения: 22.10.2018. Доступ свободный.

с ее клиентами. Через корпоративную идеологию транслируются высоконравственные цели компании, ее социальная ориентированность. Это позволяет, как сотрудникам, так и клиентам увидеть «душу» компании, сделать вывод, что бизнес стремится не только к получению прибыли. На уровне управления социальными институтами, корпоративная идеология считается мощным социальным инструментом для эффективного управления фирмой.

С.Г. Сапегина выделила следующие функции корпоративной идеологии:

- определение одобряемых фирмой моделей поведения и способов деятельности;
- выстраивание приоритетов ценностей компании;
- определение критериев эффективности деятельности для работников компании;
- формирование единого смыслового поля, которое задает непротиворечивое представление о деятельности корпорации.⁹

Основой корпоративной культуры в современных организациях считается корпоративная идеология.¹⁰ Ряд зарубежных компаний со сформированной корпоративной идеологией внедряют легко принципы корпоративной культуры в российских филиалах. С внедрением корпоративной культуры в российских фирмах складывается совсем иначе. Мало лишь сформулировать корпоративную идеологию, ее необходимо донести до работников фирмы через систему мотивации, PR и HR-стратегии, с помощью наставничества и обучения, через систему корпоративного менеджмента и пр. Это можно все считать инструментами идеологической трансляции, т.е. инструментами управления корпоративной идеологией.¹¹ С развитием компании связано такое понятие, как «материальная основа корпоративной идеологии». Это обусловлено тем, что руководителям современных фирм нужно понимать, как их бизнес будет развиваться; какую компания будет приносить прибыль и иные вопросы. Работникам современных компаний нужно знать то же самое, а также то, как развитие компании сможет отразиться на их эмоциональной стабильности и материальном благополучии. Это обуславливает связывание образа будущего фирмы и личного образа будущего. А. Кондратович в собственных интервью говорил, что существуют 3 кита, на которых стоит результативная корпоративная идеология с позитивным дополнительным эффектом для сотрудников и управленцев:

- 1) атмосфера профессионального непрерывного самосовершенствования каждого работника фирмы;
- 2) научный подход к организации всех процессов производства в корпорации;
- 3) радость у работников от процесса выполнениями собственной работы.¹²

Таким образом, на основе изученных элементов корпоративной идеологии можно выделить основы ее построения:

- определить сотрудников, которые работают не только за материальный стимул, но и за идею, могут влиять на других для повышения трудовой эффективности – это основная задача HR-менеджмента, потому что такие сотрудники считаются самыми ценными для корпорации;
- нужно изменить модель формирования человеческих убеждений и ценностей, страхов и веры, стереотипов и привычек для эффективного управления;

⁹ Сапегина С.Г. Краткий курс лекций по дисциплине «Технология корпоративного брендинга». Екатеринбург, 2015. С. 28.

¹⁰ Баринов В. А., Макаров Л. В. Корпоративная культура организации в России // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]: <https://www.cfin.ru/press/management/2002-2/12.shtml> Дата обращения: 20.10.2018. Доступ свободный.

¹¹ Общая социология / сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин. – М. : Высш. шк., 2006. – 784 с.

¹² Кондратович А. Матрица 100%-го управления или Добро пожаловать в позитивную корпоративную идеологию // ТОП-персона : Электронная газета о работе и карьере. – № 17(65) от 27.4.10.

- не стоит изобретать что-то новое в построении корпоративной идеологии, нужно применять накопленный положительный опыт и анализировать существующие в данной области неудачи;
- эффективное управление не может быть без системных изменений и идей, которые объединяют рядовых сотрудников, средний менеджмент и руководство фирмы в сплоченную команду.¹³

Для современных компаний, чтобы успешно функционировать на рынке, недостаточно произвести хороший товар, успешно его рекламировать, обеспечить маркетинг. На сегодняшний день важным условием эффективной деятельности любой фирмы считается наличие социально значимого статуса, о котором информируется постоянно внешняя и внутренняя общественность. Такого рода информирование решает две важнейшие и наиболее дорогостоящие проблемы, которые стоят у подавляющего большинства компаний на пути к успешному бизнесу.

Во-первых, текучесть кадров. В условиях современной рыночной экономики у рабочей единицы есть возможность выбора работы, конечно условия труда и оплата труда индивида, как правило, не удовлетворяет в полной мере, независимо от количественного показателя. К тому же в современном социуме приветствуется так называемый «поиск себя», который подразумевает частую перемену места работы. При этом все компании существуют в одинаковых условиях рынка, соответственно предлагают одинаковые условия и оплату труда по аналогичным должностям. Путем внедрения корпоративной идеологии компания «проникает» на эмоциональный уровень своего сотрудника. Сотрудник начинает видеть схожие черты и принципы между собственными и корпоративными, замечает, что компания точно знает свой путь развития, что вызывает у сотрудника чувство уверенности в собственном будущем. Если корпоративная идеология транслируется активно, то уже через короткое время индивид начинает себя отождествлять частью компании: чувствует себя нужным членом «большой семьи», представляет, как он будет «расти» вместе с компанией, воспринимает свою деятельность, как социально значимую, что для любого индивида является способом «закрытия» своих психологических потребностей, например, согласно «Пирамиде потребностей» А. Маслоу. В итоге, сотрудник готов терпеть неудобства ради «общего» дела и в сознании планирует свое будущее в рамках компании или же увольняется, если психологическое давление такого рода не приемлет. В обоих случаях, для компании это выгоднее, чем изучать все особенности и потребности каждого сотрудника, а затем пытаться их удовлетворить.

Во-вторых, лояльность клиента. С помощью корпоративной идеологии компания может «подружиться» с клиентом. Поскольку качественный сервис или качественный продукт – это измеримая характеристика, клиент будет его покупать до тех, пор пока не найдет более качественный аналог. Если же компания «поделилась» с клиентом своими высоконравственными и социально ориентированными идеями, то продукт уже является не обезличенным товаром, а «орудием помощи» клиента в достижении компанией ее высоконравственных целей. Именно поэтому возникает необходимость информационного обращения к публике, распространения информации о жизнедеятельности организации. Проведя анализ научных исследований в срезе структурных элементов корпоративной идеологии, мы выделили следующие ее составляющие:

- видение компании;
- достижения компании;
- стратегия и цели компании;
- корпоративное нормотворчество (профессиональные и этические кодексы, требования, обязательства, правила);
- корпоративная миссия (задачи, цели, принципы, ценности компании).

¹³ Ядгаров Я. С. История экономических учений. – М. : Инфра-М, 2007. –480 с.

Процедура формирования корпоративной идеологии подразумевает ряд этапов:

1. Анализ и согласование основных идеологических установок субъектов корпорации: акционеров и их представителей, а также топ-менеджмента. В результате первого этапа образуется формирование целостного представления об образе будущего фирмы, управленческих принципах, основных ценностях и моделях поведения в компании.
2. Анализ интересов партнерских групп в отношении фирмы. На основе проведенного анализа вырабатываются главные принципы взаимодействия с партнерами.
3. Обсуждение основ корпоративной идеологии с представителями заинтересованных групп в корпорации.

Это обсуждение позволяет выработать адекватный язык трансляции принципов корпоративной идеологии, а также скорректировать их в отношении интересов данных групп. В результате чего оформляются политики, которые регулируют отношения в корпорации. Лишь в том случае, когда трансляция корпоративной идеологии станет основным приоритетом руководителей фирмы, корпоративная идеология станет действенным инструментом поддержания и развития корпоративной культуры.

Выводы. Стоит признать, что все крупные российские и зарубежные компании имеют собственную корпоративную идеологию. Авторитет компании в прямой зависимости от уровня развития структурных элементов корпоративной идеологии. Основное преимущество корпоративной идеологии имеет экономический характер – с помощью применения определенных идей корпоративной идеологии повышается производительность труда сотрудников, повышается общий коэффициент полезного действия корпорации и, в результате, увеличиваются доходы. С помощью психологической привязанности к идеям компании также повышается лояльность клиентов. Воплощение корпоративной идеологии в жизнь базируется на том, что формируемые, имиджевые характеристики нацелены не только на среду внешнюю, но и направлены на внутреннее использование.

Список литературы

1. Баринов В. А., Макаров Л. В. Корпоративная культура организации в России // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]: <https://www.cfin.ru/press/management/2002-2/12.shtml> Дата обращения: 20.10.2018. Доступ свободный.
2. Вопросы идеологии в отечественной и зарубежной управленческой литературе (Материалы по идеологии управления) [Электронный ресурс]: http://www.odn2.ru/archiv/voprosy_ideologii.html Дата обращения: 20.10.2018. Доступ свободный.
3. Имаева Н.Р. Идеология: от политических доктрин к управлению корпорацией // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 28-33.
4. Капитонова В.В. Корпоративная идеология в работе по мотивированию работников // Вестник ИЖГТУ им. М.Т. Калашникова. № 3. 2012. С. 85-86.
5. Кондратович А. Матрица 100%-го управления или Добро пожаловать в позитивную корпоративную идеологию // ТОП-персона : Электронная газета о работе и карьере. – № 17(65) от 27.4.10.
6. Общая социология / сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин. – М. : Высш. шк., 2006. – 784 с.
7. Савеленок Е.А. Идеология управления в организации – структура и процесс. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, 2000. [Электронный ресурс]: http://www.odn2.ru/archiv/savelionok_avtoreferat.html Дата обращения: 22.10.2018. Доступ свободный.
8. Сапегина С.Г. Краткий курс лекций по дисциплине «Технология корпоративного брендинга». Екатеринбург, 2015. С. 29.

9. Ядгаров Я. С. История экономических учений. – М. : Инфра-М, 2007. –480 с.

УДК 159.9

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СОТРУДНИКАМИ ПДН ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТНОГО КОНТАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Устинов Дмитрий Вячеславович,

*Заместитель начальника отдела по делам несовершеннолетних МВД ДНР,
(г. Донецк, ДНР, d-ustin.80@mail.ru)*

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам проблемы использования сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних Министерства внутренних дел психологических знаний при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних. Исследуются проблемы установления сотрудниками полиции эффективного психологического контакта с подростками, виды психологического воздействия, способствующие решению задач оперативно-служебной деятельности.

Ключевые слова: юридическая психология детства, несовершеннолетний правонарушитель, психологический контакт.

THE APPLICATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE BY THE JUVENILE POLICE OFFICER AT AN ESTABLISHMENT PERSONAL CONTACT WITH MINORS

Ustinov Dmitry,

*Deputy Head of juvenile police of the Ministry of internal Affairs of DPR,
(Donetsk, DPR, d-ustin.80@mail.ru)*

The article is devoted to the theoretical and practical aspects of the problem of the use of psychological knowledge by the juvenile police officer in the prevention, detection and investigation of crimes committed with the participation of minors. Examines the problem of establishing by policeman an effective contact with adolescents, the types of psychological impact, contributing to the decision of problems operatively-office activity.

Key words: juridical juvenile psychology, juvenile offender, psychological contact.

Юридическая психология детства – это отрасль научного знания, изучающая явления и закономерности психики несовершеннолетних, связанные применением правовых норм и правовой деятельностью при участии лиц подросткового и раннеюношеского возраста. И юристы, и психологи в своих работах, среди которых можно выделить труды М.А. Алемаксина, Л.И. Божович, В.Л. Васильева, Л.С. Выготского, И.А. Горьковой, Н.В. Дворянчикова, Е.Г. Дозорцевой, К.Е. Игошева, И.А. Коноваловой, К.Ю. Логиновой, К.Ю. Малюшиной обращают внимание на то, что такая деятельность характеризуется сложностями в налаживании эффективного общения, большим количеством психологических барьеров, повышенной конфликтностью, противоборством мотивов и иными проблемами психологического характера [2,3].

На территории Донецкой Народной Республики субъектами использования средств психологического познания при проведении какого-либо вида правоприменительной деятельности в отношении несовершеннолетних являются, прежде всего, инспекторский состав подразделений по делам несовершеннолетних Министерства внутренних дел (ПДН). Именно они в повседневной профессиональной деятельности постоянно сталкиваются с большим количеством задач психологического содержания, требующих скорейшего и квалифицированного решения. Среди направлений использования сотрудниками ПДН специальных психологических знаний при осуществлении

правоприменительных мероприятий с несовершеннолетними можно выделить: изучение личности несовершеннолетнего; установление психологического контакта с несовершеннолетним; осуществление психологического воздействия на несовершеннолетнего; оценка достоверности и правдивости показаний несовершеннолетнего; определение тактики проведения отдельных следственных, поисковых (оперативных) мероприятий с участием несовершеннолетних.

К сожалению, в настоящее время использование психологических знаний при проведении как профилактических, так оперативно-поисковых мероприятий является недостаточно обоснованным и систематизированным процессом, который не может удовлетворить потребности практики, инспектора ПДН в своей повседневной деятельности очень редко целенаправленно используют достижения психологической науки.

Для качественного выполнения оперативно-служебных задач и организации эффективного взаимодействия с несовершеннолетними всех категорий сотрудниками ПДН, прежде всего, необходимо понимать психологические особенности детей отдельных возрастных групп. Безусловно, одним из периодов развития личности, который требует особого воспитательно-педагогического внимания, является подростковый возраст, когда достигают зрелости почти все биологические системы организма. Гормональная перестройка обуславливает появление новых чувств и волнений. Все компоненты структуры личности подростка окончательно не сформированы, неустойчивы, подвижны, что порождает противоречивые желания и поступки. Возраст психологически очень противоречивый: социальный статус мало отличается от детского, однако чувство взрослости выдвигает новый уровень притязаний, соответствующих положению, которого подросток фактически еще не достиг. Поведение подростка регулируется его самооценкой, которая формируется во время общения с теми, кто его окружает. Но поскольку самооценка противоречива, недостаточно целостна, становятся возможными внешне малообъяснимые поступки, иногда приводящие к правонарушениям. Главной ценностью подростка является достижение в окружении более высокого статуса. Подросток чувствует необходимость соответствовать нормам, принятым в его среде. Оценка взглядов взрослых искажается мнением референтной группы. Непризнание взрослыми личных способностей и самостоятельности обуславливают стремление подростка к стихийно-групповому общению. Подросток, считая себя взрослым, пытается освободиться от опеки и ему важно чувствовать, что он нужен и на что-то способен [4].

Такие групповые характеристики обуславливают определенные особенности преступлений, совершенных подростками. При совершении преступлений, связанных с насилием над детьми присущи издевательства, жестокость (на 30% чаще по сравнению с взрослыми правонарушителями), насильственные действия к незащитному (на 40%). В тоже время при совершении имущественных преступлений несовершеннолетним характерны непреодолимое желание обладать определенной вещью (на 71% чаще); попытка завладеть вещью как "трофеем" (на 60%); желание быть не хуже сверстников (на 53%).

Часто преступления, как насильственные, так и имущественные, содержат элементы игры, романтики, «стремление к справедливости». Э. Берн распределяя всех преступников на два типа, выделял тех, которые видят в преступлении только материальную пользу и тех, кого привлекает игра [1]. Большое количество подростков, совершивших преступления, составляют промежуточную группу, у которых при совершении преступлений наличествуют разносторонние побуждения, что зачастую усиливает стремление к совершению противоправного поступка. При этом в каждом отдельном случае подросток находит себе внутреннее оправдание: взял на время, из солидарности, проучить и иные подобные объяснения [5].

Определяющее значение для раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетними имеет общение с подростками, как подозреваемыми в их

совершении, так и потенциальными свидетелями, и установление в процессе такого общения возможных мотивов противоправного поведения. Основой определения такого рода мотивов является психологическое оценивание, которое можно разделить на два вида:

1. Биографическое оценивание, основанное на данных, полученных в результате изучения биографии подростка. Во время этого процесса изучаются все известные об объекте характеристики, которые могут что-либо сообщить об оцениваемом: дата рождения, школьная успеваемость, материальное положение и другие.
2. Визуальное оценивание, основанное на восприятии внешних признаков человека (внешний вид, одежда, выражение лица, жестикуляция, походка, голос, особенности речи).

При оценке несовершеннолетнего во время двустороннего контакта сотрудник ПДН также является объектом оценивания. В этой связи, учитывая, что основа отношения к собеседнику закладывается в первые моменты общения инспектору необходимо сформировать нужное, в зависимости от выбранной тактики поведения, впечатление о себе именно в этот период, когда подросток не определил, какую роль ему играть и является самим собой.

Для быстрого установления контакта и дальнейшего продуктивного общения с подростками сотруднику ПДН необходимо понимание существования возможных психологических барьеров общения и потенциальных путей их преодоления. Так, барьер недоверия и вражды преодолевается путем акцентирования внимания на значимости подростка, его неповторимости; барьер перенасыщенности контактом предупреждается благодаря учету особенностей темперамента и характера с самого начала беседы; барьер равнодушия преодолевается с помощью акцентирования внимания на значимых для конкретного подростка вещах; барьер несовместимости преодолевается безусловным принятием подростка со всеми недостатками и длительное разумное общение.

Кроме этого возможно влияние эмоционально-волевого барьера – негативно-эмоционального отношения подростка к сотруднику полиции, которое может возникнуть как непосредственно в процессе общения, так и предварительно ввиду отрицательного отношения несовершеннолетнего к полиции вообще или к конкретному полицейскому. Нейтрализуется уважением, внимательным отношением, созданием условий к персональному контакту.

Также существенно осложняет выполнение поставленных задач при взаимодействии с подростком наличие мотивационного барьера, возникающего в связи с нежеланием общаться с сотрудником полиции ввиду как отдельных личностных принципов, так и внутренних побуждений. Правильное определение мотива такого поведения и психологически верно подобранные аргументы могут помочь в его преодолении и установлении контакта.

При получении информации инспекторами ПДН от несовершеннолетних свидетелей или лиц, которые могут ее предоставить обязательен учет возможности существования различных психологических причин для ложных показаний. Различную психологическую природу имеют заведомо ложные показания и показания, которые являются ложными в результате ошибки. Так, причинами заведомо ложных показаний могут быть личная заинтересованность несовершеннолетнего свидетеля, влияние со стороны других лиц, характер взаимоотношений с участниками оперативно-следственного процесса, пережитый психический стресс в связи с допросом, зависимое состояние от обвиняемого или потерпевшего, круговая порука и иные подобные факторы. Причинами ошибочно ложных показаний являются особенности восприятия и памяти, ограниченный словарный запас или неправильное обозначение терминов, влияние внешних факторов (средств массовой информации, других свидетелей, слухи) и другие источники искажений.

Для получения информации, объективно отражающей события, а также сведений, представляющих служебный интерес необходимы не только знания процессов, возникающих в психике несовершеннолетнего объекта осуществления контакта, но и умения правильно влиять на них. При работе с несовершеннолетними, учитывая специфические подростковые и раннеюношеские особенности мировосприятия, такие знания и умения требуют пристального внимания и отдельного понимания. В следственной работе, как деятельности, резюмирующей оперативно-поисковые мероприятия, на сегодняшний день для оказания определенного психологического воздействия применяются методы убеждения, заражения, а в отдельных случаях, при необходимости побудить давать правдивые показания, - метод внушения. В тоже время применение таких методов психологического воздействия как подражание, предполагающего копирование поведения взрослого собеседника, и манипуляция является нецелесообразным, а в отдельных случаях и противозаконным.

Однако даже применение эффективных методов воздействия необходимо сопровождать постоянным контролем за поведением несовершеннолетнего, наблюдением за его реакцией на отдельные элементы общения и динамикой психических состояний, удержанием избранного типа взаимодействия. Так, метод убеждения, являющийся явной или скрытой дискуссией, направленной на достижение единства понимания и переживания, при подборе некачественных аргументов и потере обратной связи может превратиться в морализаторство, не воспринимаемое объектом воздействия либо вызывающее иронию, пренебрежение, раздражение или иную негативную реакцию. Наблюдение за подростком также способствует обнаружению признаков усталости, раздражения и прочих естественных изменений, что позволяет устранить их причины, перенести общение либо скорректировать акценты воздействия.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости углубленного использования сотрудниками ПДН разносторонних психологических знаний в отношении несовершеннолетних участников провоприменительных процессов. Понимание психологических особенностей и их учет может нивелировать действие компонентов, оказывающих влияние на объективность и правдивость показаний несовершеннолетних, и иных факторов, препятствующих решению задач служебной деятельности.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры.- Минск: Современный литератор, 2002. – 448 с.
2. Васильев В. Л. Юридическая психология: учебное пособие.- М.: Юридическая литература, 1991. – 462 с.
3. Дозорцева Е. Г. Развитие открытой, скрытой агрессии и совершение подростками правонарушений // Прикладная юридическая психология. – 2013.- №2.- С. 48-55
4. Кон И. С. Психология старшеклассника: пособие для учителя.- М.: Просвещение, 1980-189 с.
5. Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей [Электронный ресурс] // Психология и право.-2018.- №1.- С. 63-76
6. Чуфаровский Ю.В. Психология в оперативно-розыскной деятельности.- М.: Право и закон, 1996. – 125 с.

УДК 159.956.2

ОСОБЕННОСТИ И СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙ У СТУДЕНТОВ С ДОМИНИРОВАНИЕМ ИНТУИТИВНОГО КОМПОНЕНТА КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

*Устинова Наталья Валериевна,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк), (d-ustin.80@mail.ru)*

Представлены результаты теоретического и экспериментального исследования особенностей формирования новых понятий у студентов в процессе учебной деятельности. Выявлены различия в особенностях и эффективности стратегий формирования понятий у студентов с различной степенью выраженности интуитивного или аналитического компонента когнитивного стиля.

Ключевые слова: учебная деятельность студентов, эффективность стратегий формирования понятий, сканирующие и целостные стратегии, связь с особенностями когнитивных стилей, интуитивный и аналитический структурные компоненты.

FEATURES AND STRATEGIES OF FORMATION OF CONCEPTS IN STUDENTS WITH DOMINANCE COMPONENT OF INTUITIVE COGNITIVE STYLE

*Ustinova Nataliya Valerievna,
candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (d-ustin.80@mail.ru)*

The results of theoretical and experimental studies of the formation of new concepts by students in the process of learning activities and of are presented. Differences in the features and effectiveness of strategies for the formation of concepts in students with different degrees of intuitive or analytical component of the cognitive style are revealed.

Key words: student learning activities, the effectiveness of concept formation strategies, scanning and holistic strategies, connection with features of cognitive styles, intuitive and analytical structural components.

На сегодняшний день проблема оптимизации познавательной активности студентов, повышения уровня и качества усвоения знаний путем актуализации их личностно-творческого потенциала, сохраняет особую актуальность как предмет целенаправленных научных исследований по разработке специального личностного подхода к организации учебных занятий.

По заключениям многих отечественных и зарубежных исследователей важнейшее значение в учебной деятельности имеет процесс формирования новых научных понятий, без которых невозможно дальнейшее овладение учебным материалом.

Как отмечал Л.С. Выготский, одной из основных сложностей при изучении механизмов и стратегий формирования понятий является недостаточная разработанность экспериментальных методик, с помощью которых можно было бы проникнуть в глубины процесса образования понятий и исследовать его психологическую природу [1]. В результате экспериментальных исследований Л.С. Выготский и Л.С. Сахаров пришли к выводу, что образование понятий является результатом сложной активной деятельности, в которой в своеобразном сочетании задействованы основные интеллектуальные функции.

При этом были выделены три основных стадии исследуемого процесса и введено предположение о том, что каждая из них, в свою очередь, содержит несколько фаз, приводящих к формированию понятий.

Первая стадия процесса формирования понятия включает в себя образование неформленного, неупорядоченной множества, выделение определенной совокупности

каких-либо предметов, объединяемых без достаточного внутреннего родства и взаимосвязи между ее частями.

Вторая стадия состоит в формировании комплексов отдельных конкретных предметов, которые объединяются уже не только на основании субъективных связей, образующихся на основе первичных впечатлений, но и с учетом объективных связей, действительно существующих между этими предметами.

В основе формирования подобного комплекса лежит не абстрактная и логическая, а конкретная и фактическая связь между отдельными элементами, входящими в его состав. Предметы могут объединяться на основе взаимного дополнения по какому-либо признаку и образовывать единое целое, состоящее из разнородных взаимодополняющих друг друга частей. Формирование базируется на основе различий и дополнений к признаку, содержащемуся в образце, принятом за основу объединения.

Третья стадия заключается в абстрагировании отдельных признаков, что нивелирует их конкретную связь, и в синтезе этих признаков в новое понятие.

В мышлении и учебной деятельности процесс формирования понятий является одним из ключевых элементов и средств достижения цели, а его эффективность, среди прочего, связана с особенностями когнитивного стиля восприятия и переработки информации.

К указанным особенностям, в частности, относится доминирование в структуре когнитивного стиля интуитивного или аналитического компонента. Теоретическую основу исследований в этой области составляют фундаментальные научно-теоретические принципы и подходы, разработанные в трудах Г.А. Берулавы, Р. Гарднера, Т. Глобersona, В.Н. Дружинина, Дж. Келли, В.А. Колга, А.В. Либина, М.А. Холодной и других отечественных и зарубежных психологов [2,3,4,5]. Дальнейшее исследование связи стилевых компонентов с показателем эффективности образования понятий является весьма актуальной современной проблемой для различных направлений психологической науки.

В основу исследования взаимосвязи особенностей процессов формирования понятий со степенью выраженности интуитивного или аналитического компонента в структуре когнитивного стиля студентов были положены следующие положения, сформулированные Н.К. Ахом: в процессе исследования нельзя ограничиваться изучением готовых понятий, важен процесс образования новых понятий; в мышлении и деятельности процесс формирования понятий играет роль средства для достижения поставленной цели, а понятие возникает только тогда, когда ряд отвлеченных признаков синтезируется, и полученный абстрактный синтез становится основной формой мышления, посредством которой личность осознает и понимает окружающую действительность; метод эмпирического исследования особенностей процессов формирования понятий должен быть генетически-синтетическим; во время эксперимента исследуемый должен постепенно подходить к построению нового понятия, из чего вытекает необходимость создания экспериментальных понятий с искусственной группировкой признаков, входящих в их содержания.

Методологической задачей осуществленного исследования было включение процессов образования понятий в структуру решения определенной задачи. С этой целью был применен инструментарий специализированной «Методики формирования понятий (МФП)», позволяющей исследовать особенности и стратегии формирования понятий у студентов во время обучения.

Использовался разработанный Ю.Б. Максименко, А.В. Гордеевой, В.А. Гордеевым компьютерный вариант методики, в основу которого положены подходы к формированию понятий Н.К. Аха, Дж. Брунера, Л.С. Выготского, Л.С. Сахарова, О.К. Тихомирова.

Реализация методики дала возможность получить количественные характеристики процесса формирования понятий на основе сравнения хода фиксируемого реального

процесса решения исследуемыми задачи на классификацию признаков и возможного оптимального способа решения этой задачи.

Также в процессе исследования определялись особенности стратегий формирования понятий по Дж. Брунеру. Под стратегией подразумевался некоторый способ получения, сохранения и использования информации, который служит для достижения поставленной цели и должен привести к определенному результату. Цель стратегии состоит в том, чтобы обеспечить: образование определенного понятия в результате столкновения с минимальным числом случаев, имеющих отношение к делу; субъективную уверенность в факте возникновения понятия независимо от числа примеров, с которыми пришлось иметь дело в процессе формирования понятия; надежное формирование понятия при минимальных усилиях памяти и логического мышления; сведение до минимума количества ложных отнесений к той или иной категории, предшествующих окончательному формированию понятия.

Выводы по эмпирической составляющей работы основываются на результатах экспериментальных исследований с привлечением 100 человек – студентов факультета математики и информационных технологий Донецкого национального университета. Эмпирическое исследование осуществлялось в два этапа. Основной задачей первого этапа было выявление преобладания у студентов интуитивного или аналитического компонента в структуре когнитивного стиля.

С целью выявления выраженности интуитивного стиля использовались методики: шкала «Доверие интуиции» опросника С. Эпстайна (апробация В.В. Степаносовой), состоящая из двух субшкал – интуитивной способности и использования интуиции [6]; «Методика оценки уровня интуитивности» Е.А. Науменко с двумя шкалами – интуитивности и внушаемости; «Индикатор типов Майерс-Бриггс МВТИ». Полученные данные позволили разделить выборку испытуемых на три группы: «интуитов», «аналитиков» и «смешанную» группу, к которой были отнесены студенты без преобладания соответствующего компонента когнитивного стиля.

На втором этапе исследования выявлялись связи анализируемых стилевых признаков студентов со стратегиями формирования понятий. При анализе различий в стратегиях формирования понятий у студентов с доминированием интуитивного, аналитического или «смешанного стиля», было выявлено, что для «аналитиков» и «смешанной» группы в большей степени была характерна сканирующая стратегия (69% и 67% соответственно).

В рамках этой стратегии работа начиналась с выбора в качестве первой гипотезы части содержания первого примера. Если встречался пример, который отрицал гипотезу, происходила ее замена с максимальным учетом предыдущих событий. Этот процесс реализовался путем перебора возможных вариантов комбинаций стимулов и сопровождался напряженными усилиями памяти.

В итоге, сканирующая стратегия снижала эффективность и скорость процесса образования понятий; при использовании этой стратегии увеличение количества альтернатив в задаче являлось источником резкого повышения ее сложности ввиду дополнительной нагрузки на память и мышление. В условиях ограничений по времени, стратегия сканирования, базирующаяся на переборе возможных вариантов, являлась менее эффективной, чем целостная, заключающаяся в охвате всех элементов сразу с реализуемым затем процессом их мотивированного поочередного исключения.

Из результатов экспериментального исследования, следует вывод о том, что в присущих современной системе образования условиях роста интенсивности и напряженности образовательного процесса, сокращения отведенного для овладения учебным материалом времени, стратегия формирования новых понятий, требующая чрезвычайных усилий памяти и логического мышления, будет менее эффективной, чем

альтернативная целостная стратегия, реализуемая с меньшими затратами интеллектуальных ресурсов.

Исследованиями установлено, что для студентов с интуитивным когнитивным стилем более характерна именно целостная стратегия формирования новых понятий (83%) с принятием в качестве исходной гипотезы всего содержания первого примера и последующим использованием определенных ограничений по нахождению правильного варианта. Студентам с доминированием интуитивного когнитивного стиля было также необходимо в среднем меньше времени для реакции на предложенные стимулы, что в свою очередь ускоряло процесс образования понятий во время обучения. Таким образом, выраженность интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля расширяла арсенал средств формирования понятий, что положительно сказывалось на скорости овладения учебным материалом.

В целом, малость показателей значимых корреляционных связей между выраженностью интуитивного стиля и суммарным показателем допущенных ошибок (уровень значимости корреляции по всем шкалам интуитивности $p \leq 0,01$) дает основания утверждать, что для студентов с преобладанием интуитивного компонента когнитивного стиля менее свойственно допускать ошибки в процессе формирования новых понятий.

В итоге, полученные данные подтверждают гипотезу о различии стратегий формирования понятий в группах с различным уровнем выраженности аналитического или интуитивного компонента когнитивного стиля. Если сравнивать успехи групп по избираемой стратегии, то преимущество оказывается на стороне носителей целостной стратегии.

Полученные результаты и выводы могут быть использованы при разработке и совершенствовании индивидуализированных методик преподавания, контроля и оценивания знаний, ориентированных на диагностику, учет выраженности и стимулирование развития интуитивного компонента когнитивного стиля в структуре учебно-познавательной деятельности студентов; на учет степени их восприимчивости в отношении субъективных и ситуативных факторов; на создание условий для адаптации познавательных возможностей студентов с преобладанием интуитивного компонента когнитивного стиля к требованиям актуального окружения.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский – М.: Лабиринт, 1999. – 352с.
2. Пономарев Я.А. Психика и интуиция / Я.А. Пономарев – М.: Юридическая литература, 1967. – 256с.
3. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции / О.В.Степаносова // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 133-142.
4. Холодная М.А. Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта / М. А. Холодная – К.: УМКВО КГУ, 1990.- 73с.
5. Allison C.W. Intuitions and entrepreneurial behavior / C.W. Allison, E. Chell, J. Hayes // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2000. – V. 9, №1. – P. 31-43.
6. Epstein S. Individual differences in intuitive experiential and analytical-rational thinking styles / S. Epstein, R. Pacini, V. Denes-Raj, H. Heier // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – V. 71, №2. – P. 390-405.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ПРАВСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

*Устинова Наталья Валериевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологи,
Черкун Ольга Геннадиевна,
магистрант 1-го курса, спец. «Психология»,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(olechka.cherkun@mail.ru)*

Проанализированы особенности субъективного благополучия студентов с различной нравственной направленностью. Выявлены значимые различия в показателях счастья и общей удовлетворенности качеством жизни, а именно удовлетворенность учебной, личными достижениями, здоровьем, поддержкой (внутренней и внешней), а также наличие негативных эмоций у студентов исследуемых групп.

Ключевые слова: нравственность, направленность личности, нравственная направленность, субъективное благополучие.

FEATURES OF SUBJECTIVE SATISFACTION WITH QUALITY OF LIFE OF STUDENTS WITH DIFFERENT MORAL ORIENTATION

*Ustinova Natalia Valerievna,
Candidate of Psychology, associate professor Department of Psychology,
Cherkun Olga Gennadiievna,
1st year undergraduate, special "Psychology",
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (olechka.cherkun@mail.ru)*

The features of subjective well-being of students with different moral orientation are analyzed. Significant differences in the indicators of happiness and overall satisfaction with the quality of life, namely, satisfaction with learning, personal achievements, health, support (internal and external), as well as the presence of negative emotions in the students of the studied groups were revealed.

Key words: morality, personality orientation, moral orientation, subjective well-being.

Серьезные политические изменения, происходящие в последнее время в государстве, затронули не только экономическую, социальную сферы, но также повлияли и на психологическое состояние личности каждого гражданина. Из-за напряженной ситуации военного конфликта, отсутствия уверенности в стабильном будущем ухудшился психологический климат, нравственная атмосфера в обществе. Но данная ситуация характерна и для более стабильного общества. Неблагополучное нравственное состояние социума становится все более очевидным и уже расценивается учеными как глубокий морально-нравственный кризис, который является одной из весомых причин высокого уровня коррупции, преступности, социального неравенства, напряженности в обществе и т.д. [2]. Перечисленные проблемы общества приводят к ухудшению эмоционального состояния граждан, снижению их уровня счастья и удовлетворенности жизнью, то есть к снижению интегральных показателей субъективного качества жизни. В свою очередь, неудовлетворенность жизнью и пониженный уровень счастья приводят к снижению творческой активности, психосоматическим заболеваниям и снижению продолжительности жизни. Исследования ряда ученых говорят, что особенно остро процесс снижения нравственных норм жизни общества может отражаться на субъективном благополучии людей с положительными нравственными качествами [1]. А это одна из наиболее потенциально полезных обществу групп населения. Ведь только у народа, который руководствуется общечеловеческими принципами нравственности,

национальное сознание может находиться на высоте, только он способен к духовному росту, к осознанию своей роли в истории человечества. Все это является необходимым условием для нормального стабильного развития государства [3].

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью более подробного изучения особенностей связи нравственно-психологических аспектов жизни и субъективного благополучия людей с разными нравственными качествами с целью дальнейшего исследования способов повышения их субъективного благополучия.

Целью нашего исследования являлось изучение различий в уровне субъективного благополучия студентов с различной нравственной направленностью.

В данном исследовании приняло участие 120 студентов (53 юноши и 67 девушек) из различных вузов Донецка (ДонНУ, ДонНАСА, ДонАУиГС) в возрасте от 18 до 24 лет.

С помощью методик «Шкала диспозиционного эгоизма» К.Муздыбаева и «Не присваивать чужое», «Не брать взятки» В.И.Нехорошевой из общей выборки были выделены и сформированы три группы с различной нравственной направленностью (эгоистическая, не выраженная и альтруистическая). С целью изучения субъективного благополучия студентов с различной нравственной направленностью использовалась методика диагностики удовлетворенности качеством жизни Р.С. Элиота в адаптации Н.Е.Водопьяновой и «Оксфордский опросник счастья» М.Аргайла. Для выявления статистически значимых различий и сравнения трех групп был использован однофакторный дисперсионный анализ «ANOVA». В ходе исследования были получены следующие результаты:

- 1) интегральный показатель удовлетворенности качеством жизни значительно выше у группы с эгоистической нравственной направленностью, чем у испытуемых с альтруистической и не выраженной нравственной направленностью ($F=6,10$; $p\leq 0,05$). «Эгоисты» в большей степени удовлетворены различными аспектами своей жизни, лучше себя чувствуют и чаще испытывают положительные эмоции по сравнению с другими опрашиваемыми;
- 2) более высокая степень удовлетворенности учебной работой характерна для группы с альтруистической нравственной направленностью ($F=4,85$; $p\leq 0,05$). По сравнению с двумя другими группами, их обучение в большей степени соответствует интересам и ожиданиям, этим студентам легче удается налаживать приятные и доверительные отношения в процессе учебы;
- 3) удовлетворенность личными достижениями значительно выше у респондентов с эгоистической нравственной направленностью по сравнению с двумя другими группами ($F=10,33$; $p\leq 0,01$);
- 4) в большей степени состоянием своего здоровья удовлетворены студенты с эгоистической нравственной направленностью по сравнению с респондентами из групп с альтруистической и не выраженной нравственной направленностью ($F=13,53$; $p\leq 0,01$);
- 5) удовлетворенность поддержкой (внешней и внутренней) значительно выше в группах с альтруистической и не выраженной нравственной направленностью ($F=5,82$; $p\leq 0,05$), они в большей мере ощущают духовную и религиозную поддержку, а также моральную и эмоциональную поддержку близких людей, чувствуют значительные внутренние силы и ресурсы;
- 6) значительно большей оптимистичностью отличаются студенты с эгоистической нравственной направленностью ($F=24,61$; $p\leq 0,01$), они чаще других прибывают в хорошем настроении, в трудных жизненных ситуациях не склонны терять надежду на их благополучное разрешение;
- 7) респонденты с альтруистической нравственной направленностью значительно чаще других испытывают чувство напряженности и усталости ($F=9,11$; $p\leq 0,01$), а также чувство эмоционального напряжения;
- 8) негативные эмоции значительно чаще испытывают респонденты с

альтруистической нравственной направленностью, чем студенты с эгоистической и не выраженной направленностью ($F=3,45$; $p \leq 0,05$), «альтруисты» чаще других склонны испытывать чувство вины и стыда за свое поведение, они чаще сердятся на себя или окружающих, и чаще испытывают чувство страха и тревоги;

9) наблюдается тенденция к большей удовлетворенности общением у студентов с альтруистической нравственной направленностью по сравнению с группами с не выраженной и эгоистической нравственной направленностью. Это свидетельствует о том, что «альтруисты» в большей степени удовлетворены общением со своими близкими, обычно они не чувствуют себя одиноко, им легче выстраивать близкие и доверительные отношения с друзьями, чувствуют значительную поддержку близких, имеют более гармоничные отношения с противоположным полом. Таким образом, с помощью проведенных методик были составлены «портреты» студентов с альтруистической, не выраженной и эгоистической нравственной направленностью.

Для студентов с альтруистической нравственной направленностью характерна более высокая степень удовлетворенности учебной деятельностью по сравнению с двумя другими группами. Это свидетельствует о том, что их обучение в большей степени соответствует интересам и ожиданиям, этим студентам легче удается налаживать приятные и доверительные отношения в процессе учебы. Удовлетворенность здоровьем у альтруистов ниже, чем в двух остальных группах, обычно удовлетворены своей физической формой, но чаще остальных испытывают трудности со здоровьем и проблемы со сном. В отличие от группы с эгоистической нравственной направленностью альтруисты более удовлетворены как внешней так и внутренней поддержкой, они ощущают существенную духовную и религиозную поддержку, а также моральную и эмоциональную поддержку близких людей. Студенты «альтруисты» имеют низкие показатели оптимистичности, настроение таких людей обычно зависит от внешних обстоятельств и отношений с другими, они реже испытывают чувство эмоциональной приподнятости и жизнерадостности, в трудных ситуациях склонны чувствовать растерянность или безысходность, имеют значительно более низкие показатели счастья. Они чаще испытывают чувство напряженности и усталости, чувство эмоционального напряжения, если им не удается хорошо организовать свою деятельность, им свойственно воспринимать окружающую среду как опасную. «Альтруисты» чаще других респондентов испытывают чувство вины и стыда за свое поведение, чаще сердятся на себя или других, и чаще испытывают чувство страха и тревоги.

Группа с не выраженной нравственной направленностью характеризуется средним уровнем удовлетворенности учебной деятельностью, такие студенты обычно имеют хорошие отношения с сокурсниками и преподавателями, видят перспективы в своей дальнейшей карьере, но в то же время, могут испытывать напряжение и неудовлетворенность, связанные с учебным процессом. Удовлетворенность здоровьем у них значительно ниже, чем в группе с эгоистической нравственной направленностью, они чаще болеют и менее удовлетворены своей физической подготовкой и качеством сна.

В отличие от двух других групп, студенты с не выраженной нравственной направленностью имеют средний уровень оптимизма, обычно у них хорошее настроение, склонны испытывать чувство эмоциональной приподнятости и жизнерадостности, не теряют надежду на благополучное разрешение проблем в трудных жизненных ситуациях. По сравнению с альтруистами, респонденты этой группы реже испытывают различные негативные эмоции, такие как чувство вины, стыда, обиды и гнева на других или самого себя, они менее склонны к раздражительности, в их повседневной жизни реже присутствует чувство страха или тревоги.

Для студентов с эгоистической нравственной направленностью характерна высокая степень удовлетворенности личными достижениями, они считают, что достигли многих целей, обычно чувствуют себя более удачливыми людьми и довольны собой. «Эгоисты»

считают, что имеют достаточное понимание и уважение в учебной (профессиональной) деятельности со стороны сокурсников, но в то же время они имеют значительно более низкий показатель удовлетворенность учебной, их обучение в меньшей степени соответствует интересам и ожиданиям. Эгоисты чувствуют себя более здоровыми людьми, не испытывают трудностей со сном и в большей степени удовлетворены своей физической формой и внешним видом. Респонденты этой группы менее удовлетворены моральной и эмоциональной поддержкой со стороны близких, а также в меньшей степени ощущают духовную и религиозную поддержку. Такие люди более оптимистичны, они чаще находятся в хорошем настроении, и, как правило, оно зависит от внутреннего самообладания (чувства юмора, жизнерадостности).

«Эгоисты» реже испытывают чувство напряженности, склонны оценивать свое физическое состояние как отличное, дееспособное, окружающую среду воспринимают как безопасную и комфортную, также они реже испытывают чувство вины, стыда, обиды и гнева на других или самого себя.

Обобщив полученные результаты, можно сказать, что студенты с эгоистической нравственной направленностью более счастливы и удовлетворены качеством жизни, чем студенты с альтруистической нравственной направленностью. Согласно исследованиям К.Муздыбаева, причиной такого явления может быть кризисное состояние общества, бурные политические, социальные и экономические изменения. И поскольку для людей с эгоистической нравственной направленностью является более приемлемым нарушение нравственных и правовых норм, они оказались более «успешными» в новых условиях жизни [4].

Проведенное исследование показало, что людей с высокими моральными и нравственными качествами меньшинство и они менее удовлетворены качеством своей жизни. Поэтому необходимо обратить внимание на эту острую общественную проблему, ведь от того, какие нравственные идеалы преобладают у молодежи, зависит будущее нашего общества. Это свидетельствует о необходимости разработки мер по психологической поддержке людей с высокими нравственными качествами с целью повышения уровня субъективной удовлетворенности жизнью.

Таким образом, были получены значимые различия групп с различной нравственной направленностью по показателям индекса качества жизни, удовлетворенности учебной, личными достижениями, здоровьем, поддержкой (внутренней и внешней), а также по показателям оптимистичность, напряженность и негативные эмоции.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Журавлев, А.Л. Проблема нравственности в психологической науке – М.: Изд-во ИП РАН, 2010. – С. 5-12.
3. Кудрявцев Л.Д. Современное общество и нравственность - М.: Наука, 2000. – 63 с.
4. Муздыбаев, К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 27-39.

УДК 159.922.73-053.6:78

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

*Фархутдинова Юлия Низамутдиновна,
канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий педагогический институт (ДНР, г. Донецк),
(julia82.06@mail.ru)*

В статье анализируются теоретические подходы к проблеме изучения музыкальных предпочтений подростков. Показано значение музыкальной культуры для развития личности современного подростка.

Ключевые слова: музыкальная культура, подросток, жанр музыки, музыкальные предпочтения.

MUSICAL CULTURE AS A MEANS OF FORMING A PERSONALITY OF MODERN TEENAGERS

*Farkhutdinova Julia Nizamutdinovna,
candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk Pedagogical Institute (DPR, Donetsk), (julia82.06@mail.ru)*

The article analyzes the theoretical approaches to the problem of studying the musical preferences of adolescents. The importance of musical culture for the development of the personality of a modern teenager is shown.

Key words: music culture, teenager, genres of music, musical preferences.

Музыка является неотъемлемой частью жизни современных подростков, занимая в структуре их художественных интересов важное место. Исследовано, что музыка влияет на стиль межличностного общения, определяет содержание эмоциональной сферы подростковой аудитории, формирует личность подростка.

Проблема формирования музыкальной культуры в подростковом возрасте рассматривались в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (Ю. Алиев, В. Бескорвайная, А. Болгарский, А. Гордеева, Г. Иванченко, З. Кальниченко; Т. Адорно, И. Мезано и др). Так, Ю. Алиев проанализировал общие закономерности формирования музыкальной культуры подростков [1, с. 97], А. Болгарский изучал проблему формирования интереса к народной музыке у подростков на занятиях вокально-инструментальных ансамблей [3, с. 69], З. Кальниченко рассмотрела проблему формирования у подростков потребности в музыкальном самообразовании при помощи школьных дискотек [3, с. 76].

Музыкальная культура личности подразумевает сочетание индивидуального социально-художественного опыта, интегративных свойств личности, показателями которых является музыкальная развитость (любовь к музыкальному искусству, эмоциональное восприятие, потребность в различных образцах художественной музыки, музыкальная наблюдательность) и музыкальной образованности (владение способами музыкальной деятельности, эмоционально-ценностное отношение к искусству и жизни, художественный вкус, критическое избирательное отношение к разнообразным музыкальным явлениям) [7].

Установлено, что музыкальная культура подростков формируется с противоречивых позиций. Это обусловлено однобокой ориентацией подростков на эстрадно-развлекательную музыку. Развитие звукотехники обеспечивает глубокое проникновение этой музыки в сферу подросткового досуга, что способствует формированию поверхностного типа музыкальной культуры личности. Как показывают

психологические исследования, многие направления массовой культуры отрицательно влияют на процесс социализации подростков [5, с. 136].

В современных условиях ориентации подростков в сфере музыки формируются под влиянием средств массовой коммуникации и общения со сверстниками. В результате музыкальные вкусы подростков характеризуются сомнительной эстетической направленностью, которая рассчитана на нетребовательный вкус, благодаря легкости восприятия (несложная мелодия, танцевальный ритм, элементарная простота гармонической речи, сходство тематики содержания текстов).

Кроме социальных аспектов, формирование музыкальной культуры подростков зависит от возрастных особенностей. Известно, что подростковый возраст в силу своих психофизиологических особенностей характеризуется потребностью в интенсивных физических и психических нагрузках, поэтому современная ритмичная музыка в большей мере способствует реализации этой потребности. Кроме того, подростковый возраст характеризуется необходимостью в интенсивном общении. Совместное пребывание на концертах музыкальных кумиров, бурные танцы, ажиотированные движения и восклицания помогают подросткам реализовать потребность в сильных переживаниях [4, с. 5].

Следует отметить, что восприятие окружающего мира у подростков индивидуально. Особенности психологического состояния подростков не позволяют большинству молодых людей выражать обособленно свой взгляд на мир, поэтому подростки предпочитают объединяться между собой в группы. В результате образуются молодежные субкультуры.

Одним из проявлений молодежной субкультуры есть тотальное увлечение эстрадной музыкой, которая насчитывает множество стилей и исполнителей. Среди эстрадного творчества прошлого и современности каждый человек может найти для себя ту музыку, которая больше всего отвечает его эстетическим потребностям. Таким образом, молодежная субкультура носит развлекательно-рекреативный и потребительский характер, а не познавательный, созидательный и творческий. Она ориентируется на западные ценности: американский образ жизни в его облегченном варианте, массовую культуру, а не на ценности национальной культуры [5, с. 76].

Исследовано, что местом популяризации песен среди подростков является дискотека – любимое танцевально-развлекательное собрание молодежи. Программа дискотеки состоит из хитов популярной музыки и компьютерных ритмических композиций, в музыке которых преобладают специфические неестественные тембры. По наблюдениям, музыкальный репертуар дискотеки располагается в такой последовательности: чаще звучит диско (58,1%) и техно-стили (51,0%), за ними следует рок (32,6%), поп-музыка (25,6%) и реп (20,9%) [4, с. 37].

Дискотеки ориентированы на непосредственное общение, отсутствие которого воспринимается молодежью болезненно. Недостаток общения может вызвать у молодежи депрессивное состояние. Дискотеки помогают снять этот негативный фактор, а также напряжение от многочисленных перегрузок техногенной цивилизации. Однако дискотеки выступают не только психофизиологическим компенсатором, не только звуковым фоном для танцев, они – главный посредник в налаживании контактов между сторонниками конкретных направлений молодежной музыки.

Современные подростки воспринимают музыку на высоком абсолютном пороге чувствительности, поэтому среди подростковой аудитории преобладает увлечение поп- и рок-музыкой.

Доказано, что влияние рок-музыки на психику подростка имеет негативный характер. Это объясняется как особенностями самой рок-музыки (непрерывный ритм, громкость и частотность звучания), так и закономерностями возрастных особенностей подросткового возраста. Одними из основных особенностей увлечения этой музыкой

являются, с одной стороны, необходимость «открыть» свой внутренний мир в сочетании с эмоциональностью и абстрактностью этой музыки, с другой стороны, выражение своих переживаний через телодвижения благодаря экспрессивности исполнения музыки. Основой для предпочтения поп-музыки является потребность в организации атмосферы бессловесного общения и объединения [2, с. 84].

Следует отметить, что жанр воспринимаемой музыки влияет на эмоциональную сферу современных подростков. Исследовано, что положительные эмоции вызывает классическая музыка (расслабленность) и поп-музыка (радость, мечтательность). Негативные эмоции чаще всего вызывает рок-музыка (агрессивность, отчаяние) [3, с. 48].

Таким образом, современная музыкальная культура – это важная часть в жизни подростков. Она определяет стиль их жизни, подчеркивает их индивидуальность, способствует общению, сплоченности и проявлению самостоятельности. Но в то же время современная музыка имеет деструктивное значение для развития личности современного подростка в силу своего содержательного компонента.

Список литературы

1. Алиев Ю.Б. Восприятие исполнительских средств выразительности в повышении музыкальной культуры учащихся // Музыкальное воспитание школьников и профессиональная направленность в подготовке учителя музыки: статьи / Юрий Борисович Алиев. – М.: Прометей, 1989. –С. 87-100.
2. Белобрагин В.В. Имидж музыкальных кумиров у подростков / Виталий Викторович Белобрагин. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – 104 с.
3. Бескоровайная В.М. Музыкальные странствия современного подростка / В.М. Бескоровайная, М.П. Павлович. – М.: Знание, 1985. – 80 с.
4. Запесоцкий А.С. Музыка и молодежь / Александр Сергеевич Запесоцкий. – М.: Знание, 1988. – 63 с.
5. Кривцова С.В. Подросток на перекрестке эпох / Светлана Васильевна Кривцова. – М.: Генезис, 1997. – 288 с.
6. Петрушин В.И. Музыка вокруг нас (О психологии восприятия музыки) / В.И. Петрушин // Знание – сила. – 1972. – № 9. – С. 38-39.
7. Рыжкова И.А. Молодежные субкультуры: информационные материалы для работы с подростками / <http://uraledu.ru/node/26423>
8. Adorno T.W. Philosophy of modern music. – N – Y.: The Seabury Press., 1973. – 220 p.

УДК: 796.01:159.9

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ЕДИНОБОРЦЕВ НЕСПОРТИВНОГО ВУЗА

*Харлампов Георгий Аристидович,
канд. техн. наук, профессор, профессор кафедры физвоспитания,
Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского (ДНР, г. Донецк), (harlampov@list.ru.)*

*Черепяхин Георгий Аркадиевич,
доцент, профессор кафедры физвоспитания,
Донецкая академия управления и государственной службы (ДНР, г. Донецк),
(georgeicherepaxin@gmail.com)*

Основываясь на повышенной реализации интеллектуального потенциала выпускников, прошедших через студенческий спорт, многие вузы создают благоприятные условия для повышения мотивации студентов к спортивным занятиям. В статье раскрываются современные педагогические методы обеспечения тренировочного процесса студентов-единоборцев в неспортивном вузе. Проанализированы имеющиеся проблемы в

психологической подготовке студентов-борцов и перспективы использования интерактивных методов в обучении.

Ключевые слова: студенческий спорт, моторная деятельность, видеолента, дзюдо, психологическая подготовка, инновационные методы обучения.

PERSONALITY-ORIENTED MODEL OF TRAINING UNIVERSITIES OF THE UNSPORTING UNIVERSITY

*Kharlampov Georgy Aristidovich,
cand. tech. sciences, professor,
professor of the department of physical education,
Donetsk National University of Economics and Trade
name.Mikhail Tugan-Baranovsky (DPR, Donetsk),
(harlampov@list.ru),*

*Cherepakhin George Arkadievich,
associate Professor, Professor of the Department of Physical Education,
Donetsk Academy of Management and Public Service (DPR, Donetsk),
(georgeicherepaxin@gmail.com)*

Based on the increased realization of the intellectual potential of graduates who have passed through the student sport, many universities create favorable conditions for increasing the motivation of students to sports. The article reveals the modern pedagogical methods of ensuring the training process of students of martial arts in an unsportsmanlike university. Analyzed the existing problems in the psychological training of student-wrestlers and the prospects for the use of interactive methods in training.

Key words: student sport, motor activity, videotape, judo, psychological training, innovative teaching methods.

Актуальность: Основополагающей задачей любого вуза является востребованность выпускников на рынке труда. Поэтому ориентиром в работе всего профессорско-преподавательского состава и вспомогательного персонала является создание таких условий обучения студентов, чтобы конечный продукт их деятельности – выпускник – наработал профессиональные качества руководителя, удовлетворяющие современным требованиям рыночной экономики страны. Высокую профессиональную мобильность выпускников обеспечивают студенты, занимающиеся в секциях массово-спортивной направленности. Пройдя дополнительные программы специальной физической подготовки в учебно-тренировочных занятиях с объемом двигательной активности, превышающей обязательную программу физического воспитания общих медицинских групп высшей школы, они поднимают на высокий уровень свое здоровье [1] и включают в личную поведенческую позицию систему спортивной подготовки и соревнований [2]. Этим, к концу обучения в вузе, воспитываются все необходимые качества лидера, с высокой реализацией умственного потенциала, в 2,7 раза превышающей реализацию среднестатистического выпускника. Причем, реализация повышается пропорционально уровню спортивной квалификации, приобретаемой в процессе соревновательной деятельности студентов на спортивных площадках [3]. Однако известно, что спортивная деятельность в неспециальных физкультурных вузах не является основной: студенты поступают в институт учиться будущей специальности, и поэтому основной вид деятельности для них – учеба. Для студенческой молодежи неспортивных вузов два показателя: благотворное влияние спорта на умственную работоспособность (верят 44% мужчин и менее трети 28% женщин) и положительное влияние спорта на успешность в обучении среди опрошенных (32% и 12% соответственно) [4], существенно отражают недоверие студентов к спортивной деятельности на период их обучения. А, учитывая тот факт, что более

половины первокурсников (52,3%) имеют плохой уровень физической подготовленности и только 15,1% - хороший или отличный [5], надеяться расширению контингента студентов-спортсменов на данном периоде развития проблематично.

Не случайно, руководители ГО ВПО «ДонНУЭТ», ГОУ ВПО «ДонАУиГС» уделяют особое внимание развитию спортивно-массовой работы в своих вузах, поддерживают функционирование секционной направленности в работе кафедр физвоспитания, обеспечивают успешное совмещение учебы с соревновательной деятельностью студентов-спортсменов. Комплектование секций студентами осуществляется исходя из принципов заинтересованности в: развитии физических качеств, умений и навыков, позволяющих человеку постоять за себя; укреплении здоровья; достижении высоких спортивных результатов; интересе; любопытстве. В частности, подбор занимающихся в секциях самбо и дзюдо наших вузов производится учитывая сложившуюся обстановку в республике. Для этого мотивацией служит повышенный интерес к нетрадиционным видам двигательной активности средствами интернациональной системы самозащиты, основанной на вековых корнях национальных систем защиты и нападения народов постсоветского пространства, апробированной в боевых действиях и спортивных состязаниях. Отличительной чертой массового студенческого спорта является низкая конкурентоспособность его профессиональному спорту. Поэтому студенты-единоборцы вынуждены на всех официальных стартах соревноваться с заведомо более квалифицированными соперниками, что значительно повышает стрессовую напряженность и снижает их мотивацию к занятиям этим видом единоборства. Чтобы сохранить контингент занимающихся и повысить их конкурентоспособность тренеры вынуждены разрабатывать новые методы спортивной подготовки (в основном - педагогические) на основе научных достижений последних лет [6]. В учебно-тренировочном процессе секции дзюдо используется комплекс обучающих компьютерных программ для начинающих спортсменов, практикуются совместные тренировки с дзюдоистами других вузов города (ДонАУиГС, ДНТУ). Разработана программа по управлению интенсивностью тренировочного процесса на различных этапах годичной подготовки спортсменов. Создана для идеомоторной тренировки и расширяется база данных по ведущим дзюдоистам мира в мультимедийном исполнении. Ведутся видеозаписи выступлений спортсменов секции и их основных конкурентов с продуктивным анализом проведенных схваток и планированием последующих. Спортсмены секций, как правило, принимают активное участие в состязаниях, для чего в программу городских соревнований и спортивного клуба «Академия» включены открытые первенства среди учащейся молодежи по трем видам борьбы в одежде: дзюдо, самбо (спортивное и боевое), «Слада» и кулачный бой «Яр». Основной особенностью соревнований в индивидуальных программах, при различных или равных условиях спортивной подготовки, является боевое психологическое состояние спортсмена, под которым понимаем такой психологический настрой, когда у спортсмена ярко выражено состояние «куража», спортивной злости, отсутствуют признаки страха, сковывающие тело, в фазе соревнования. Для психологической подготовки студентов-дзюдоистов разрабатывается система многокомпонентных мультимедийных комплексов по всем элементам психотренинга, предложенного в работе [7], где требуется длительная, упорная, достаточно тяжелая подготовка по следующей простой, но очень важной схеме психотренинга:

Повышает мотивацию к занятиям, разработанная авторами личностно-ориентированная модель рейтинга студента вуза неспортивной направленности [3]. Она построена на совмещении, с одной стороны, принципов организации спортивной деятельности, к которым относятся систематичность и повторяемость, самостоятельность и контроль, соперничество и гласность, а с другой – рекомендаций практического менеджмента. Рейтинговая система основана на создании количественных интерпретаций психофизических и морфофункциональных показателей активности студентов в учебном, научном, тренировочном и организационном процессах. Она включает в себя теоретические и методические знания, практические навыки и умения обучающихся.

Вывод. Личностно-ориентированная модель подготовки единоборцев неспортивного вуза обеспечивает функционирование части его спортивной инфраструктуры. Она позволяет студентам в рамках обязательной дисциплины «Физическое воспитание» осуществлять самостоятельный выбор направлений обучения, активизирует соперничество студентов с различным уровнем подготовленности, что существенно влияет на успехи в спортивно-массовой работе и спорте высших достижений, а так же на повышение качества уровня профессиональной подготовки выпускников.

Список литературы

1. Доменко Ю.Н., Федоров А.П., Сидельников Д.П. Физическая культура как часть общечеловеческой культуры и компонент здорового образа жизни/ Материалы III Международной научной конференции: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура, и вызовы современности, Донецк, 25 октября 2018 г. – Том 6: Педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 308-311.
2. Соломенная З.В. Пугачёва И.И. Тенденции развития маркетинга в спорте/ Материалы Всерос.науч.-практ. конф. с междунар. участием: Современные аспекты подготовки в профессиональной деятельности спортивного менеджера, 25-26 апреля 2018 г. / Моск. гос. акад. физ. культуры; под ред. А. В. Починкина, И. Л. Димитров. – Малаховка, 2018. – С. 198-202.
3. Харлампов Г.А., Черепяхин Г.А. Прикладные виды двигательной активности студентов: Учеб. пособие – перевод с укр. перераб. и доп. – Донецк: ДонНУЭТ, 2010. – 257 с.
4. Плотников В.Н., Миронова Т.С., Рыжак М.М. Нервно-психическое состояние и мотивация спортивной деятельности студентов медицинского вуза. //Теория и практика физической культуры. 2001.- №5. –С. 39-40.

5. Харлампов Г.А. Государственное тестирование - один из инструментальных методов оптимизации учебного процесса в физвоспитании / Г.А. Харлампов, Г.А. Черепакхин, Р.А. Беликов, В.В. Мирошниченко// Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту: науковий журнал. – Харків, ХОВНОКУ - ХДАДМ, 2009.- № 10.- С. 261- 265.
6. Федоров А.П. Современные компетенции преподавателя по физической культуре / А.П. Федоров, И.И. Пугачёва, З.В. Соломенная// Материалы III Международной научной конференции: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура, и вызовы современности, Донецк, 25 октября 2018 г. – Том 6: Педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 394-397.
7. Психологічна підготовка в системі спортивного тренування і змагань: Метод. посіб. / Г.А. Харлампов, А.Г. Бойко, Т.А. Базиліук. – Донецьк : ДонНУЕТ, 2008. – 72 с.

УДК 159.9

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЭМОЦИЙ И ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ IZOF

*Ходарева Эвелина Алексеевна,
старший преподаватель кафедры психологии,
Донецкий педагогический институт (ДНР, г. Донецк),
(lina.h@mail.ru)*

В статье представлен теоретический обзор саморегуляции эмоций, а так же рассмотрены стратегии саморегуляции эмоциональных и физических симптомов состояния спортсменов. Проанализирована модель индивидуальных зон оптимального функционирования (IZOF) в качестве концептуальной основы и методологического инструмента для изучения эффективности индивидуально-ориентированной программы саморегуляции эмоций спортсменов.

Ключевые слова: саморегуляция, эмоциональное состояние, спортсмены, IZOF, индивидуально-ориентированная программа.

SELF-REGULATION OF EMOTIONS AND APPLICATION OF THE MODEL IZOF

*Khodareva Evelina Alekseevna,
Senior Lecturer, Department of Psychology,
Donetsk Pedagogical Institute (DPR, Donetsk), (lina.h@mail.ru)*

The article presents a theoretical overview of the self-regulation of emotions, as well as a review of the strategies of self-regulation of emotional and physical symptoms of athletes. Analyzed the model of individual zones of optimal functioning (IZOF) as a conceptual framework and methodological tool for studying the effectiveness of an individually oriented self-regulation program of emotions athletes.

Key words: self-regulation, emotional state, athletes, IZOF, individually - focused program.

Актуальность данной работы заключается в том, что значительная часть работы в прикладной спортивной психологии основана на эмпирических знаниях, а спортивные психологи иногда испытывают трудности с созданием эффективных программ психологической подготовки для отдельных спортсменов и команд. Следовательно, существует явная потребность в практической спортивной психологии для программ теории умственного обучения и саморегуляции на основе модели, основанной на научных данных [5]. Научные данные в быстро растущей области повышения эффективности посредством регулирования эмоций особенно важны. К сожалению, «большинство вмешательств в прикладной спортивной психологии основаны на непроверенных гипотезах

и необоснованных педагогических принципах, а не на научных доказательствах» [12]. Однако такие доказательства, даже если они доступны, иногда могут применяться, когда спортивный психолог использует модель номотетических исследований, подчеркивая общие принципы поведения, полученные в результате изучения групп. Более того, групповые вмешательства могут недооценивать или игнорировать феноменологию субъективных переживаний, связанных с производительностью, отражающих точку зрения спортсмена [6].

Целью исследования является обзор использования модели индивидуальных зон оптимального функционирования (IZOF) в качестве концептуальной основы и методологического инструмента для изучения эффективности индивидуально ориентированной программы саморегуляции эмоций для спортсменов [7].

Модель IZOF, разработанная в натуралистической обстановке профессионального спорта, показывает, что эмоция является компонентом психобиосоциального состояния, концептуализированного как ситуационное, мультимодальное и динамическое проявление полного функционирования человека [8]. Пять основных измерений (форма, содержание, интенсивность, время и контекст) используются для описания индивидуально оптимальной и дисфункциональной структуры и динамики эмоциональных переживаний, связанных с производительностью [2]. Модель обеспечивает функциональное объяснение динамики отношений эмоции и производительности на основе подробного описания индивидуального субъективного опыта спортсменов. Это особенно важно, потому что психологи, помогающие спортсменам в саморегуляции эмоций, обычно сталкиваются с тремя проблемами: (а) выявление эмоциональных состояний, связанных с индивидуально успешными и плохими выступлениями; (б) понимание взаимоотношений с эмоциями; и (в) выбор подходящих для человека и задач методов саморегулирования [10].

Для любой программы вмешательства важно понять, что каждый спортсмен имеет индивидуально оптимальную интенсивность эмоций (высокую, среднюю или низкую) [1]. Кроме того, у каждого спортсмена есть определенный «рецепт» индивидуально оптимального и дисфункционального содержания эмоций, описанных с помощью искусственных маркеров [10]. Наконец, индивидуальная эмоциональность и интенсивность различны в тренировках и соревнованиях, и варьируются в зависимости от ситуации в до-, середине и после события [9].

Модель IZOF дает несколько эмпирически поддерживаемых индивидуальных ориентированных прогнозов отношений эмоций и производительности. Во-первых, существует высокая степень межличностной изменчивости в интенсивности и содержании уникальных оптимальных и дисфункциональных эмоций, сопровождающие индивидуально успешные и плохие выступления. Во-вторых, ожидается высокая вероятность индивидуально успешной работы, когда наблюдаются комбинированные максимальные усиливающие и минимальные ухудшающие эффекты (в состоянии зоны). В отличие от этого, ожидается высокая вероятность низкой эффективности, когда наблюдаются низкое усиление и высокие ингибирующие эффекты (из состояния зоны) [3]. Кроме того, следует учитывать отдельные и интерактивные эффекты эмоций, усиливающих и ослабляющих спортивную деятельность. С прикладной точки зрения понятие «выход» предполагает, что для повышения производительности необходимо, чтобы спортсмен: знал о своих оптимальных и неблагоприятных зонах; способен отличать оптимальные от менее оптимальных состояний; и может войти и оставаться в оптимальной зоне в процессе. Наконец, понятие двунаправленности фокусируется на динамике влияния эмоций на производительность. Поэтому саморегуляция эмоций должна учитывать потенциально выгодные и пагубные последствия динамики производительности при эмоциональных состояниях.

Зоны отражают индивидуальные различия в способности спортсменов привлекать и использовать эффективно доступные ресурсы. Поэтому объяснение функционального

воздействия эмоций на производительность в модели IZOF основано на понятии соответствия ресурсов. Оптимальные приятные и неприятные эмоции отражают доступность ресурсов и их эффективный набор и использование, создавая активизацию (усиление усилий) и организацию (усиление навыков) эффектов. Напротив, дисфункциональные неприятные и приятные эмоции отражают нехватку ресурсов или их неэффективный набор и использование, приводящие к раздражающим и дисгармонизирующим эффектам эмоций при исполнении.

Как уже упоминалось ранее, основной упор в модели IZOF до сих пор был на описании, предсказании и объяснении отношений эмоции и производительности. Модель имеет несколько практических последствий для индивидуализированных вмешательств; однако их эффективность до сих пор не была эмпирически проверена. В частности, основанный на обширных исследованиях предконкурентной тревоги и наблюдений за лучшими спортсменами, Ханин предложил предварительную программу оптимизации предконкурентной тревоги. Это вмешательство, применяемое в прикладной работе с профессиональными гребцами и тяжелоатлетами, включало: создание ретроспективно оптимальных зон тревоги; оценка фактического беспокойства за 5-7 дней до соревнований; измерение ожидаемой предчувственной тревоги и настроений в отношении конкуренции; сравнение ожидаемого фактического беспокойства с заранее установленными зонами; и, уменьшая или увеличивая беспокойство, чтобы помочь спортсменам войти и остаться в их оптимальных зонах. На основе эмпирических исследований положительных и отрицательных эмоций и производительности Ханин предложил семь принципов в качестве руководства для индивидуализированного регулирования эмоций. К ним относятся принцип мультимодальности, мультizonальный, многонаправленный, многофункциональный, многоступенчатый, многозадачный и многопоточный [7].

Исследование Эннеси с тремя опытными теннисистами было одним из первых хорошо документированных исследований вмешательства, изучающих эффективность выбранных принципов модели IZOF. Эннеси определила оптимальные зоны, используя методику «Конкурентноспособное состояние-2» (CSAI-2) [11] и научила спортсменов войти в свои зоны, чтобы повысить их производительность в течение сезона. Однако исследование ограничивалось оценками предконкурентной тревоги с использованием CSAI-2 и применением разработанных исследователем стратегий регулирования [4].

Рассмотрев мнения исследователей относительно модели IZOF, можно сделать вывод, что они делают акцент на важности оказания помощи спортсменам в их зонах оптимального функционирования и их аргументы, хотя и обоснованные на прочной теоретической базе и эмпирических доказательствах имеют косвенный характер. Однако, за исключением исследования Анеси IZOF-тревоги, предыдущие исследования не рассматривали непосредственно эффекты манипулирования эмоциями для помощи спортсменам войти в их оптимальные зоны, что является основанием для дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Список литературы

1. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте / Ю. Л. Ханин; ред. Е. В. Селезнева. - Москва : Физкультура и спорт, 1980. - 206 с.
2. Ханин Ю.Л. Исследование тревоги в спорте. // Вопросы психологии, 1997., №3.
3. Ханин, Ю.Л. Исследование тревоги в спорте / Ю.Л. Ханин // Вопросы психологии : Издается с 1955 года / Ред. А.А. Смирнов, О.А. Конопкин. – 1978. – №6 ноябрь-декабрь 1978 года. – С. 94-107.
4. Annesi, J. J. (1997). Three-dimensional state anxiety recall: Implications for Individual Zones of Optimal Functioning research and application. *The Sport Psychologist*, 11, 43–52.

5. Annesi, J. J. (1998). Applications of the Individual Zones of Optimal Functioning model for the multimodal treatment of precompetitive anxiety. *The Sport Psychologist*, 12, 300–316.
6. Dale, G. A. (1996). Existential phenomenology: Emphasizing the experience of the athlete in sport psychology research. *The Sport Psychologist*, 10, 307–321.
7. Hanin, Y. L. (1986). State-trait anxiety research on sports in the USSR. In C. D. Spielberger, & R. Diaz-Guerrero (Eds.), *Cross cultural anxiety*, Vol. 3 (pp. 45–64). Washington: Hemisphere.
8. Hanin, Y. L. (1993). Optimal performance emotions in top athletes. In S. Serpa, J. Alves, V. Ferreira, & A. Paula Brito (Eds.), *Proceedings of the 8th World Congress of Sport Psychology*. (pp. 229–232). Lisbon, Portugal: International Society of Sport Psychology.
9. Hanin, Y. L. (2000b). Individual zones of optimal functioning (IZOF) model: Emotion–performance relationships in sport. In Y. L. Hanin (Ed.), *Emotions in sport* (pp. 65–89). Champaign, IL: Human Kinetics.
10. Hanin, Y., & Stambulova, N. (2002). Metaphoric description of performance states: An application of the IZOF model. *The Sport Psychologist*, 16, 396–415.
11. Gould, D., & Udry, E. (1994). Psychological skills for enhancing performance: Arousal regulation strategies. *Medicine and Science in Sports and Exercise*, 26, 478–485.
12. Martens, R., Burton, D., Vealey, R. S., Bump, L. A., & Smith, D. E. (1990). Development and validation of the Competitive State Anxiety Inventory-2. In R. Martens, R. S. Vealey, & D. Burton (Eds.), *Competitive anxiety in sport (Part III)*. Champaign, IL: Human Kinetics
13. Morgan, W. P. (1997). Mind games: The psychology of sport. In D. Lamb, & R. Murray (Eds.), *Recent advances in the science and medicine of sports* (pp. 1–31). Carmel, IN: Benchmark Press.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ СТИЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ В СИТУАЦИИ ГРУППОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Чуканов Евгений Валериевич,

ассистент кафедры психологии,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (ДНР, г. Донецк),

(chukanove.v@gmail.com)

В статье рассмотрены особенности атрибуции в ситуации экономической успешности. Выполнено эмпирическое исследование по анализу особенностей атрибутивных процессов, в различных видах конкуренции. Выявлено, что атрибутивные процессы различны, при разных видах конкуренции, а также влияние личностных и социальных факторов на данные процессы.

Ключевые слова: атрибуция, успешность, конкуренция, образ личности.

STUDY STYLE EXPLANATION OF THE SUCCESSES AND FAILURES IN A SITUATION OF GROUP COMPETITION

Chukanov Evgeniy Valerievich,

assistant professor of psychology,

GOU VPO "Donetsk national University" (DPR, Donetsk),

(chukanove.v@gmail.com)

In thesis the features of attribution are considered in the situation of economic success. Empiric research is executed on the analysis of features of attributive processes, in the different types of competition. It is exposed, that attributive processes are different, at the different types of competition, and also influence of personality and social factors on these processes.

Key words: attribution, success, competition, appearance of personality.

Одним из механизмов объяснения поведения человека является атрибуция. Изучение вопросов атрибутивных процессов, их видов, ошибок и искажений является одной из важнейших проблем психологии. Их актуальность в теоретическом плане продиктована необходимостью использования атрибутивного подхода для описания и объяснения психологических феноменов, имеющих непосредственное отношение к предметной области социальной и экономической психологии. В практическом аспекте актуальность исследования атрибутивных процессов связана с решением прикладных проблем, связанных с повышением эффективности экономической деятельности [3].

Экономическая психология – быстроразвивающееся направление психологической науки. Это новое научное направление призвано интегрировать подходы психологической и экономической наук в исследовании экономического поведения субъекта, хозяйственной жизни общества, взаимодействия и отношений хозяйствующих субъектов. И экономика, и психология исследуют поведение субъектов. Сочетание экономического и психологического подходов позволяет более полно изучить поведение человека [1].

Суть теории социальных суждений заключается в том, что люди осознают наличие у себя определенных убеждений и установок и точно знают, какие они и что собой представляют. Поэтому человек строго контролирует имеющиеся у него установки сам, определяя и решая, какие изменения в них можно допустить, а какие нет. Отсюда следует, что любая вновь поступившая информация оценивается индивидом сквозь призму имеющихся у него установок. Если информация близка к имеющейся установке, то существует вероятность ее изменения (небольшая). Если информация слишком противоречит наличным позициям человека, то он ее отвергает. Исследованиями по данной проблематике занимались М. Шериф и К. Ховланд. На характер интерпретации информации влияют атрибутивные процессы личности.

Исследование проводилось на базе Донецкого национального университета, в нем приняли участие студенты 1-4 курсов специальности «психология». Выборку составили 72 студента, среди них 21 мужчина, 51 женщина.

Для изучения характера атрибуции в ситуации групповой конкуренции нами было сформировано 12 групп по 3 участника в каждой, в результате деления было сформировано 6 команд, в которых 3 участника одной команды соперничали с 3 участниками другой команды. Каждой группе давалась следующая инструкция: «Перед вами находятся 9 предметов, ваша задача взять как можно больше по сравнению с другой командой. Учитывайте, что через 10 секунд количество предметов на столе удвоится». Группы формировались случайным образом; учитывалась дистанция до объектов, которые участники должны были получить. В дальнейшем экспериментатор запускал секундомер, после чего, если на столе оставались предметы, он их удваивал. В качестве предметов выступали конфеты. После эксперимента участники заполняли анкеты. Также при помощи пакетов методик выявлялись личностные особенности.

На основе анкетных данных необходимо отметить, что в *группе неуспешных* участников причинами неуспеха индивидов указываются низкая моторика рук и внешние факторы (дальность расположения, лень). Причинами успеха других участников указывают развитость моторики рук и скорость реакции, однако полученных ответов мало, что возможно свидетельствует о фрустрации, либо о неудовлетворенности участников.

Можно заметить, что в *группе успешных* участников причинами успеха указывают развитые интеллектуальные и когнитивные способности, а также скорость реакции и моторику рук. Причинами неуспеха других участников, по их мнению, являются групповые процессы, такие как низкая сплоченность, отсутствие лидера в группе.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что группа успешных участников указывает на проблему сплоченности группы и проблему отсутствия лидера. Вероятнее всего, это связано с тем, что именно в данных группах уровень сплоченности был высокий

и находился явно выраженный лидер, который способствовал достижению успеха участников. В тоже время, в группах неуспешных участников причина успеха других участников часто вообще не указывалась.

Статистические различия между этими группами значимы по оценке субъективного экономического благополучия и стилю объяснения успехов и неудач. По показателям качества жизни имеется значимое различие, подразумевается, что группа неуспешных и успешных участников эксперимента различаются в оценке своей жизни. Высокие значения преобладают в группе успешных участников.

Для изучения представлений о богатом и бедном человеке, а также представлений о самом себе использовалась методика «Личностный дифференциал». При исследовании представлений о богатом человеке, было получено значимое различие по фактору «активность». Данное различие свидетельствует о том, что уровень активности, экстравертированности в представлении о бедном человеке успешных и неуспешных индивидов – различны. Для успешных образ бедного связан в пониженной активностью.

При исследовании представления о бедном человеке получены значимые различия по факторам «активность», «сила», тогда как по фактору «оценка» различие оказалось значимым. Представления о бедном человеке в группе успешных и неуспешных индивидов – различны. Для не успешных бедный человек – слабый, а образ бедного наделяется качествами связанные с пониженной активностью личности.

При исследовании представления об образе «Я» получены незначимые различия по факторам «оценка», «сила», «активность». В группе успешных и неуспешных индивидов различий в оценке самих себя как носители позитивных ценностей нет.

Рассматривая полученные данные в общем, можно видеть, что члены групп положительно оценивают себя. Группа успешных людей оценивает выше свои волевые качества, они не зависимы в своем поведении от окружающих обстоятельств. В группе неуспешных людей имеются низкие показатели, что говорит о зависимости. Обе группы деятельны и активны.

Также было выдвинуто предположение, что в целом на характер атрибуции могут влиять такие показатели, как экономическое благополучие, удовлетворенность жизнью. На основе корреляционного анализа нами были выявлены следующие связи.

В группе неуспешных участников. Между общим показателем отношения к успехам и неудачам и показателями субъективного экономического благополучия, оптимизма получена средняя, прямая, значимая связь ($p \leq 0.05$). Между показателями качества жизни и отношения к успехам получена сильная, прямая, значимая связь ($p \leq 0.01$).

Между показателями представления о богатом человеке (фактор «сила»), бедном человеке (фактор «оценка»), представлении о себе (факторы «оценка», «сила») и отношением к успехам, неудачам получена средняя, прямая, значимая связь ($p \leq 0.05$).

Между показателями представления о богатом человеке (фактор «активность»), бедном человеке (фактор «активность»), представлении о себе (фактор «активность») и отношением к успехам неудачам получена сильная, прямая, значимая связь ($p \leq 0.01$).

Также были получены прямые, значимые связи между показателями образа «Я» (факторы «оценка», «сила», «активность») и качества жизни, субъективного экономического благополучия, представлениями о богатом и бедном человеке.

В группе успешных участников. Между общим показателем отношения к успехам и неудачам и показателями субъективного экономического благополучия, представлением о богатом человеке (фактор «оценка»), представлением о бедном человеке (фактор «активность»), представлением о себе (факторы «оценка» и «сила») получена средняя, прямая, значимая связь ($p \leq 0.05$). Между показателями качества жизни, представлением о себе (фактор «активность») и отношения к успехам получена сильная, прямая, значимая связь ($p \leq 0.01$).

В целом на основе данных корреляционного анализа, можно предположить, взаимовлияние стиля объяснения успехов и неудач и представлений о богатом, бедном, и о себе. Исходя из проведенного нами анализа, можно видеть, что именно данные показатели имеют наиболее сильные, прямые связи. Так, стиль объяснения успехов, может формировать представления об активности богатого человека, что в дальнейшем может влиять на деятельность связанную с конкурентной борьбой. Стиль объяснения неудач, может формировать представления о силе (самоконтроля личности) бедного человека, что может формировать представления о бедном человеке, характерных для данного человека ценностей, идеалов. Влияние стиля объяснения успехов и неудач, также может влиять на развитие самоконтроля личности человека, оценивании личности себя как носителя положительных, социально приемлемых качеств, что в будущем может воздействовать на деятельность.

Таким образом, на основе корреляционного анализа, можно сделать вывод, что активность является значимым качеством для личности, так как данный фактор имеет наибольшее количество связей. Однако стоит отметить, что в обеих группах образы богатого и бедного не сформированы и носят амбивалентный характер.

При индивидуальной конкуренции неудача атрибутируется как зависящая от развитости моторики рук, а также указывались личностные особенности человека. В ситуации групповой конкуренции указываются групповые факторы. Данное различие объяснимо с позиции формирования групп. Так, при индивидуальной конкуренции результат деятельности зависит непосредственно от степени приложения сил индивида, в ситуации групповой конкуренции итог зависит от группы.

Список литературы

1. Андреева И.В. Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2000. – 221 с.
2. Бэрон Р. Социальная психология группы: процессы, решения, действия / Р. Бэрон, Н. Керр, Н. Миллер. СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
3. Дейнека О.С. Экономическая психология: Учебное пособие. СПб., Изд-во СПбГУ, 1999. – 140 с.

УДК 316.6

ПРЕИМУЩЕСТВА КИБЕРПРОСТРАНСТВА В РАБОТЕ С МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

*Шайкина Елена Александровна,
канд. пед. наук, доцент кафедры психологии,
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск),
(lugelenalug@gmail.com)*

В статье рассматриваются особенности воздействия киберпространства на массовое сознание. Выделены преимущества и особенности восприятия киберпространства над другими средствами массовой информации во влиянии на аудиторию пользователей. Показано значение информированности пользователей о способах манипуляции их сознанием при восприятии информации.

Ключевые слова: киберпространство, массовое сознание, прямое убеждение, косвенное убеждение, информационное пространство.

ADVANTAGES OF CYBERSPACE IN WORK WITH MASS CONSCIOUSNESS

Shaykina Elena,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Psychology,
Shevchenko Lugansk national university (Lugansk),
(lugelenalug@gmail.com)*

The article discusses the features of the impact of cyberspace on the mass consciousness. The advantages and features of the perception of cyberspace over other media in influencing the audience of users are highlighted. The importance of informing users about the ways of manipulating their minds in the perception of information is shown.

Key words: cyberspace, mass consciousness, direct conviction, indirect conviction, information space.

Проблема взаимодействия личности с киберпространством была порождена теми глобализационными процессами, которые происходят сейчас в мире. Это и возникновение информационного общества, и межкультурная интеграция различных социумов, и развитие поликультурного образования. Исходя из этого, возникли новые приемы и возможности эффективного воздействия на массовое сознание пользователей.

Данная проблема рассматривается такими учеными как А.Е. Жичкина, И.Л. Мясникова, А. Харитонов, Р. Чалдини.

Цель нашей статьи – показать преимущества киберпространства над другими средствами массовой информации в работе с сознанием пользователя.

Нами был проведен опрос по проблеме взаимодействия пользователей с киберпространством. Предлагалось выделить преимущества, недостатки, а также особенности восприятия получаемой информации через Интернет. В опросе приняло участие 300 человек в возрасте от 18 до 63 лет.

В результате проведенного нами исследования были выделены преимущества киберпространства над другими средствами массовой информации в работе с сознанием пользователя.

Первое, на что указывали практически все респонденты – это круглосуточный доступ к информации. В любое удобное для человека время он может зайти на любой сайт и находится там столько, сколько сочтет нужным.

Вторым значимым фактором является свобода выбора источника информации.

Респонденты в наших опросах отмечали этот фактор как один из значимых в выборе способа получения информации. Пользователь сам выбирает время, сайт, тему, таким образом, он внутренне готов к принятию информации, сознание открыто для проникновения в него. При этом следует учитывать иллюзию самостоятельности выбора: варианты выбора уже подготовлены по определенной схеме. Эта схема включает в себя языковой, субкультурный, возрастной, идеологический факторы. По сути, создается иллюзия свободы выбора.

Отмечался так же и тот факт, что киберпространство обеспечивает возможность прямого и косвенного воздействия на массовое сознание.

Прямое убеждение рассчитано на людей, способных размышлять над полученной информацией и мотивированных к этому. Информация излагается структурировано, логически обосновано, используются элементы точных наук: ссылки на статистику в цифрах, диаграммы, географические карты (с этими формальными показателями трудно спорить). Как показало исследование, этот способ подачи информации рассчитан на пользователей с преобладающим абстрактно-логическим мышлением.

Косвенное воздействие применяется к пользователям не склонным к размышлению. При подачи информации используется внешняя атрибутика:

- привлекательность источника информации (знаменитый актер, спортсмен, певица и т.д.);
- авторитетность источника информации (ссылки на мнение известных газет и журналов, представителей различных отраслей науки, политиков, общественных деятелей и т.д.);
- информация сопровождается фотографиями красивых людей (аргументы более действенны, когда высказываются внешне привлекательными людьми);
- использование эмоционально-окрашенной лексики;
- использование когнитивного внушения, т.е. соединение внушения с некоторым предшествующим неопровержимым фактом, даже если для такого объединения нет логического обоснования («Сегодня солнечный день и цены на наши товары вас приятно удивят»). Когнитивное внушение иногда называют «мусорной логикой».

Киберпространство по сути использует классические приемы прямого и косвенного воздействия на сознание пользователя, но они более эффективны, т.к. Интернет имеет имидж свободного информационного пространства.

В киберпространстве содержание информации может изменяться в зависимости от необходимости столько раз, сколько нужно: никакие иные средства массовой информации не имеют подобной гибкости в предоставлении информации.

Частая смена информации, низкий уровень ответственности за нее дает возможность манипуляции общественным мнением.

Киберпространство активно использует цветовое и звуковое оформление, что является эффективным способом воздействия на массовое сознание пользователей. На подсознательном физиологическом уровне мы реагируем на разные цвета по-разному. Звуковая подача информации подкрепляет визуальное восприятие, и внушение становится более действенным.

Интернет дает возможность пользователю включиться в непосредственное обсуждение той или иной проблемы.

Практически все сайты имеют свои форумы. Когда человек обсуждает какую-либо проблему, она прочнее входит в его сознание и зачастую становится убеждением. Процесс обсуждения, т.е. возможность высказать свое мнение и услышать чужое, очень важен при формировании убеждения. Это происходит, если он попадает сайт единомышленников.

Дискуссия – это один из способов изменить общественное мнение путем влияния на массовое сознание. Если надо убрать или поменять какую-либо моральную норму общественной жизни, ее начинают активно обсуждать в средствах массовой информации, в том числе и на Интернет-форумах. Киберпространство дает возможность не только быть пассивным слушателем обсуждения, но и самому включиться в него и стать активным участником.

При опросе 18 % респондентов ответили, что меняли свое мнение по тому или иному вопросу под влиянием обсуждений.

Во всемирной информационной сети появился новый прием работы с массовым сознанием – троллинг. Троллинг – это проникновение на сайт оппонента с целью размещения там информации выгодной хакеру. Например, на сайте производителя «тролли» размещают информацию о недостатках продукции якобы от имени производителя. На сайте медийной личности размещается псевдо интервью от ее имени.

Такая информация производит сильное впечатление. Даже, если потом это окажется неправдой, срабатывает эффект первого впечатления и сознание пользователя в любом случае будет возвращаться к ней. Это одна из технологий «черного пиара», но она широко используется в жизни современного виртуального информационного пространства. Говоря о киберпространстве как средстве влияния на массовое сознание, особое внимание стоит обратить на людей, страдающих компьютерной зависимостью. Они восприимчивы к любой информации во Всемирной сети уже в силу своего диагноза. По сути, они принимают на веру любую информацию только потому, что она получена из Интернета и является частью виртуального социума.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Знание особенностей взаимодействия киберпространства с сознанием пользователей позволяет не только управлять другими, но и выработать иммунитет против воздействия на собственное сознание. Все эти сложные технологии манипуляции имеют один очень существенный недостаток. Если человек знает об этом приеме, может выделить его в информационном потоке и включить критическое мышление, то воздействие этой технологии ослабевает, а возможно и нейтрализуется.

Список литературы

1. Галкин К. Ю. Зависимость от компьютерной виртуальной реальности [Электронный ресурс] / К. Ю. Галкин. – Режим доступа: <http://www.medicinform.net>.
2. Жичкина А. Е. Особенности социальной перцепции в Интернете / А. Е. Жичкина // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 42–48.
3. Мартылова О. Критерии оценки Интернет-зависимости [Электронный ресурс] / О. Мартылова. – Режим доступа: <http://www.medicinform.net>.
4. Мясникова И. Л. Психология отношений [Электронный ресурс] / И. Л. Мясникова. – Режим доступа: <http://www.koob.ru/myasishev-v1>.
5. Раевская Е. Черты личности Интернет-зависимых и Интернет-независимых пользователей [Электронный ресурс] / Е. Раевская. – Режим доступа: <http://www.flogiston.ru/search>.
6. Смылова О. Психологические последствия применения информационных технологий [Электронный ресурс] / О. Смылова. – Режим доступа: <http://www.flogiston.ru/search>.
7. Харитонов А. Основные направления изменения личности современного человека в условиях информационного общества [Электронный ресурс] / А. Харитонов. – Режим доступа: <http://http://psynet.ucoz.ru>
8. Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – СПб. : Питер, 1999. – 480 с.

УДК 141.42

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИФА О КУЛЬТУРНОМ ГЕРОЕ

*Швец Алина Олеговна,
ст. лаборант кафедры журналистики,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(twilight_21@mail.ru)*

Данная статья посвящена исследованию феномена мифа о культурном герое, его истоках в психоаналитическом и культурологическом аспектах. Обращено особое внимание на процесс становления концепции героического мифа, его трансформационный характер, отличительные особенности культурных героев разных народов: океанийских, карело-финских, греческих, а также народов Месопотамии и американских индейцев.

Ключевые слова: культурный герой, миф, первопредок, тотем, психоанализ, Эдипов комплекс, архетип.

PSYCHOANALYTICAL AND CULTUROLOGICAL ASPECTS OF MYTH ABOUT CULTURAL HERO

*Shvets Alina Olegovna,
Senior Assistant of the Department of Journalism,
Donetsk National University (DPR, Donetsk), (twilight_21@mail.ru)*

This article is devoted to the study of the phenomenon of the myth of the cultural hero, its origins in the psychoanalytic and culturological aspects. Special attention was paid to the process of the formation of the concept of the heroic myth, its transformational character, the distinctive features of the cultural heroes of different nations: the Oceanic, Karelian-Finnish, Greek, as well as the peoples of Mesopotamia and the American Indians.

Key words: cultural hero, myth, forefather, totem, psychoanalysis, Oedipus complex, archetype.

Поскольку любой миф о культурном герое всегда рождается как некий образ мира и возможная культура, постольку и актуализация его исследования обусловлена теми культуротворческими процессами, которые происходят во всем мире в целом. Данный процесс характеризуется непрерывностью смыслообразования и смыслоотображения. Однако традиция может оставаться мертвым наследием, если не является непрерывной интерпретацией неисчерпаемого смыслового запаса мифов о культурном герое.

Мифы о культурных героях распространены во всех цивилизациях и культурах. Бесспорно, данный факт свидетельствует о том, что именно эта группа мифов является универсальной для всех культур, которая впоследствии трансформировалась в религиозные и политические мифы. Собственно, наличие аналогичных комплексов мифов свидетельствует о том, что развитие ментального мира происходило примерно по одинаковым законам.

Говоря о мифах, где основным действующим лицом выступает культурный герой, имеются в виду рассказы о первопредках. Речь идет, прежде всего, о тех мифах, которые присутствуют в наиболее архаичных обществах, например, Австралии и Меланезии, Африке [1]. Также имеются в виду поздние мифы о героях, попадающих в большие приключения. Они действуют креативно, эпохально влияют на мир и жизнь человека. В частности, это мифы семитских народов, античной Европы, Индии и других.

Бесспорно, большой вклад в раскрытие психологической сущности культурного героя внес психоанализ. З. Фрейд, О. Ранк и К. Юнг, исследуя архаичную культуру, сумели уловить особенности внутренней жизни культурного героя, его амбивалентную сущность.

З. Фрейд попытался объяснить проблему возникновения религии, обращая при этом к тотемической мифологии, к истокам мифа о герое. К проблеме возникновения религии З. Фрейд обращался на протяжении всей жизни, начиная с работы «О психологических механизмах истерии» (1893) и, заканчивая его последним произведением «Моисей и монотеистическая религия» (1939). Именно в тотемизме он видел ключ к реконструкции первозданной культуры и религии. При этом З. Фрейд отмечает одновременность происхождения тотемизма и экзогамии. Его психоанализ показывает, что каждый человек создает бога по образу своего отца. Между богом и священным животным можно выделить следующие отношения: во время мистических жертвоприношений богу приносили в жертву посвященное ему животное; бога часто чествовали в образе животного, в мифах бог часто превращается в посвященное ему животное. Таким образом, можно сделать вывод, что бог сам выступает животным-тотемом. Он является более поздней (по сравнению с тотемом) формой замены отца. Но «восхваление убитого когда-то отца в степень бога, от которого племя ведет свой род, было гораздо более серьезной попыткой искупления, чем договор с тотемом» [2]. В результате, животное потеряло свою святость, жертвоприношение превратилось в обычные дары и самоограничения в пользу божества.

Тотемизм имел свою систему мифологических образов: представления о «тотемических предках». В мифологии австралийцев эти предки – не реальные люди – родоначальники группы, что наделяются зоантропоморфными чертами. Представление о «тотемистических предках» послужило одним из факторов, из которых сложились образы почитаемых праотцов. «Важная идеологическая роль веры в тотемических предков и

мифов о них заключается в том, что в них воплощена связь родовой общины с территорией» [3]. Т. Штрелов (знаток быта и верований аранда) отмечал, что для туземца племени Аранда окруженного природной средой, живое родословное дерево – это наглядная история его предков. Представление о тотемических предках есть мифологическая персонификация чувства единства группы, общности происхождения и преемственности ее традиций. Род свято хранил сказания о подвигах предка-тотема: с ним была связана система запретов – табу и предписаний. Именно тотему приписывались способности, действия, характерные не для реальных животных или растений, а для самих людей, какими они себя видели. Потому можно утверждать, что это была первая попытка самосознания архаического человека, форма объяснения взаимных отношений в группе, способ идентификации индивида – принадлежность его к определенной группе. Род со своим тотемом был «закреплен» за определенной территорией со всеми ее природными свойствами.

Фрейдовская концепция героического мифа находит свое завершение в работе «Моисей и монотеистическая религия», где психоаналитик приходит к выводу, что становление монотеизма проходит определенные стадии: кровавое преступление, инициированное бессознательными импульсами, запоздалое чувство вины и покаяние – компенсация, которая отчаянно стремится реставрировать ранее неприемлемый авторитет. По теории З. Фрейда, такое триединство событий евреи воссоздали в лице Моисея, а впоследствии эта идея была реализована в возникновении христианства как способе примирения людей с Богом Отцом. Таким образом, З. Фрейд лишь очертил психологические очертания тотемической мифологии, в которой зарождается концепция героического мифа. Он показал процесс становления тотемического героя и трансформации его в миф о религиозном герое.

Продолжил эту идею последователь З. Фрейда, О. Ранк в работе «Миф о рождении героя» (1909), в которой он попытался показать, что комплекс Эдипа (по фрейдовской концепции Эдипов комплекс выражается в эмоциональной привязанности мальчика к матери и амбивалентного отношения к отцу) является универсальным принципом для объяснения древних мифов [4].

Рассматривая типичные сказания о рождении героев – Моисея, Эдипа, Париса, Персея, Гильгамеша и др. О. Ранк приходит к выводу, что все эти мифы имеют, в основном, стандартную и стереотипную структуру. Герой является ребенком знатных родителей, обычно сыном царя. Его рождению предшествуют различные трудности: сдерживания, длинные бесплодия и т.п. До рождения героя или перед зачатием имело место пророчество через сновидения или оракула, который предупреждал о нежелательности его рождения. Обычно, ребенка помещали после этого в воду в корзине, сундуке или бочке, а затем его спасают животные или люди более низкого происхождения. Герой, который вырос, находит своих знатных родителей довольно разнообразными способами: с одной стороны, он мстит своему отцу, а с другой – получает признание и, в конце концов, достигает высокого статуса. Рассмотренный под таким углом зрения миф о рождении героя становится вычурный средством решения познавательных или эротических желаний отдельных индивидуумов.

Следующий шаг в становлении психоаналитической теории мифа сделал К. Юнг, который считал, что, во-первых, в качестве субъекта мифа нужно рассматривать не индивида, а архаичный коллектив, а, во-вторых, нужно дать возможность мифу «сказать» о себе самому: дослушать его до конца. Напрашивается вывод, что героический миф – это миф не только о рождении героя, но также и о его смерти и возрождении. Таким образом, представители психоанализа поставили вопрос о психологических корнях мифа, связанного с рождением героя, выстроив определенную психоаналитическую модель становления концепции героического мифа.

Образ культурного героя занимает одно из ведущих мест в трудах выдающегося русского исследователя мифов Е. Мелетинского. В фольклоре архаических сообществ именно мифы о культурных героях синтезируют положительный человеческий опыт, стремятся идеализировать человека, придать ему статус социальной значимости. Между тем, «существующий миропорядок рассматривается как результат деятельности тотемических предков и культурных героев» [4]. Стоит отметить, что в мифах народов Месопотамии можно найти явную идеализацию возраста героя, его царствования. Например, царь Алула царствовал 28800 лет, а Алалгар – 36000 лет. Эти числа не означали годы правления, а должны были вызвать у современников удивление и трепет перед далеким прошлым.

Обычно мифический культурный герой не бог, но он может эволюционировать в бога-творца: тогда и происходит сакрализация культурного героя. Однако, как отмечает Е. Мелетинский, этот процесс не происходит и поэтому «культурный герой становится народно-эпическим образом, первым литературно-фольклорным персонажем» [5].

Культурный герой-демиург – это самый древний образ мирового фольклора. Более архаичные – тотемные предки, на основе которых формируется идея демиурга. Тотемизм как определенная система само- и мировосприятия настолько была значима в архаических коллективах, что большинство культурных героев в фольклоре разных народов носят имена животных. В этом смысле культурные герои словно создают географию имен, поскольку ландшафт и культура становятся результатом их деятельности. Более того, все, что существует, возникло в мифическую эпоху как результат действий культурного героя. Поэтому во многих архаичных культурах даже время связывалось с его именем. Бесспорно, такой отсчет времени сохранялся до тех пор, пока новый культурный герой не поражаал воображение, что приводило к появлению новых мифов. Итак, «поскольку инициатива всех нововведений приписывается культурному герою, миф о нем – это в то же время, своеобразная летопись побед человека над природой, летопись достижений в области технического прогресса» [5]. Поэтому культурный герой словно творит модели поведения, прокладывает путь для других.

В океанийских мифах, в Меланезии культурные герои имеют братьев, старший из которых – умный, а младший – дурак. Здесь можно проследить намеченную тенденцию превращения первоначального мифа в сказку. У американских индейцев культурный герой имеет свои особенности: у него нет братьев. Это творец-одиночка. Подобный герой имеет двойную сущность. Наряду с положительными чертами он имеет и другое лицо – мошенника, простофилю, дурака. Впоследствии образ мошенника-сорванца стал центром формирования сказок о животных и анекдотов.

Довольно ярко черты культурного героя проявляются в образе Прометея, который способен идти на подвиг и жертвовать собой ради блага других людей. Прометей добывает огонь, учит народ различным искусствам. Его действия обусловлены самыми благородными стремлениями. Хотя, осуществляя благородные поступки, Прометей вступает в конфликт с богами. В некоторых вариациях мифов он то создает людей (лепит их из глины), то дорабатывает существа, которых начали создавать боги. В карело-финских мифах Вяйнямейнен похищает са-мно (чудо-мельница, символ материального благополучия народа) у мифической хозяйки Севера, чтобы передать людям. Здесь наблюдается близость действий Вяйнямейнена и Прометея. Переход от мифологического культурного героя к эпическому богатырю ярко выражен в нартском эпосе, в частности в культурном герое Сосруко. Эпос о Сосруко отличается довольно крайней архаичностью. Таким образом, культурный герой выступает древним образом фольклора. С самого начала сказания о культурных героях поэтизируют творческие возможности человека.

В процессе своего становления культурный герой может эволюционировать к богу (когда начинает доминировать процесс сакрализации). Однако, основываясь на народном художественном творчестве, он может трансформироваться в героя эпоса, когда структура

мифологического нарратива меняется: самоочевидность меняется на альтернативность. Тенденции формирования героического эпоса проявляются во многих мифах о культурном герое. Все известные архаичные народы еще на ранней стадии развития начали прославлять своих героев. До нас дошло много поэтических сказаний и легенд, в которых история жизни таких личностей довольно таинственная и фантастическая. Стоит отметить, что у разных народов, несмотря на их географическую удаленность и независимость друг от друга, оказывается удивительное сходство, а отчасти определенное соответствие в мифах занимает раздел о культурном герое. Этот факт давным-давно поражал многих исследователей, что послужило мощным стимулом к построению новых теорий.

Итак, мифы о культурных героях, накапливая весь положительный потенциал с момента своего возникновения, поэтизируют творческие возможности человека, в синкретической форме содержат в себе зарождение искусства, религии и, в общем, культуры. Героизация культурного героя, достигая апогея, поражает непревзойденными образцами мужества, смелости, что, безусловно, способствовало формированию общечеловеческих гуманистических ценностей.

Список литературы

1. Время сновидений: мифы и легенды аборигенов Австралии. – М.: Наука, 1989. – 189 с.
2. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // Тотем и табу. – М.: Олимп «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. – С.164.
3. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990 – С.71-72.
4. Ранк О. Миф о рождении героя. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – 252 с.
5. Мелетинский Е.М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. 1958. №3. – С. 114-132.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ДНР К ПОЛИТИКЕ

Шульга Валентина Васильевна,

*к. психол.н., доцент, зав. кафедрой юридической психологии и педагогики,
Донбасская юридическая академия (ДНР, г.Донецк),
(shulga55@rambler.ru)*

В статье анализируются ответы на вопросы социологической анкеты, посвященной проблеме отношения молодежи ДНР к политике. Констатируется нежелание молодежи участвовать в политической жизни республики. Вместе с тем, отмечается позитивные тенденции в проявлении интереса к политическим вопросам.

Ключевые слова: молодежь, молодежь ДНР, политика, отношение молодежи к политике.

PECULIARITIES OF THE YOUTH RELATIONS OF THE DPR TO POLITICS

Shulga Valentina Vasilivna,

*candidate of Psychological Sciences,
Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy,
Donbass Academy of Law (DPR, Donetsk),
(shulga55@rambler.ru)*

The article analyzes the answers to the questions of the sociological questionnaire devoted to the problem of the DPR youth attitude to politics. The reluctance of young people to

participate in the political life of the Republic is stated. At the same time, it is noted positive tendencies in manifestation of interest in political affairs.

Key words: youth, youth of the DPR, politics, the attitude of young people to politics.

Любому человеческому сообществу, если оно планирует сохранить свою государственность, хотя бы в среднесрочной исторической перспективе, необходимо передавать, воспроизводить и формировать в образе жизни и деятельности новых поколений те социокультурные феномены, на основе которых данная общность обрела свою самобытность. Молодежь – это главный ресурс общества, его будущее. Являясь потенциальным субъектом общественного производства и социальной жизни, молодежь будет осуществлять функционирование всех структурных компонентов социума, выполняя функции преемственности, инновационных изменений и трансляции собственного опыта последующим поколениям [1].

Участие молодежи в политической жизни государства имеет ряд особенностей, которые связаны с критериальными характеристиками этой социально-демографической группы, с ее особым местом в общественной жизни. Вопросы отношения молодежи к политике вообще, и к разнообразным политическим явлениям, в частности, посвящены как теоретические разработки известных ученых разных научных направлений, так и многочисленные социологические исследования. В качестве примера можно привести работы [1,2] и исследования [3,4]

В статье анализируются результаты социологического опроса студентов Донбасской юридической академии, направленного на выявление отношений молодежи ДНР к политике. Опрос производился среди студентов-юристов 1-го курса, выборка составила 98 человек.

Один из вопросов анкеты звучал следующим образом «С какими из перечисленных ниже суждений Вы согласны?», и допускал возможность сделать 3 выбора. Распределение вариантов ответов представлено в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими из перечисленных ниже суждений Вы согласны?»

п/п	Варианты ответов	Кол-во выборов	%
1	Большая часть молодежи равнодушно относится к политике и не желает участвовать в политической жизни страны	43	43,9
2	Проводится недостаточно (или отсутствуют) специальные акции, направленные на привлечение молодых людей в политику	25	25,5
3	Молодежь недостаточно информирована в политических вопросах	37	37,8
4	Активно участвует в политической жизни только студенческая молодежь	16	16,3
5	Активно участвует в политической жизни только городская молодежь	4	4,1
6	Активно участвуют в политической жизни только те, кто хотят сделать карьеру	21	21,4
7	В политической жизни участвует молодежь с неудовлетворенными и болезненными амбициями	5	5,1
8	У молодежи много дел, просто нет времени заниматься политикой	18	18,4
9	Политика – грязная игра, от нее нужно держаться подальше	20	20,4
10	Затрудняюсь ответить	4	4,1

Анализ результатов выборов респондентов показывает, что почти половина опрошенных (43,9%) «равнодушно относится к политике и не желает участвовать в политической жизни страны». Такой результат, в общем, не является уникальным, и

отражает существующие настроения в молодежной среде, которые констатируют многие исследователи: полное или частичное отчуждение молодых людей от политической жизни. Причины такого положения вещей глубоко и всесторонне проанализированы уважаемыми авторами. Они лежат, как в особенностях социально-политического устройства нашего государства, ментальности славянской нации, так и в уникальности самой молодежной социальной группы и ее маргинального статуса в обществе.

На общую характеристику молодежной социально-демографической группы накладывает отпечаток специфика региональных проблем, особенности культурной и экономической структуры региона. Говоря о молодежи Донбасса, необходимо учитывать нестабильность и определенную степень кризисности нашего общества на глобальной мировой арене, что усиливает неустойчивость социального положения молодежи, как имманентной ее характеристики, и откладывает отпечаток на формы и степень участия молодежи в политической жизни и определяет ее особенности как субъекта политических отношений.

Однако, данные табл. 1 дают основания для некоторого оптимизма в вопросе политической активности молодежи ДНР. Следующие по значимости выборы респондентов приходятся на такие варианты ответов, как «Молодежь недостаточно информирована в политических вопросах» - 37%, и «Проводится недостаточно (или отсутствуют) специальные акции, направленные на привлечение молодых людей в политику» - 25% от общего числа выборов. Таким образом, равнодушие и пассивность молодого поколения в политическом плане могут быть изменены при условии грамотного построения молодежной политики, энергичной просветительской работы среди молодежи.

Здесь уместно привести результаты ответов (Табл.2) еще на один вопрос социологической анкеты «Что, на Ваш взгляд, следует делать для приобщения молодежи к политической и общественной жизни Республики?» (4 выбора):

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, следует делать для приобщения молодежи к политической и общественной жизни Республики»

п/п	Варианты предложенных ответов	Кол-во ответов	%
1	Учитывать в политических программах интересы и проблемы современной молодежи	62	63,3
2	Проводить больше специальных акций, направленных на просвещение молодых людей в сфере политики	32	32,7
3	Создавать и укреплять молодежные организации	40	40,9
4	Предоставлять молодежи возможность самой создавать политические объединения в соответствии со своими интересами	26	26,5
5	Выдвигать молодежь на первые роли в политике	14	14,3
6	Развивать самостоятельные общественные молодежные объединения и движения	15	15,3
7	Стимулировать политическое участие молодежи материально	33	33,7
8	Увязать перспективы карьерного роста молодых людей с членством в политических партиях, политической активностью	33	33,7
9	Другие меры	2	2
10	Затрудняюсь ответить	6	6,1

Как видно из табл. 2, наибольшее количество выборов – 63% - среди респондентов получил ответ «Учитывать в политических программах интересы и проблемы

современной молодежи». Нет никакого сомнения, что каждый политик в своих программных заявлениях или публичных выступлениях не обходит стороной «проблемы молодежи», но также нет никакого сомнения, что такие заявления имеют декларативный характер, и не несут реального изменения ситуаций в молодежной среде. Отношение к молодому поколению, как к пассивному исполнителю готовых решений, восприятие молодежи преимущественно как объекта социализации, воспитания и идеологического воздействия – давняя традиция отечественного истеблишмента. Подобный подход негативно отражается на участии молодежи в политической жизни, ее политической активности, которая зачастую имеет ритуальный характер, и не отражает групповых интересов и возможностей молодого поколения [4].

«Создавать и укреплять молодежные организации» - 40,9% всех ответов – следующий в иерархии выбор респондентов (табл.2), имеющий значение для вовлечения молодежи в политические процессы. Определенную часть времени молодые люди проводят среди сверстников, поэтому их стремление к объединению в организации логично. Поддержка детских и молодежных организаций, действующая в городах нашей Республики, включает в себя предоставление субсидий и финансирование целевых программ по решению социальных проблем молодежи. Однако, несмотря на государственную поддержку, заметного влияния на политическую жизнь молодежи эти организации не оказывают. Большинство из них не формулирует политических целей, не определяет собственных политических ориентаций, хотя они представляют собой группы интересов [3].

Подтверждением этих выводов служит выбор опрашиваемыми такого варианта ответа, как «Предоставлять молодежи возможность самой создавать политические объединения в соответствии со своими интересами» - 26% и «Развивать самостоятельные общественные молодежные объединения и движения» - 15,3% (данные табл. 2).

Не сформированность политического сознания молодых граждан Республики, многообразие их политических ориентаций и интересов диктует появление разнообразных по направленности молодежных объединений, в том числе и политических. Традиционно в нашем обществе признавались лишь те формы активности молодежи, в том числе политической, которые демонстрировали солидарность молодых людей с официальной идеологией. Любые иные мнения считались антиобщественными и пресекались [5]. Такие традиции бюрократизации политической жизни наносят непоправимый вред приобщению молодежи к общественной и политической жизни государства, рождают массовое отчуждение молодого поколения от активной жизненной позиции, деформируют ее сознание. В ее отношениях доминирует индивидуализм, деньги становятся главной ценностью, а нравственные критерии утрачивают смысл. Подтверждение этому мы видим (табл. 2) в выборах респондентов таких позиций в анкете, как «Стимулировать политическое участие молодежи материально» (33% студентов), и «Увязать перспективы карьерного роста молодых людей с членством в политических партиях, политической активностью» - 33% опрошенных.

Однако, наряду с меркантильными тенденциями в молодежной среде, следует отметить равную им по значимости позицию «Проводить больше специальных акций, направленных на просвещение молодых людей в сфере политики» - 32% опрошенных (табл. 2) и, как робкую надежду - «Выдвигать молодежь на первые роли в политике» - 14,3% (табл. 2).

Нужно учитывать, что сознание молодежи легко поддается влиянию различных факторов: экономических, социальных, политических. Под их воздействием происходит осознание молодыми людьми собственного положения в обществе, и необходимость консолидации своих групповых интересов. Тогда молодежь становится реальной политической силой [1].

В целом, наблюдается тенденция сокращения доли молодежи, негативно оценивающей свои отношения с властью, заметен рост количества молодых людей, которые видят возможность повлиять на действия власти через создание молодежных политических объединений.

Тем не менее, констатация большинством респондентов равнодушия со стороны власти к нуждам молодежи приводит к тому, что уровень политического нигилизма молодежи остается высоким, он подрывает ее веру в собственные силы как участника политической жизни, приводит к недоверию политическим институтам, и замкнутости в пределах внутригрупповых отношений.

От преемственности социально-политических отношений, передачи обновленного социального опыта будущим поколениям зависит развитие общества и судьба Республики в целом. Пагубно, когда искреннее желание молодых людей и молодежных организаций что-либо изменить, наталкивается на препятствия со стороны бюрократической системы. Тогда желание что-то изменить сменяется разочарованием, и чаще всего это заканчивается отказом от борьбы и принятием позиции конформизма.

Список литературы

1. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М., 2010. – 328 с.
2. Зубок, Ю. А. Молодежные движения как форма самоорганизации молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия в условиях глобального кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 году. - М., 2009.
3. Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования: монография / под ред. В. И. Добренькова, Н. Л. Смакотиной. – М., 2009. – 216 с.
4. Чупров, В. И. Молодежь: саморегуляция как антикризисная стратегия / В. И. Чупров // Социальная политика и социология. — 2009. - № 2. – С.104-112.

УДК 37.01/.09

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СЕМЬИ

*Яковлева Лейсан Фирдавиевна,
магистр факультета педагогики и психологии,
ФГБОУ ВО НГПУ, Набережные Челны, Россия,
(muhamethanova-leisan@mail.ru)*

В статье раскрыта тема взаимодействия семьи и детского сада. Ведь это длительный процесс, долгий и кропотливый труд, требующий от педагогов и родителей терпения, творчества и взаимопонимания. В новых формах взаимодействия с родителями реализуется принцип партнерства, диалога. Разнообразие интерактивных форм взаимодействия с родителями, позволяет воспитателям значительно улучшить отношения с семьями, повысить педагогическую культуру родителей, расширить представления детей по различным образовательным областям.

Ключевые слова: семья, детский сад, взаимодействие, принципы.

INTERACTION OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION AND FAMILY

*Yakovleva Leysan Finevision,
master's degree in pedagogy and psychology,
Of the NSPU, Naberezhnye Chelny, Russia,
(muhamethanova-leisan@mail.ru)*

The article reveals the theme of interaction between family and kindergarten. After all, it is a long process, a long and painstaking work that requires patience, creativity and mutual understanding from teachers and parents. The principle of partnership and dialogue is being implemented in new forms of interaction with parents. A variety of interactive forms of interaction with parents, allows educators to significantly improve relations with families, improve the pedagogical culture of parents, to expand the representation of children in various educational areas.

Key words: family, kindergarten, interaction, principles.

Семья – одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю его существования. Ни одна нация, ни одна культурная общность не обошлись, и не обходятся без семьи. В ее развитии, сохранении заинтересовано общество, государство, в надежной семье нуждается каждый человек. Семья и детский сад – два важных института. Их воспитательные функции различны, но для всестороннего развития ребенка требуется их взаимодействие. Всем известно, что воспитание ребенка начинается с семьи.

Если проанализировать психолого-педагогическую литературу, то можно сказать, что проблема взаимодействия семьи и детского сада широко обсуждается педагогами и психологами. Исследование проблем, которые существуют во взаимодействии детского сада с семьей, а это порой нехватка времени и даже нежелание работать в сотрудничестве. Далеко не все семьи в полной мере реализуют весь комплекс возможностей воздействия на ребенка. По этому необходима квалифицированная помощь дошкольной организации. Проблема взаимодействия дошкольной организации с семьей воспитанников на сегодняшний день остается актуальной. Для того, чтобы привлечь семью к взаимодействию с детским садом, необходимо формирование сотрудничества, единство интересов и потребностей обеих сторон, преемственность воспитания в семье и в детском саду. Выделяют четыре основных направления работы с родителями в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: познавательное, информационно-аналитическое, наглядно-информационное, досуговое.

Познавательное направление предполагает ознакомление родителей с возрастными и психологическими особенностями детей дошкольного возраста.

Информационно-аналитическое направление предусматривает выявление интересов, потребностей, запросов родителей, уровня их педагогической грамотности.

Наглядно-информационное направление даёт возможность донести до родителей любую информацию в доступной форме.

Досуговое направление призвано устанавливать теплые доверительные отношения, эмоциональный контакт между педагогами и родителями, между родителями и детьми[2].

Принципы взаимодействия семьи и дошкольной организации – важный аспект для формирования активной позиции родителей. Выделяют следующие принципы:

1. Доверительность отношений – этот принцип предполагает обеспечение веры родителей в профессиональную компетентность и тактичность педагога, его умение понять и помочь решить проблемы семейного воспитания.

2. Личностная заинтересованность родителей – родители должны видеть во взаимодействии личностный смысл, который поможет им правильно строить общение и совместную деятельность с ребенком, сделать педагогическую позицию адекватной, гибкой, прогностической.

3. Эмансипация – освобождение родителей от стереотипных взглядов, установок на воспитание ребенка как несмышленного малыша; пробуждение их желания познать самих себя.

4. Утверждение самооценности родителей – только уважающие себя родители могут воспитать здоровую и свободную личность (предполагается создание условий, при которых родители имеют возможность максимально плодотворно проявить свои

положительные качества и способности; предельное уважение к каждому родителю, признание его индивидуальности и неповторимости) [1].

В работе с родителями применяют разнообразные формы взаимодействия. Главное ответить на вопросы родителей, и донести до родителей знания. Выделяют традиционные и нетрадиционные формы взаимодействия с родителями дошкольников. К традиционным формам относятся а) коллективные (родительские собрания, конференции, круглые столы); б) индивидуальные (беседы, консультации, посещение на дому), в) наглядно-информационные (выставки, стенды, ширмы, папки-передвижки). Нетрадиционные формы: а) информационно-аналитические (выявление интересов, запросов родителей, уровня их педагогической грамотности); б) познавательные (знакомство родителей с возрастными и психологическими особенностями детей дошкольного возраста через семинары-практикумы, педагогическая гостиная, педагогическая библиотека для родителей); в) наглядно-информационные (знакомство родителей с работой ДОУ - это информационные проекты для родителей, организация дней открытых дверей, выпуск газет); г) досуговые (совместные досуги, праздники, участие родителей и детей в выставках).

Педагог должен обладать такими личностными качествами как открытость, искренность, располагать родителей к доверительному общению, что способствует снижению тревоги и совместному преодолению трудностей. Открытое прямое сотрудничество, взаимодействие дошкольной организации с семьями воспитанников, активное включение родителей в жизнь детского сада - главный принцип взаимодействия семьи и дошкольной образовательной организации, при котором возможно выполнение главной цели воспитательного процесса - гармоничное развитие личности ребенка [3].

Таким образом, взаимодействие семьи и детского сада – это длительный процесс, долгий и кропотливый труд, требующий от педагогов и родителей терпения, творчества и взаимопонимания. В новых формах взаимодействия с родителями реализуется принцип партнерства, диалога. Разнообразие интерактивных форм взаимодействия с родителями, позволяет воспитателям значительно улучшить отношения с семьями, повысить педагогическую культуру родителей, расширить представления детей по различным образовательным областям.

Список литературы

1. Далинина Т.С. Современные проблемы взаимодействия дошкольного учреждения с семьей. // Дошкольное воспитание. – 2005. — № 1. - С. 24-39.
2. Григорьева Н.Н. Как мы работаем с родителями /Н.Н.Григорьева, Л.П.Козлова // Дошкольное воспитание.- 2006. - № 9. - С. 32- 48.
3. Белоногова Г.Н. Педагогические знания — родителям /Г.Н.Белоногова, Л.И. Хитрова // Дошкольное воспитание. – 2003. - № 1. – С. 24-36.

УДК 159.922.4

«РУССКИЙ МИР» И «РАХ AMERICANA»: О РАЗЛИЧИЯХ МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Яновский Михаил Иванович,

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк),
(m.i.yanovsky@mail.ru)*

В статье анализируются некоторые причины ценностных и мировоззренческих различий русского и американского мировосприятия. Эти два мировосприятия расходятся на признании или непризнании имплицитного знания и имплицитных идей в индивидуальном и народном сознании. Русское мировосприятие признает такое знание и

идеи, американское мировосприятие основывается на идее «чистой доски» как исходном, стартовом состоянии сознания человека.

Ключевые слова: «Русский мир», «Pax americana», «чистая доска», Локк, американские ценности.

«RUSSIAN WORLD» AND «PAX AMERICANA»: THE DIFFERENCES OF THE MENTAL REASONS

Yanovsky Mikhail Ivanovich,

*candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(m.i.yanovsky@mail.ru)*

The article analyzes some causes of value and worldview differences between Russian and American worldview. These two worldviews disagree on the recognition or non-recognition of implicit knowledge and implicit ideas in the individual and national consciousness. Russian perception of the world recognizes such knowledge and ideas, American perception of the world is based on the idea of "clean Board" as the initial, starting state of human consciousness.

Key words: «Russian world», «Pax Americana», «clean Board», Locke, American values.

Современная социокультурная ситуация в значительной мере задана противоположностью двух ценностных систем: «Русский мир» и «Pax americana». Они не являются продуктом конструирования современных политтехнологов, а представляют собой обозначение разных многовековых мировоззренческих традиций. Между чем и чем выбирает человек, выбирая первое или второе? В чем ядро различий?

Одним из выразителей того, что лежит в основе русскости можно считать Ф.М. Достоевского. Приведем его слова: «Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, – до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ. В стремлениях к выяснению себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни» [1, с. 64]. Достоевский считал наличие бессознательных идей достоянием любого народа, однако, само такое представление – элемент русского мировосприятия. В классической форме встречаем это у украинско-русского философа Г. Сковороды (Украина во времена Сковороды понималась не как имя этноса, а как обозначение региона между Малороссией и Великороссией). Согласно Сковороде каждый человек и каждый народ одарен от Бога (или природы) неким врожденным естеством, которое определяет круг «сродных» для него форм деятельности. Это присутствует в таких выражениях как «мудрость народа» и т.п.

Достоевский говорит и конкретно о некоторых бессознательных русских идеях. Например: «Энергия, труд и борьба – вот чем перерабатывается [социальная] среда. Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства» [1, с. 65]. «Идея эта чисто русская» [1, с. 64]. Действительно, именно эта идея стала судьбой России в XX веке: она привела Россию к 1917 году и построению социализма. Считать, таким образом, что советский социализм чужероден для русскости – заблуждение. Но не менее важной для появления социализма в XX веке является сама идея о существовании у простых людей «невысказанных, бессознательных, чувствуемых идей». Именно такая причастность каждого человека трансцендентной бессознательной духовности делает людей онтологически равными и, значит, создает основания для социализма.

Другая ситуация складывается, когда «онтологическая и нравственная необеспеченность социальных целей при ослаблении основополагающих идеалов создает

<...> условия, препятствующие самоуважению человека в собственном его положении и развивающие завистливую «роковую заботу» отыскивать везде и всегда как можно больше людей хуже себя. Отсюда повсеместная гонка и непрерывное соревнование неутоленных честолюбий и обойденных самолюбий» [5, с. 27-28].

Дело в том, что «онтологическая необеспеченность социальных целей» – это основа «Рах americana», американизма. Она является центральным положением психолого-педагогической концепции «отца» американского либерализма Дж. Локка: человеческая душа при рождении является «чистой доской» (*tabula rasa*) [4] (о роли философии Локка в создании основ американской идеологии см.: [2; 6]). Никаких априорных бессознательных идей хоть в индивидуальной, хоть в «народной» душе, по Локку, нет. Но от этого отсутствия укорененности и возникает, по Достоевскому, «непрерывное соревнование неутоленных честолюбий», основа американизма. Вот почему «базовая американская ценность – *уверенность в себе*» [7, с. 213]. Очевидно, что она обязательна и необходима при «соревновании честолюбий».

Будучи отчужден от внутренней духовной онтологии (на ее месте – «чистая доска»), американец может ценить только внешнее, только достижения вовне. Поэтому американизм экстравертивен по своему характеру – все его внутреннее обнулено локковской «*tabula rasa*». А.В. Трепакова приводит обобщенный список американских ценностей, декларируемых самими американцами: «Активное отношение к жизни, установка на деятельность; Страсть к переменам; Дух состязания; Прямота, прямолинейность; Равенство, равноправие; Устремленность в будущее; Честность; Индивидуализм и личная свобода; Неформальность, демократизм в общении; Контроль за средой и событиями, принцип «помоги себе сам»; Практичность, материализм, потребительство; Пунктуальность и контроль за временем» [6, с. 16]. Нетрудно увидеть, что большая часть из них носит чисто экстравертивный характер («Активное отношение к жизни, установка на деятельность»; «Дух состязания»; «Контроль за средой и событиями» и т.д.). Некоторые предполагают сознание себя или «своего внутреннего» как бы «чистой доской»: «Прямота, прямолинейность»; «Неформальность». Или возможность стать «чистой доской»: «Страсть к переменам».

В этом – объяснение беспрецедентной способности адептов Рах americana к ведению агрессивных войн (например, Вьетнам, или геноцид коренных жителей Америки), не испытывая каких-либо моральных мучений о правильности-неправильности своих действий и их последствиях, а, напротив, испытывая «святую» веру в свою моральную чистоту и миссию. Существует своеобразный американский энтузиазм, вызванный верой в чудо: из ничего (= из «чистой доски») можно сделать всё, а всё, если понадобится, можно обнулить (привести в состояние «чистой доски»). Обратной стороной этого «титанизма» (а, по мнению М. Хайдеггера – нигилизма [3]) является отрицание природности, естественности как возможного свойства каких-либо явлений. Все явления для адепта Рах americana искусственны, могут или должны быть сделаны (отсюда стремление все конструировать, не только технические, но и природные, и социальные, и психологические, и даже религиозные системы). Или явления уже кем-то сделаны (отсюда паранойальность, склонность к различным маниям как свойство американского сознания).

Отрицание доопытного бессознательного знания, внутреннего содержания субъекта в представлении о душе как «чистой доске», привели Локка к обедненному представлению о формах работы мышления – видах мыслительных операций. Локк сводит такие формы активности ума к трем: суммирование идей, сравнение идей и суммирование идей в форме обобщения [4, с. 250]. Операция суммирования идей из этого списка в наше время рассматривается скорее как операция воображения – агглютинация, или, если это в мышлении, – создание синкрета, что есть элемент дологического мышления. Все три операции вместе могут обеспечивать лишь комбинаторику идей, без возможности их аналитического углубления. Нет «тонкого», не-эмпирического

(трансцендентного) идеального мышления. Это объяснимо: по Локку душа изначально «чистая доска», нет ничего в мыслях, чего не было бы в опыте [4]. Тем самым Локк отрицает саму возможность самостоятельного и самоценного абстрактно-понятийного мышления. Сознание огрубляется: всякое абстрактное сводится к конкретному, на практике это приводит к неразличению абстрактного и конкретного, и как следствие – к подмене мышления воображением, идей – образами, и подмене познания созданием и конструированием виртуальной реальности. Так формируется основа для метафизической вражды с реальностью. С той реальностью, которая существует сама по себе. М. Хайдеггер так и говорит: «В американизме нигилизм достигает апогея» (цит. по: [3]).

Таков Рах americana. Это принцип искусственности (вплоть до противоестественности), мимикрирующей под естественность. Это искусственность, объявившая войну реальности. Русский мир движим идеей органической естественности, хотя нередко ему приписывают стремление к искусственности, или противоестественности.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
2. Крашенинникова В. «Россия – Америка: холодная война культур». Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.khpg.org/files/docs/1392650305.pdf>
3. Мотрошилова Н.В. «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131-162.
4. Нарский И.С. Локк // Философская энциклопедия: в 5 т. / Глав. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 248-251.
5. Тарасов Б. «Отчет о виденном, слышанном и прочитанном» // Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2006. С. 5-47.
6. Трепакова А.В. Современное американское кино в социально-культурном аспекте. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. М.: МГУ, 2003. С. 16.
7. Хсю, Ф. Базовые американские ценности и национальный характер // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 204-228.

УДК 159.9

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ

Яновский Михаил Иванович,

*канд. психол. наук, доцент кафедры психологии,
Донецкий национальный университет (ДНУ, г.Донецк),
(m.i.yanovsky@mail.ru),*

Исаева Элина Саитовна,

*студентка 1 курса магистратуры,
Донецкий национальный университет (ДНУ, г.Донецк),
(elina.isaeva.1997@mail.ru)*

Цель исследования заключается в изучении особенностей психологической готовности к материнству у женщин разных возрастов. В соответствии с поставленными целями и задачами проанализировано состояние в науке темы исследования; дан анализ понятия и феномена материнства, подобран методический инструментарий для определения психологической готовности женщин к материнству, проведено сравнительное исследование степени готовности к материнству женщин различных возрастных групп.

Ключевые слова: психологическая готовность к материнству, женщины различных возрастов, эмоционально-радостная потребность в детях.

AGE FEATURES OF PSYCHOLOGICAL PREPAREDNESS FOR MATERNITY

Yanovsky Mikhail Ivanovich,
candidate of Psychological Sciences,
associate professor of the Department of Psychology,
(m.i.yanovsky@mail.ru),
Isaeva Elina Saitovna,
1st year undergraduate student,
Donetsk National University (DPR, Donetsk),
(elina.isaeva.1997@mail.ru)

The purpose of the study is to study the features of psychological readiness for motherhood in women of different ages. In accordance with the aims and tasks set, the state of scientific development of the topic of research work and its methodological support are analyzed; the definition of «motherhood» is given and its functions are considered; The concept of "psychological readiness for motherhood" is disclosed and its components are defined; a methodological toolkit was chosen to determine the psychological readiness of women to motherhood; a comparative analysis of the degree of readiness for maternity of women of different age groups was conducted.

Key words: psychological readiness for motherhood, women of different ages, emotionally joyful need for children.

В современном обществе происходят различные сложные социально-экономические и социально-политические преобразования, которые приводят к изменению демографической ситуации, культурных и духовных ценностей, представлений о семье, о роли отцовства и материнства.

Как свидетельствуют данные научно-публицистической литературы, большинство молодых людей крайне мало заинтересованы в выполнении роли матери и отца. В самосознании современной женщины функции материнства не занимают центрального места, так как это было ранее. Многие девушки, родив ребенка, считают его обузой. Это обусловлено тем, что в последнее время возросла социальная нагрузка на женщин, им стало сложнее сочетать свою трудовую и общественную деятельность с материнством. Как утверждает Е.В. Матвеева, умение гармонично сочетать профессиональную и материнскую роль в определенной мере говорит о готовности женщины к семейной жизни и материнству.

Изучение вопросов материнства в психологии имеет достаточно длительную историю. Большинство работ посвящены исследованию возрастных аспектов готовности к браку и семье, системы семейных отношений в период ожидания ребенка, факторов подготовки женщин к материнству во время беременности, аспекты позднего материнства и материнства несовершеннолетних.

Важность изучения психологической готовности к материнству обусловлено рядом причин: острой демографической проблемой, связанной с падением рождаемости; большим количеством распадающихся семей и огромным увеличением числа детей-сирот при имеющихся родителях; ростом числа случаев жестокого обращения с детьми и недостаточной разработанностью психологической и социальной помощи семье и в первую очередь женщине.

Теоретический анализ литературы показал, что проблемой психологической готовности женщин к материнству занимались такие ученые как: А.И. Захаров, Г.Г. Филиппова, С.Ю. Мещерякова, Ю.Е. Скоромная. Согласно их исследованиям, психологическая готовность к материнству рассматривается, как способность матери

обеспечить адекватные условия для развития ребенка, проявляется в определенном типе материнского отношения и как специфическое личностное образование, основу которого составляет субъективная ориентация на отношение к ребенку.

Одной из наиболее широко обсуждаемых среди отечественных и зарубежных демографов и социологов демографических тенденций нового тысячелетия стала тема повышения возраста матери при рождении ребенка, и, особенно, при рождении первого ребенка. Безусловно, самое прекрасное, что может ощутить женщина – это радость материнства. И осознание этого к каждой женщине приходит в разном возрасте.

Интерес к изучению проблемы психологической готовности к материнству так же обусловлено сложившейся в современном обществе необходимостью укрепления института традиционного родительства. Социальные и экономические преобразования в социуме привели к снижению статуса матери, уменьшению потребности иметь детей, рождению детей в более позднем возрасте, росту сознательно бездетных семей. Таким образом все вышесказанное и обусловило актуальность выбор темы исследования «Особенности психологической готовности к материнству у женщин разных возрастов».

Объектом исследования являлись женщины трех возрастных групп:

- 1) женщины в возрасте от 18 до 20 лет;
- 2) женщины в возрасте от 21 года 23 лет;
- 3) женщины в возрасте от 24 до 26 лет.

Предметом исследования являлись характеристики социально-личностной, когнитивно-операционной, потребностно-мотивационной готовности к материнству, составляющие психологическую готовность к материнству.

Гипотезы исследования:

женщины разных периодов репродуктивного возраста (от 18 до 35 лет) имеют различные представления о материнстве;

1. женщины в возрасте 16–18 лет наименее готовы к выполнению материнских функций, так как в этом возрасте еще не полностью сформирована физическая, интеллектуальная и социальная зрелость, которая необходима для рождения и воспитания ребёнка;
2. с психологической точки зрения более готовы к материнству являются женщины в возрасте 24-26 лет. Это обусловлено тем, что будущая мать уже утвердилась в профессиональном и материальном плане и готова к созданию семьи и рождению ребёнка.

Для определения особенностей психологической готовности к материнству у женщин разных возрастов в течение 2017-2018 гг. на базе Донецкого национального университета была осуществлено эмпирическое исследование. Выборку составили 60 лиц женского пола в возрасте от 18 до 26 лет, разделенные по 20 человек на три группы: женщины в возрасте от 18 до 20 лет; женщины в возрасте от 21 года 23 лет; женщины в возрасте от 24 до 26 лет.

Для выявления психологической готовности к материнству на первом этапе исследования было проведено анкетирование, которое выявило степень ценности ребёнка для женщины, тип материнского отношения к ребёнку, уровень знаний женщин о воспитании, развитии детей. Так, среди респондентов 18-20 лет, 8 женщин (40%) затруднились ответить на вопрос, что входит в обязанность матери. 25% (5 чел) опрошенных считают, что главной обязанностью матери, является уход за ребенком и обеспечение всеми материальными благами. 4 респондента (20%) считают, что главное это проявление любви, заботы и тепла к ребенку. И только 15% женщин осознают, что мать должна не только воспитывать и обеспечивать ребенка, но и проявлять к нему любовь и ласку. Таким образом, можно утверждать, что женщины в возрасте 18-20 лет не осознают функций материнства в полном объеме.

Женщины в возрасте 21-23 лет показали более высокий уровень знаний о функциях материнства: 40% осознают, что мать должна воспитывать и заботиться о малыше,

остальные 60 % имеют более размытые представления об обязанностях матери. Следует отметить, что только 20% респондентов этой возрастной группы указали, что в обязанности матери входит любовь к ребенку.

Среди респондентов 24-26 лет наблюдается более четкая картина о знании женщин про функции матери. Так 60% (12 чел.) женщин в своих анкетах указали, что мать должна воспитывать ребенка, ухаживать за ним, обеспечивать, развивать и дать хорошее образование.

На втором этапе исследования был использован рисуночный тест «Мой малыш», при этом учитывались формальные и содержательные признаки: содержание образа ребенка (реальность/фантазийность/неприятие/ценность), его возраст, совместная деятельность, психологическая дистанция. Результаты рисуночных тестов позволили получить информацию о восприятии материнства, себя в роли матери, ценности ребенка и распределить респондентов на три подгруппы: благоприятная ситуация, симптомы тревоги и конфликт.

Так, 1 женщина (10%) в возрасте 18 лет, отказалась от выполнения данного задания, ссылаясь на то, что она не представляет своего будущего ребенка. 30% женщин (18-20 лет) изобразили не малышкой, а девочек 10-14 лет – это говорит о том, что им скорее нужна подруга, нежели малыш. Оставшиеся 60% изобразили малышкой в возрасте 3-5 лет. Таким образом женщины в возрасте 18-20 лет избегают периода новорожденности и тех проблем, что с ним связаны.

Все респонденты в возрасте 21-23 лет справились с этим заданием. Большинство женщин (65%) изобразили именно новорожденного, 30% - детей в возрасте 3-5 лет и только у 1 респондента возраст ребенка не удалось установить. При анализе рисунков было установлено, что у 25 % респондентов отмечается не в полной мере сформированное эмоционально-положительное отношение к детям, так как большинство из них изобразили ребенка не в полный рост, а только верхнюю часть.

Третья группа женщин (24-26 лет) в полном объеме справились с данным рисуночным тестом. При этом 18 респондентов (90%) изобразили малыша в младенческом возрасте. Анализ работ свидетельствует, что у 75 % отмечается высокий уровень эмоционально-положительного отношения к ребёнку. Эти 15 респондентов изобразили своего будущего малыша с улыбкой на лице. Также более детально, в отличие от предыдущих 2-х групп, были прорисованы детали тела: складочки на ручках и ножках, мимика ребенка, ямочки на щеках и т.д. 5 рисунков (25%) были выполнены цветными карандашами.

На третьем этапе исследования была использована проективная методика «Родительское сочинение», которая позволяет продиагностировать особенности родительской позиции, выявить особенности восприятия и переживания матерью характера отношений и взаимодействия с ребёнком. Так, респонденты в возрасте 18-20 лет отнеслись формально к этому заданию, так как их сочинение было не более одной страницы. В результате анализа было установлено, что 9 женщин (45%) в своем сочинении в основном описывают трудности, с которыми они столкнулись с рождением малыша. Эти проблемы как правило связаны с материальными трудностями («...уходит много денег на ребенка...») и ограничением их свободы («...нет возможности встретиться с друзьями, посидеть в социальных сетях и т.д....»). 20 % респондентов в своем сочинении писали только о ребенке и ни слова о себе. Это говорит, что женщина не осознает роли матери.

Анализ сочинений респондентов второй группы (21-23 года) показал, что их объем в среднем 1,5 стр. У 12 женщин (60%) отмечается радостное отношение к рождению малыша, они понимают свою будущую роль. При этом большинство женщин отмечают, что быть матерью – это очень ответственно. Ни один из респондентов не написал о радости материнства в заботах о ребенке.

Женщины в возрасте 24-26 лет наиболее ответственно подошли к этому заданию, объем сочинений более 2 стр. Практически во всех сочинениях (85%) сочинениях видно, что женщина относится с любовью, радостью и гордостью к своему малышу, они осознают функции матери. Таким образом, на основе проведенных исследований было установлено, что респонденты 24-26 лет имеют самые высокие показатели психологической готовности к материнству.

Список литературы

1. Проскурняк О. Факторы и этапы становления материнства / О. Проскурняк // Практическая психология и социальная работа. – 2007. – №3. – С. 13–16
2. Мещерякова С. Психологическая готовность к материнству / С. Мещерякова // Вопросы психологии. – 2000. – №5. – С. 18–27.

УДК 559.99

КРИТЕРИИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

*Ярмыш Ирина Александровна ,
к.психол.н., доцент кафедры психологи,
Донецкий национальный университет (г. Донецк), (yarmyshia@mail.ru)*

В статье проанализированы имеющиеся проблемы в изучении социальной зрелости в юношеском возрасте. Сделана попытка выявить компоненты социальной зрелости, которые могут являться базовыми, фундаментальными; вокруг них определенным образом и группируется множество других.

Ключевые слова: зрелость, социальная зрелость личности, толерантность, потребность в саморазвитии, ответственность.

CRITERIA OF MANIFESTATION OF SOCIAL MATURITY IN YOUTH

*Yarmysh Irina Aleksandrovna,
candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology
Donetsk National University (Donetsk)
(yarmyshia@mail.ru)*

The article analyzes the existing problems in the study of social maturity in adolescence. An attempt was made to identify the components of social maturity, which may be basic, fundamental; around them in a certain way and grouped many others.

Key words: maturity, social maturity of personality, tolerance, the need for self-development, responsibility.

Социальная зрелость, – несомненно, необходимый этап развития личности в юношеском возрасте. Она наступает не в результате какого-либо одномоментного акта, а представляет собой процесс социального становления личности.

Важность исследования социальной зрелости обуславливает необходимость содержательного определения понятия, выделения критериев, условий и факторов формирования. Проведенный теоретический анализ показал, что категории «взрослость» и «зрелость» до сих пор вызывают дискуссию в психологической научной среде и до конца не изучены. Однако большинство ученых сходятся во мнении, что зрелой можно назвать личность, которая находит баланс между собственными интересами и интересами своего окружения, имеет сформированную систему ценностей, устойчивую структуру личностных качеств, а также способна объективно воспринимать себя, людей и мир в целом [11]. При этом зрелость личности понимается как некая степень развитости, когда

человек в состоянии действовать ответственно как в личной, так и общественной жизни.

Разработкой феномена «зрелости» активно занимаются как зарубежные, так и отечественные ученые. Проблема зрелости рассматривается в гуманистической психологии (К.Роджерс, Ф.Перлз), психологии развития (Б.Г. Ананьев, Г. Крайг, Э. Эриксон), акмеологии (А.А. Бодалев, А.А. Реан), психологии личности (К. А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Б.С.Братусь, Д.А. Леонтьев) [2, 11].

Выделяя разные виды зрелости – нравственную, гражданскую, организационную и семейную, Б.Г. Ананьев считает, что за каждым из видов зрелости стоят определенные социальные отношения [1]. По П.Я. Гальперину, базовой характеристикой зрелости выступает ответственность личности за свои поступки [4]. В исследованиях И.А.Шляпниковой зрелость определяется как качество личности, которое отражает готовность и способность к наиболее эффективному решению жизненных задач, а критериями зрелости является степень сформированности у личности направленности, рефлексивного (достигнутая эго-идентичность) и функционального (способность к самоорганизации) компонентов [14]. К.А. Абульханова-Славская считает, что показателем зрелости выступает личностная перспектива, которая определяется как способность человека предвидеть, прогнозировать будущее, готовность к будущему в настоящем, установка на будущее [11]. Согласно В.М. Русалову, зрелая личность – это такой просоциальный тип самоактуализированной личности, творящий себя и способствующий творчеству других людей в свободном обществе [9]. Таким образом, во многих исследованиях зрелость личности рассматривается через социально-психологический контекст. В этом контексте понятие «зрелость» чаще всего трактуется как достижение в развитии личности и индивидуальности, которое характеризуется способностью человека быть самостоятельным, независимым, самодостаточным и психологически готовым к преодолению жизненных трудностей. Социальная зрелость является необходимым этапом развития человека, характеризующимся реализацией самостоятельного социального положения в обществе. В концепции Г.С. Сухобской социальная зрелость исследуется как автономное явление [10].

И. С. Кон рассматривает социальную зрелость как «устойчивое состояние личности, характеризующееся целостностью, предсказуемостью, социальной направленностью поведения во всех сферах жизнедеятельности. Это личность, которая активно владеет своим окружением, обладает устойчивым единством личностных черт и ценностных ориентаций и способна правильно воспринимать людей и себя» [5, с.177].

В то же время И.С.Кон указывает на необходимость рассмотрения социальной зрелости как многомерного процесса, отмечает наличие противоречий в вопросе определения параметров оценки социальной зрелости и подчеркивает, что она определяется рядом критериев, которые четко не структурированы [5].

При этом Г. Олпорт в своих работах максимально полно описывает структуру психологической зрелости личности и выделяет такие критерии зрелости личности, как: расширенное чувство «Я», теплота по отношению к другим, эмоциональная безопасность и принятие себя, реалистическое восприятие, понимание себя и юмор по отношению к себе, единая философия жизни [7].

Ф.Р.Филиппов считает зрелость крайне важным этапом становления личности. Главной же отличительной чертой социальной зрелости, по его мнению, – это достижение самостоятельности как социального положения.

И.С.Кон среди критериев социальной зрелости выделяет приобретение профессии и трудоустройство, финансовую независимость от родственников, достижение совершеннолетнего возраста, окончание срочной службы для юношей, а также вступление в брак и деторождение. Окончание детства и начало взрослости определяется обретением ряда новых социальных ролей и обязательств, связанных с расширением жизненного пространства [5].

Представитель акмеологической концепции А.А. Реан [8] предлагает четыре компонента социальной зрелости личности, которые на наш взгляд являются базовыми, фундаментальными; вокруг них определенным образом и группируется множество других. Такими компонентами являются: ответственность, терпимость (толерантность), саморазвитие и позитивное отношение к миру. Его идею поддерживает А.Л. Журавлев, который в качестве основополагающего критерия зрелости выделяет толерантность, высокую значимость межличностных отношений [11]. Психологической основой толерантности и ключевым измерением, как указывает Б.С. Братусь, являются личностные образования: ценности, значения, личностные установки (личностный подход). Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Среди различных видов и форм толерантности основанием общей толерантности человека является межличностная толерантность: толерантность как особый способ взаимоотношения и межличностного взаимодействия [2].

Для формирования социально-психологической зрелости идея саморазвития и самореализации является чрезвычайно значимой и нашла отражение во многих современных исследованиях личности человека (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко). Потребность в саморазвитии, самоактуализации – это основополагающая составляющая социально зрелой личности [6, 11]. Анализируя многообразие подходов к выделению критериев социально-психологической зрелости, на наш взгляд, системообразующими являются толерантность, потребность в саморазвитии, ответственность.

Для изучения вышеуказанных компонентов социальной психологической зрелости было проведено пилотажное исследование. Применялись следующие методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев и Л.А. Шайгерова [12,13]), направленный на определение общего уровня толерантности (ИТ), а также ее аспектов: этнической толерантности; социальной толерантности; толерантности как черты; методика «Смысло-жизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева. Придерживаясь точки зрения о смысловой природе социальной зрелости личности и исходя из концепции Д.А. Леонтьева о том, что смысл есть регуляторный принцип человеческого поведения, который задает направленность жизни и личности человека, целью методики СЖО стало выявление «источника» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем, либо в настоящем, либо в прошлом, или же во всех трех составляющих жизни.

В качестве испытуемых выступили 15 юношей и 35 девушек, объем выборки составил 60 человек. Возраст респондентов: от 17 до 19 лет (средний возраст 18 лет). Выборка была разделена на подгруппы по критерию уровня сформированности социально-психологической зрелости на основании модифицированной методики, направленной на выявление уровня социальной зрелости выпускников, Т.Н. Кожевниковой, Н.А. Стумбрис, Т. А. Сундуковой.

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что в целом, в группе молодых людей представлены черты социально-психологической зрелости, однако они имеют разный уровень развития. Это позволило выделить подгруппы: ОГ1-оптимальный уровень развития социальной зрелости, ОГ2- критический уровень развития социальной зрелости. Анализируя в подгруппах толерантность, мы исходили из того, что толерантность (интолерантность) человека отражает общее отношение к окружающему миру и другим людям, социальные установки в различных сферах взаимодействия и пронизывает собой ключевые компетентности личности: способность к автономной деятельности, способность защищать и заботиться о правах и потребностях других и жизнедеятельности в целом. Выявлено, что у испытуемых ОГ1 наблюдается высокий уровень толерантности (ИТ высокий или средний с тенденцией к высокому, баллы в

диапазоне 70-113 баллов). У испытуемых ОГ2 наблюдается низкий уровень толерантности (ИТ низкий или средний с тенденцией к низкому, баллы в диапазоне 22-69 баллов). Качественный анализ толерантности был основан на разделении толерантности на субшкалы: этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности. По результатам данных по всем субшкалам у испытуемых ОГ1 наблюдается высокий уровень толерантности (ИТ высокий или средний с тенденцией к высокому, баллы в диапазоне 30-40 соответственно); у испытуемых ОГ2 наблюдается низкий уровень толерантности (ИТ низкий или средний с тенденцией к низкому, баллы в диапазоне 10-29 баллов).

Базовым компонентом социальной зрелости, наряду с толерантностью, является ответственность. Под ответственностью понимается личностная основа ответственного поведения, которая является смысловым образованием личности, своеобразным общим принципом соотношения в рамках целостной мотивационно-смысловой сферы мотивов, целей и средств жизнедеятельности. С помощью методики СЖО изучались такие компоненты ответственности, как: цели в жизни, процесс жизни, результативность, локус контроль-Я, локус контроль-Жизнь. Установлено, что у юношей и у девушек с оптимальным уровнем социальной зрелости (ОГ1) уже присутствуют цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность, временную перспективу. Процесс своей жизни они воспринимают как эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Представляют себя как сильную личность, обладающую достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии с целями. Считают, что они сами могут принимать решения и воплощать их в жизнь. Возможно, это связано с тем, какие ценности и жизненные установки ставят перед собой лица юношеского возраста.

У юношей и девушек с низким уровнем (критическим) социальной зрелости (ОГ2) зрелость в социальном и психологическом плане сформирована слабо. Они живут сегодняшним днем, будущее представляют, как что-то далекое. Слабо верят в свои силы при решении спорных ситуаций, не исключают «волю случая», хотя видят свои достоинства и недостатки. В подгруппах выявлена достоверность различий на 1% уровне значимости по Индексу толерантности (t-критерий Стьюдента $t=3,21$, $p\leq 0,01$) и по шкалам «Процесс жизни», «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-Жизнь» (t-критерий Стьюдента по шкале «Процесс жизни», «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-Жизнь» $t=3,27$, $p\leq 0,01$, $t=2,2$, $p\leq 0,05$, $t=2,17$, $p\leq 0,05$ соответственно).

Таким образом, анализ результатов эмпирического исследования показал, что толерантность и ответственность – это те базовые компоненты социально-психологической зрелости, с помощью которых можно дифференцировать социально незрелую личность от социально зрелой личности в юношеском возрасте. Проанализированные теоретические подходы к пониманию социальной зрелости личности и ее компонентов – ответственности, толерантности, саморазвития, а также результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, могут служить основой для разработки различных программ, как педагогических и психологических, так и исследовательских и диагностических в процессе сопровождения лиц юношеского возраста.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Братченко С. Л., Браслав Г.М., Василюк Ф. Е. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии /Д.А. Леонтьев (ред.), В.Г. Крыса (ред.). – М.: Смысл, 1997. – 336 с.
3. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека. Акмеология – новая наука. //http://hp-sy/ru/ public/x798/html

4. Гальперин П.Я. Введение в психологию: Уч. пособие для вузов / Ред., предисл. и коммент. А.И. Подольского. – М., 2002.
5. Кон И.С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 560 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2014.
7. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. / Пер. с англ. Л.В. Трубициной и Д.А. Леонтьева. – М., 2002.
8. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. – СПб., 2004.
9. Русалов В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. – 2006. – №5. – С. 83-91.
10. Сухобская Г.С. Понятие "зрелость социально-психологического развития человека" в контексте андрагогики // Новые знания. – 2002. – № 4. – С. 17-20.
11. Феномен и категория зрелости в психологии // под редакцией А. Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко: Москва. – Институт психологии РАН, 2007.
12. Солдатова Е.Л. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ, 2010 – №27. – С. 66-74.
13. Хухлаева О.В. Психология развития: молодость, зрелость, старость: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 208 с.
14. Шляпникова И.А. Взаимосвязь эго-идентичности и личностной зрелости: автореф дис... канд. психол. наук. Юж.-Ур. гос. Университет, Челябинск, 2010.

УДК 559.99

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОДРОСТКАМИ ЧУВСТВА ОДИНОЧЕСТВА

Ярмыш Ирина Александровна,
к.психол.н., доцент кафедры психологи,
Донецкий национальный университет (г. Донецк),
Корниенко Маргарита Сергеевна, магистр психологии,
Донецкий национальный университет (г. Донецк),
yarmyshia@mail.ru

В статье проанализирован феномен одиночества, сделан акцент на одиночестве как психическом состоянии, описаны его четыре основных вида, которые обусловлены различным соотношением в личности механизмов идентификации и обособления. Показано, что исследование феномена одиночества в подростковом возрасте остается актуальным и сегодня.

Ключевые слова: одиночество, состояние одиночества, уединенность, отчуждающее, диффузное, диссоциированное состояние одиночества, подростковый возраст.

PECULIARITIES OF SURVIVAL BY ADOLESCENTS OF LONELINESS SENSE

Yarmysh Irina Aleksandrovna,
candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Psychology,
Donetsk National University (Donetsk),
Kornienko Margarita Sergeyevna, master of Psychology,
Donetsk National University (Donetsk), yarmyshia@mail.ru

The article analyzes the phenomenon of loneliness, focuses on loneliness as a mental state, describes its four main types, which are due to different ratios of identification and separation mechanisms in the individual. It is shown that the study of the phenomenon of loneliness in adolescence remains relevant today.

Key words: loneliness, state of loneliness, solitude, alienating, diffuse, dissociated state of loneliness, adolescence.

Проблема одиночества не нова в психологии. Феномен одиночества в течение многих лет разрабатывается как отечественными, так и зарубежными психологами. Он отличается сложностью и неоднозначностью в плане научного определения. Разные психологические школы по-своему трактуют этот феномен.

Почти в каждом направлении психологии можно найти связанные с одиночеством концепции, теории и прикладные исследования. Психологические представления об одиночестве рассматривались в рамках психоаналитического подхода (З.Фрейд, К.Хорни, Х.Саливан, Ф.Фромм-Рейхман), клиент-центрированного подхода (К.Роджерс), социально-психологического (З.Бауман, Д.Рисмен, П.Слейтер), интеракционистского подхода (Р.Вейс), когнитивного (Л.Э. Пепло), гуманистического подхода (А.Маслоу), а также в рамках экзистенциальной (И. Ялом) и отечественной (И.С. Кон, С.Г. Корчагина, Е.Е.Рогова, С.В.Мальшева, Е.В. Неумоева, И.М.Слободчиков) психологии. В совокупности все эти подходы дают важные инструменты теоретического познания, каждый из которых может быть использован в своем контексте [1,2, 3, 5,6, 8, 10].

В психологическом словаре дается следующее определение этому понятию: «Одиночество – это один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных, непривычных условиях изоляции от других людей. Условия одиночества, обусловленные экспериментальной, географической, социальной, тюремной изоляцией, прерывают все непосредственные («живые») связи с другими людьми, что вызывает появление острых эмоциональных реакций, психологический шок, характеризующийся тревожностью, депрессией и сопровождающийся выраженными вегетативными реакциями. По мере увеличения времени пребывания человека в условиях одиночества актуализируется потребность в общении» [9].

Р. Вейс определяет одиночество как эпизодическое острое ощущение беспокойства и напряжения, связанное со стремлением иметь дружеские или интимные отношения. Он полагает его продуктом комбинированного интерактивного действия фактора личности и фактора ситуации, поэтому различает эмоциональное и социальное одиночество[3].

Б. Минускович говорит, что одиночество – это и чувство, и понятие. Это такой психологический мотив, интернальность и имманентность которого независимы от конкретных физиологических и средовых факторов [5].

Т. Вульф считает, что это универсальное состояние всего человечества, что одиночество отнюдь не редкость, не какой-то необычный случай, напротив, оно всегда было и остается главным и неизбежным испытанием в жизни каждого человека [3].

Д. Янг представляет одиночество как отсутствие или воображаемое отсутствие удовлетворительных социальных отношений, сопровождаемое симптомами психического расстройства, которое связано с действительным или воображаемым отсутствием таковых [3].

Тем не менее, в системе научной психологии находятся категории, применимые для объяснения когнитивных, аффективных и поведенческих проявлений человека, пребывающего в состоянии одиночества. Рассматривая одиночество как психический феномен, можно говорить о нем в разных категориях, таких, как чувство, процесс, отношение, потребность [2].

Одиночество как чувство обуславливается переживанием человеком своей непохожести на других, вследствие чего возникает определенный психологический барьер в общении, ощущение непонимания и неприятия себя другими людьми.

Одиночество как процесс – это постепенное утрачивание способности личности воспринимать и реализовывать имеющиеся в обществе нормы, принципы, ценности в

конкретных жизненных ситуациях. В результате процесса одиночества происходит утрата личностью статуса субъекта социальной жизни.

Одиночество как отношение – это невозможность принятия мира как самоцели и самооценности. При этом индивид, анализируя свои отношения с другими людьми, не интегрирует себя в окружающее социальное пространство.

Одиночество как жизненная позиция – это осознанное нежелание поддерживать близкие отношения с кем бы то ни было. Человек отчужден не только от других, себе подобных, но и от мира в целом – его ценностей, идеалов, норм.

Состояние одиночества – это переживание человеком потери внутренней целостности, а также внешней гармонии с миром. Состояние одиночества имеет ряд модальностей – от нормального своего проявления до патологии.

В данном исследовании одиночество определяется как психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми. Как психическое состояние одиночество имеет четыре основных вида: уединенность, отчуждающее, диффузное, диссоциированное, которые обусловлены различным соотношением в личности механизмов идентификации и обособления.

Субъективно позитивный вид одиночества – управляемое одиночество, или уединенность, представляет собой вариант переживания психологической отдельности, собственной индивидуальности, который личностно обусловлен оптимальным соотношением результатов процессов идентификации и обособления. Это динамическое равновесие можно рассматривать как одно из проявлений психологической устойчивости личности относительно воздействий социума [2].

Отчуждающее одиночество, диссоциированное одиночество, диффузное одиночество относятся к субъективно негативному виду одиночества. Возникновение диффузного одиночества обусловлено преимущественным действием механизмов идентификации в психологической структуре личности, потерей собственного «Я», то есть отчуждением от самого себя. Возникновение отчуждающего одиночества обусловлено доминированием в личности механизмов обособления, результатом действия которых является отчуждение от других людей, норм и ценностей, принятых обществом, от себя самого и, наконец, от жизни в целом. Диссоциированное одиночество сопряжено с максимальной степенью выраженности в личности процессов идентификации и обособления и резкой их сменой друг относительно друга. Результатом этого выступает искажение образа своего «Я» и нервно-психическое истощение человека [2].

Таким образом, все виды переживания субъективно негативного одиночества влияют на становление Образа-Я личности, особенно подростка. Стоит отметить, что в данный период идет процесс формирования подростка, открытие внутреннего мира, усиление потребности в самопознании, что в значительной мере определяет особенности личности и поведения подростка. С развитием самосознания в подростковом возрасте возникает склонность к уединению. Именно так подросток может проанализировать происходящие с ним изменения и поведение. Поэтому такие особенности Образа-Я, как чрезмерный самоанализ, заниженная самооценка, расхождение образов «реального Я» и «идеального Я» способствуют не только проблемному становлению личности подростка, но и усиливают появление переживания чувства одиночества [4].

Таким образом, в подростковом возрасте одиночество – сложное психологическое образование, проявляющееся на когнитивном уровне в осознании и понимании подростком данного феномена как следствия происходящих возрастных изменений; на эмоциональном уровне, как переживание психологических отличий себя от других, появление тревожности, опустошенности, депрессии, фрустрации, отчужденности; на поведенческом уровне, как стремление подростка к уединению, изоляции. Поэтому

актуальность исследования феномена одиночества в подростковом возрасте, его практическая значимость не вызывает сомнения.

Испытуемыми данного эмпирического исследования выступили старшие подростки, учащиеся десятых и одиннадцатых классов МОУ школы №104 г.Донецка с нормативным поведением. Объем выборки составил 60 человек. Выборка гомогенна по возрасту (в среднем 15 лет) и гетерогенна по полу (23 мальчика и 37 девочек). Испытуемым был предложен следующий пакет психодиагностических методик: 1. «Модифицированная шкала одиночества UCLA», разработанная под руководством Д. Расселла. Цель: исследование уровня субъективного ощущения человеком своего одиночества. 2. «Опросник для определения вида одиночества» С.Г.Корчагиной. Цель: определение глубины переживания одиночества и его видов: диффузное, отчуждающее, диссоциированное одиночество.

Анализ результатов показал, что можно выявить следующие подгруппы испытуемых по глубине переживания чувства одиночества: переживающие неглубокий (17 испытуемых) уровень одиночества, которые составили ОГ2, и подростки, переживающие относительно глубокий (20 испытуемых), и очень глубокий уровни одиночества (22 испытуемых), которые составили ОГ1. Полученные данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство подростков так или иначе сталкивается с переживанием чувства одиночества как возрастной проблемой, и могут испытывать его и как устойчивое чувство, и ситуативное. Выраженное субъективное ощущение одиночества может быть связано с самыми разнообразными ситуативными и личностными факторами, такими, как расхождение механизмов идентификации и отчуждения под воздействием разнонаправленных потребностей подростка, а именно: потребности в самоутверждении, в стремлении стать частью референтной группы; повышенная конформность к ценностям и нормам группы. Вместе с тем проявляется стремление противопоставить себя взрослым, отстоять свою независимость, наряду с высокой значимостью поддержки, доверия с их стороны.

Преобладающим видом одиночества в ОГ1 является диффузное одиночество (72,22% – 13 испытуемых). Следующим по выраженности видом одиночества (22,22% – 4 испытуемых) стало диссоциированное одиночество. Последний вид одиночества – отчуждающее (5,55% – 1 испытуемый). У лиц с низким уровнем переживания одиночества в ОГ2 виды одиночества не были выявлены, так как они не достигают оценочного критерия.

Таким образом, анализ одиночества как субъективного переживания можно считать важным этапом изучения этого сложного социально-психологического феномена. В данном исследовании одиночество определяется как психическое состояние личности, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми. Показано, что состояние одиночества как переживание потери внутренней целостности, а также внешней гармонии с миром уже проявляется в подростковом возрасте. Это связано, прежде всего, с развитием рефлексии в этом возрасте и переходом на новый уровень самосознания, с усилением потребностей в самопознании, принятии и признании, общении и обособлении, с кризисом самооценки.

Установлено, что подростки сталкиваются с переживанием чувства одиночества как возрастной проблемой, но могут испытывать его по-разному. Выявлено, что психическое состояние одиночества, как устойчивое переживание (у подростков с глубоким уровнем переживания), имеет диффузный вид. Отмечается потеря собственного «Я», то есть отчуждение от самого себя, обезличенность общения, преобладание тенденции идентификации себя с другими людьми, отказ от собственных истинных особенностей, стремлений интересов, желание вживаться в объект собственной

идентификации. Поэтому перспективным в дальнейшем будет углубленное исследование особенности Образа-Я у подростков, переживающих чувство одиночества.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2005. – 390с.
2. Корчагина С.Г. Психология одиночества. – М.: МПСИ, 2008. – 228 с.
3. Лабиринты одиночества: сб. статей, / Пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М., 2009. – 424с.
4. Марцинковская Т.Д. «Образ Я» в современном мире // Мир психологии, 2004. – №4. – С.142-149.
5. Миускович Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества. – М., 2009. – С. 27-68.
6. Мустакас К. Большие проблемы маленьких детей. – М., 2003. – 384с.
7. Малышева С.В. Особенности чувства одиночества у подростков // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2001. – №3. – С. 63-68.
8. Пепло Л.Э., Мицели М., Мораш Б. Одиночество и самооценка // Лабиринты одиночества. – М., 2009. – С. 62-167.
9. Словарь по книге "Психология человека от рождения до смерти"/ Под общей редакцией А.А. Реана, 2002.
10. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М., 2000. – 576 с.

Научное издание

Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции (г. Донецк, 15.11.2018).

Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангилиной

Технический редактор и компьютерная верстка – Н. В. Тупчий